

ПРИВИВКА ОТ НЕВЕЖЕСТВА

СЕРГЕЙ СОБОЛЕНКО-БАСКАКОВ

ПРИВИВКА ОТ НЕВЕЖЕСТВА

книга вторая

Сергей Соболенко-Баскаков. Прививка от невежества.

Дорогой мой читатель!

Книга “Прививка от невежества” является продолжением “Рецепта от безумия” и в ней так же, как и в предыдущей, нет вымысла. Если эти две работы вызовут недоверие – ну что ж..

Все знания о медицине, мировоззрение, философия получены мною от двух Великих Мастеров – Корейского и Северо-Тибетского. Две школы на протяжении многих тысячелетий искренне отдавали Знание берущим. Я положил жизнь для того, чтобы взять и снова отдать их в виде двух книг. Двадцать лет своей сознательной жизни я пытаюсь достучаться до глухих человеческих сердец и счастливы, что Учителя позволяют мне делать это.

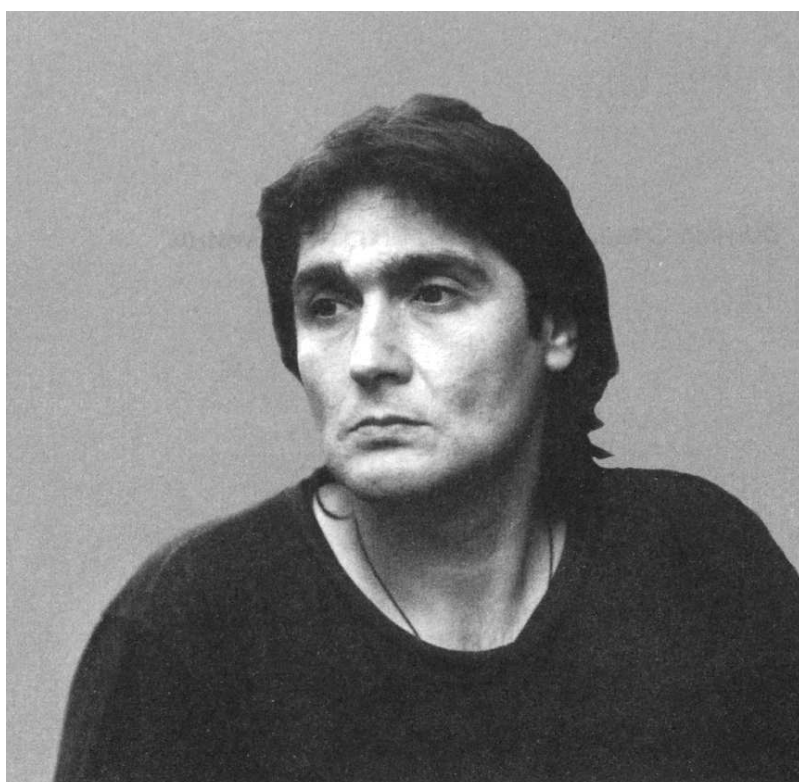
Сергей Соболенко-Баскаков

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	9
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	57
Глава 5	72
Глава 6	84
Глава 7	98
Глава 8	112
Глава 9	126
Глава 10	140
Глава 11	152
Глава 12	164
Глава 13	179
Глава 14	193
Глава 15	206
Глава 16	223
Глава 17	237
Глава 18	252
Глава 19	268
Глава 20	279
Глава 21	293

Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Благодарим делающего Юрия Дикарева

ОТ АВТОРА

“Прививка от невежества” – это продолжение “Рецепта от Безумия”. Очень хочется, чтобы эти две книги были прочитаны по порядку, хоть и являются полностью самостоятельными произведениями. Жизнь распорядилась так, что я встретил на своем пути хранителей древних знаний. Остались еще такие, несмотря на безумие и невежество окружающих. Но почти не осталось тех, которым можно доверить силу Воинов Света, чтобы она не стала разрушающей. Великие Учителя не теряют надежду. Эти две книги о Них.

С. Соболенко-Баскаков

ПРОЛОГ

*Учиться, учиться и учиться...
У кого, чему и зачем?*

Волна бежит, кажется, бесконечно, но потом, ударяясь о скалы, превращает их в камни и песок. Ураган не щадит ничего. Вода может стать кристаллами снега, о которые в отчаянии разрываешь кожу лица.

Сила – это и есть слабость, слабость – это и есть сила. Горячие, дымящиеся кишки волка на холодных кристаллах. Заяц убивает волка, падая на спину, разрывая ему брюхо задними лапами. Это слишком затянувшаяся погоня, такая же длинная, как бегущая волна, и бесконечная, как повторение наших жизней.

Ненависть переходит в любовь, любовь переходит в ненависть. Тело переходит в болезнь, болезнь уходит из тела. Обычное бесконечное движение жизни.

Великий хаос Космоса, а значит – гармония. Разве не из этого состоит наша жизнь? Или я обманул кого-нибудь?

Может быть, не женщина иногда берет топор дровосека, может быть, не женщина вынашивает под сердцем то, что обязана выносить, ибо для этого приходит в человеческую жизнь? Может быть, не мужчина становится слабым, как женщина?

Боль порождает удовольствие, а удовольствие порождает боль. Разве не так происходит в жизни? Разве рабство не порождает героев и рабов?

Только лишь смерть порождает смерть и более ничего.

Как разобраться в этом? Как разобраться в том, в чем мы живем, в том, что окружает нас?

Нас окружает Космос, но это не дальние звезды. Ведь мы живем в нем. Космос – это наши близкие, дети, жены, мужья, матери, собаки, молчаливо и преданно глядящие нам в глаза.

Космос – это изуродованные тела мающихся и страдающих в больницах. Забудьте о звездах. Космос – это равнодушные врачи, безжалостно ковыряющиеся в кричащем человеке. Это – ваш личный страх и ваша личная радость.

Давайте разберемся в этом. В звездах пусть разбираются мудрецы. В судьбах – прорицатели. Мы, ходящие по земле, выращивающие цветы и овощи, обижающие и непонимающие своих близких, давайте будем разбираться в окружающем, не мудрствуя лукаво. Ведь сказано Учителями: “Мудрый язык – язык глупцов”.

В прошлой книге я писал о месте силы, о лабиринте, проложенном сыновьями Дракона, и снова хочу к ним возвратиться. Не хватит книг, чтобы описать собственную боль. И я попробую описать боль, окружающую нас. Что мне сказали старые иероглифы и старые Учителя. Создатель, Господь, Творец, да называйте Его, как хотите, лишь бы это был Он, а не тот, кто предал Его вместе с нами.

Создатель мудр, он все отдал нам. Но тело – отдал демонам, а тело – это желания. Если мы не победим свое жаждущее тело, которое меняем так же часто, как и старую рубашку, произойдет то, о чем говорили старые иероглифы и Учителя. А они говорят, что в этот раз, в этот земной круговорот, тело, а значит – демоны, побеждают. Лабиринт Дракона сказал о вселенской боли, о наших телах, забывших о невесомом духе. Это так же страшно, как дети, использующие родителей для собственной выгоды.

Земля – огромный организм, взрастивший на себе свою боль. Водный океан – огромный и бесконечный – умирает. Воздушный океан – огромный и бесконечный – умирает. Изуродовав и измучив окружающее, мы, люди, решили все это спасать. Неужели ни разу никто не подумал, что мать Земля спасается всегда сама, уничтожая тех, кто пытается уничтожить ее.

Лабиринт Дракона рассказал мне, что Землю уничтожить невозможно. В этом круговороте жизни люди забыли, что окружающее делится на женское и мужское, забыли или не захотели вспоминать. Люди спешили жить – и все искусственное получилось женским.

Женское: тяжелое, расширяющееся и обволакивающее. Земля почти перестала дышать. Даже продукты, которые мы едим, обработаны тяжелым, кристаллическим, растущим Инь (чтобы не гнило раньше времени и не портилось).

Все в этом мире делится на женское и мужское – Ян и Инь. Все ушло в тяжесть. Все расширяется, обволакивает: дряблые сумасшедшие люди, растекающиеся мужчины, гниющие растущие раны, набухшие, увеличивающиеся сердца.

Что сжимается и уменьшается в этом мире, кроме чести, совести, всех чувств, любви, понимания, поклонения, уважения, страсти? Но ведь это и есть та незыблемая и совершенно незаметная душа. И вы, наивные люди, думаете, что озоновые дыры – дело ваших рук? Вы решили их латать? Смешно. Просто Космос устал от

вашего безумия, и Земля в своих прениях с Небом выпросила себе спасение. Солнце – великий Отец, перед ним расступилось небо, и Отец своей мужской силой решил сжечь лишнюю часть Инь. И сказал мне лабиринт Дракона, что на Землю упадет полынная звезда и все реки станут горькими.

Я постараюсь в этой книге снова рассказать, кому будет не страшен Ян и чье тело, чья клетка сможет пропустить, не обжигаясь, лучи великого отца Солнца. Сколько же будет стоять бутылка минеральной воды и кто сможет пить морскую воду, которой станет вся вода на земле? Мой сильный и жестокий Учитель сделал так, что я это понял. И мне очень больно, когда я пытаюсь достучаться до ваших, люди, глухих сердец. Прочтите эту, вторую книгу до конца, не убивайте хотя бы своих детей. Может быть, они, благодаря вам, останутся жить и поймут великие изменения. Ведь нам Господь отдал эту землю, которую мы уже почти разорвали в клочья.

ГЛАВА 1

Огромное, серое, мокрое поле. Медленно бегут величественные железные птицы, с трудом, но все же взлетают – в раду, обдавая окружающих тревожным прощальным звуком.

Аэродром... “Борисполь...” Дождь... Не верится, что впереди Чуйская долина, Великий Тянь-Шань и Тибет. Чуйская долина, ты одно из самых удивительных мест в мире. Ты сохранила Тибет для сходящего с ума мира, ты приняла в себя знания тысячелетий, в тебе спрятана, может быть, последняя сила земли. Не верится, что еще совсем немного – и я ступлю на твою священную землю.

Самолеты... Я их всегда не понимал и боялся, как боюсь любых в этом мире машин. И вот приходится лететь – впервые в жизни – над великими горами. Тяжелое испытание, лишь бы долететь. А разве я имею право не долететь? Разве не мне Великий Дракон дал поручение? Ничего себе порученьице!!! Вот и лечу к первому Патриарху северно-тибетской школы, лечу передать привет. Да, повезло – привет от Учителя Учителю. Ну что ж, попробую, передам как смогу, а хотелось бы передать правильно.

Действительно, иногда думаешь в отчаянии: “Ну, почему же ты, Сережа, не стоишь у токарного станка, не рубишь лес, не копаешь глубокие ямы? Да, не повезло! А как было бы легко и просто!” Такие мысли посещают в моменты отчаяния. Когда такое приходит, то подхожу к зеркалу, пожимаю плечами и улыбаюсь сам себе, на время успокаиваюсь, иногда бываю счастлив.

Дальний Восток. День отвратительный. Холодно. Казалось, вода из реки застыла в воздухе и пьешь ее вместе с дыханием. Влага проходила через одежду, пробиралась сквозь тело. Пограничники чувствовали ее даже костями. Вдруг все одновременно увидели и оцепенели. Солдатам и офицеру показалось, что видят чудо. В длинной крестьянской одежде к ним через реку, по колена в воде, шел седой старик. У старика на руках, обняв его жилистую шею, спала глубоким сном маленькая девочка.

– Возьми, – сказал старик офицеру и протянул ребенка. – Возьми, не бойся. Она будет еще долго спать.

– Не разговаривай, – снова сказал старик. – Если будешь говорить, мы не успеем помочь детям.

В серых длинных бараках, схватившись за животы и мыча сквозь зубы, маялись солдаты. Дизентерия косила безжалостно. Даже офицер от всего этого плакал по ночам. Наверное, потому что офицер, зараза пока еще щадила его.

Девочка тихо спала, а старик, сняв с пояса мешочек, похожий на кисет, уже что-то заваривал в огромных солдатских котлах. Кого поили насильно, а кто пил сам. В этой приграничной части дизентерию и все болезни забыли надолго. На столько, сколько там пробыл черный Дракон со своей дочерью. Хотя кто она, не знали. Может быть, просто чужая девочка.

Зараза – Мао Дзе Дун. Самая большая боль Востока. По крайней мере, та, которую мы помним. Было их было, пытались авторы выразить боль и мудрость Китая от Троецарствия и до наших дней, но эта – одна из самых больших. Сумасшедшие хунвейбины – просто дети, но Мао им разрешил. А сколько их, таких вождей, и какие будут еще? Озверевшие дети рушили святыни, прикладами деревянных ружей разбивали головы школьных учителей и Шаолиньских. В Тибете и Тянь-Шане, наверное, хватает тайных монастырей. Они смогли бы укрыть маленькую девочку и черного Дракона (одно из монашеских имен Фу Шина), но он ушел с беженцами. Люди бежали из своего дома, Дракон бежал с ними. Его не хватало за руки, его униженно просили, а он взял свою дочку, а может, чужую девочку, и унес в непонятную страну, которая была за невидимым “железным занавесом”. Брели огромные толпы китайцев по колено в воде, по пояс. Их гнали обратно, в них стреляли русские пограничники, но они шли и шли бесконечными толпами.

Черный Дракон поразил всех. Дракон всегда поражает, поражает в самое сердце. Черного Дракона прятали как могли, чтобы не увидел полковник, но генерал уже целый месяц советовался с ним. Девочка проспала пять дней, проснулась испуганная и успокоилась только тогда, когда увидела высокого худого старика с белыми длинными волосами.

Вот так случилась еще одна большая беда у великого древнего народа. Были “мудрецы”, которые уходили в скалы, выбирая себе пещеры. Уходя от людей, уходишь от себя. Черный Дракон решил прийти к себе. Для этого нужно было взять на руки девочку и идти навстречу судьбе. А девочка выросла и стала похожей на самую красивую наложницу императора.

... Находка. Город ветров, холода и бандитизма. 1950 год. Портовый бардак. Грязные притоны, которые были всегда. Ножи

и пьяная драка. Дерутся за девочку, но она уже не маленькая, она – красавица. Все тот же седой, черный Дракон. Он бредет по кривым темным улицам. Драка прекратилась. Черный Дракон устало оглядел окружающих и усмехнулся, он снова успел спасти свою девочку.

– Красота – дар демонов.

– Отец, – красавица китаянка шагнула ему навстречу.

– Красота – это дар демонов, – по-русски повторил черный Дракон. – Красота – меч, разрубающий жизнь пополам.

С этого портового кабака началась история Кунг-Фу. Мао Цзе Дун украл у своей страны все, что мог. А может, так и надо было, кто знает, кроме Создателя? Но с черного Дракона началась наша тайная сила. Мастер, Учитель Востока, отдал себя, как должен отдавать.

И я сейчас в этом паршивом, дребезжащем самолете лечу для того, чтобы передать привет от своего Учителя. Мой старый учитель родовой корейской Школы передал привет первому Патриарху северно-тибетской школы.

Я лечу на самолете, у которого дребезжат крылья. Внизу Урал, Уральские горы. Страшно, но не очень. Я знаю, что впереди Тянь-Шань. Старые и высокие горы. Больше не знаю ничего.

Давайте вернемся к черному Дракону и его маленькой девочке. Девочка проснулась, и, куда бы ни ходил черный Дракон, она всегда держалась за его руку. Пограничникам казалось, нет такой силы, которая могла бы их разорвать. Но тайны Тибета бесконечны. Уже знали все, что старый генерал приезжает к седому Дракону. Дракон и советский генерал – немыслимые чудеса, а говорят, что их не бывает.

Опять влага и опять бредущий по воде человек. За черным Драконом ходили все солдаты, он всегда им что-то рассказывал. Черный Дракон почти не спал и всегда водил за руку маленькую девочку. И вдруг снова – идущий по воде. Девочка забрала руку и отошла в сторону.

Из реки вышел Бай Лунг – Белый Дракон. Глаза Черного и Белого встретились.

Девочка сидела на песке. Хей Лунг сел напротив Бай Лунга, их глаза встретились. Девочка впервые сидела так далеко от своего спасителя. Безумие в очередной раз переполнило нашу землю. Встретились два Патриарха разных Школ. Встретились бы они когда-нибудь в этой жизни? Не знает никто. Но трагедия Среднего государства столкнула их глаза в глаза. Белый дракон и Черный долго сидели, и никто, кроме Создателя, не мог проникнуть в их мысли. Две разных силы, встретившись, поняли друг друга.

Вот и пришло то время, когда дунганин сел напротив уйгура для осознания обрушившейся на знание земли трагедии. Они поняли без слов, что накопившиеся знания готовы разлиться по многострадальной Земле. Пришло время. Даже враждующие племена, самые воинственные в Китае, поняли, что знание, зародившееся в какой-то точке на круглой планете, не может бесконечно стоять на месте.

Начиналась самая великая война – война за планету. Армагеддон, неудержимо переходящий в апокалипсис. Ведь война между светом и тьмой всегда приводит к чему-то. Пришло время – и Китай выплеснул в мир то, что копил тысячелетиями. Может быть, великая страна слишком берегла свои секреты – ведь секреты есть только у мертвых и у того, у кого нет ничего. Так говорят мудрецы. А может, раньше было еще не время, как знать...

Я верю, что так и должно быть. Мир рождает крайности, а значит – борьбу. Что было бы в этом мире без борьбы? Но борьба бывает разная.

Сейчас, как мне кажется, мы живем в самой безумной борьбе. Боремся не за что-то, а за выживание на нашей зелено-голубой планете, уже покрытой огромными черными пятнами, безжалостно разьедающими ее вместе с человеческими мозгами. Что же наделали мы, умные люди, не убергли чудесный подарок Создателя! Но ведь Он почему-то поверил нам.

Два Патриарха одновременно встали и, поклонившись друг другу, разошлись, может быть, навсегда.

Девочка снова подбежала к дракону и крепко схватила его за руку. Только старый генерал, наверное, что-то понял. Меньше всего ему хотелось потерять седого дракона. Но как удержать землю, воду, воздух и солнце? Даже все генералы в мире не смогли б удержать летящего дракона.

Черного Дракона просили всей частью. Он не оставил учеников, – не было времени. И приграничная часть Дальнего Востока осиротела на тайного Тибетского мастера. Он взял девочку за руку и вместе с ней поклонился солдатам и старому генералу. Черный Дракон растворился за “железным занавесом”. Вот так и началось рождение боевого искусства в нашей стране.

... Я лечу в дребезжащем самолете и вспоминаю то, о чем мне рассказал Григорий Андреевич. А сейчас о нем.

Черный Дракон Фу Шин растворился на Дальнем Востоке. Появились друзья, ученики. Фу Шин не просто отдавал свои знания. Нет Китая, нет “железного занавеса”, ничего нет. Есть просто люди, а демоны их взяли и покрасили, растянули или округлили глаза. Фу Шин, я ведь долетел до него, сказал удивительную вещь. Пер-

вый Патриарх северо-тибетской школы сказал просто: “Есть вселенские знания, и нужно прекращать делить людей на цвет и на традиции. Может быть, тогда наша земля не сойдет с ума.”

Вселенское свободное время – вселенское Кунг-Фу, так говорилось в “Розе Мира”, написанной русским Мастером, и так говорил китайский Патриарх. Рядом со мной, откинувшись в кресле, дремлет, пролетая над Уральскими горами, Григорий Андреевич.

Крупный, красивый мужчина, с коротко подстриженными, немного вьющимися волосами. Мы бросили с ним все: учеников, больных, свои спортзалы – и, взяв семнадцать человек, я – своих, он – своих, летим в легендарную колыбель мудрости – Чуйскую долину. Через проход, в кресле, тихонько дремлет моя жена Татьяна. Последние ее слова ударили меня в самое сердце: “Никогда и никуда я больше не отпущу тебя. Пойми, – она схватила меня за руки, – я устала бесконечно ждать – то с зоны, то с Дальнего Востока. Я устала считать твои новые шрамы и теперь еду с тобой, куда бы не забросила тебя жизнь”.

До священной долины мы прожили вместе целых восемнадцать лет, а ей всего лишь тридцать три, чудесный возраст. Восемнадцать лет мы лечили больных, и как только я приезжал от своего Учителя, сразу делился с ней знаниями. Лишь через время, когда уже было поздно, понял, что женщина должна только любить. Я сам дал ей в руки топор дровосека. Но был бы я без нее, сохранились бы знания, что было бы?

В тридцать три года – ни ребенка, ни спокойной жизни из-за больных и учеников. Только лишь знание медицины и совершенно седые волосы. Не это ли – топор дровосека в руках у любимой и хрупкой женщины? Ах, если бы я знал раньше. Но тогда был молод и самонадеян. Нужен был друг и помощник, вот и получил, но вместе с тем еще получил нескончаемую боль и в этой и в будущих жизнях. Ошибки прошлого – ранят в самое сердце. Я просил ее: “Погоди, ведь Чуйская долина не курорт.”

– Дождешься от тебя курорта, – усмехнулась она и положила свою седую голову мне на грудь.

Разве возможно спорить с ней, спорить с ее силой. Я опоздал, пропустил то время, когда жена перестала быть женой, а стала Школьным мастером. Сколько же Чуйская долина принесет ей новой боли!

Но сейчас хочу продолжить о Григории Андреиче, о самом близком ученике великого Фу Шина, Патриарха северо-тибетской школы, Черного Дракона, ушедшего с Дальнего Востока, держа за руку маленькую девочку. Во всем мире такие люди, как Григорий Андреевич, считаются достоянием страны и получают хотя

бы какие-то деньги, чтобы принимать гостей и огромное количество учеников. Трое детей и работа учителем физкультуры – все это доводило меня до истерики. Хотелось кусать себя не только за локти, а за самое сердце. Но Григорий Андреевич, человек имеющий стальные руки, овладевший внутренним и внешним состоянием, с улыбкой несильно трепал меня по плечу (оно болело потом дня два). “Прорвемся, Серега”, – вздыхал он.

И прорывался сквозь непонимание властей, неприкрытую ненависть ментов, а потом шел в свой техникум преподавать физкультуру. Дети любили его. Скольких он остановил, скольким не дал погибнуть от безумных мыслей, от неизбежных болезней и от прямой дороги в тюрьму! Многие питомцы его предавали – ведь они были воспитаны нашей безумной страной, которая учила лишь воровать и как-то выживать. О благодарности ученики даже и не слышали. А как можно было думать о благодарности, если неблагодарность они впитали с молоком матери?

В свои пятнадцать лет Григорий Андреевич хулиганил, как и все трудные подростки. Но случилось то, что должно было случиться: он встретился с офицером из Окинавы. Тут-то и началось удивительное общение подростка-хулигана и мастера старого окинавского каратэ.

Андреевич рассказывал, как холодной зимой в свирепой неравной драке, когда стало ясно, что вряд ли спасешься, его кто-то схватил за шиворот и легко выдернул из-под навалившихся тел. А когда открыл заплывшие, кровавые глаза, то увидел небольшого, худенького, немолодого человека и никого больше. “Узбек”, – подумал Андреич. И думал так целый год, встречаясь с ним по несколько раз в неделю.

Городок был небольшой, и Андреич всегда спешил в назначенное место – и зимой, и летом. За что-то полюбил его японец. Встречи были под открытым небом, в разных местах, в основном на берегу реки. Японец-узбек, наверное, очень сильно рисковал, особенно по тем временам, ведь это было время крепкого “железного занавеса”. Они любили друг друга. Японец отдавал свои сокровенные знания, а мальчик Гриша брал их, и не как-нибудь, а душой. Наверное, потому офицер и отдавал.

О каратэ в те времена не слышал никто. И об острове Окинава, наверное, мало кто знал. А когда закончился для шестнадцатилетнего Гриши год счастья души и тела (ведь душа с телом живут вместе), он узнал, что трепетно ждал не узбека, а настоящего самурая.

Андреич рассказывал: снится ему почти каждую ночь то страшное расставание. Когда он, шестнадцатилетний, нагнул голову и, рыдая, уткнулся лицом в грудь маленькому японцу. А тот, усмеха-

ясь, тихо рассказывал о древнем острове, о гордых самураях и о том, что многое не успел передать дерзкому украинскому пареньку. После этого прощания они больше не виделись никогда. Но даже через тридцать лет Андреич верит, что увидятся.

... В маленькой японской деревушке жила семья. Детей было несколько, но один из них отличался прекрасным даром: мальчик все время резал нэцкэ. Крошечные фигурки, которые в Японии ценились всегда. Их перебрасывали через пояс кимоно как противовес кошелька или просто для красоты. Миниатюрная скульптура и Япония всегда были одним целым. Отец не мог спокойно смотреть на вырезанные сыном фигурки. И однажды, хоть это и было нелегко, он решил отдать своего мальчугана легендарному резчику, который жил очень далеко.

– Ты ведь хочешь резать фигурки? – пылливо спросил отец у сына.

– Я хочу их резать всю жизнь, – с радостью ответил ребенок.

Отец по рассказам знал, что великий резчик славится прескверным характером и буквально мучает своих учеников, заставляя много работать по хозяйству, при этом колотя их бамбуковой палкой и часто делая это без особых причин. И все же отец решился. В одну руку он взял холщовый мешочек с рисовыми лепешками, бросив на них лучшую работу сына, другой рукой обнял свое единственное чадо, и они двинулись в дальний путь.

День был ясный и голубой. Ночь они провели в маленькой уютной пещере, сварили чай и закусили его лепешками. Оба очень волновались, а под вечер следующего дня увидели вдали большой, но простой дом мастера. Он утопал в скалах и зелени. Небольшое озерцо, стоявшее рядом, отражало в себе голубое небо.

– Здравствуйте, мастер, – отец с сыном поклонились.

Резчик сидел на гладком камне и, не глядя на них, что-то сердито строгал.

– Ну, чего пришли? – скрипучим, недовольным голосом спросил он.

Отец засмутился такому приему и, пожав плечами, ответил:

– Да вот, сына своего хочу отдать вам в ученики.

– Ну, и зачем он мне? – снова сварливо проскрипел мастер.

– Вырезает он хорошо, – совсем смутился отец.

– А ну-ка покажи.

Отец порылся в мешке и достал, как ему казалось, самую лучшую работу сына. Это был маленький, вырезанный из корня вишни парящий орел. Отец гордился каждым тщательно вырезанным пером и устремленным вперед взглядом. Мастер одним движением вырвал у него из рук фигурку.

– Долго ковырялся, – усмехнулся он. И вдруг, размахнувшись, зашвырнул ее далеко в камни, а потом внимательно, с усмешкой, посмотрел отцу в глаза: – Ты хочешь, чтобы он учился? – спросил резчик.

Отец, ничего не ответив, с возмущением подошел к толстому сопливому мальчишке, который что-то усердно ковырял ножом. Он вырвал из его рук фигурку и всмотрелся. На ладони лежал маленький барсучонок – тануки. То самое незлобное, но вредное существо, которое, по японской легенде, любит ночью прятаться в кустах или за камнями на обочине дороги, раздувая свой и без того толстый живот. Барсук барабанит по нему лапами, пугая и сбивая с дороги одиноких путников. Он был какой-то кривенький, кособокий, одна лапа длиннее другой, но выбросить фигурку в пыль у отца почему-то не хватило сил. Старый мастер встал и подошел к нему.

– Покажи, – сказал он, забирая тануки. – Опять спешишь, – сердито крикнул мастер и вдруг ударил сопливого мальчишку, неизвестно откуда появившейся бамбуковой палкой по спине. У того слезы и сопли потекли еще больше.

– Сказал, не спеши, – и мастер нэцкэ швырнул к ногам мальчишки его работу, которую он тут же схватил и спрятал в своей порванной одежде.

– Покажи, – попросил у толстого мальчишки еще не состоявшийся ученик.

Но тот, шмыгая носом, куда-то убежал. И только тут отец увидел, что уже глубокий вечер и надвигается гроза.

– Завтра поговорим, – услышал отец голос мастера. – Твой будет спать со всеми дармоедами, а ты – в мастерской. Сейчас будет большая гроза, а я и так устал, да и старый уже, – тяжело вздохнул резчик.

Возражать смысла не было, тем более, что приближалась грозовая ночь. Стало обидно, что мастер не предложил даже чая. И вдруг он с удивлением увидел, что его сын радостно щебечет в толпе учеников.

– Грязные оборванцы, – сказал про себя отец.

– А ну, быстро сдать работы, – мастер хлопнул в ладоши.

Один из мальчишек начал собирать фигурки в тряпку. “Наверное, их старший”, – подумал отец. Мастер забрал работы учеников и занес их в небольшой сарайчик.

– Иди, – сказал он отцу. – Там есть циновка.

Через какое-то время начал хлестать дождь и от сверкающих молний надолго становилось светло. Отцу не спалось. “Экий старый лис, – думал он о мастере. – Смотри, чародей, легенды о нем ходят, а старик просто мучает мальцов. Нет, все-таки что-то было

в этом барсучонке.” Он размотал тряпку, в которой лежали работы учеников. В ней были наполовину сделанные фигурки. Только барсучонок был уже полностью вырезан, кривобокий, с лапами разной длины. Он взял его в руки и поднес к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Внезапно мужчине стало жутко, он вздохнул и решил, что показалось. Но тануки снова задвигал носом, замигал крошечными глазками и изо всех сил, пыхтя, начал упираться лапами в держащие его пальцы.

– Противный мальчишка, – жалобно пропищал тануки.– Он так спешил, что сделал меня совсем некрасивым. Вот пойду и начну в эту грозу барабанить у дороги и напугаю даже монаха, если он будет идти.

И тут отец вдруг заметил, что многие фигурки были доделаны. Ему так показалось из-за барсучонка. Но ведь не зря? Ведь в эту волшебную грозу ожил только он один.

А я-то думал, что такое бывает только в сказках. Так вот какой он, великий учитель резки! Может быть, и фигурки моего сына оживут, чтобы убедить еще одного неверующего, непонимающего и слишком щадящего свое чадо? Я заберу своего сына только тогда, когда пожелает Учитель. Даже если ему будет очень трудно и он будет проситься домой.

Дверь со скрипом отворилась и в сарайчик с горячим чаем вошел старый резчик.

– Эх, вы, родители, – нараспев, качая головой, протянул мастер. – Все вам чудеса подавай, забыли, как были детьми и сами делали их. Пей, – он протянул чашку. – И пошли спать в дом.

... Эту легенду, не объясняя смысла, подарил Андреевичу, уезжая на Окинаву, потомок самурайского рода и его первый Учитель Ямазаки. Легенд было рассказано много, но эту Андреевич любил особенно. Ямазаки зажег в груди у Григория Андреевича негасимую любовь к Востоку. И, как вспоминает Андреевич, он совсем не пытался возвысить Страну Восходящего Солнца. Японец отдал самое светлое из существующего на Востоке.

Уже тогда у Андреевича зародилось стремление к всемирному Кунг-Фу, к тому кунг-фу, о котором мечтал Фу Шин. Андреевич свято хранил и развивал духовную и телесную силу, которая непонятным чудом, тонким ручейком потекла к нему в сердце с острова Окинава. Каких только загадок не было в нашей многострадальной стране! И только через несколько лет он встретился с Фу Шином, который был удивлен прекрасными знаниями совсем не восточного парня.

В то далекое время в нашей стране прочно пустили корни, в связи с культурной революцией, школы китайского боевого ис-

кусства. Тигры сходились с журавлями в смертельных боях, пытаясь их схватить когтистыми лапами, журавли уходили в сторону, взмахивая и разрезая воздух крыльями. Змеи обвивались вокруг драконов, а те пытались разорвать их. У нас, за “железным занавесом”, это ушло в еще большую тайну и в еще большую жестокость. Власти преследовали боевые школы, а они возрождались, меняя свои традиции, потому что прижились в другой стране. А новая земля дает новые традиции, близкие к окружающему. И только лишь знание остается знанием.

Советский Союз начал приобретать в лице некоторых своих граждан великих мастеров кунг-фу. Даже Китай уже не мог похвастаться таким уровнем в своей стране. И Китай вздрогнул, поняв в одно прекрасное время, что потерял, но было слишком поздно.

Забегая вперед, могу сказать одно: когда наша демократия дала возможность измученным прятанием по подвалам ребятам выехать в Китай, то в Среднем государстве попросту ахнули, признавшись честно, что таких боев у них не видели давным-давно. Может быть, и остались тайные мастера, но где они – не знает никто. А нынешняя молодежь в Китае – это хранители традиций и стилей. И могут они красиво станцевать тигром или змеей, но таких жестких боев, которые показали им наши ребята, не видели никогда. Даже сам знаменитый Чак Норрис, который привез команду за бывший “железный занавес”, пожав плечами, сказал, что не хочет везти домой трупы, и прекратил на этом дружеские поединки. Вот в такой стране мы живем. И как говорил мой старый корейский Учитель из тайной общины, затерявшейся в глубине дальневосточной тайги, защищенной сосновыми волнами: “Только рабство может породить рабов и героев”. А разве не в рабстве жили мы?

У Андреевича было много Учителей, давших ему мировое Кунг-Фу. Фу Шин на его пути оказался последним. Потом, через время, когда полностью погасла вьетнамская война, мастера вьетнамских школ заволновались. И с полубесплатными голодными вьетнамскими рабочими начали потихонечку прибывать за “железный занавес” лучшие бойцы воинственного Вьетнама. Они волновались, что китайская философия и китайские школы будут иметь слишком большое влияние на нашу огромную страну. Но это оказалось не так. В большой стране с большими страданиями могут прижиться только истинные знания, порождающие собственные традиции.

... К сегуну, начальнику охраны императора Японии, долгое время мечтал попасть молодой парень. Потому что сегун прославился своей непобедимой школой меча. Для тех, кто не знает, хо-

чу объяснить, что этот начальник был не из тех начальников и генералов, которых мы хорошо знаем. Мало найдется современного воинского начальства, которое хоть пару раз смогло бы отжаться от пола. Они сейчас в основном пугают солдат хриплыми пропитыми голосами и огромными животами.

В Стране Восходящего Солнца сегун всегда был самым сильным воином, сильным до такой степени, что во время тренировок гонял своих подопечных боевым мечом, нанося удары плашмя. Все сегуны, существовавшие за историю императорской Японии, были великими мастерами боевого искусства.

Молодому человеку повезло, и он наконец-то добрался до лучшего мастера Японии, который любил прогуливаться один в саду. Упав перед ним на колени, юноша начал умолять взять его в ученики. Сегун, отойдя на шаг, согласно кивнул и сказал, что с удовольствием обучит его своей технике меча, но ему интересно, какой техникой владеет молодой мастер. Юноша в страхе отпрянул и снова упал на колени.

– Я никогда не брал в руки меч, – ответил он.

– Зачем вы скрываете свой стиль? – удивился сегун.

– Клянусь вам, – взмолился юноша, – что никогда не держал меча в руках.

– Я верю вам, – ответил мастер. – Обещаю научить вас, но я не привык ошибаться, поэтому вставайте и расскажите подробно о своей жизни.

Они сели рядом и юноша с почтением начал рассказывать:

– Помню, когда я был совсем маленьким, все время плакал и хотел только одного – есть. Чтоб я не плакал, мать меня водила за руку и рассказывала, что живем мы в прекрасной стране, красивой и радостной. Но в мире никогда не бывают только счастливые, сытые и богатые люди.

– В этой жизни, – говорила мать, – нам выпало голодать и быть бедными, в следующей – мы будем сыты, богаты и счастливы. Поэтому не бойся умереть, потому что смерть – это начало следующей, счастливой жизни. И тогда, Учитель, – юноша с почтением поклонился, – я понял свою мать и перестал бояться смерти. Я больше не плакал, когда ложился спать голодным, и искренне радовался, когда удавалось поесть. Недавно я похоронил свою мать с сыновним почтением, она ушла в другую, более счастливую жизнь. Я не плакал, я был рад за нее, а после решил заняться мужским делом.

Сегун встал и с улыбкой поклонился юноше.

– Я не ошибся, – произнес он. – Вы действительно уже давно мастер боя, только не знаете об этом. Ведь я обучаю учеников бое-

вой технике и владению всепобеждающего меча именно для того, чтобы они потеряли страх перед смертью. Потому, что состояния смерти действительно не существует, есть только переход из одной жизни в другую. И если эта жизнь прожита достойно, то следующая будет еще достойней. Ваша матушка сделала из вас настоящего мужчину. Я могу лишь немного довершить сделанное ею.

... Босаяцкое детство Григория Андреевича эту легенду впитало в себя полностью. Что можно сказать о японцах и о Японии вообще? Об этом нужно писать отдельную книгу. Поэтому я хочу напомнить, что многие американские юристы после войны с Японией отказались судить японцев как военных преступников, хотя они совершали, в нашем понимании, невыносимые преступления, уничтожая военнопленных в концлагерях, экспериментируя над ними. Юристы ужаснулись, абсолютно не разобравшись в отношении японцев к жизни и смерти. И многим было невыносимо смотреть на гордых и улыбающихся перед казнью военных преступников.

Одна из самых загадочных стран нашего мира – Страна Восходящего Солнца, понявшая жизнь и смерть совершенно по-своему. Может быть, такое состояние духа и нужно было в тот момент шестнадцатилетнему Грише. Может, и выжил благодаря вошедшей в него необъяснимой силе окинавского офицера.

Вот так и родился в нашей стране один из выдающихся воинов, ученик Фу Шина. Об Андреевиче можно писать бесконечно, я часто буду возвращаться к своему другу и Учителю. К человеку, который повез меня для передачи обычного поклона от великого корейского мастера Няма к Патриарху Фу Шину. К мастеру, благодаря которому я продолжаю свой путь.

ГЛАВА 2

Теперь мне необходимо писать о себе. Конечно же, это самое трудное. Если писатель говорит, что нет вдохновения, не верьте. Это он пугается ошибок прошлого – ведь настоящее родилось в этих ошибках. Наверное, бывают моменты, когда не хватает сил. Вспышками ярких молний память выбивает из рук перья. Я не считаю себя писателем, но уверен, что каждый, кто пишет, не столько хочет открыть кому-то глаза, сколько берет на себя смелость исповедоваться перед многими. Ошибки прошлого ранят в самое сердце.

Нужна ли кому-нибудь эта исповедь? Чувствую, что поступаю глупо: это – очень слабая попытка смягчить ошибки прошлого. Но все же верю, что, глупо спасая себя, помогаю другим. Разве узнал бы кто-нибудь о тайной корейской общине, о первом Патриархе, о Чуйской долине?

Очень тяжело писать о себе, поэтому часто не выдерживаю и говорю “он”. Понимаю, что глупо, но он преклоняется перед теми людьми, о которых пишет. Он кланяется им низко в ноги. Своим учителям, ученикам, друзьям и самым тяжелым ошибкам прошлого. Своим подстреленным в лет и кровь нежным, белым птицам-женщинам.

Я родился почти сорок лет назад, в бандитском районе, на окраине города, где еще давно, до революции, появилась невидимая граница, перерезав его пополам. Эти две половины упорно ненавидели друг друга, изо всех сил сражаясь.

Ох, и беспокойное было место! В ход шли дробовики и ножи, самопалы и дубины. Участковые менялись часто, они редко уходили на пенсию – в основном на инвалидность или в гроб. Поэтому я до четырнадцати лет не выходил со двора, в котором царил уникальная атмосфера. Интеллигентные родители. Мама, безумно любившая папу. Папа, не меньше любивший себя. Он был спортсменом, и спорт, как это часто бывает, зародил в нем любовь к соревнованиям, к редким, но очень мощным спортивным запоям и женщинам. Мама боготворила папу, а он становился все равнодушнее и равнодушнее к своей семье.

Бабушка, точно так же истерически боявшаяся и любящая дедушку – здорового двухметрового бегемота, который не боялся ничего. Дедуля работал каким-то начальником на заводе, дома каждый день пил горькую с друзьями, изгаляясь над всеми, страшно веселясь от того факта, что все родственники гораздо ниже его плеча. Напившись, он устраивал для себя концерты. Ведь двор, усаженный хризантемами и окруженный мощным забором, так же, как и огромный дом, были его собственностью. Поэтому он занимался экзотическим построением, расставляя всех по росту: папа, мама, бабушка, а уж потом несчастный я.

– Ну что, пигмеи?! – рявкнул дедушка. – И в кого вы такие? А ты, – обращался он ко мне, как всегда выдавая мощный шалобон, от которого целый день гудела голова. – Был бы девкой, может, и любил бы. А так еще один урод.

И, махнув рукой, он, пьяно качаясь, уходил в дом в обнимку со своей рыжей любовницей и гогочущими друзьями.

Да, приходится вспоминать самое тяжелое – изуродованное детство. Обычно мы еще долго стояли возле ненавистной клумбы с белыми хризантемами, боясь разойтись, – вдруг выйдет дедушка пострелять по воронам или воробьям из своей любимой двустволки.

Малый рост, слабость и дряблость сделали из меня перепуганное животное, единственное спасение находящее в книжках. Городские книжные герои тоже сделали свое дело.

Мать рыдала в подушку, дожидаясь отца из затянувшихся спортивных командировок. Бабушка вечно готовила деликатесы, в страхе дожидаясь дедушку. А я ходил между сливовых и вишневых деревьев, вокруг любимой дедушкиной клумбы, представляя себя Маугли, а обшарпанную дворнягу-суку, которую все называли почему-то Тузиком, представлял великим волчьим вожаком. Вряд ли это принесло мне что-то хорошее.

Потом, познакомившись со знаменитым героем Даниэля Дэфо, я начал играть в него. Это было проще, потому что двор всегда был пустынный, и только сука Тузик меняла свое имя, становясь другом Пятницей. Один лишь дедушка почти не менял свой образ, становясь то Шер Ханом, то злобным людоедом. Я всегда побеждал его, мысленно, конечно.

Вот так старая, добрая литература иногда вывихивает мозги, если читается в безумных дворах. И кем только Тузик не была в своей жизни! Она, бедняга, была даже Джульбарсом. Я очень рано научился читать, это единственное, что успела сделать мать.

Призрачный папа рано начал стираться в памяти. Он был удивительным человеком. Разве мог я знать тогда, что существу-

ют люди с редкими астрологическими знаками. Оказывается, есть мужчины, которые созданы природой только для того, чтобы жить идеей. У мужчин всегда должна быть на первом месте идея. Благодаря этому держится любовь и семья. Но есть такие, так называемые эзотерические знаки, которые развиваются только сами, и ничего более для них не существует. Откуда было знать это моей маме? Безумно влюбившейся в красавца спортсмена. Да и он соблазнился красивой, в свое время тоненькой девушкой. Как жаль, что не было рядом людей (откуда они могли в то время взяться), которые смогли бы объяснить элементарную астрологию.

Если понятно, от чего больно, то больно гораздо меньше, поверьте моему опыту. Ведь она именно для этого и существует, хотя иногда может помочь и больше, но об этом позже. Водолей-змея – запомните на всякий случай этот знак. Самый скрытный, мистический и ушедший в себя. Из-за этого мать по ночам терзала подушку, обливая ее слезами, и бесконечно ждала своего призрачного и непонятого спортсмена, а он не спеша рос, поднимаясь по ступенькам спорта все выше и выше.

Рос и я, маленькая, бледная, дрожащая от вечного страха, дряблая зверюшка. Потом пришло время школы, жесткой и безжалостной, страх перед которой выбил полностью желание и возможность учиться. Некому было готовить маленького звереныша к трудностям и жестокостям школы – все занимались своими делами. Страдали от любви, от алкоголя, от собственной дурости. Не сложилась моя семья. И если другие дети в школе хоть как-то учились, то я не учился вообще.

Были дети, которые яростно боролись, дрались и царапались, как настоящие звереныши, я не научился даже этому. Потому водила меня мама много лет за руку в школу, которая была совсем рядом. Водила на растерзание более жестоких маленьких людей. Потом к перепуганному зверьку начала не спеша, но уверенно подкрадываться болезнь. Астма – это когда трудно и страшно дышать. И бродил я целыми днями между клумб и деревьев задыхающимся раненым разведчиком, о котором начитался до боли в глазах.

Очень хочется некоторые воспоминания обойти стороной. Но придется все же кое-чего коснуться, хотя бы вскользь, иначе будет просто непонятно, почему маленькому, перепуганному созданию так повезло в этой жизни. Слишком жалкое либо погибает, либо спасается каким-нибудь невероятным чудом. Но до спасения было далеко, и поэтому куда деться от дворов, которые окружали мой печальный двор.

Так получилось, что вокруг жили сплошные дедушкины родственники: сестры, братья, племянники. Как можно выбросить из памяти дедушку Ваню, какого-то родственника моего родного дедушки? Или дедушку Васю, еще одного родственника? Иногда кажется, что мне особенно повезло. Разве нет? Закрадываются мысли, что остался бы без Учителя, если б не эти таинственные дворы. Я жил в них до четырнадцати лет, а потом все резко изменилось. Может, поэтому такая странная и рваная память.

Единственная, кто по-настоящему запомнилась, – самая добрая бабушка. Бабушку Катю не любили все, даже мой дедушка. Но и боялись все. Она никогда не работала на заводе или в конторе, а занималась цветами. Ее называли за глаза спекулянткой. Но я запомнил, как под утро, перечитывая в который раз очередную книгу, увидел работу бабушки. Она была одной из самых лучших цветочниц города. В выходные дни выезжала в центр и ее цветы раскупали мгновенно. Так вот ранним утром, когда небо только серело, я увидел поистине удивительное зрелище. Совсем недавно бабушка Катя вынесла уже проросшие тюльпаны и высадила их в ряды. Как вдруг совершенно неожиданно пошел дождь со снегом. В большом брезентовом балахоне, пока полностью не рассвело, бабушка жгла вокруг тюльпанов костры. Тогда мне это казалось каким-то мистическим актом. А может, так и было? Даже сейчас помню название огромной, выше меня ростом, розовой, слегка подернутой белой паутиной георгины.

– Мадам Самье, – ласково говорила бабушка Катя и гладила потрескавшейся, с въевшейся землей ладонью толстый зеленый ствол цветка.

“Ничего себе спекулянтка”, – думал я. Почему же мой дедушка вместо того, чтобы пить водку, не становится таким богатым спекулянтом? Школа отупила и выбила из колеи окончательно, и поэтому моя издерганная мама начала подумывать об интернате для умственно отсталых. Как же нужно было запугать большое, вечно дрожащее маленькое существо!

Это была новая, только открывшаяся школа, и в нее сразу из других переполненных школ начали отдавать далеко не лучших, с позволения сказать, учеников. Особенно, если учесть сверхбандитский райончик, способный изуродовать еще и не такого интеллигентского выродка.

Наверное, многие помнят, какими были общеобразовательные школы – ни русской литературы, ни украинской, да и вообще ничего. Поэтому и не шла мне в мозги таблица умножения. Никто не объяснил, что и на кого я в этой жизни буду умножать. Зато в ин-

тернаты для У.О. отправляли многих, так же, как и в колонии для несовершеннолетних. Только сейчас я понимаю, почему так происходило. Каждый боялся по-своему. Одни боявшиеся замыкались в себе и, сжавшись внутри, становились почти идиотами. Другие боявшиеся выращивали в себе ненависть и, конечно же, от страха превращались в малолетних преступников. Были и уникамы, которые ухитрялись хоть как-то учиться.

Ну, а какой учитель пойдет в такую школу? Вот и шли никакие – такие же безграмотные, перепуганные и никому ненужные. Я не хочу плохо отзываться о самых первых своих учителях, а что делать?... Ненужные ученики презирали и очень часто даже избивали своих ненужных и неуважаемых учителей. В памяти о детстве у меня возникает только одно: никто никому не был нужен – ни в семье, ни в школе. Лишь мать ждала, рыдая в подушку, хотя тоже уже понимала, что рыдает за любимым, но постепенно становящимся ненужным человеком. Эта любовь медленно и уверенно порождала в ней ненависть. Что может дать мать сыну, если в ней пробуждается слепая ненависть женщины, а рядом ходит ее чадо, так бездарно похожее на любимого? Маленький перепуганный зверек был только внешне похож на отца – его духом, внутренним миром не занимался никто. А мать, не понимая этого, начинала ненавидеть даже собственного сына, такого похожего и непохожего.

Моя семья за своими несуществующими проблемами забыла, что детей мало просто кормить – их нужно создавать. Сами они могут вырасти только во что-то невероятное – в основном в искореженных и омерзительных детей хаоса.

Хаос – всегда переходит в гармонию, так же легко, как и гармония в хаос. В нашем мире происходит огромное количество ситуаций и событий. Если их не понять, то и получится хаос. А если понять и пропустить через себя – рождается гармония. Это так же, как мягкое переходит в жесткое, а жесткое – в мягкое.

Нельзя понять себя, если не понято окружающее. Но как мало для этого среднеобразовательной школы! Для этого нужны не обалдевшие педагоги, колотящие младшекласников линейками по голове и истерически боящиеся старшеклассников. Для этого нужны Учителя, которых в нашем сумасшедшем мире осталось так же мало, как и всего прекрасного.

Мне повезло, – кто-то сжалился. Повезло и Андреевичу. И очень хочется, чтобы повезло вам. Поэтому моя вторая книга о долине Чу для того, чтобы никто больше таких книг не писал. Еще хочется напомнить, что я никогда не считал (думаю со мной такого никогда не случится) себя писателем. Просто мне позволи-

ли написать, хотя очень часто Учителя с усмешкой напоминали, что книги пишут только бездарные ученики, – но ведь разрешили. Может, пожалели, но ведь разрешили.

В общем, приходило маленькое затравленное существо из своей проклятой и ненавистной школы, где ученики били учителей, насильовали молоденьких учительниц, издевались над слепыми и пьяными.

Если кто-то не верит, могу повторить: были такие школы, думаю, моя – не единственная. Порой мне кажется, что жил в какой-то сказочной стране. Удивляюсь, когда слышу слова загадочных патриотов: раньше было лучше. Что было лучше? Возникает вопрос. Почему? Может, лучше потому, что “железный занавес” безжалостно придавил несколько поколений? Или лучше то, что мы воспитывались в презрении к Господу? А презрение к древним святым иконам, и огромной веренице уходящей в тысячелетия, живых святых, которые лечили тела и души страждущих? Святых воинов-монахов, которые побеждали врагов, заслоняя аскетичными телами народ? А может, лучше было без истории, которой действительно никто не знал?

И только сейчас, как говорят, в плохие времена, мы начинаем хоть что-то узнавать. Когда ничтожные частицы чудо-знания начинают просачиваться сквозь полурастворившийся “железный занавес”. Так когда же было лучше?

Тогда, может, когда вместо Библии мы молились на “Капитал” и труды Сталина, а вместо святых Рублевских икон пялились на отъевшиеся, постоянно меняющиеся физиономии временных божков? Когда было лучше?..

Может быть, в момент демонстраций? Однажды родители взяли меня. Я шел перепуганным ребенком и не понимал, почему у меня столько горя и дома, и в школе, а вокруг – радостно орущие, пьяные морды. “Может быть, я самый несчастный? – думал маленький зверек. – Почему же у всех все так хорошо?” Вот какие мысли иногда рождались в умственно отсталых детских головах, зажатых ровненькими клумбами, разбитыми во дворах, окруженными высокими деревянными заборами. И все это в СССР, окруженном “железным занавесом”. И, клянусь, больше ни на какие демонстрации и выборы я в жизни не ходил, за что позже пострадал.

В двадцать лет, приехав из корейской общины, которая дала силу, умение лечить и понимание людей, я нашел девочку, ставшую другом и помощником. Тогда еще не понимал, что иду рядом с ней уже не одну жизнь. Люди узнали о том, что лечить болезни возможно, они поверили и ринулись в мою семью. Еще хочу напо-

мнить: в те “хорошие времена” медицины никакой не было, потому что не существует социалистической медицины, без всякой там мистики и так называемого шарлатанства. Вот тогда меня, шарлатана, и привлекли. Ох, и досталось на суде за нехождение на парады и голосования. Адвокат долго тужился, пытаясь придумать мои положительные качества и вдруг:

– Но ведь он же член профсоюза!

А потом, бедняга, сразу смутился. Билет оказался просрочен, а место работы подозрительное. Я признался во всем, даже в том, что виновен в смерти Рамзеса II. Мудрые судьи не знали, что у древних был закон: “Лечащий кого-то, но будучи сам болен, подлежит смертной казни.” Представьте, сколько бы валялось расстрелянных врачей под стенами больниц. От этого закона никогда никому не уйти. И больной врач только лишь быстрее умирает вместе со своим пациентом.

Но эти воспоминания – потом, а сейчас перепуганный звереныш шел из школы и его мучила самая главная мысль: чтобы зайти в свой двор, нужно было сделать огромный, чуть ли не в полпоселка крюк. Калитка дедушки Вани совсем рядом – зажмурься и, крепко сжав портфель, на этот раз не забытый в школе, всего-навсего пробеги через двор родственника, главное не наткнись на него.

Дедушка Ваня – герой войны, вечно недовольный всем миром. Что бы он ни делал, где бы ни ковырялся в своем дворе, у него всегда на груди висела самая почетная солдатская награда – медаль “За отвагу”. Зимой она висела на старой фуфайке, летом – болталась на грязной майке. Я был уверен, что даже ночью он не снимает ее.

Удивительный человек моего детства, тем более, что понять ребенка это было невозможно. Я часто сидел под забором, возле помойной ямы и наблюдал за ним в небольшую дыру. Дедушка Ваня был нормальным человеком: рубил дрова, рыл, как крот, в огороде, но когда его взгляд вдруг попадал на медаль, он падал на землю и, долго ползая по-пластунски, что-то резко выкрикивал, кидая далеко вперед любые предметы, попадающиеся под руку – то ли картошку, то ли молоток. Родственники, давно перестав удивляться, на час, я точно засекал время, ровно на час – уходили в дом. И так бывало два-три раза в день. Особенно воинственно это смотрелось зимой.

Так мы и жили по разным сторонам забора. Один заканчивал свою неудачную жизнь, другой начинал, также неудачно.

И все же дедушка Ваня меня однажды сильно напугал. Увидев, как я наблюдаю, видно, перепутал с кем-то. Сейчас понимаю, что

он хотел взять меня в плен. Можно себе представить, с каким визгом улепетывало маленькое, дряблкое создание от перескочившего одним махом высокий забор старого бойца с медалью на груди. В тот раз мне повезло: камень, молоток и еще какие-то предметы пролетели мимо головы. Я еще долго вспоминал бегущего дедушку, кричащего что-то по-немецки. Но желание выжить победило даже дедушку Ваню. Спасибо моему родному деду по папе – выстроенный им туалет был настолько прочным, что выдержал мощные натиски старого разведчика, который изо всех сил лупил по его двери кирпичом.

... Очевидно, дребезжащий самолет на меня как-то особенно действовал, а может, высота. Но детство, о котором давно не вспоминал, пронеслось перед глазами, как на цветном экране. Опять вспомнилась моя добрая двоюродная бабушка Катя, которую за глаза называли спекулянткой. Единственный человек, не давший умереть с голоду мне и матери, когда отец ушел навсегда. Бабушке Кате часто не везло, наверное, из-за доброты. И, конечно, из-за мужа – дедушки Васи. Да и я ее не радовал. Бабушка не имела детей, а дряблый зверек среди множества дворов был самый маленький и ростом и возрастом. Бабушка Катя то ли любила меня, то ли жалела, но это чувство было очень сильное.

Следующая история будет мучать меня до конца жизни. Сын дедушки Вани все же решил жениться. И как положено – три дня свадьбы. Мои родственники не были бедными. Три дня веселья, море людей и океан самогона. Дедушка Вася тоже был из другого мира. Ниже бабушки Кати на целую голову, но шире всех знакомых и соответствующие кулаки. На войне он не был из-за какой-то болезни. Тихий, пугающий всех своей робостью, но, когда выпивал, даже дедушка Ваня прятался от него.

Помню случай, когда пьяный дедушка Вася пришел в гости к моему дедушке, пройдя сквозь забор, ограждающий клумбу с белыми хризантемами и даже не заметил. Мой дедушка его не боялся, но мужа своей сестры почему-то уважал.

Свадьбу гуляли. Я тихонечко сидел на краешке лавочки за детским столом. Детей было много, и кое-кто попивал самогон, им не мешали. А я, наевшись, смотрел на гуляющих и любовался своей красивой, молодой бабушкой Катей, безостановочно хлопотавшей, уносящей пустые тарелки и прибегавшей с полными.

– Эх, хороша у тебя жена, – сказал какой-то незнакомый мужик, мрачно сидящему за столом дедушке Васе.

– Хороша, – подтвердил тот, вставая и выпивая очередной стакан. – Катя, иди сюда! – крикнув после стакана, позвал дедушка Ва-

ся. – Да, очень хороша, – подтвердил он и погладил подошедшую жену по плечу. – Забирай.

И дедушка с размаху саданул бабушку в челюсть. Бабушка даже не охнула, а когда пришла в себя и открыла рот, чтобы дать заглянуть в него участковому врачу, который тоже гулял на свадьбе, то выяснилось – двойной перелом челюсти.

Первый раз в жизни страх откатился в сторону и на меня накатил ослепляющая ярость. Хилый зверек решил отомстить. Этой же ночью, пробравшись во двор дедушки Васи, перед сараем, где он хранил свой инструмент, я натянул крепкую и толстую медную проволоку. Утром с переломом ноги увезли бабушку Катю. Ну зачем моя бабушка со сломанной челюстью на рассвете пошла в дедушкин сарай? Может, за топором для него? Наверное, я спаситель – это и успокаивает.

Все дети себя чувствуют глубоко несчастными, творя при этом невероятные вещи, которые пугают даже взрослых. А может, мне это только кажется и они действительно несчастны из-за нашего непонимания? Слишком часто мы попрекаем их тем, что должны давать абсолютно бескорыстно. Почему забываем, что даны они нам для испытания по закону великого Космоса? Почему забываем, что мы подвержены необыкновенно сильному животному стремлению продолжать и отстаивать свой род?

Мы забываем об этом и, когда появляется самое дорогое в жизни, начинаем упрекать его даже за еду и ночлег, совершенно забывая, что мучающее нас чадо родилось и растет в другое время. Окружающий мир меняется с невероятной скоростью, в нем постоянно появляется что-то новое. А мы, родители, не понимаем или просто не хотим понять этого. Мне не повезло еще больше, с самого начала жизнь обрушилась беспощадно на тело и душу маленького звереныша.

... Самолет вдруг громко задрезжал, затрясся и начал падать. Страх ударил в голову, а потом в пятки. Я получил мощный толчок в бок и открыл глаза.

– Успокойся, Серый, так должно быть – обычная воздушная яма, – и Андреевич снова закрыл глаза. Так не пугался давно. Может, в корейской общине? Нет, там была борьба за Школу. Что ж – снова детство.

Вот наконец и настало то время, когда напряжение между отцом и матерью выросло до предела. Загадочный папа вытянул из мамы все силы. К тому времени он работал заведующим кафедрой физвоспитания, карьера стремительно поднималась вверх. Отец приходил редко, уже откровенно пренебрегая нами. А мать медленно и упорно превращалась в истеричку, ослепленную ненави-

стью и любовью. Она уже не водила меня за руку в школу, а полумертвая, приходя с работы, валилась на свою кровать с растерзанной подушкой.

Две комнатки. Обычный сарай. Часто просыпался по ночам от капающей на меня с потолка воды. Если капает с потолка – значит дождь.

Мать похудела и почернела, она ничего не ела и даже перестала ходить на работу. А я бродил по кухне, хрустя по белым осколкам разбитой посуды. Вот и пришла полная свобода: теперь мне можно выходить со двора, не ходить в школу и делать все, что угодно. Маленький зверек стал нужен только самому себе.

Опомнитесь, родители, и не повторяйтесь, за это не будет спокойствия ни в том, ни в этом мире!

И только лишь бабушка Катя часто сидела возле матери, положив перед кроватью завернутую в газету еду. Сперва она кормила меня, а потом сидела возле матери, держа ее за руку и беззвучно плача.

Но была у меня в жизни еще и невероятно смешная история. В четырнадцать лет я не знал, чем отличается мужчина от женщины и откуда берутся подобные мне. Ведь спросить было не у кого.

Мой первый детский испуг был огромен и чист. Битая посуда, которую мать не убирала уже несколько дней, на этот раз захрустела особенно сильно – по ней шел мой отец. Человек, никогда не повышающий голоса и не показывающий эмоций. Он забрал меня в спортивный лагерь, наверное, замаливая свою вину хотя бы перед вступающей в силу астмой. Никогда я еще не был в лесу, тем более в таком далеком и огромном. Отец рассчитывал, что, может, там в свои четырнадцать лет я перерасту.

Сказав все это матери, он взял меня за руку, посадил в машину какого-то своего друга, и мы поехали в сосновый лес. Ехали по длинным дорогам – начальник спортивного лагеря госуниверситета, а рядом с ним его недоделанный сын. Отца я боялся и уже тогда не любил. Впервые увиденный горизонт переполнил восторгом. Начальник лагеря швырнул меня на попечение студентов, а сам исчез. Первый испуг – до него осталось два дня. Он был до смешного невероятен: два маленьких, тоненьких, пучеглазых поваренка. Через годы я назвал их лягушками. Царевны-лягушки, две сразу, которые вывернули зверенышу мозги наизнанку. Священные царевны-лягушки. Я когда-нибудь придумаю за них молитву. Что было бы без них? Они пришли из сказки, самой невероятной, которую бледный зверек узнал в своей жизни.

Как выразить свою признательность Создателю? Как найти этих сказочных большеротых существ, которые покинули меня навсегда? Они были тонкие и прозрачные, невероятно сильные

и жадные к тому, что считали своим. Две юные женщины, смело взявшие по топору дровосека в свои белые руки. Кто же заставил их сделать это? Мне иногда со страхом кажется, что они были отданы в жертву маленькому зверьку. Не слишком ли огромная жертва? (Две прекрасные девочки, которые никогда не будут рожать, потому что не хотят этого). Как часто они мне снятся, и во сне я ненавижу и проклинаю себя, а потом, просыпаясь, начинаю выдумывать оправдания, чтобы успокоиться.

Они – не жертвы, просто Создатель сжалился надо мной и создал их из солнечных лучей, лесной паутины и одуряющего запаха хвои.

Ох, уж эти две маленькие царевны-лягушки! Я рассказываю сам себе о них невероятные сказки и верю в них. Лягушата во снах возвращают меня в детство, о котором не имею права забывать никогда. Где же вы, печаль моя, боль, счастье и спасение? Я кланяюсь вам, я преклоняюсь перед вами, я верю, что вы не оставите меня хотя бы в памяти и в тревожных снах.

Откуда же берутся женщины, которые не любят мужчин ни душой, ни телом? Почему женщина выбирает себе женщину? Я очень жалею, что тогда не спросил у лягушат. Сейчас мне и так все понятно, но насколько бы в этой жизни стал сильнее, если бы спросил у них. Я уверен: лягушата не утаили бы от меня ничего. Но мне, одинокому и затравленному, в том далеком детстве было все равно. Но почему две маленькие лесбиянки совершили это со мной? Может, они были действительно космические пришельцы? А может, тупость и невежество, которые полностью обволокли нынешних мужчин, сотворили такое?

Женщина – ты одна из величайших сил в мире, ты создаешь и, если не рождаешь детей, то спасаешь уже рожденных. Это я знаю точно.

Женщина – созидательница так же, как и земля, великий космический Инь. Как бы ни изуродовало тебя человечество, ты, женщина, все равно непобедима. Исчезает на земле мужское семя, становясь слабым и никчемным, порождая в тебе уродливых детей. А ты, женщина, маясь и обливаясь слезами, в гиблом одиночестве растишь их, как можешь. Тебе нельзя уродоваться и гнить. Иначе разве сможешь ты зачать, выносить, родить и хоть как-то воспитать? Изменяться можем мы – надутые и невежественные мужчины, уже наполовину потерявшие свое лицо, давно не несущие никакой идеи. Ты на это не имеешь права, иначе на тебе закончится все.

Ночью в горячем хвойном лесу, поддавшись каким-то невыносимым, но безгранично великим женским инстинктам, то ли от жалости, то ли от мудрости два маленьких лягушонка срывали

с перепуганного звереныша одежду, а он сидел, ничего не понимая, и испуганно дрожал.

– Мальчик наш, – захлебывающимся шепотом повторяли они. – Мальчик наш...

Огромная сила была в этом захлебывающемся приглушенном шепоте. Они выпили вместе с горькими слезами мое уходящее детство, мои болезни и мой страх.

– Мальчик наш...

Я раз и навсегда понял, что в этой жизни теперь по-настоящему буду бояться только их. Горячие губы, дрожащие лапки, душистая, упоительная волна, ставшие мягкими, сухие и колючие хвойные иглы.

Как они нашли друг друга? Как же должен был обидеть их окружающий мир, красивых, тоненьких девочек! Сколько ласки и женской силы они отдали мне, маленькому и несчастному.

Мозги навыворот. Я полюбил их, я рвался к ним, как никогда и ни к кому за всю жизнь. Даже сейчас люблю маленьких, тоненьких, почти прозрачных, большеротых и пучеглазых. Действительно, мое столкновение с женским было огромным и невероятно чистым. В мои четырнадцать лет в мой изуродованный мир спустились два тонких белых ангела.

Нежность, мягкость и красота без мужественности и силы – так и получилось триединство. Пугающее, но не безобразное. Оно было правдивое, а правда – это Бог. Представьте Бога без правды. Веру, надежду, любовь – без правды. Сколько бы силы возвратилось на землю с ожившей правдой! Будьте правдивы в обычных отношениях друг с другом!

В лабиринте дракона Учитель открыл мне правду, но об этом позже. Сейчас нужно вернуться к маленькому зверьку, который в одно мгновение превратился не в мудрого и взрослого, а в озлобленного, сильного зверя, ненавидящего все и всех, кроме своих лягушат.

Мы шли в ночной лагерь по трескучему сосняку и были очень счастливы. Потом через несколько дней я потерял лягушат навсегда. Вот и вся история моего незащитного детства, после которого пришла юность – сильная и яростная. Прощайте лягушата! Но если захотите появиться, я жду вас всегда. Чего вы так испугались, что внезапно бросили все: кухню, лагерь и меня? Я не осуждаю вас, значит, так было нужно.

Новый этап в жизни такой же идиотский, как и жизнь до него. Ненависть, неконтролируемая и без страха, – что может быть отвратительней. Школа глупости, я в ней промучился семь лет. Восьмой год мучилась она, и у меня не было жалости.

Лягушата покинули меня. Не предали, а покинули. “Так нужно, – думал я, заливаясь своим уже не детским горем. – Да, значит так надо.” И я озлобился на людей. Бесстрашно и жестоко. Общаться не хотелось ни с кем. Все короткое лето было в моем полном распоряжении.

Оказывается, есть дикие цветы, а не только “Мадам Самье” и белые хризантемы. На цветах огромное количество жизней. Есть деревья и травы, есть мудрые жуки, с важными усами и сильным, кусучим ртом. Есть змеи и лягушки, кричащие и красиво поющие птицы. Есть тайный мир, не книжный, а живой. Как поздно я узнал об этом! Я наблюдал за незнакомым и таинственным миром, впитывая его в себя каждой клеточкой тела, всей душой.

Оказывается, есть чудеса. Дворняжка, охранявшая лагерь, виляла хвостом, испуганно облизывая мне руки, а ведь я не сделал ей ничего – ни хорошего, ни плохого. Жук, которого я усердно пытался напугать – дул на него, засыпал песком, сшибал пальцем, все равно не убегал, вырывался, когда я отпускал его, и катил дальше свой тяжелый навозный шар. “Кто же умнее? – думал я. – И в чем заключается разум? Для чего собака мне лижет руки? Для чего жук катит свой шар?”

Глядя на голубой мир, я понял: меня обманывали все – и взрослые и дети. И я их миру объявил бессмысленную войну.

Добро и зло родились в даосской легенде, которую рассказал мне Фу Шин, доброй, наивной и простой, как все главное в этом мире.

Старый монах прошел все испытания молитвами, дыханием, голодом и холодом. Он считал, что победил демонов и решил в своей жизни совершить последнее. Собрав благовония и взяв маленькое изваяние своего Будды, он пошел к самому дальнему и высокому, священному монастырю древности. Фигурка Будды давно стала с ним единым. Путь был тяжелый, все время вверх. И вот наконец священное место. Из последних сил пройден коридор. Вот она – священная стена. Монах выбрал нишу и поставил в нее Будду, свое Я. Он считал: еще немного – и будет высшее просветление. В других нишах тоже стояли Будды. И жалко стало монаху себя и трудов своих. Он вспомнил, как хотелось есть в ледяных горах, как замерзал и какой долгий путь к священной стене. Старый монах достал из-под одежды свой единственный лист бумаги и, скрутив в трубку, приставил к лицу Будды. С другого конца поджег благовония, на которые потратил последние деньги, больше у него не было ничего.

– Пусть вдыхает только он – мой, выстрадавший, – с жалостью подумал монах.

Пришло время забирать Будду и уходить в горы. Отняв от лица трубку, монах увидел, что у его Будды черное лицо. Вот так и родились черные и белые, темные и светлые школы на земле.

Вот это и есть самое главное и личное – личный апокалипсис, который гораздо страшнее того общего, который нам пророчат. Разве не из личного родится он? Вот где, оказывается, мудрость и тот страшный демон – это мы, это каждый из нас.

Фу Шин сказал, что объявивший войну всегда проигрывает. Не желающему воевать войну не объявят. Но это уже даосизм. Учителю было тяжело объяснить мне Дао, самое загадочное течение на Земле, рождающее великих Учителей, воинов, благодаря которым еще держится наша Земля среди звезд, – путь недеяния. Слишком многие путают его с ничегонеделанием.

Недеяние – это когда не вмешиваешься в то, что происходит вокруг, а пытаешься понять происходящее. Поняв, начинаешь понимать себя, а дальше понимаешь свои необходимые действия, свое место на Земле. Но для этого есть космические законы, законы воина, воина телесного и духовного, воина света. Ведь тело с духом едины. А мы часто пользуемся только лишь чем-то одним. Какое же это личное и одновременно космическое? Разве Космоса нет в нас или нас нет в Космосе?

Законы воина. Мне пришлось давать по ним полный отчет Патриарху только для того, чтобы он хоть что-то сказал. Сколько таких приезжало к нему. Патриарх не побоялся открыть себя, а значит, ему было тяжелее всех.

Но сейчас я лечу в самолете и не могу уйти от воспоминаний. Память, наверно, самый главный и опасный дар Создателя.

Больше всех глупый пацан, конечно же, возненавидел женщин. Он не мог понять их. Ведь первое столкновение с лягушатами было искренним и бесхитростным. Изменившемуся в одно мгновение зверенышу казалось, что женщины совсем не такие, как в книгах, и уж конечно не такие, как его волшебные лягушата. Думаю, женщины простят меня за это, простят за тех в кровь израненных птиц, которых я не щадил в своей начинающейся жизни.

Склоняю голову перед ошибками прошлого, склоняю голову перед тобой – великая страдальца женщина, нет ничего прекраснее тебя. Потому, что ты умеешь прощать. А если что-то и не нравится мужчинам, то это только потому, что женщины давным-давно живут без них. Земля медленно и уверенно входит вместе с человечеством в состояние Инь. Женское обволакивает все, становясь непобедимым.

В самолете воспоминания детства прервались, и я вспомнил в какую катастрофу мы втянули нашу мать-планету.

Женское – обволакивающее, втягивающее в себя, возвращающее в себе. Вспомните беременную женщину. Ведь она – Земля, взявшая в себя семя. Но какое семя, есть ли у нее выбор?

Мужское – сильное, стремящееся вперед. Много ли сейчас такого? Неужели из-за этого мы должны перейти в животное состояние?

Очень похоже, что мусульмане в чем-то были правы, но потом запутались, как и все люди на Земле. В природе один сильный самец забирает себе много самок, но сила человека – в разуме, а разумный не должен и не может быть физически слабым. Неужели мы переходим в животное состояние, неужели только этим можно спасти нашу планету? Где ты, семя земли? Где вы, мужчины, от которых хотят детей, мужчины, перед которыми преклоняются женщины, с радостью вбирая в себя?

Это был один из моих страхов, очень сильных. Учитель, безжалостно глядя в упор на меня, все рассказал. Технический прогресс – это неизвестно куда спешащее человечество. Скорее всего, спешащее к собственному концу. Спешили есть, жить, получать удовольствия. И, как мудрецы не пытались докричаться, никто не понял, что обрабатываемая впрок пища, заводы, создающие ложные удобства, животные, подготовленные на убой, зловонно дышащие машины – это все обволакивающее Инь.

И не виновата ни в чем женщина, потому что Инь этот – искусственный, который в общем-то и создан умными, идущими вперед мужчинами. Они все сделали для собственного удобства, а потом размякли, разжирели, расплылись, утратив свое собственное предназначение, приобретя различные заболевания, конечно же, инистые. Нет ни одной болезни на сжатие, мир воспалился, разрыхлился и загнил. Никто из мудрых людей, наверное, не против прогресса, но все против безумия и невежества.

Еще человечество совершенно забыло о том, что есть физическая любовь, переведа ее в порнографию. А ведь физическая любовь – это избавление от болезней, нормальная психика. И разве не Бог нам приказал соединить тела? Оглянитесь вокруг и подумайте, можете ли вы это. Что можете создать вы – мужчины, без долгой, упоительной страсти, просто желающие сбросить свое гнилое семя? Задумайтесь над этим, вчитайтесь в эти строки, не пренебрегая ими. Хотя уже почти не осталось, подчеркиваю – почти, возможности для нашего спасения. Легче всего пренебречь этими страницами. Это действительно легче всего...

И все же женщина вышла из положения как могла. Выход оказался больше похож на безумие и обычное разрушение. А разве

может быть что-нибудь другое, если инь умирает без ян, разве может жить только полсердца?

Силой души, силой чувств, эмоциями, отчаянием взяла на себя женщина все в этом мире для его спасения. Этой силой она берет распадающегося мужчину и усыновляет, потому что материнские инстинкты – одни из самых сильных на земле, хотя вряд ли спасут что-либо. Создается семья, вернее, черная пародия на нее. Она живет с ним только потому, что жить с кем-то надо.

Женщина – самый великий создатель материального на земле. Но мир рушится. Она, женщина, живет с нелюбимым, без наслаждения, а рядом – дети, но не такие, каких бы хотела. И женщина постепенно переходит в состояние отчаявшегося мужчины, мужчина – в состояние пустоты. Вот и получается – и не женщина, и не мужчина, и не дети, хотя в общем-то и любимые.

Здравствуй, апокалипсис! Наверное, сейчас многие, дочитав до этого места, закроют книгу. Что ж, действительно страшно!

ГЛАВА 3

И когда черное выйдет за границы, солнце растопит воздух и выбросит из себя на землю горящую полярную звезду. Ударившись об землю, она сделает реки горькими. И станут реки горькими, животные и люди будут пить и не смогут напиться. Травы, цветы и деревья будут пить и не напьются своими корнями. Пустыня станет Земля. Неживое все будет на ней. И останется горсть людей, ходящих по ней и живущих на ней. Так Создатель вновь оседлает черного демона, пожравшего все вокруг.

(современный перевод третьего стиха тибетского апокалипсиса)

Из-за нарушения баланса продуктов Инь и Ян, основных составных частей на Земле, произойдет химический распад окружающей среды, с последующим разрушением любой жизни на Земле. Химизм Космоса, согласно законам Вселенной, будет восстанавливать баланс, так как по тем же законам: ничего не разрушается, а восстанавливается, переходя в другое состояние. Самым концентрированным Ян, которому подвержена Земля, является Солнце. В связи с изменением и открытием озоновых дыр, в ближайшем будущем лучи, не преломляясь, будут обжигать, т.е. выжигать Землю. Растительность и более высокоорганизованные клетки, до человеческих, будут не в состоянии перерабатывать радиацию Солнца. Одним из главных определений Ян является горечь, и существует большая вероятность, что вся вода обжигившись, вкусом и по химическому составу будет аналогична морской. Тибетские древние записи, предсказав за несколько тысячелетий весь процесс будущего химизма, утверждают, что для отдельных людей, при определенных действиях, сугубо реальных, есть возможность продлевать человеческий род в момент глобальных изменений.

(Институт Космоса. Лаборатория 3441/00)

После лесных открытий, пугающих и радостных, я снова очутился среди клумб с белыми хризантемами. В страшном гнезде, в котором родился и чуть не превратился в ничто, в пустоту, которая может быть только в человеке, потому что именно он, а не кто-то другой на этой Земле может не выполнить даденное Создателем.

Мать по-прежнему терзала подушку. Я уже начал ненавидеть ее непрекращающийся вой, который разрывал душу. Сидел в своей комнате и удивлялся тому, что действительно ненавижу всех, твердо понимая, что при этом никого не боюсь. Да, квакушки оказались великими волшебницами, даже одуревшая мать – и та поразила, как за короткий срок, за каких-нибудь три месяца, можно полностью измениться, окрепнуть и потерять страх.

Стадо, оказывается, очень пугливо. За год я замучил школу до предела, бесстрашно борясь с тем, что считал несправедливостью. Оказывается, любой человек – слабый и трусливый, а женщины, девочки – как они тогда были мне отвратительны!

В первый день школы я избил, поцарапал и даже искусал тех, кто раньше издевался надо мной. Девочки, восьмиклассницы и десятиклассницы, оказались действительно мерзкими. Они готовы были часами тискаться по темным углам школы с изменившимся и окрепшим зверенышем. Юные женщины первыми ощутили внезапно появившуюся животную силу.

Разве знал я тогда закон природы? Как мог понять, что женщина способна бросить, буквально отшвырнуть от себя все – благополучие, деньги, мужа и даже детей, – если увидит что-то стремящееся, сильное и искреннее, а значит, соответствующее продолжению рода. Космические законы берут свое, хоть и сильно покорежились за очень короткое время. Мои годы страха и унижения рассыпались, жизнь превратилась в поиск.

Великая сила – женщина, источник жизни для стремящегося мужчины. Юные девочки своей женской силой сразу поняли меня. Но я не понимал и потому по-звериному осуждал самые священные чувства, которые породило человечество. Я ненавижу себя за годы непонимания, еще больше ненавижу за годы понимания, потому что долгое время не мог остановиться и ранил прекрасных белокрылых птиц-женщин. Не мог остановиться, упиваясь своей силой. Так пьяный, озверевший охотник стреляет по пролетающим белым лебедям.

Все же не были эти женщины и девочки настолько искренними, как лягушата. А разве могли быть? Мы с лягушатами любили друг друга всего лишь несколько дней, до них о любви я не знал ничего. Они с упоением учили меня, а то, что можно стесняться, наверное,

забыли сказать. И это тоже дало какую-то силу. Лягушата, царевны-лягушки – специалисты по выворачиванию мозгов. Кто же их послал и для чего? А если бы их не было? Даже страшно подумать!

В этот раз я бил в туалете рыжего кудрявого историка. Бил по голове и головой о стену, а он визжал, как неудачно зарезанная свинья, визжал с руками по швам. Слишком много ненависти было во мне. И тут в мужской туалет с грудным криком ворвалась она. Не кто-нибудь, а та, которую боялись все, боялись и уважали, – наш грозный завуч по внеклассной работе. Она схватила меня за руки и начала разжимать пальцы, обрывая кудри историка.

– Не надо, – жарко шептала она мне в лицо. – Что ты, не надо!

А я, сжав еще сильнее пальцы, залюбовался ею.

– Как твоя фамилия? – вдруг вырвалось у нее из груди.

Историк давно уже замолчал. И тут я не выдержал и засмеялся. Я четко услышал, не знаю, может, даже увидел или ощутил, три дыхания: дыхание сумасшедшего окрепшего зверя, дыхание, наполненное полупрозрачной гадостью – историка и ...

– Как твоя фамилия? – снова спросила она. – Ну, отпусти, – вдруг жалобно попросил завуч.

– Послушай, да знаю я, за что ты его, – и она крепко потрянула мои руки, в которых заболталась голова историка.

Мои ладони скользнули по его волосам и опустились вниз.

– Да знаю, – продолжала она. – Знаю, ударил первоклассника.

Она закатила ему звонкий подзатыльник, и я ощутил то редкое, что иногда выходит из женщины – страх перед чем-то неслучившимся, невысказанным, неумело прикрытое желание, горячее дыхание с каким-то невероятно возбуждающим ароматом, который покрыл даже вонючий школьный туалет.

Я резко развернулся и вышел, хлопнув дверью. Брел домой, не видя дороги, в солнечный осенний день, натыкаясь на готовящиеся ко сну деревья. “Что же это? – думал я. – Похоже на лягушат, и все же другое.”

Завуча боялись. Неужели ученики этой школы могли кого-то бояться? А как можно не бояться плывущую по коридору, пугающе красивую женщину? Немного длинноватый нос, большой рот с очень тонкими губами, уголки которых, казалось, от брезгливости ко всему опущены вниз. А глаза – узкие, заканчивающиеся чуть ли не у висков.

Мне кажется, что страх возникал больше всего из-за ее шеи, длинной, белой, красивой и беззащитной, но как будто ничего не боящейся. Она переходила во все округлое и очень живое. Удивительные руки. Осиная талия, крутые, крупные бедра. Но ведь все это было скрыто от глаз. Знаю, все боялись ее открытой шеи. Гля-

дя вслед плавно плывущей по коридору, с четким стуком тонких каблучков, каждый раз думал: какая же она вся?

Два дня я терпел, в школе была тишина, как будто ничего не случилось. К директору не вызывали, учителя молчали. Одни лишь наглые девчонки пялились да швыряли записки, в которых зазывали к себе домой.

На третий день я не выдержал. Завуч долго не открывала дверь. Через время, она щелкнув замком, предстала передо мной в халате, с мокрыми волосами.

– Проходи, – удивившись, сказала она. Не видя ничего перед собой, я очутился в зале. – Пришел, наверное, извиняться? Ты же понимаешь, что нужно не передо мной? – слова вылетали автоматически, по-школьному.

И вдруг, подняв на меня глаза, она вздрогнула и отступила на шаг. Мокрые волосы, влажный халат. Я чувствовал, что под ним это загадочное тело, которое снится по ночам. Ее узкие глаза были открыты широко, как никогда. Они казались неестественно огромными, такие же черные и блестящие, как мокрые волосы, закрывающие шею и грудь.

– Что тебе надо? – со страхом спросила она и вдруг задрожала.

Звереныш, подняв две руки, собрал волосы и завел их за плечи. Ямка на шее плавно переходила в уходящую под халат ложбину. Не спеша, удивленный собой, я начал расстегивать пуговицу за пуговицей. Голубой халат упал к ее ногам, охватив их волнистым полукругом. Я вздрогнул и отступил на шаг, наверное, большего в этой жизни не увижу никогда. Вот эта сила – понял я, вот почему ее боятся непонятным животным страхом.

Ложбина исчезала между круглых бархатных грудей, которые хотелось подхватить руками и сжать изо всех сил. Их хотелось мучить, казалось, они жили отдельно от нее. Два больших белых хищных животных. Дальше ложбина протекала по тонкой талии и животу.

Круглые, крепкие бедра, но меня притягивали ее колени. Не понимаю почему. Притягательного было много, но колени обладали загадочной силой. Я не знал тогда, что женские колени – для меня главное. Я не выдержал и, опустившись, обнял их.

– Как твоя фамилия? – снова вырвалось у нее. Она стояла, вцепившись мне в волосы, и дрожала.

Внезапно освободившись от своего страха, я медленно встал.

– Молчи, училка, – я с усмешкой своим ртом вцепился в ее надменный рот.

Она оттолкнула меня и отпрянула, потом вдруг с каким-то клочущим вздохом кинулась ко мне и с силой, схватив за плечи, на-

гнула, прижав к своему упоительному животу. Через мгновение мы провалились друг в друга прямо на ковре, не добравшись даже до дивана.

Халат снова на ней, такой ненужный и отвратительный, закрывающий красоту, которой кто-то бездумно пользуется.

Она вскочила и наотмашь ударила меня по лицу, раз, два, три, бесконечно.

– Этого не было, понимаешь! – требовала она. – Не было, слышишь? – она приказывала.

Звереныш кивнул головой в знак согласия, оделся и вышел на лестничную клетку через дверь, которую в своем порыве они даже забыли закрыть.

– Вырастешь, поймешь, – услышал он в след.

– Пойму, – согласно кивнул я, слизывая соленые горячие слезы, бегущие по лицу.

Это было первое, что на мгновение размягчило озлобленное сердце. Я еще долго плакал в подъезде, после чего сердце затвердело еще больше.

Мой восьмой класс заканчивался, я оставлял в школе прекрасных женщин, которых презирал, считая бесстыжими и бесчестными. Молодой и наглый болван. Тешила мысль, что они общаются, разговаривают друг с другом, умничают, а у каждой есть своя тайна. Вот так и общаются, может, и до сих пор. Нежная учительница литературы, добрая учительница биологии и строгий завуч, который чуть не пробудил во мне человеческое. Неважным оказалась педагогом, но я ей прощаю.

Начался новый этап в моей жизни. Нужно устраиваться на работу, в пятнадцать лет что-то делать, как-то приводить в чувства мать и бежать от белых клумб, от издевательств родных, которым мы оказались совершенно не нужны. Отец перестал появляться вообще, грозный дедушка уже открыто выгонял нас. В свои пятнадцать я решился. Поссорившись со всеми родственниками (кроме бабушки Кати), высказав им все, я затоптал белую клумбу и, забросав в небольшой грузовичок наш нищенский скарб, втащил в него мать. Мы поехали к ее матери в коммуналку. Девятиметровая комната: я, мама, бабушка и ее сестра. Новый этап в жизни, отвратительная работа и учеба в вечерней школе.

Вечерняя школа хоть иногда развлекала. Больше всего запомнился главный страдалец – угрюмого вида здоровенный мужик, кажется, слесарь. Чем-то он отличился – то ли герой труда, может, в свое время наточил слишком много деталей, перевыполнив все мыслимые и немыслимые планы. Да и кличка у него была смешная.

– Вон, – говорили ученики, – пошла “пяtilетка в три дня”.

Слесарь ненавидел школу. В свои почти пятьдесят лет он был со мной в одном классе. Завод решил, что ударник труда не имеет права быть неграмотным. Представляю, как он ругал себя за эти перевыполнения. Приходил он так же редко, как и я, поэтому виделись не часто. Фамилия была у него Иванов, это я запомнил. Запомнил и урок математики.

– Иванов, – проговорила молоденькая учительница, – что же вы все время молчите, да и мрачный какой-то?

Иванов глянул на нее так, как будто хотел съесть.

– Ну, Иванов? – вопрошала учительница. – Не молчите, прочтите хотя бы то, что я написала на доске.

Лицо у ударника стало настолько свирепым, что молоденькая преподавательница отступила на шаг.

– Ну-ну, читайте, – поощрительно повторила она. Это был наш первый урок. – Читайте, читайте, – снова мило улыбнулась учительница. – Мы ведь должны с вами хоть как-то познакомиться.

Иванов громко заскрипел зубами.

– Я жду, – учительница улыбалась.

Я глянул на Иванова и понял, что он решил. Было видно, что только сила ударника не дает ему расплакаться.

– Щас, прочту, – выдавил он из себя. – Ху, – начал Иванов, – плюс у равняется пять ху.

Учительница схватилась за сердце, никто даже не засмеялся.

– Ну, прочел, – со злобой прошипел Иванов, горько вздохнул и вышел из класса.

Вот такая была моя вечерняя школа.

... – Серый, – Андреевич ткнул меня в бок. Я поймал себя на том, что вспоминаю о детстве и со страхом смотрю на вибрирующее, в заклепках, крыло самолета.

– Андреевич, неужели так и должно быть? – я мотнул головой в сторону иллюминатора. – Неужели так?

– Да, – подтвердил Андреевич. – Иногда так дребезжит.

– И не отвалится?

– Ну, уж чего не знаю, того не знаю, – улыбнулся Андреевич. – Да и чего бояться? Глянь, какие орлы! – имея в виду пацанов, сказал он. – Даже если и оба крыла отвалятся, на одной энергетике вытащат.

Ну, а теперь об орлах. Я только приехал из корейской общины и в общем-то без отдыха приходилось лететь в Чуйскую долину. Андреевич буквально огорошил меня этим.

В дверь постучали так, как стучат только трое людей в этой жизни: Андреевич, Гончаренко и Игорь. Люди, спасшие меня

в трудное время. Я тогда совершенно разуверился хоть в какой-то справедливости. Кунг-фу и все боевые искусства вошли в моду, а это значит – бизнес.

Тогда я первый раз вернулся из корейской общины, которая доверила знания, а это – травы, формы и школу Дракона. Совершенно свихнувшись, я начал лечить людей, за что сразу и пострадал. Придумав хулиганскую статью, советская власть зашвырнула меня на усиленный режим. Пройдя годы этих испытаний освободился. Одно лишь отчаяние и больше ничего.

И вдруг чудесное знакомство. Андреевич – ученик самого Фу Шина, Гончаренко и Игорь. Все учились у мастеров, беря знания из рук в руки, знаменитые, всеми уважаемые. Жизнь пощадила меня. Только благодаря друзьям я смог поехать в общину во второй раз. Мой учитель Ням, прощаясь, с улыбкой сказал, чтобы я передал привет Черному Дракону – Фу Шину.

– Но как? – удивился я.

– Передашь?

– Конечно, Учитель, – я поклонился. Это была моя последняя встреча с Учителем. Ехал домой и все думал: “Как же возможно передать привет великому Тибетскому Патриарху?” Учитель, оказывается, знал все.

– Ну что, Серый, готов ехать? – спросил Андреевич.

И я поехал, взяв с собой жену. После тюрьмы она не любила со мной расставаться. Андреевич, который не видел своего учителя почти десять лет, решил ехать. Фу Шин написал любимому ученику, что школа гибнет, мудрость, глубина и чистота движения переходит в тупое стучание по грушам. И Андреевич решил спасти “Северную корону кунг-фу”. Поэтому мы и летим в дребезжащем самолете. Двадцать человек: восемь человек – моих и восемь – Андреевича.

Еще с нами летит спонсор – важный, в больших тяжелых очках. Даже Андреевич обращается к нему уважительно, на Вы, и к тому же Федор. Все куплено на его деньги. Обычно от наших бизнесменов ничего не дождешься, но этот – правильный, даже читающий умные книги. Строгий, я не знаю, кем он был раньше, до нашей знаменитой демократии, но у него была крепкая хватка жутко гордого комсомольского вожака, глубоко верующего в реальный мистицизм. А может, и в мистический реализм, ведь чужая душа – потемки.

Нам он очень помогал, без него, может быть, ничего бы и не было. Но как бы не было, если он был, – и от этого факта никуда не денешься.

Сильный, строгий, с глубоким голосом, в очках с толстыми стеклами, сверкающими, как две звезды, красивый и не дурак вы-

пить. Федор глубоко проникся идеями школы и ввел их в свою семью неколебимым законом, забыв спросить, нужно ли ей это. Не знаю, как отразилась школа на семье, но он похорошел, помолодел и поздоровел. После чего решил сделать счастливыми своих подчиненных. В общем, хватка была железная. На тренировки ходил редко, но был уверен, что понимает все правильно. Добрейшей души человек.

Однажды на тренировке я своим ребятам сказал, что они никогда не будут бизнесменами и никогда не разбогатеют. Очень многие возмущенно спросили: “Почему?”

– Что же тут непонятного? – удивился я. – Ведь бизнесмены сейчас изо всех сил делают деньги, а вы торчите в душном спортзале и слушаете о душе, о Космосе, оккультизме, а это денег не приносит. Все это приносит тяжесть, потому что знания очень тяжелы сами по себе. И только тогда они приносят радость, когда этими знаниями, приобретенными с трудом, при полном непонимании близких и окружающих, овладеешь настолько, что начнешь облегчать страдания других. Вот тогда действительно добьешься долгожданного состояния. Да не просто это, вдруг не получится. Гораздо проще делать деньги, но у вас нет этого таланта, поэтому вы сидите и, как вам кажется, слушаете возвышенную белиберду. Скоро вас станет гораздо меньше половины, но как мне хочется верить в оставшихся! Потому, что для меня это – смысл жизни, задание, данное Учителем. Вот и лечу ваши больные тела для того, чтобы вы поверили в свою душу. Выздоровливая телом, вы начинаете обращать внимание и на нее.

Мы с Андреевичем ломали голову: где взять деньги и сколько людей везти в Чуйскую долину? Федор встал и сказал, что может отвезти хоть всех, театрально махнув рукой в зал.

И тут начался массовый психоз. Многие собрались бросать семью, работу и даже учебу. А один сварщик начал слезно объяснять, что ненавидит свой сварочный аппарат. Наверное, насмотрелись ребятки невероятных гонконговских фильмов. Едешь к Учителю, сперва тяжело, ну а потом – чуть ли не круче Самого. Странно, взрослые ребята, тренировались по несколько лет, многие даже в армии были. А тут совсем думать не захотели, объясняй – не объясняй. Действительно, массовый психоз. Стремление некоторых людей к силе знания – величайшая загадка. Они рвутся к нему слепо, даже не пытаясь осознать свои собственные силы. Все это я могу сравнить только с одним – полупрозрачной бабочкой, которая почему-то не может не сгореть в пламени свечи.

По старой даосской легенде, сгоревшая ночная бабочка превращается в прекрасный дневной цветок. Ошибки прошлого

ранят в самое сердце, но сердце приобретает упругость стали или стораает, как ночная бабочка. Вот что такое знание, и третьего не дано.

Возле моего левого плеча, из прохода, показалась строгая физиономия Федора, который решил лететь с нами и побыть аж две недели:

– Ну что, Анатолевич, может, коньяку выпьем?

Рядом со мной засопел и проснулся Андреевич. Он приподнялся в кресле и, повернувшись к Федору, спросил:

– Вы считаете, что так нужно, Федор?

– Ну, – смутился тот. – Еще лететь и лететь, скукотища.

Напряжение было велико. Мы летели в то место, которое боготворили и которого боялись. Андреевич уже давно не пил. Да и пить мастерам нельзя. Представьте себе: мастер проработавший не одно десятилетие в Кунг-Фу на лечение и спасение людей. Для демонов и безумия он не подвластен ни в какой степени. О таких демоны разбиваются вдребезги. Но есть одна лазейка: “In vino – veritas”. Истина в вине. Истина – потому, что алкоголь вырывает тайное и сокровенное из души человека. Тихоня начинает волочиться за женщинами. Серьезный, интеллигентный человек с радостным смехом ложится в лужу. Что может произойти с мастером? Ничего не произойдет, кроме неконтролируемой силы. Имея лазейку, демоны делают так, что мастер теряет контроль над собственной силой. А это значит: оторванные ручки автомобилей, вывернутые руки в дружеском рукопожатии. И если, не дай Бог, расслабленного мастера энергетика поведет в сторону и он попадет в стену – испорченная квартира и стену класть заново. Федор так вдохновился поездкой, что совершенно забыл о чуждой ему мистике. Впрочем, как и мы все. Но все же начал это именно он.

Появился коньяк в больших и красивых бутылках. Федор с удивлением обнаружил, что мы с Андреевичем наливаем по полному стакану. Да, для того, чтобы проняло мастера, да еще такого, как Андреевич, необходимо мастерское количество. Поэтому два стакана Андреевича равнялись моему одному. Мой один – четверти Федора. Арифметика была простая, но Федор глубоко задумался. А я, расслабившись и закрыв глаза, ушел в кувыркаяющиеся воспоминания.

Школа, в которую вложены знания тысячелетий, опасна на столько же, как и личный апокалипсис. Школа внутри берущего ее может взорваться, как ядерная боеголовка.

Вспомнился скорбный случай из моей многолетней практики. Несколько лет назад был у меня ученик. С именами, к сожалению, туго, потому что человека воспринимаю по состоянию, учеников

подбирать – огромная сложность, а от ошибок никто не застрахован. Хотя ошибки совершать никто не имеет права.

Я очень четко представил его: чистенький, умный, сын интеллигентных родителей, серьезно занимающихся историей. Ясные, умные глазки, умение глубоко вдумываться и выражать это уродливым русским языком. Одним словом “вшивый интеллигент”.

Он был первый, на ком я сорвался. Каждое лето мы с женой вывозили своих ребят в лес. Ставили тренировочные станки, правильно питались, выдерживая законы Инь-Ян. Тоска по корейской общине периодически вдохновляла на сложные поездки. С нами ездили даже очень юные создания, удивляюсь, как родители опускали их.

И вот, пугая местное население, толпа в тридцать человек от железнодорожных путей прошла через село. Мы выбрали великолепный сосняк, рядом была поляна, в центре ее решили поставить станки. Но прежде всего – место, которое должно нас питать. Я предложил старшим ребятам придумать что-нибудь для костра. Это было не дикое место, – рядом дорога, колхозные поля, и мне казалось, что приспособить место для костра проще простого. Поэтому несколько человек, по моему совету, пошли искать кирпичи или какие-нибудь железки. Палатки ставили долго, у ребят совсем не было опыта. После часа мытарств я оглянулся на то место, где должна быть кухня. Там сиротливо стояла стайка ребят под предводительством историка.

– Ну, – подошел я к ним.

– Вы знаете, – начал он, – просто не поверите, но ни кирпичей, ни железных полос в округе абсолютно нет.

Может, община повлияла. Но действия окружающих порой казались бредом сумасшедшего.

– Ребята, – не выдержал я, – но это же глупость, мы не в пустыне. Ведь вы ищите именно то, что сказал я: кирпичи, железки. Но я не отдавал приказ. Неужели нет ничего, чтобы можно было приспособить для котла?

– Ну хоть мне вы поверить можете... – мудрый историк развел руками.

– Давайте так, – не выдержал я. – Через десять минут все будет.

– Это абсолютно невозможно, – снова вставил нахальный юнец.

Через пять минут в десяти метрах я наткнулся на обод от колеса трактора. В центре обода была дыра, а вокруг – дыры поменьше, в которые удобно подбрасывать хворост. Большой котел закипел почти мгновенно.

– Да, очень удачное приспособление, – вдруг громко произнес историк. – И обратите внимание, ребята, – он с умным видом оглядел собравшихся. – Так быстро закипело в связи с тем, что ветер не односторонне попадает в обод и получается целенаправленное экранирование огня.

И сразу же получил от меня ладонью в ухо. Я всегда не любил теоретиков и особенно историков.

Так вот что натворил этот историк. Однажды после тренировки он подошел ко мне и рассказал интересную историю. Девочка, любовь, у девочки умная мама, перед которой хочется повыпендриваться. Мама заинтересовалась той системой, которую я преподавал своим ученикам: это питание, дыхание и за счет всего измененное восприятие мира. О системах потом – сейчас печальная история. Будущая теща историка была очень благополучной женщиной: работа начальника, удачно учащаяся в институте дочь и тихий, толстый, иногда слезающий с дивана муж. Все, о чем может мечтать современная женщина.

Но слишком сильная была она. Заинтересовала ее школа, которой занимался мой недоделанный Геродот. Мало того, еще и увядающая красавица. Сила женщины в ней победила, она бросилась с головой в дыхания, в питание, даже начала делать энергетические упражнения. В результате через год, помолодев больше, чем на десять лет, и похудев, ей вдруг стало глубоко наплевать на свою работу, она возненавидела толстого мужа, и, как, всякую нормальную женщину, ее потянуло к любви. В результате юный историк с ней и закрутил эту самую любовь. Крутили они ее достаточно долго. Дочка чуть не сошла с ума, а тихий муж по-прежнему лежал на диване. И что поразительно – через год он простил свою сдуревшую жену, приняв обратно. Дочка успокоилась, возненавидев историка. А я вышвырнул его из спортзала и впервые серьезно задумался над знаниями, которые могут оказаться такими опасными.

... – Серый, – ткнул меня в бок Андреевич. – Ну что, еще по коньячку?

У нас за спиной испуганно заблестел очками Федор, наконец-то до него дошло. Федору еще ни разу не везло, он не видел скрытых возможностей мастеров. Мне повезло гораздо больше, рядом со мной был Андреевич, который занимался моим воспитанием, иногда даже чересчур. Мы много говорили о школе и факиризме, который мог проявиться в ней, как разъедающая опухоль. Если человек работает по школе, он не должен проявлять или искать в себе какие-то особенные способности. В определенных ситуациях они проявятся сами, это обычно происходит в моменты отчаяния или слабости.

Андреевич рассказывал о том, как клетка на выдохе старается задержать кислород. Это является показателем здоровья, потому что на полном выдохе обычный человек может не дышать от десяти секунд до шестидесяти – это плохой результат. И когда я продержался всего лишь двадцать пять секунд, то посмел выразить недоверие, из-за чего Андреевич, демонстрируя свою здоровую клетку, просидел два часа под водой. Это было сделано для того, чтобы убедить нас, неверующих, а под водой, – чтобы убедились в отсутствии кислорода. Андреевич запросто мог не дышать ртом, но дышать телом. Много удивительного в этом человеке.

Однажды, когда я шел с Андреевичем по городу, через дорогу он увидел пьяного ученика. Андреевич позвал Сашу. Пьяный ученик радостно замахал руками:

– Сейчас, Учитель, возьму коньяк и к вам.

– Саша, – повысил голос Андреевич. – Идем ко мне.

Это было рядом с его домом. Жаркий день, бегущие бесконечной вереницей по расплавленному асфальту машины.

– Сейчас, Учитель, – все также радостно замахал руками ученик.

Это был один из лучших и любимых учеников Андреевича.

– Саша, – жестко позвал Андреевич, бросив в него взгляд.

Вдруг раздался визг тормозов. Ближайшая машина, проезжающая мимо, резко затормозила. В нее ударились следующая и так еще несколько машин. Вот она, неконтролируемая сила. Андреевич опустил глаза и быстро пошел к своему дому, мгновенно протрезвевший Саша кинулся вдогонку. Из машин начали вылазить обалдевшие водители.

Если занимаешься факиризмом, перестаешь быть учеником, становишься факиром, то есть цирковым клоуном. Большие мастера иногда позволяют себе такие демонстрации для убеждения учеников.

Под испуганное сопение Федора мы выпили еще по стакану коньяку, но это была капля в море, только мысли в моей голове побежали несколько беспорядочно. Демоны любят заставлять вспоминать об ошибках прошлого. Я начал вспоминать о том, что привело меня к самому главному в жизни – Учителю. Это был хаос в высшем своем проявлении, то есть гармония.

... Вечерняя школа не давала никаких знаний, дневная – не успела дать, и я бродил по жизни в поисках хотя бы одной царевны-лягушки, память о которых шла из соснового леса, впитавшего мое детство. Жить без элементарных человеческих знаний было невыносимо. Бабушка имела знакомства, и меня в пятнадцать лет взяли ремонтировать весы в магазинах и на складах. Еще я иногда

посещал школу для того, чтобы схватить какую-нибудь понравившуюся девчонку для занятий любовью.

С женщинами у меня были какие-то непонятные отношения. Я испуганно просыпался по ночам в мягкой постели и не мог понять, что это – то ли ненависть, то ли любовь. Но ведь нельзя же всех любить или ненавидеть. Женщины тянулись ко мне и одновременно боялись. В общем, был полный бардак, который, когда я ремонтировал весы, добрые молоденькие продавщицы заливали водкой. После чего транспортировали к себе домой. Я часто просыпался в незнакомых квартирах с незнакомыми женщинами. И так с пятнадцати лет.

Умные книги сделали свое дело, и я решил, бросив все, уехать куда-нибудь подальше. Тем более, что мать наконец-то пришла в себя и нашла мужчину. Мужчина был великолепный, и я со спокойной совестью мог бросить этот мир, который ничем больше не держал.

Да здравствуют книги! Да здравствует экспедиция! Я решил стать первопроходцем. Мне более чем повезло. По транссибирской магистрали поезд увез слесаря по ремонту весов на Дальний Восток. Я ехал с биофаком в долгую экспедицию. Они чего-то там нашли и решили исследовать. Ох, уж эти биологи, люди, пытающиеся познать окружающую природу, но совершенно не познавшие себя. Они изучали, уничтожая то, что интересует и то, что не интересует. Стреляли по одним редким птицам, чтобы сделать чучела, вылавливали других, чтобы посадить в клетку и наблюдать до тех пор, пока они, помаявшись, не сдохнут.

Мне вспомнилось несколько случаев, с которыми столкнулся в жизни. Люди с учеными званиями и степенями, но они ничего не поняли, совершенно запутавшись в окружающем. Мало сидеть на лекциях, мало читать их самому, слишком мало даже ездить в экспедиции. Нужно понять то, что видишь, пользуясь законами Космоса, а не какой-то размытой теорией, базирующейся на каком-то столь же непонятном реализме.

В девяностых годах, в начале разгула демократии, Патриарха, к которому я сейчас лечу, начали терроризировать умные бородастые дяди. Оккультизм входил в моду. Оккультизм – это то, что выходит за рамки понимания общества, которые оно же и создало. В течение трех дней бедного Учителя осаждали доктора, профессора и всякие кандидаты. Он, уставший и обалдевший, ходил вдоль чуйского канала, а они почтительно, на расстоянии, но все же наглой толпой топтались возле.

– Что надо? – спросил Фу Шин у одного бородатого и очкастого интеллектуала.

– Вы понимаете, – важно начал тот, – меня очень интересует влияние химизма Полярной звезды на человека.

Учитель тяжело вздохнул.

– Как срет корова? – спокойно спросил он.

Бородатый аж шарахнулся в сторону.

– Ну? – снова спросил патриарх.

– Не знаю, – засмутился профессор.

– Ну, ну, – поощрительно продолжал Учитель.

– Лепешками, – вырвалось у бородатого.

– Правильно, – улыбнулся Учитель. – А коза?

– Горошком, – уже более смело ответил ничего не понимающий бородатый.

– Правильно, – снова улыбнулся Учитель. – А почему?

– Не знаю, – удивленный профессор трагически развел руками.

– Вот видишь, – Фу Шин покачал головой. – А в звезды лезешь.

Со мной происходили интересные истории. Когда я вернулся из общины, то снова столкнулся с глупостью и непониманием людей, которые занимались самым главным: биологией – это то, что вокруг нас, и медициной – это мы сами. Например, я долго вдалбливал группе медиков, что есть Инь и Ян. С этим они согласились. Ян – это щелочь, Инь – в основном кислота. Почти девяносто процентов женщин не могут забеременеть из-за повышенной кислотности в организме, а те, которые могут забеременеть, чтобы этого не случилось, пользуются кислыми продуктами – лимоном, уксусом. Даже фирменные таблетки являются кислой средой, а значит – концентрированным Инь, который легко убивает сперматозоид. Женщин жестоко оперируют, проводят всевозможные разрушающие чистки. Но почему они должны после этого забеременеть, ведь щелочь в организме не повысилась, кислая среда как была, так и осталась? Следующий мой вопрос был таким: “Что делать?” И тут медики меня просто перепугали.

– Надо взять мужской сперматозоид, – начали они, как будто есть женские, это меня сразу насторожило. – Потом поместить один в пробирку со щелочной средой, другой – с кислотной и выяснить, почему кислота убивает, а щелочь нет.

Прямо как в анекдоте.

Но ведь взятый сперматозоид будет уже не просто сперматозоидом, а сперматозоидом забранным. И зачем что-то выяснять? Вот так у них всегда: десять лет ставят диагноз, потом радостно объявляют, чем человек болен, но не объясняют, от чего болен и что с этим делать. Не проще ли, зная, что щелочная среда – это жизнь, ощелочить организм?

Еще медики предлагали больному выпивать в день по ложке соды. Ничего себе ошелачивание – с уничтожением внутренних органов!

А нужно всего лишь пить янистые травы и употреблять янистые продукты. После чего через пару месяцев женщины без всяких мук беременеют.

Нехватку йода предлагают пополнить употреблением нескольких капель раствора жидкого йода с молоком. Конечно, все это не усваивается. Когда я объяснил, что нужно употреблять морскую соль, в которой йода более чем достаточно и он усваивается, все в один голос закричали, что в морской соли много песка, а это – камни в почках и т.д. Как будто они образуются от песка. Да его можно есть хоть ложками.

Мне некогда было протирать штаны в медицинском институте, и я не понимал этого бреда. Знал только одно – они не вылечили еще ни одного человека.

Вдумайтесь, поройтесь в памяти: знаете вы хоть одного человека, которого вылечила так называемая традиционная медицина? Медики не желали этого понимать.

Биологи просто пугали. Узнав, что я не ем мяса, они пророчили в ближайшем будущем слабость, а потом даже смерть. О чем можно говорить, если лично сам завкафедрой биофака утверждал, что только травоядное способно питаться растительной пищей, так как имеет сычуг, несколько желудков, жвачку и так далее и тому подобное.

Завкафедрой мне заявил, что если я не буду, как лошадь или корова, пастись с утра до вечера, то умру от нехватки калорий.

Да, они действительно не видят окружающего и не умеют сопоставлять, сравнивать и соединять. Когда я напомнил этому биологу, что наш аналог, живущий на земле, абсолютный вегетарианец, он сильно засмутился. А ведь горная горилла имеет даже группу крови. Но в тот момент, глядя на меня, он почему-то вспомнил лошадь и корову. Расширяющиеся геморрои – самую инистую болезнь – в наших общественных рамках лечат обычным отрезанием сгнившего куска кишки и пришиванием ее на место. Опять же плюс-ткани, больные клетки, которые плодятся с огромной скоростью, выражая себя в страшных опухолях, у нас лечат чем угодно, ускоряя их рост, закармливая больного качественными продуктами. Именно на них, на этих качественных продуктах, на неотработанной энергии и дополнительных калориях растут опухоли.

Мы живем за счет того, что едим. Мы живем за счет того, что окружает нас. Почему же мы забыли об этом? Лечим друг друга химией, которая является сверхконцентрированным Инь.

Никто при мне никогда не задумывался о самом главном, о том, что может спасти нашу землю, – о силе ян. В рамках общества абсолютно отсутствует какая-либо медицина, только лишь хирурги умеют что-то делать. Но ведь все не отрежешь, да и не пришьешь все, что нужно. Я чуть не сошел с ума, приехав в город из доброй и понятной общины.

... Коньяк все-таки ненадолго расслабил и успокоил. Дребезжание самолета отошло, и я ушел памятью в общину. Я прекрасно понимал: нужно дать полный отчет Фу Шину о своих знаниях, но еще нужно, чтобы он выслушал. Ясный и четкий отчет за семнадцать лет. Стало даже смешно. Но Учитель, к которому я летел, мог добавить силы для будущего пути.

ГЛАВА 4

Память забросила меня в экспедицию на Дальний Восток. Тяжелая работа, не менее тяжелый начальник, разочарование и злоба – вот то, что принесла мне экспедиция. По ночам из-за технического спирта снились идиотские сны. В коллективе ни с кем не сошелся, после чего пришла черная меланхолия, периодически переходящая во взрывы ярости. Я зашвырнул эмалированное ведро, добросив его до самого центра реки.

Дальний Восток. Летом необыкновенная красота, но надоела и она. Перестали удивлять яркие цветы и даже огромные листья лопуха.

Я шел сквозь тайгу, давя все живое на своем пути. Впереди вспыхнуло круглое сине-зеленое озеро, бьющее перламутром по глазам. Вдруг оно вздрогнуло и поднялось вверх, крупные бабочки в две ладони – махаоны Маака. Они пили воду из лужи.

Озеро, летящее над головой. Стало ясно, что заблудился, а когда стало страшно, встретился маленький узкоглазый человечек, в котором я сразу ощутил то, чего не хватало всю жизнь. Он, наверное, ощутил гораздо большее и поэтому, взяв меня за руку, повел с собой. Это не сказка, просто мир, в котором я жил, так получилось, не дал ничего, но ухитрился забрать самое главное – веру, надежду, любовь.

Маленький кореец вел за собой “мертвого” человека, он сразу понял – так нужно. Не принято у мастеров оставлять умирающих от отчаяния и неверия в собственную душу. Откуда мне было знать, что даже есть душа. А он вел меня за собой и приговаривал:

– Нисего, сто больная, нисего, сто мертвая, зато сильная и сердитая. Это холосо.

Не знал я тогда, что вел меня за собой один из крупнейших мастеров одной из шести оставшихся корейских общин. В Северной Корее свирепствовал Ким Ир Сен, в южной – Чон Ду Хван. Знания хранились в тайных и затерянных местах, так было всегда. Хочется верить, что пришло время...

Ведь разрешили же написать эту книгу, может, что и получится. Из восточных знаний вышло все, ибо они самые древние, и все

это человечество изуродовало до предела, назвав религией. Может быть, религия и хорошо, но в ней нужно родиться. Что осталось нам, загнанным? Мы действительно успешно загнали сами себя. Может, стоит повернуться в сторону самых древних, чистых и неменяющихся Знаний?

Земля, на которой росли сосны, как будто заволновалась, самая высокая волна в центре была прорезана длинным тоннелем. Если эти насыпи были насыпаны человеческими руками, то очень давно. Огромные сосны и сухие камни росли из земляных волн. Тоннель, в который мы зашли, был выложен сверху, снизу и по бокам обструганными бревнами, через каждые два метра – небольшие, в полроста, входы. Сухо и тепло. Большая печь в самом конце стояла на земле, и если кормить ее деревом, то зимой было тепло. Перед входом в земляной вал стояли два огромных котла с горячей и холодной водой, под горячий котел два монаха равномерно подкладывали хворост.

Метрах в десяти за котлами была большая, со странными тренажерами, площадка. Эти тренажеры назывались станками – вкопанные в землю бревна, ошестинившиеся вбитыми в них острыми ветками. Это были “деревянные люди”. Изогнутые бревна, с большим количеством деревянных рук, чем-то похожие на ежей, назывались драконами. В три обхвата бревна, качающиеся на толстых цепях, назывались волной. За площадкой, метрах в двадцати, была кухня – такие же котлы, за которыми приглядывало несколько монахов.

Всего в тоннеле жило человек пятьдесят. Странное место, странные люди. Почему они так живут? Что им нужно? Я попытался задуматься, но думать не было сил.

Человек, который назвал себя Юнгом, завел меня в низенькую келью. Мы шли с ним несколько дней, и поэтому он смилостивился надо мной, сразу выйдя. Я провалился в глубокий, тяжелый сон. Это было какое-то особенное место, но какое, я даже не предполагал. Приснилась прошедшая жизнь, восемнадцать с небольшим лет – пугающие, пустые, совсем никакие, я остро ощутил это и проснулся. Очевидно, было утро, но в тоннеле, конечно же, темно. Выйдя на ощупь, я очутился на большой поляне. Братья по общине, очевидно, долго уже сидели, скрестив ноги, расслабленно, с какой-то внутренней непостижимой силой, они смотрели на вход в тоннель. Я вышел, и сила общины, в сотню пар глаз, обрушилась на меня, стало страшно, но что было терять.

Я ощутил, что попал в место силы, вернее, не я, а мое внутреннее Я. Оно понимало, что такое место силы, а я был просто в неведении и отчаянии. При моем появлении Юнг что-то резко сказал,

монахи вскочили и рухнули на одно колено, протягивая вперед руку. Я понял – кланяются мне. Сердце заколотилось, казалось, оборвутся внутренности. Почему они кланяются мне? Может, упасть на колени тоже? Я повернулся к тому, который меня привел, и вдруг не увидел человека. Напротив стояла то ли хищная птица, с огромным, жестким клювом, то ли дракон. Страшное втянутое лицо, мне показалось, что руки высохли, а суставы стали больше. В тот миг понял, что эти руки могут вырвать кусок моего тела. И вдруг Юнг засмеялся:

– Стласно? – спросил он.

– Угу, – промычал я.

– Интелесно? – спросил он.

– Угу, – снова промычал я.

– Нлавиться? – улыбнулся мастер.

– Угу, – промычал я, чувствуя себя полным идиотом.

– Эта сила, – засмеялся Юнг. – Наусю. Сесяс иди, – он указал пальцем на братьев по общине.

Каждый занимался своим делом. Кто рубил дрова, кто кормил огонь под большими котлами, готовили есть, но большее число работало на станках. Я слонялся среди монахов, тупо все разглядывая. И никак не мог понять, куда же попал? Что творится вокруг? Красивая, немислимая сказка. Может, книги детства свели с ума? Но все оказалось более прозаичным. Начали наступать холода. “Боже мой, – думал я, – что за идиотская жизнь? И так все время голодаю”. Слоняясь среди корейцев, я постоянно думал о еде. Тем более, что ничего мясного не было и в помине. Каша и трава. Трава и каша. Я сходил с ума от этого рациона.

Через несколько дней меня немножко попустило. Оказывается, растительная пища очень сильно освобождает нервную систему от лишних перегрузок, да и вообще оттого, что хотелось есть, все страдания отходили в сторону. Попросту жутко хотелось жрать. Поэтому кусты с попадавшимися на них ягодами съедал чуть ли не до корней.

Каши и трава забирали грязь, которую накопил в себе за годы бездарной жизни. Мозги прояснились. Как только привык к голодному состоянию, снова извечный вопрос: “В чем же он – смысл жизни?” В священной общине меня начали учить не в чем смысл жизни, а учить жизнь, окружающую меня. В общине на меня никто не обращал внимания. Если я подходил к какому-то монаху, он на мгновение замирал с улыбкой на лице, а потом снова продолжал заниматься своим.

Я ходил за Юнгом, как привязанный, а он рассказывал удивительные легенды о какой-то Небесной стране утренней прохлады,

где все прекрасное и живут сильные люди, маленькие и красивые. Берегли они свою страну, воевали, защищая свои синие горы, покрытые сверкающей от росы зеленью, водопады, подобные клинку небесного меча, острые и холодные. Защищали от набегов огромных кочевников, которым тоже нравилась Небесная Страна. Но люди не боялись, ведь у них был Великий Дракон Ссаккиссо. Он выпросил у Создателя силу воина. Создатель сжалился и дал маленькому народу героя. Мать назвала его именем священного Дракона Ссаккиссо. Имя Дракона разрушителя, пятого дракона в священной шестерке.

Число шесть прошло сквозь меня и через мою жизнь. Космическое число шесть, на котором стоит незыблемый фундамент Истины.

Стихий – четыре: Земля, Вода, Воздух, Солнце. Все это есть и в нас самих. Мы маленькие повторения Космоса, живущие в нем, получившие разум.

Я поразился, когда узнал определение разума. Оказывается, есть четкая формула, что такое разум. Кланяюсь своему Учителю, только четкое изложение этого и дало мне возможность услышать Фу Шина.

Если эти четыре стихии соединяются, на Земле происходят ураганы, землетрясения, пробуждается пятая стихия. Имя ее Дракон Ссаккиссо – великий разрушитель. Но слава Создателю, что шестая стихия – это жизнь. Потому что, когда соединяются Земля, Воздух, Вода и Солнце, на земле появляется жизнь.

Великая воинская шестерка. Ибо тот воин является светлым воином, который силу несет во имя жизни и океана любви, океан должен растечься по нашей Земле и залечить ее черные раны.

Юнг мог открыть ладонь и быстрым движением больше чем на половину погрузить ее в ствол сосны. На цепях раскачивали огромное бревно и бросали в подошедшего Юнга – и бревно нежно оседало в его скрещенных руках.

– Пасть водяного Дракона, стихия Вода, – гордо улыбаясь, говорил Юнг.

Был случай, который просто поразил: в Юнга запустили бревном, дрожа на цепях, оно полетело. Он, не сходя с места, выбросил вперед руку. Бревно лопнуло, как щепка.

– Земля, – строго сказал Юнг. – Каменный Дракон, еще можно – Алмазный.

Юнг потихонечку учил меня, тщательно все объясняя. Мы говорили о стихиях: стиль каменного Дракона, то есть Земли. Огромная, всеразрушающая мощь, то, что больше всего подходит людям с крепким костяком, укрепляя и увеличивая их силу.

Земля – это самый сильный Инь, такой же сильный, как и женщина. Он так же возвращает в себе.

Вода – стиль мягкий, текучий, тоже Инь, но вода может быть твердой, как металл. Ведь твердый и острый кусок льда – страшное оружие. Вода может называться металлом. Он тоже может быть текучим, как вода.

Воздух – порывистый, легкий, способный разрушать мощные преграды.

И все прожигающий Ян, высшая мужская сила – Солнце. Отец, поднимающий вверх ростки. Дракон, прожигающий преграды, испаряющий воду и плавящий металл, взрывающийся при встрече с воздухом.

Я видел несколько кусков рельса, перерезанные неизвестно как. А Юнг рассказывал о Патриархе родовой школы Ссаккиссо. Это он разрубил металл. Это он – тот, кто лечил людей не травами, а прикосновением рук и ласковым словом, – Учитель Ня.

Я ощутил, что травы – это мое. Я чувствовал их, но Юнг предупреждал, что они обладают силой аккумулировать энергию составляющего травяные сборы, а значит, тело должно быть чистым, без болезней, которые можешь передать через травы. Душа должна быть чистой, потому что ее ты передаешь больше всего. Мысли должны быть чистые, как водопады Небесной Страны.

Я тянулся к травам, они уже почти перестали бояться меня. Ведь я не употреблял мясного и не считался в этом мире убийцей, убивающим постоянно или поощряющим убийство.

Осенью, когда сосны уже собрались покрываться первым снегом, в общине случилось событие: все ели мясо. Не знаю, откуда взяли его, наверное, уложили какого-то меньшего брата алебардами или стрелами. Но Юнг мне мяса не дал, пообещав объяснить потом. Я долго мрачный бродил вокруг тренировочной площадки, борясь с обидой, с голодом и набегающей вязкой слюной.

Создатель сотворил всех зверей, но среди скал лежало круглое, как земля, огромное яйцо Дракона. Звери долго жили на земле, Дракон все не выходил из своего кокона, а когда разорвал яйцо, с удивлением глянул на мир. Рожденный Дракон шел, разбивая деревья, хвостом отламывая куски от скал. Увидел змею, удивился: она текла между камней, как ленивый ручей.

“Я ведь тоже такой, – подумал Дракон. – Тело круглое и длинное.” И решил он научить змею ползать. Встретил оленя, удивился Дракон: ведь и рога у меня такие. И научил сражаться рогами оленя. Рыбу научил плавать, птицу – летать. Могучий тигр понравился Дракону мощью своей и такими же когтистыми лапами, клыками страшными. Научил Дракон тигра лапами драться. И пастью

овладел тигр. Понял Дракон, что это достойный соперник, и предложил Дракон сразиться Тигру с ним. Бой несколько дней продолжался, и были они на равных. Дружба у них навсегда получилась.

На многих эмблемах Тигр и Дракон, обнявшись, смотрят вперед, единое целое – Инь и Ян, Тигр и Дракон.

Любовь медленно и постепенно вливалась в мое мертвое тело, оживляя его.

Быть Драконом – это быть стихиями в Космосе. Твердым, как Земля; гибким, как Вода; порывистым, как Ветер; сжигающим, как энергия Солнца. Но стремящимися, соединившись, порождать жизнь.

И каждый Учитель, знающий Верховного разрушителя, боится его внутри себя. Ведь все равно разрушение – это то, что идет из темноты, даже если во имя созидания. Жаль, что часто на разрушение приходится отвечать разрушением. Куда денешься? Для этого и воины на Земле – мудрые воины.

Был Великий воин, молодой и дерзкий. Со всеми он стремился в бой, хотел постичь истинную силу воина. Зашел высоко в горы и начал дышать силой Неба, наполняясь энергией Солнца. Испугались демоны. Сила огромная, еще несколько вдохов – и даже им плохо стать может.

– Чего хочешь ты? – спросили они.

– Самым сильным воином на Земле стать, – ответил мастер. – Чтобы побеждать всех животных и людей.

Полетели демоны к Создателю. Испугались демоны.

– Я даю эту силу ему, – ответил Создатель.

– Додышался, – ответили демоны воину, – услышал тебя Создатель. Иди, исполнено желание твое.

Воин стал непобедимым. Но встретил однажды старого Учителя.

– Давай сразимся, – предложил воин. – Ты всю жизнь был воином и учил воинов. Жизнь на это потратил, до старости дожил, а я легко могу победить тебя.

– Я сражусь с тобой, – сказал старик, – но только если разобьешь эту пагоду.

Разбил воин заколдованную пагоду, и вышел оттуда другой воин – тело человека, а голова львиная. Убил он дерзнувшего спасти его от волшебного плена.

Испугались демоны. Щедр и справедлив, как всегда, Создатель.

Юнг тренировался на снегу, отгалкивая и принимая раскачивающееся на цепях бревно. Я видел уже много тренировок, но настоящих боев – ни разу. Монахи становились друг напротив друга и очень медленно, с абсолютно одинаковой скоростью двигались.

Медленный поединок. В нем было видно, кто проигрывает и почему. У всех всегда выигрывал Юнг, его движения были очень плавны, в них угадывалась необыкновенная сила. Движения были самые короткие и поэтому до цели доходили первыми. Работающие с Юнгом монахи после каждого прикосновения становились на правое колено, протягивая вперед Юнгу правую руку, как бы отдавая ее. Юнг слегка кланялся и, улыбаясь, показывал рукой, что монах может встать.

Однажды ночью мы долго разговаривали, я просил, чтобы Юнг рассказал о первом Патриархе родовой школы. Великий Учитель уже несколько раз на три-четыре года удалялся в уединение. Вдали от общины самые лучшие ученики выкопали небольшую землянку, вход завесили шкурой, деревянный пол выстлали мхом, на котором тает снег и становится тепло. В этот раз его не видели пять лет. Но до сих пор ученики из общины раз в четыре дня носят еду и по этикету оставляют за десять метров от землянки.

– Учитель разговаривает с Создателем, – объяснил мне Юнг. – Он научился слышать его.

Еще Юнг объяснил мне, что община знала заранее о появлении “грязного” и “мертвого” человека. Юнг плохо владел русским языком, поэтому ему было сложно общаться со мной. Иногда его образы поражали. Они были неправильные и одновременно правильные как никогда. Он объяснил мне, что я его лестница, а потом, смеясь, поправился – ступень. Меня же Юнг назвал мусоропроводом, объяснив, что когда я вернусь в свой мир, то через душу пройдет много мусора. Я не понимал до конца, да что там до конца, потом стало ясно – не понимал вообще.

Еще мне очень хотелось заниматься боем. В больших городах, в те времена уже начали просачиваться такие слова, как каратэ, У-шу, Кунг-Фу, но к бою Юнг меня не подпускал. Он усиленно заставлял всматриваться в окружающее, в действие, происходящее вокруг меня.

Утром община всегда тренировалась. Я не отрывал взгляда от Юнга. Внезапно Юнг остолбенел. Зимняя тишина ударила в уши, станки замолкли, ничьи руки не ударили по ним. Юнг расширившимися глазами смотрел мне за спину. Я резко обернулся и увидел застывших монахов. Через площадку, среди станков, медленно шел к нам в странной одежде высокий, с длинными седыми волосами и такой же бородой, старик. Он шел прямо, и снег под его ногами почему-то не скрипел. Великий Учитель, пройдя сквозь оцепеневших людей, подошел к Юнгу.

– Мальчишка, – спокойно произнес Ням. – Когда ты успел стать таким грязным? Или ты успел полюбить человеческую

лесть? Я думал, что Создатель призвал меня для высшего покоя. Будет ли мне прощение за поспешные шаги?

Юнг дрожал, как дерево во время бури.

– А может быть, ты начал хранить секреты, которые я с мольбой пытаюсь передать всем, кто рядом? Может, ты забыл, что секреты есть только у мертвых? Может, ты и не ученик мне уже? Молчи, не раскаивайся, вспомни, что раскаяние – это сокрытие. Кто раскаивается, тот пытается скрыть содеянное. А скрывают только черное, светлое – отдают. Истинное раскаяние – это деяние. Мы должны быстрее учить его, – Патриарх Ням кивнул в мою сторону, а потом сделал шаг и вышел из поля моего зрения.

Я понимал, что очень нехорошо стоять спиной к Учителю, и делал невероятные усилия для того, чтобы повернуться. Было больно, тело окаменело. Через какое-то время с болью и невероятным трудом я медленно повернул голову в сторону Патриарха.

– Его нужно учить из рук в руки, – усмехнувшись, повторил Ням.

Юнг упал лицом в снег. Патриарх сурово смотрел на его спину, потом перевел взгляд на меня. И тут я понял, что вся моя душа, все мое тело принадлежит Школе и Общине. Больше всего я боялся умереть или проснуться. Откуда было мне знать, что приобретаю невероятной силы энергетический кокон, в котором жить будет очень тяжело. Придется гореть в эмоциях, в чувствах, в любви, в боли, из-за отношения людей друг к другу. Люди, оказывается, сотворили такие рамки, что раздавили все чувства, даже любовь. Люди знают, что есть уважение, преклонение, понимание, но совершенно забыли, какие они на вкус, на запах, на ощущения. Прикосновение к силе. А разве не из этого состоит сила?

Когда внутреннее побеждает внешнее? Когда человек перестает жить законами, которые создал сам, а начинает жить законами Космоса, которые стоят на фундаменте понимания.

Животное пользуется законами постоянства – инстинктами, но человек не должен каждый раз делать одно и то же действие, забыв о чувствах. Если у вас нет водопоя и вы не ходите каждый день к нему одной тропой, разве демоны смогут поймать вас в свой капкан? Человек не должен забывать, что он человек. Иначе он никогда не обойдет выставленных на пути черных ловушек. Если человек хотя бы на мгновение остановится перед чужой болью, то уже не попадет в подготовленный для него капкан.

Я тоже упал рядом с Юнгом, а когда поднялся, рядом никого уже не было. На белые шапки сосен опускался синий вечер.

Патриарха не было пять лет. Его с трепетом ждали, не зная, увидят снова или нет. Тяжелее всех было Юнгу. Он все время был в не-

ведении: если Ням не вернется, то Юнг должен стать первым Патриархом. Ням не говорил, вернется или нет. Это было тяжелое испытание годами. Ням вернулся и был чем-то недоволен.

Лицо общины стало особенным. Ученики с трудом сдерживали радостные улыбки. В общине в очередной раз происходило событие. Ведь Ням принес мудрость Создателя и мудрость Верховного Дракона. Непостижимое состояние Учителя. Великий труд и знания лежали на плечах непобедимого бойца и Патриарха корейской Школы.

Первый Патриарх, который еще много десятилетий назад завершил шестерку, а значит – постиг Истину. Философия, психология, медицина, владение собой, оккультизм и Истина. Вот еще одна шестерка. Но как далеко мне было до ее расшифровки!

Первый Патриарх тайной родовой школы. Сколько же сил и умения нужно, чтобы что-то объяснить людям, стоящим на разных уровнях. А ведь он учил и меня, и Юнга. Какая же пропасть разделяла нас двоих?

Я кланяюсь полным этикетом перед двумя своими Учителями – Учителем Нямом и мастером Юнгом.

Самое сложное в учении – это быть рядом с Учителем. Даже не доходя несколько метров, казалось, попадаешь в другой мир. Воздух становится выпуклым, объемным и густым. Деревья, особенно хвоя, становились зеленее и ярче. Глядя на кору, мне казалось, что я ощущаю ее вкус – иголки кислотато-горькие, кора смоляная. Десять минут общаться с Учителем было хорошо и легко, немного погода ощущался жар, окружающая температура действительно поднималась, после чего начинал сильно потеть, еще чуть позже – плечи и голову сдавливало, приходилось напрягаться, чтобы запомнить важные вещи.

Наше общение началось с запомнившихся слов. До этого на меня Ням практически не обращал внимания. Учитель показывал технику полураспевая, полуговоря на каком-то языке. Я не знал, что существует звук движения. А Патриарх двигался, сопровождая медленные, необыкновенной красоты движения звуковым пояснением. Это называется – голос Дракона, язык Космоса. Видя и слушая, главное не пропустишь. Я ходил вокруг станков и зверел оттого, что и здесь никому не нужен, я терял веру во все. Как легко меня можно было уничтожить в тот момент!

Но вот он позвал меня, позвал, не открывая рта. Он мог так разговаривать, когда хотел. Вот тогда я и ощутил изменение мира рядом с Учителем. Он улыбнулся и сказал:

– Знающему далеко до Любящего, а Любящему далеко до Радостного, – потом, задумавшись, сказал: – Как сможешь выле-

читать, так сможешь и убить. Как сможешь полюбить, так же можешь и убить. Любое действие может убить человека, если слишком полюбишь себя, а убить себя тебе не будет дано. Среди людей себя убивают те, которые слишком себя любят. В Школе полюбивший себя становится демоном. Ученик, имеющий знание, так просто не может умереть, знания держат на земле, поэтому материальная смерть похожа на избавление, настоящей является духовная. Ты можешь легко превратиться в чудовище. Школа даст силу. Какая эта сила, будешь знать только ты. Школа даст возможность стать лекарем, и деньги могут убить тебя. Больные будут поклоняться и возносить, а здоровые... Есть ли вообще такие? Но самое страшное, ученик, – Ням вздохнул, – ты можешь стать мужем всех жен на свете. А это страшнее денег. Жалость пронзит сердце, ты захочешь спасти каждую, а она захочет только тебя. Это страшнее чем смерть. Это – жизнь с желанием, опасная ступень, одна из ступеней силы, ступень узкая и неустойчивая. Когда идешь по ступеням, то нужно не забывать: в начале ступени силы и знания, это только потом – сила и знание объединяются. Если оступиться, можно упасть в несуществующее поклонение. Вот такие испытания, а если идти дальше, может, дойдешь и окунешься в Океан Любви.

В эти главы впрессована вся жизнь и первая книга “Рецепт от безумия”. Но разве можно не вспомнить самых дорогих людей в жизни: Учителя и мастера, давших жизнь? Разве была бы без них загадочная Чуйская долина?

– Тебя интересуют женщины, – усмехнулся Ням, – и поэтому запомни: человек отличается от животного тем, что только он один может принести себя в жертву во имя кого-то или чего-то. Только он один имеет страх перед тем, что способен сделать больно ближнему.

Я вздрогнул и увидел перед глазами четкую картину. Это было прямо в центре серого города. Большая течкующая сука-дворняжка отгоняла от себя кобелей. Она даже рвала, не подпуская к себе, здоровенного, откуда-то сорвавшегося кобеля. Судя по болтающемуся ошейнику, он был чей-то и породистый. Было еще штук пять разномастных. Сука злобно бросалась на них и подобострастно приседала, заискивая перед маленьким кобельком. Он был никакой, да еще и на трех лапах. Все не мог достать высокую суку, а она вилась перед ним, преданно смотрела в глаза, стараясь лизнуть в морду. Я ярко увидел это, как на чудесном экране. Помню, что тогда в далеком городе обратил на это внимание, но ничего не понял. А сейчас, сидя перед Учителем, внезапно сильно захотелось понять, – почему же животное так зазывало маленького, ничтож-

ного, трехлапного кобелька, пренебрегая сильными и красивыми? Видение пропало, и я поднял глаза на Учителя. Он улыбался:

– Я объясню тебе, – не размыкая губ, ответил Няма. – Животное живет законами – они называются инстинкты. Самое сложное – это определение: чем человек отличается от животного. Таких определений несколько. Чем больше ты найдешь этих определений, тем выше уровень твоего мастерства. Животное никогда не пожертвует своей жизнью во имя своих детенышей. Потому что гибель его означает гибель детенышей, и только лишь человек...

Эта сука знала, чувствовала глубоким, животным чутьем, что от трехлапного будут здоровые щенки. Она чувствовала на запах его здоровье, а ей нужны щенки, которые выживут. И только лишь человеческая женщина, зная, что может быть беда, способна полюбить даже больного мужчину за его человеческий разум, за идею, которую он несет. Вот уже два отличия, ищи остальные, ученик.

Мне невероятно сильно захотелось снова выпить коньяку. Я понимал, что Андреевич может это не одобрить. Да и вообще, кто знает, о чем думает он, любимый ученик Фу Шина, в этой летящей, клепаной-переклепанной алюминиевой машине. Но выпить хотелось. И тут я вспомнил, кто это все затеял. Я протянул руку и подергал за ногу сидящего Федора, у которого за выпуклыми очками виднелись потухшие глаза.

– Федор, – прошептал я. – Купи еще коньячку.

Я бил наверняка. Ни Андреевич, ни я никогда ни у кого ничего не просили. Это не принято у людей, которые имеют учеников и относятся к живым школам. Федор вышел из прострации и сунул деньги проходящей стюардессе.

– Ну ты и дракон, – ткнул меня в бок Андреевич.

Моя голова дернулась, и я глазами попал в глаза стюардессе. От этого память снова забросила к Патриарху Няме. Рядом с ним я пробыл коротких три года, три мгновения.

– Надо идти, – сказал он мне, – тебя ждут в твоём доме. Иди, пробуй, только не превратись в демона. Их очень много. Ты будешь встречаться со страшным зверем, который подставляет спину и катает на себе демонов: глупость, жадность, страх, зависть, подлость, обман, предательство, злость, ненависть и беду. Видишь, как много? Смотри, не стань одним из них, ведь тебя вырастила школа Ссаккиссо, и ее божественная шестерка твердая и гибкая, как сталь Небесного меча. Столь же холодная и горячая. В стали Небесного меча спрятаны две силы. Все в мире делится надвое. Сперва три, триединство знают везде. Вспомни: вера, надежда, любовь; Бог отец, Сын и Святой дух; знающий, любящий и радост-

ный. Много триединств, но каждое имеет две стороны. Вот здесь и рождается космическая шестерка.

Тогда мне было очень сложно понять все это.

Я рыдал, как женщина, не стесняясь общины и Учителя, сжав в кулаках траву Дальнего Востока, уткнувшись лицом в его землю.

– Когда можно вернуться? – спрашивал я у Учителя.

– Приедешь домой, – отвечал он, – можешь сразу обратно.

– Ну год, ну два, – сквозь слезы причитал я.

До этого прощания Ням показывал пасть дракона. Я делал движения, повторяя за ним, а перед глазами мелькали лица знакомых людей.

– Ошибки прошлого ранят в самое сердце, – сказал, нагнувшись ко мне, Ням.

И только тогда я понял, что даже ростом не вышел, если ко мне нагнулся кореец. Не вышел и умом, если Патриарх рассказал о русском языке. Я благодарен. Откуда мне было знать по тем временам, что существуют великие русские, постигшие древнюю мудрость. В среднеобразовательной школе об этом забыли рассказать. Но Патриарх был Патриархом.

– Вам не нужны наши традиции. Берите знание, но так, чтобы оно стало вашим. Иди и постарайся не умереть душой.

– Ну год, ну два, – рыдал я, – и я вернусь.

– Конечно, вернешься, ведь у тебя только вторая степень мастерства.

Однообразный поход к Транссибирской магистрали описать невозможно, может, отдельной книгой. Книга о бесконечных сосновых волнах.

... Красивая женщина, какая красивая женщина. “Не надо,” – приказал я себе. Ее глаза медленно вливались в мои. Из голубых превращаясь в синие, приближаясь все ближе и ближе. Пухлые губы приоткрылись:

– Сейчас, – сказала она Федору и, нервно выхватив деньги, убежала.

– Ка-ка-кая-то о-она, – сказал Федор, и его две звезды снова погасли.

– Ну, дракон корейский, – хмыкнул Андреевич. – Гуляй, – и махнул рукой.

Ну вот, Андрееч все-таки меня сделал виноватым. В этом его сила. Рядом, через проход, дремала моя жена. Сколько боли принес я ей! Не умел лгать, а община – отучила вообще. Сколько же боли я принес этой раненой птице.

Никто не понимал меня больше. Она приняла школу, приняла меня, приняла мою боль, мой страх и мою тяжесть и еще толпы

учеников, больных, женщин, бесконечно бродящих вокруг со своей женской силой. Она понимала, что со мной нужно разделить тяжесть школы. Не упрекала и не проклинала. Только иногда тихо плакала, покрываясь серебристой паутиной.

Тридцать три года, белая как лунь, верящая, понимающая и любящая. Редко, но страшно срывающаяся на ненависть. Но ведь и она не без демонов. И втискивались они в нее, не щадя меня, взрывая в ней ошибки моего прошлого.

Боль моя, сидящая напротив, через проход, в противно дребезжащем самолете. Не мог я отказывать женщинам, не мог не стрелять в нежных птиц. Никто не может так просить, как женщины, и нельзя отказать, нет таких сил, если понимаешь женщину. А они, не понимая себя, думают, что это любовь с первого или какого там взгляда. В любой женщине живет настоящая женщина.

– Я знаю, не ты виноват, любимый, виноват тот, второй. Как хочется, чтобы он быстрее ушел, – так иногда в отчаянии говорила жена.

Мы жили с ней уже много жизней, она все понимала. Объяснять не нужно, но женская, материнская сила порою захлестывала разум. Я боялся, чтобы она не обозлилась. Она боялась, чтобы не обозлился я. Этот страх иногда приносил необъяснимую, упительную любовь. Внешнее смешивалось со знаниями и с уважением друг к другу. Мне порою казалось, что это божественное состояние.

“Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый тебе учитель”. Мы были истинными учителями друг для друга, но блаженство иногда переходило в величайшую тяжесть. Сверхмягкое переходит в жесткое, сверхжесткое переходит в мягкое. Это жизнь, которая должна вылиться в Океан Любви, если ошибки прошлого не разорвут сердце, ведь они ранят прямо в него.

Где же стюардесса с белыми волосами, синими глазами, в голубой пилотке, с открытыми дрожащими губами и крошечным вздернутым носиком?

– “Де коняк?” – еле прогундосил Федор.

– Сейчас, – я встал и пошел прямо туда, куда ушли длинные ноги.

В самолете летел первый раз, где что не знал. Впереди, за какой-то занавеской, стояла она и прижимала к груди бутылку. Она дрожала, казалось, самолет передал ей свою вибрацию. Увидев меня, она тяжело задышала, и скрипнув зубами, схватила за руку. В одной ее горячей руке дрожала бутылка, в другой – моя рука.

– Там, в конце, дверь налево, – всхлипнула она.

– Сейчас буду, – ответил я и, тяжело вздохнув, вырвал бутылку.

“Зачем?” – мелькнула мысль. Я собрался уходить, она одним рывком повернула меня к себе, от неожиданности я чуть не выронил коньяк.

– Приди, – умоляюще попросила голубоглазая.

“Как пьяная,” – подумал я.

– Ну через год – два, я приеду снова к вам, – так обещал я общине.

Прошло десять лет. Десять лет непонимания окружающего, непонимания близких и родных, непонимания рвущихся к плоти женщин. Больные, ученики. Они тоже зачастую не понимали, и только жена всегда рядом.

Истинная Школа – это философия и понимание движения. Много, очень много нужно понять. Те, которые стремились к Школе, хотели без конца бегать, часами стучать по груше, хотели стать мастерами, даже не вникая как, пренебрегая легендами, порождающими чувства, пренебрегая самими чувствами. Животные, живущие законами, всегда попадающиеся в капкан. Больные выздоравливали и понимали движение, но процесс был долог. Учить и не лечить невозможно. По закону, построенному людьми, я стал шарлатаном и попал за предзонники, обсыпанные колючей бахромой.

Страшные годы пересылок, тюрем, санчастей и зон. Мир, в котором я родился, снова попытался раздавить меня. Не хочется вспоминать, но куда денешься.

Через десять лет, стоя на коленях, я обнимал ноги Учителя. “Хотя бы не прогнал,” – думал я. А он погладил по голове и удивился, что встретились так быстро, да еще и в этой жизни. Позже японский клан и лабиринт дракона заново перевернули жизнь.

... Я шел с бутылкой коньяка на свое место.

– Пить будем? – спросил у Андреевича.

Мы выпили по стакану. Федор уже не реагировал ни на что. В голове воспоминания наталкивались одно на другое, и я вспомнил, что если встать с кресла и пойти налево до конца, будет еще одна дверь налево.

Длинные ноги, синие глаза, голубая пилотка, с золотыми крылышками на изломе. “In vino – veritas”.

– Запомни, – говорил мне Патриарх, – в лабиринте дракона ты видел горящих женщин, горящую крысу и горящего жертвенного агнца. Стоящую на гранитной книге, с разорванной грудью, жену, сквозь раны которой билось сердце. Это означает – пришло время рассказать тебе: люди твоего астрологического знака редко доживают даже до двадцати пяти. Овен – первый огненный знак – символ жертвенной воли, первый знак по месяцу. Крыса ты тоже огненная – первый знак по году. Огонь разорвал бы тебя, но шко-

ла приняла твоё тело и душу. Мужской огонь сжигает женщин, двойной огонь сжигает женщин и может сжечь того, кто его носит в себе. Обрати внимание на жену. Школа спасла тебя и тебе же дала её. Гони демонов, иначе потеряешь и себя и даденную. Школа спасла тебя, дала жизнь, так бери же её.

Я встал, шатаюсь, побрёл мимо жены прямо и до конца. Туда, где должна быть дверь налево. Где же эта левая дверь? И вот я толкнул её. Маленькая комнатка. Белый унитаз посередине. Прикрыв дверь, я увидел рядом ещё одну дверь, узенькую и неприметную, через такие двери в тюрьме заводили в пенал.

Вспомнилось, как провинился в очередной раз и два здоровенных вышибалы открыли такую дверь и втолкнули в пенал. Подумал, даже не карцер, в котором на ледяном полу пролежал десять дней. День летный, день нелетный. День кормят, день – нет. А тут тепло, только лишь жесткая цементная шуба на стенах. Узенький, душный пенал. Долго стоять, оказывается, очень тяжело, и даже мне, лилипуту, не удалось там присесть, спина упиралась в шубу, коленям было особенно больно. Снова постоял, снова присел. Через время понял, что не могу ни стоять, ни сидеть. А если и могу, то только мгновение. Встал – сел. И надо же такое придумать. Согнув шею и подняв ноги вверх, лег спиной на пол. Блаженство от смены позы. Перележал. Я хрипел, кричал, обдирал голову и руки, не чувствуя онемевших ног, но все же каким-то чудом встал. Через двое суток выпал в открывшуюся дверь. Два здоровенных жлоба взяли за ноги и, протащив по грязному полу, зашвырнули в камеру.

Я толкнул белую дверь, так похожую на вход в тюремный пенал.

ГЛАВА 5

Она сидела, сжавшись в углу крошечного пенала. Этот пенал был белый и гладкий. Колени дрожали, круглые и такие же белые. Она упала на них и прижалась лицом к моему животу. “Высокая девочка,” – подумал я. Голубая пилотка, вздрогнув крыльшками, скатилась по спине, волосы рассыпались за ней. Она ласкала меня, не останавливаясь, мы даже не перемолвились ни словом. Чудовище, в моем лице, медленно снимало с белой девочки какой-то форменный пиджак, потом оно начало снимать, расстегивая каждую пуговицу, беленькую, со смешным жабо рубашечку, больше снимать было нечего. Я водил пальцем по мягкой шее, по лопаткам и ложбине, бегущей вниз.

– Как неудобно, – думал я, сжимая белые плечи.

Все было такое белое, что физически ощутил черного демона. Изогнувшись, как сумасшедший дракон, сжал мягкую грудь, маленькие соски, наверное, розовые, твердые и хрупкие. И вдруг она заплакала. Чувства демона снова захлестнули меня.

– Не надо, – перебил я ее. – Знаю, у тебя это первый раз. Такого еще не было, ты не такая. Давай дальше.

Ее горячие слезы капали, обжигая мне бедра. Я не выдержал и, схватив, подбросил длинноногую вверх, грудь мягкой волною ударила по лицу. Теперь она говорила без умолку. Она любила, плакала, рассказывала о своей жизни, оправдывалась, оправдывала кого-то. Демон похоти заткнул мне уши. Впервые я не вслушивался в чужую жизнь, такого со мной еще не было. Она говорила, а я, уйдя в белое тело, растворился в нем. Демоны ликовали. Я понял, что они не покидают меня даже на мгновение, ведь впереди Чуйская долина. Как же должны хотеть они, догнавшие на звере самолет, чтобы я не долетел к великому Фу Шину! А белая девочка с синими глазами и длинными ногами, такими длинными, что в тот миг я мог поцеловать ее колени, говорила и говорила в мои оглохшие уши и впервые за всю жизнь оглохшее сердце. Мы вздрогнули одновременно. Яростная дрожь по телу – в этом оказались одинаковыми. Я глотнул что-то соленое и понял: глубоко прокусил губу. Ее вспотевшие колени с визгом тернулись о белую

стену и опустились вниз. Гладкие стены без цементной шубы. Форменная юбочка зацепилась за мои пальцы. Белые длинные ноги, круглые бедра. Рука дернулась между ними. “Нет, – метнулось в пьяном мозгу. – Нужно долететь.” Я выскочил из тюремного пенала с белыми стенами, оставив ее, удивленную и перепуганную.

– Хочется верить, что у вас, кроме твоей разбитой губы, было еще что-то, – хихикнул Андреевич. – Эх ты, кореец недоделанный. – И он снова мгновенно провалился в сон.

– Анатольевич, – толкнул меня в плечо Федор. – Уральские горы, Урал-река.

– Господа! – не выдержав, заорал я.

В дребезжащем самолете все моментально очнулись.

– Господа, а ведь там, внизу, однажды утонул Чапаев.

Андреевич больно ударил в бок. Я успокоился и заснул.

– Ты скоро должен ехать в свой дом, – вздохнув, сказал Ням. – Может быть, путь тебя вернет обратно. Сейчас я должен объяснить некоторые символы и дать силу, иначе эти три года ты отработал не до конца. Мир входит во временную остановку и разрушение. Женщины начинают любить женщин, мужчины – мужчин, но так должно быть. Уроды не должны порождать уродов. Но женщина любит женщину от отчаяния, нежность сливается с нежностью. Мужчина любит мужчину от уродливости. Я постараюсь сейчас объяснить сложное. В природе самец имеет много самок.

Услышав это, я задрожал. Патриарх отвечал на давно мучившие меня вопросы. Мне не нужно было даже задавать их.

– Возьми троих, – продолжал Ням, – двух женщин и мужчину. Это замыкающийся круг. Мужчина может ласкать каждую по очереди и двоих сразу, они могут ласкать друг друга и вдвоем мужчину. Это порождает здоровых детей. И в нашем мире становится все более нормальным, гаремы идут из древности и от Создателя. Замкнется ли круг, если двое мужчин и одна женщина? Может ли мужчина ласкать мужчину? Задумайся, замыкается ли этот круг? И поэтому, сынок, никогда не осуждай двух ласкающих друг друга женщин. Это ненормально, это отчаяние, порожденное отсутствием понимания и ласки, которые нужны так же, как и телесное соединение. Думаю, что об остальном и говорить не стоит.

Я сидел в углу кельи и тихонько плакал. Учитель убрал с меня тяжесть моих добрых, нежных и яростных лягушат. Стало ясно, что ласка – это великое телесное созидание и успокоение, особенно для женщин, которые в этот мир пришли телом и совершают им не только чудеса линий и блаженства, они им созидают. Насколько же мозг женщины и мужчины должен быть разным?

– Да, – подтвердил Ням, – женщина гораздо в большей степени думает тем, чем взращивает, мужчина должен созидать понимание окружающего. Но мужчина... Инь действительно победил на этой планете, но если из Инь и Ян что-то побеждает, то это не победа, это смерть для всего. Встань, – приказал Ням, – и иди к себе. Иди и учись, чтобы завершить свою вторую степень.

Когда я зашел в свою келью, то в ужасе застыл на пороге. Тусклый светильник выхватывал из темноты двух нежно ждущих, с распущенными волосами, корейнок. В мужской общине, среди монахов? Значит, так было нужно – и я шагнул к ним навстречу.

Мне снова захотелось выпить. Ну вот, началось. Память выхватила откуда-то из глубины новые воспоминания.

Человек, ставший на первую ступень пути, что это? Начало начал – этикет, то главное, из-за чего сильно возмущалась Советская власть. Не может человек все время кланяться, тем более, что советский человек ходит с гордо поднятой головой.

Каждая школа имеет разные этикетки, которые начинаются с поклона Учителю. Я сам удивлялся первые дни в общине: Юнг говорил и показывал движения, а монахи периодически в разной манере вскакивали и делали школьный этикет – два низких поклона и манипуляции руками, которые означали принадлежность к школе Дракона. Из общей толпы монахов вскакивал то один человек, то пять, то десять. Со стороны это казалось смешным. Юнг потом объяснил, что, если слушаешь мастера и понял что-то новое или старое по-новому, нужно выполнять этикет. Многие школы сохраняют свой этикет без изменений по несколько тысяч лет, эти движения открывают доступ к двигательной памяти, убирают все замки и открывают зажатые чакры.

Мастера очень следят за этикетом, за правильностью его исполнения. Без этикета, какие бы знания не давались, они не войдут в того, кто их постигает. Можно поступать хитро, учить, не обманывая, и не научить ничему.

Тогда мне было далеко до поединков, а тем более до работы по станкам. На Востоке не забыли, что существует понимание движения окружающего, не забыли, что масса на ускорение подходит для ньютоновского яблока и брошенного камня, но ведь человек живой, да еще и разумный. Разум – созидаящая и разрушающая непобедимая сила.

Посвященный монах пытается понять бегущую волну, которая так похожа на кнут в руке пастуха, на порыв ветра, на крыло летящей птицы, на ползущую по земле змею, на удар когтистой лапы тигра и, конечно, на дракона, который сам является частотным движением, бегущей волной, соединением всех животных, стихией.

На кончике кнута сверхзвуковая скорость. Что же такое кнут? Мягкий, не имеющий жесткости. Но ведь сверхмягкость порождает жесткость, и поэтому пастух, развлекаясь, может легко срезать тонким кончиком кнута толстые ветви деревьев.

Вот и поставили школы перед собой задачу – найти в войне этот источник силы. Тысячелетиями менялись школы, развиваясь бесконечно в технике, имея свои особенности. Сколько школ – столько и особенностей. Каждая школа по-своему подошла к источнику силы, но источник один – Космос. Мастера поняли, что человек – частица Космоса и его точная копия, имеющая внутри себя Землю, Воду, Воздух и Солнце. И если понять то, что несут в себе Земля, Вода, Воздух и Солнце, то можно созидать и разрушать. Разрушение идет первым, созидание только потом. Самый трудный момент пути – пройти через разрушение к созиданию. Многие к созиданию не доходят и разрушают себя и окружающее.

Монах правильно выполняет этикет, а это идеально правильное движение – идеально правильное механическое движение. Только оно в состоянии впустить в тело потоки космической энергии, которые скапливаются сгустком в теле. При правильном движении боец в состоянии отрывать из этого шара частицы и выбрасывать их любой частью тела.

Начало начал – правильное движение. Оно дает внутреннюю силу, правильное движение может выбросить эту силу, и оно же срывает с Землей. Мы все стоим на земле, и поэтому вначале нужно научиться стоять на ней так, чтобы не сбили с ног. В этом начале происходят поистине страшные вещи: начинает расти сила – сила духа и сила тела, добро и зло. Сильное тело хочет сильных ощущений, оно стремится к ним. Сильный дух хочет тоже ощущений, но какие разные эти ощущения! Только достойный способен пройти через испытания Создателя. Демонам отдал он земное тело, а себе взял незримое и прекрасное.

Можно себе представить, что такое школы в больших городах. Школа притягивает огромные силы, но силы слишком разные. Школы становятся опасны в наших душных городах и порой порождают совсем не то, что задумали Великие Учителя.

Добро и Зло в человеке растут одинаково. Но разве темное начало желаний легко отдаст человека? Сильного окружают восторгающиеся слабые, которых становится все больше и больше. Живые школы уходят в глубокую тайну. Сколько осталось таких мест? Я уверен, что затаились они и набирают огромную силу. Верю: разольется из этих тайных родников, оставшихся еще на земле, Океан Любви. И когда наивному человечеству станет слишком плохо, оно протянет руки с мольбой о помощи.

Я точно знаю: Учителя отдадут свою любовь. Но ведь дать можно только тому, кто хочет и может взять.

Я ощутил внутри тела движение, через мгновение с невероятной силой захотелось снова выпить. “Влез все-таки, зараза,” – подумал я. Демоны жадно хотят вернуть свое, но мне почему-то демон всегда кажется глупым. А может, ошибаюсь? Ведь потом все равно будет стыдно, и ходить с опущенной головой. А может, ему это и нужно? И заставляет часто он совершать нас ошибки, которые бьют по сердцу.

“Не поддавайся,” – сказал я себе. Ох, и силен же этот демон. Сладкой ложью он залез в голову. Казалось, что если выпью еще, то тихо забудусь.

“Неправда, – уговаривал я себя. – Разве огонь можно потушить спиртом?” Огонь разгорится – и не попадешь ты ни в какую Чуйскую долину. “Выпей, – стучало в голове. – Забудься, ведь впереди столько трудностей.”

“Ах, Сережа, – с усмешкой подумал я. – Ну почему же ты не слесарь-сантехник, желанный для всех, живущий в неведении! И за каждой дверью, где есть сломанный унитаз, тебя ждут такие же желанные, твои законные сто грамм.”

Я диктую эти строки, закрыв глаза, так почему-то легче и менее больно. Глаза не нужно открывать, чтобы увидеть, как согнувшись в напряженной позе, пишет жена. Это только начало, еще немного – и она будет плакать, я знаю. Знаю еще то, что никогда не пожалеем об этой поездке. Она не плакала там, но ведь она женщина и сейчас ей плакать можно. Позже я позову одного из моих учеников, того, который остался. Вряд ли ему будет легче, но ведь он воин в бесконечной войне – жизни. Ошибки прошлого ранят в самое сердце, и это действительно правда. И только Фу Шин мне открыл секрет, что делать от этой боли.

Самолет дребезжал, демоны терзали желаниями. “Ох, уж этот Федор, – подумал я, чтобы хоть на кого-то свалить. – Счастливый человек в безмятежном, глубоком сне.” Демоны сильно ранят за школу, они лишают сна и жестоко гонят память в измученное тело.

Сперва мы становимся союзниками, обсуждаем жизнь, потом союзник предает, обрушивая всю силу памяти на сердце. Я решил расслабиться и вспомнил, как порой мы становимся смешны. Получив вторую степень мастерства, я так возрадовался, что старушка-гордость сразу прихватила за горло. Огромный город, ночной и светящийся, шумные потоки людей, ночные рестораны – и среди всего этого я, напыщенный и гордый, приехавший из чистой сосновой страны.

Люди, богатые и бедные. Знание трав дало возможность умереть от голода, а тут вылечил какого-то богатого – жена отпустила в сверкающий и гремящий ресторан. Действительно, смешная история. Второй ресторан в жизни. Первый – в восемнадцать лет. Второй перепугал. Свобода сделала свое дело. Ресторан с закоулками, яркий свет то бьет, то гаснет. Совершенно ничего не видно. Страшно смущаясь, я сперва сжался за огромным столом, но богатый человек был очень весел из-за удачного выздоровления, его состояние тихо вливалось в меня. А старый хитрый демон стер все ненужное ему своим коньячным крылом. Не для этого корейский Патриарх дал силу. Ее безжалостно забрала стерва-пыхоть, ненасытная оттого, что тупая.

Открыв глаза, я увидел лепной потолок. Рот открыть не удалось, губы склеились, казалось, навсегда. Но когда увидел, что творится вокруг, обалдел вообще. Огромная комната, такая же огромная кровать в центре, на стенах сплошные зеркала, блестящие тумбочки, мягкие пуфики. Огромный китайский торшер приятно удивил: на нем пели розовые нарисованные птицы.

Рот разлепился сам, когда огляделся вокруг. На огромной кровати, у меня в ногах, наполовину завернувшись в шелковые простыни, бесшумно дыша, спала голая женщина, с красивой грудью и совершенно незнакомая. Вспомнился только длинный стол и радостный богатый человек. Больше ничего вспомнить не получалось.

Дернувшись, я уткнулся во что-то боком, повернувшись вправо, ахнул: головой, упираясь мне в бок, спала тоненькая, почти ребенок, девушка. Стало все ясно. Я долго был в общине. Три года постоянных тренировок, накопительных дыханий, работы над мужской разрушающей энергией. “Вполне может быть, – подумал я, – что какая-то вольная и сильная женщина, особенно если учесть, что еще и крепко выпившая, могла, не совладав с собой, выкрасть этот сгусток энергии. Конечно же, со мной, ведь мы неразделимы. Его выращивали во мне всей общиной. Верили в меня, а тут обычный алкоголь, занесенный чертом. И вот результат.”

Я осторожно подвинул голову тоненькой девочки, она, глубоко вздохнув, не просыпаясь, перевернулась на живот, сбросив с себя простынь. Очень красивая. Но мне стало стыдно, хотелось закрыть глаза и бежать из чужой комнаты. Что буду говорить, если они проснутся? Какая там любовь – мы даже не знакомы. К такому еще не привык, и, укрывшись с головой, я снова попытался заснуть. Лежа под простыней и лихорадочно думая, что делать, вдруг услышал шаги и легкое женское дыхание. Кто-то не спеша шел к кровати.

– Спите, развратники? – послышался женский голос.

И она резким движением сдернула с меня простыню. Высокая, с большим ртом и рыжими мокрыми волосами, длинными и пушистыми, выпустившими из себя только одно белое блестящее бедро. В эти волосы можно было укутаться. Но стыд сковал меня. Я сжался, смешно закрываясь руками. Перед глазами стояла община, рядом звонко захохотала рыжая красавица. “Ничего себе, целых три!” – подумал я.

– Просыпайтесь, девчонки, – звонко пронеслось по комнате.

Рядом потянулась, сладко вздохнув, тоненькая девочка и, еще не полностью проснувшись, двумя руками притянула меня к себе. Страшно вспомнить, что было потом. Они хохотали, бегали вокруг, жарко обнимали. А я лежал, сжавшись, и думал, что умру от стыда. Не столько, конечно, из-за девочек, а из-за своей беспомощности, из-за отсутствия памяти.

– Но я же говорила вам, девчонки, он какой-то не такой, может, сумасшедший? – Рыжая дернула меня за ухо.

“Какой позор, – подумал я. – Даже не помню имен.” Больше всех потешалась Рыжая, клятвенно заверяя меня, что в пьяном виде я настоящий герой. Поднесенный стакан выпил с готовностью, зная, что будет легче. “Только полегчает, сразу бежать,” – думал я. Алкоголь медленно входил в мозг.

– Ну что, Рыжая? – успокоившись, сказал я. – Рассказывай все.

Оказывается, так и получилось. Эти три девушки, порождение свободы, были в состоянии позволить себе вольность, вот и позволили. Через какое-то время Рыжая вцепилась губами в моего вытатуированного школьного дракона. Она тихо стонала, горячо дыша ему в пасть. Я протянул руки и прижал к себе тоненькую девочку с маленькой грудью. Потом оторвавшись от них и уже легко вскочив, разгоряченный и возбужденный, пил прямо из бутылки, стоя у бара. Они, хохоча, вырывали ее, делая каждая по глотку. Необычные силы смешались – сила школы, огромная сила женщин, молодых и жаждущих, мой огонь, разжигаемый алкоголем.

Из чистой общины я вырвался в черные города, попробуй здесь быть мастером второй степени. Хочется верить, что хоть в чем-то не опозорил знания, даденные общиной. Наверное, для того, чтобы не умер от позора, чтобы старушка-гордость, одна из самых мерзких старух, не раздавила своей корявой рукой сердце, Учитель дал двух корянок. Спасибо им, научившим меня быть воином. Эти знания оченьгодились. Похоть разбудила в моем теле мужскую силу. Ян выплескивался толчками, обжигая женщин, визжащих от восторга. Долго еще потом носил на себе следы их острых зубов. Мы даже не заметили, как заснули.

Второе пробуждение было таким же. Ничего, кроме вина и безудержной любви. Мозг затуманился, я совершенно уже не мог соображать, комната плыла перед глазами. Неудержимая энергия выплескивалась сквозь тело. Тело и энергия потеряли контроль друг над другом. Собравшись с последними силами, заставил себя прочесть два заклинания. Читал правильно, слова сочетая с вдохом и выдохом. Тогда впервые четко осознал: во мне два человека. Но главное было не совсем понятно – каким желаю быть.

Сперва сделал вид, что заснул, а через время заставил себя заснуть. Проснулся первым, шатаясь, старался делать все тихо. Одевшись, выскользнул из дома и с удивлением обнаружил, что за городом, в каком-то лесу. Вот и пришлось идти к дороге, останавливать машины, пугая водителей вопросами: где я и могут ли они отвезти меня в город. Мужчины уезжали сразу, даже не выслушав мои жалобы, их не прельщала моя корейская энергетика. Отчаяние начало сводить тело судорогой. Махнув на все рукой, я сел посреди дороги.

“Никому ничего не нужно,” – схватившись за голову, думал я. Что нужно в городе от сохраненных древностью знаний: не быть больным, вылечиться для того, чтобы жрать снова. Пищевая наркомания в городе поразила меня. Для того, чтобы ощутить вкусовые эмоции, люди нажирались до помутнения в мозгу и, только становилось легче, начинали поглощать снова. Это было одно из самых доступных удовольствий, потом заболели, приходили ко мне, чтобы вылечиться и продолжать, потом – снова ко мне. Получался какой-то демонический круг.

Второе удовольствие было для меня вообще непонятным. Мужчины – хотели, но не могли, женщины – хотели, но не могли, потому что не с кем. И тогда женская сила поворачивалась к женской силе. Это пугало потому, что являлось доказательством прямой гибели человечества.

К тому времени, когда сидел посреди дороги, я уже несколько лет пробивался в окружающую меня медицину. В городах она была злобной и денежной, никому не принося облегчения. В институты и больницы пробиться было невозможно, и даже в Минздраве мне посоветовали сидеть спокойно дома, а кого нужно вылечить – пришлют. Невозможно ничего изменить, все удобно текло в уже проложенном русле: никому не нужны серьезные изменения – так много денег вложено в лжемедицину. И поэтому приходили ко мне лечиться врачи со всевозможными научными званиями и, вылечившись (разве мог я им отказать), шли по-своему лечить своих больных. Положение было безвыходным.

Рядом со мной резко затормозила машина. Взвизгнули тормоза, хлопнула дверь, и я поднял голову. Высокие сапоги, очки и прозрачная косынка на голове.

– Что с вами?

“Красивый голос, – подумал я. – Опять попался.”

Глаза закрылись сами собой.

Ей это было очень нужно. Домой попал только через три дня. Вот таким был я спасителем заблудшего общества.

Мой громкий смех разбудил Андреевича.

– Ты чего? – спросил он.

– Да так, кое-что вспомнил.

История с таинственным домом окончилась еще забавнее. Жена встретила нормально, я был по-настоящему ей благодарен. Не зря делился знаниями. Жене они дали силу выдержать этот идиотизм, который я искренне называл школой. Она понимала все происходящее.

Я принял ванну после своих приключений и вышел в прихожую. В дверь позвонили. Жена запустила моего бывшего больного. Он был возбужден и слегка дергался – трава с ресторанами сочетается плохо.

– Представляешь, Серый, – вздрагивая, рассказывал он. – Мы с тобой гуляем, кстати, погуляли неплохо. Да куда же ты делся?

– Да вот, Иванович, – промямлил я. – Все напились. Что оставаться?

– Да это нормально, – похлопал он меня по плечу. – А рядом, Серый, гулял мой друг.

Тут Ивановича потрянуло, и он перешел на непонятный язык. До этого я воспринимал его, как нормального бизнесмена, но в нашем свободном мире все законы, все понимания, человеческие и нечеловеческие, смешались в огромное клокочущее безумие.

– Вкинсья, Серый, – продолжал уважаемый бизнесмен. – Мой кентюха тоскует до беспредела, а сколько дел мы с ним сделали – умотаться можно. Я даже не знал, что за перегородкой гуляет он. Так вот, мой братишка до беспредела влюбился в одну суку, и гуляли они возле нас, через перегородку. Он, эта стерва и еще две недоделанные сучки. Вкинсья.

“Ничего себе бизнесмен,” – подумал я. Было такое впечатление, что Иванович недавно вышел из того же лагеря, что и я. Но я то мучился за траву, а за что он, такой правильный и богатый?

– Нет, ну ты врубись, – продолжал Иванович. – Какая конченная сука! Кентюха цветы ей год таскал, а она рыло воротила. И мало того – пропала со своими лярвами в центре отдыха. Искали мы их

несколько дней. Ну, свою трогать он не будет, любит очень. Да все они... – Иванович махнул рукой. – Ну, взяли ее подружку, пошугали, и, ты представляешь, эта стерва раскололась. В ресторане, где гуляли с тобой, они зацепили какого-то барбоса и тащились с ним два дня на даче. Я поклялся кенту: поймем козла, сам разрежу брюхо, на котором наколота какая-то жаба.

“Ну-у-у, – подумал я, – больных нельзя делать своими друзьями. Иначе то, что не сделали японские кланы на Дальнем Востоке, довершат в городе добрые бизнесмены.”

Я снова рассмеялся на весь самолет. На этот раз Андреевич сжал мою руку слишком больно. Забрав ее, я начал бороться с желанием выпить и вспомнил об Андреевиче. Его борьба с алкоголем была не столь безобразна, но по уровню бесконечно выше. Ученик Фу Шина – это серьезно.

Несколько лет назад Андреевич загрустил, и, когда я приехал в очередной раз, он предложил выпить коньяку. У ученика Фу Шина были проблемы с дыхательными упражнениями. В то время Андреевичу хотелось задержать кислород в клетке как можно дольше. Получалось только два с половиной часа. Вот как выражается тоска советского человека, даже если он большой мастер.

– Эх, Серый, – хлопнул Андреевич меня по плечу. – Давай выпьем коньяку.

Я посмотрел на него:

– Давай, Андреевич.

У меня тоже были свои проблемы: пасть дракона в моих руках заклинивало на поворотах. Где бы ни был ученик Фу Шина, рядом всегда были его ученики. Милые ученики, если бы вы, а я обращаюсь к вам, умели делать чудеса, примерно такие: при просьбе о коньяке хоть бы раз восстали, ну хотя бы просто убежали. Нет, вы истинные ученики и поэтому выполняйте все беспрекословно.

Пасть корейского дракона меня замучила окончательно. Мы пили до тех пор пока Андреевича не пробило, но ученик Фу Шина – это очень серьезно, особенно, если учесть загадочную Тибетскую школу – Академию всех школ в мире. Андреевич вдруг как-то сжался, потом, расслабившись, напомнил мне огромного кота, впрочем, все мастера Вьетнама, Китая, Лаоса и Японии именно так его и называли. Стокилограммовый кот на фоне моих шестидесяти пяти. Я испугался.

– А сейчас, Кореец, я покажу тебе окружающее.

До меня вдруг дошло, что в доме нет ни жены, ни троих его детей и, конечно же, ни единого преданного ученика. Они сделали свое дело, но когда стало страшно по-настоящему, исчезли.

Мне отдуваться за всех. “А может, так и нужно? – скользнула мысль в пьяной голове. – Разве может быть по-другому? Да ведь это счастье,” – дошло до меня. Рядом любимый ученик Фу Шина. Пьяный, а разве добьешься от трезвого чего-нибудь?

Ночной город, редкие фонари и огромная, полная луна. Светло и бегущие черные тени.

– Смотри, – сказал Андреевич. – Вот здесь ты есть. – Он шагнул в тень и исчез. – А здесь – нет, – послышался его голос. – Я не сказал ничего нового, правда, Кореец?

Его не было видно, но он был рядом. И вдруг меня кто-то тронул за плечо. Я шарахнулся – рядом стоял Андреевич.

– Видишь, – сказал он. – Ты понадеялся на тени, а я на Луну. Луна, – глубоко вздохнул он, – глаз спящего дракона. Великий дракон так огромен, что мы видим только его глаз. Когда дракон не спит, глаз открывается, превращаясь в солнце. Великий Верховный Разрушитель, – Андреевич поклонился Луне, а значит, моему корейскому Патриарху. – Сейчас, пока он спит, я покажу тебе тайну ночи. Смотри, вон едет машина. И ни одного светофора, все спит. Но перед тем тополем она остановится.

Машина действительно остановилась, и водитель, хлопнув дверью, зашел в тень тополя.

– Видишь, человек? – Андреевич указал в другую сторону. – Он один в ночном городе, он не понимает Луну, деревья и дома. Люди устают в темноте, хотя темнота дает силу и понимание, но только если захочешь. Светлый день расслабляет, хотя он гораздо опаснее. Смотри, человек устал от темноты, сейчас он присядет и опрется спиной о вон тот горящий фонарь.

Человек с сумкой через несколько шагов опустился на корточки и присел, прислонившись к фонарю. “Что это? – думал я. – Действительно ли Андреевич знает окружающее, а может, он сам заставляет людей делать это, потому что так проще. Или знает окружающее?”

Потом Андреевич пропал. То ли в тень шагнул, то ли не знаю куда – его не стало. Я с трудом добрался домой, но то, что выяснилось потом, рассмешило меня до боли в печени. Сколько времени прошло, но легенды по городу ходят до сих пор. Конечно, Андреевич великий мастер и таких гадостей, как я, он уже не совершает.

Но представьте себе, как ученик Фу Шина удивился, когда утром проснулся полностью одетым, да еще и в ботинках, между двух людей на белых простынях. Это была супружеская пара, которая вместе прожила уже двадцать лет. Андреевич долго извинялся, но они были в невменяемом состоянии, особенно тогда, когда проверили дверь. Она была закрыта, замок абсолютно целый. Так

как же туда попал Андреевич? Потом, смущаясь, он рассказал, что это была та девчонка, в которую влюбился в пятом классе.

Меня кто-то тронул за плечо. Самолет. Жена.

– Сережа, Уральск. Давай долетим нормально, – попросила она.

– Я готов. Что стоит лежать в проваленном кресле. Сколько же в нем можно лететь?

– Вставай, – колыхнула жена за плечо.

Жена, кто она? Откуда и будет ли дальше? Вот она, просто есть.

Город Уральск. Татьяна взяла Андреевича, меня и вывела из самолета. Коньячный черт шатал, затуманивал глаза и мозги. Снова я, Андреевич, Федор, жена и целая толпа мечтающих стать великими мастерами. Татьяна вела меня и Андреевича, ученики вели Федора. Гнилой тоннель. Я был пьян. Уральск помню по гнилому заплесневелому тоннелю.

Тоннель. Корея. Учитель. Первый раз в общине, всего лишь три года. Потом десять лет непонимания, страха и смеха в черном городе. Жесткость перебила все. Затхлый тоннель Уральска. В моем понимании тоннель – это смысл. Уральский тоннель напомнил лабиринт.

Три года полного рая, рая знаний, понимания и искренней, человеческой дружбы. Рай – это, оказывается, то место, где каждый абсолютно понимает, кто он и к чему нужно идти. Рай, в котором не препятствуют, а помогают. Удивительное место без загадок, с обычными монахами, понятными, добрыми и простыми. Светлые лица и грубые от работы руки.

Десять лет, а может, и десять жизней. Разве в хаосе черного города разберешь? Но когда я упал к ногам Учителя, он погладил по голове и сказал, что не ждал так быстро. Действительно повезло. Но кто же он, мой выстрадавший Учитель? Знаю, что честен, но понял еще: десять лет на этой земле для него проскользнули мгновением. “Что же он знает? – дрогнуло мое сердце. – Что мои войны в черной неразберихе города?” – понял я. Не знал тогда еще о тайной войне кланов. Откуда было знать, если приехал, обожравшись любовью окружающих и даже уставший от нее.

ГЛАВА 6

Ну вот, дорогой, хватит с ума сходить, – Андреевич сильно потрянул меня за плечо.

Я сидел на лавочке под раскидистым абрикосом, держа за руки чужую женщину, очередную раненую птицу, очередное разочарование. Красивая, нежная и такая ненужная.

К тому времени у меня был снят надзор, да и вообще демократия сняла все, что возможно. Уже несколько лет я тренировал в большом, прекрасном зале и принимал, не прячась, больных. Журналисты смело, а не в тайне, как раньше, приходили в мой дом. Врачи, окончательно плюнув на клятву Гиппократова, которую, впрочем, никогда и не давали, не считая какой-то загадочной клятвы советского врача. Так вот, эти врачи, совершенно не стесняясь своих званий, лечились у меня. Тот мир, в котором я жил раньше, мир, в котором прятался, раздавая жаждущим знания, мир тайных подвальных сборищ и увлеченных людей покосился, содрогнулся, и рассыпался в пыль. Появилось состояние – “можно все”, а это значит – ничего. На головы хлынула заумная литература, переведенная горе-переводчиками. Они, не зная даже собственного языка, переводили все, лишь бы платили. Что переводили, что по смыслу додумывали, вот и появились книги разных “новых гитлерчиков”, всяких колдунов, шаманов, восточных кумирчиков, которых, мне кажется, и в природе не существовало, а просто группа психопатов выдумывала страшные книжки: о жизни и смерти, о какой-то непонятной жизни при жизни – столько чуши, что невозможно и перечислить.

Зато тогда я понял свое тяжелое и одновременно счастливое детство. Среди белых хризантем, в одиночестве, я читал сказочно красивые книги. Конечно, не хватало литературы, читал только то, что разрешал нам “железный занавес”. Но за литературу я ему благодарен. На меня не свалились многотомные романы под названием “Что будет в Америке в 2068 году”. В те времена на меня свалились Пушкин, Лермонтов, Паустовский и Достоевский с Чеховым. Как же мне повезло!

Под огромный раскидистый абрикос меня привело отчаяние, я убежал от кинотеатров, заполненных колдунами, лечащими за один сеанс, от белой, синей, красной и черной магии, которые развелись в изобилии от неизвестно откуда появившихся травников, экстрасенсов, астрологов и т.д. Иногда злоба и зависть терзали мою душу. “Где были они?” – думал я, разбивая в отчаянии кулаки об вкопанный в посадке столб. Где же были они, когда увозил меня за выстраданное знание ментовский воронок? Где были они, когда публично судили, обвиняя меня чуть ли не в смерти Рамзеса II? Где же все это было?

Приходили советоваться и советовать какие-то идиоты, тыкая мне чуть ли не в нос всевозможными документами о трехмесячных курсах травоведения или астрологии. Все приходило ко мне. Я становился каким-то посмешищем, похожим на свадебного генерала. Но Минздрав все равно не признавал, боясь по-прежнему.

Открывались новые кабинеты и вновь явленные иглотерапевты, искренне веря, тыкали больных иглами, даже не подозревая, что эти иглы всего-навсего правильно поставленные антенны, которые проводят через себя окружающее. Может быть, важно, кто вставляет эти антенны? А вставляли все, кому не лень, совершенно не задумываясь, что, вставляя иглу, можно вставить через нее свою большую печень, свои запоры и рваные ритмы сердца. Вот так и лечили друг друга люди в окружающем меня сумасшедшем мире, в котором наконец-то разрешили все, а на самом деле по-черному мудро забрали последнее, последнюю надежду, последние окна в Космос.

Беспокойные люди в беспокойной стране, а ведь рабство действительно порождает рабов и героев, и ошибки прошлого ранят в самое сердце. Хаос действительно порождает гармонию. Безумие порождает безумие так же, как и смерть – смерть.

Есть на земле те состояния, которые не порождают ничего и ни во что не переходят, Учитель называл их недвижимыми состояниями – самыми опасными на земле.

“Нужно бежать к Учителю,” – терзала мысль. Но земные хлопоты затягивали трясинной, слава, передачи по телевизору, обожание женщин, хотя была и серьезная остановка – больные умоляли и не пускали.

– Ну что, Серега? – Андреевич снова встряхнул за плечо. – Тебя ждет Учитель, ты не забыл?

Нежные женские руки выскользнули из моих рук.

– Хватит предавать близких, знаю, что тяжело, но тебе действительно нужно ехать.

Андреевич был как всегда прав.

И я поехал на встречу со своим гранитным лабиринтом. В третий раз – Транссибирская магистраль. Благодаря стараниям нашего русскоязычного учителя Григория Андреевича, я сидел в вагоне, слушая стук колес, не представляя, что ждет в глубине сосновых волн. А демократия докатилась даже туда.

– Да ты с ума сошел! Не верю!

Юнг ударил меня по лицу.

– Неужели не понимаешь, – зло сказал он, – что в том мире, куда ты приехал, все гораздо сильнее, любые колебания отражаются на кристально чистых местах. Наше правительство вошло в конфликт со своим же народом, и так получилось, что японские кланы соприкоснулись с этим. Страна Восходящего Солнца не прощает обид. И даже если официально – перемирие, тайные школы всегда будут воевать.

Корейцы-лесорубы оказались без работы в связи с тем, что были наняты рабочие-японцы. Получилась довольно-таки серьезная драка, и, когда прокурор округа вмешался, то благодаря главе тайной общины Няму, конфликт был разрешен. Няму утихомирил дальневосточных корейцев, понимая, что война несет за собой только смерть. Но советские корейцы на японских рабочих напали первыми. А что непонятно: нет работы – нечего есть. Японцы не жаловались, они не жалуются никогда, обид не прощают тоже никогда. Вот и обрушился “Черный лепесток лотоса” – тайное японское общество воинских искусств – на корейцев, а я приехал в самый разгар.

Тайная война, невидимая для посторонних глаз. Война среди знающих и понимающих, возникшая из ничего. Не дай Бог слабым попасть в это место. Из-за, казалось бы, обычного конфликта, вышедшего из-за зарплаты и заготовки леса, схлестнулись древние и так уходящие в небытие школы. Японцев сложно понять, но эта великая страна существует, и с этим нужно считаться. В наше время редко школы воюют со школами, но так получилось, что я увидел это.

– Ну, не верю, понимаешь? – говорил я Юнгу. – Знаю, читал. Но какой “Лепесток черного лотоса” в конце двадцатого века?

Юнг снова ударил меня.

– Если приехал, – сказал он, – либо уезжай, либо учись. Учитель принял тебя, значит, верит, и поэтому мы будем вдвоем. Учись и как можно быстрее, иначе будет поздно. Учитель взял тебя учеником, я, мастер, тоже взял тебя. Выветривай свои мозги, дыши со снами, будь аккуратен. Через несколько дней я снова приду. Вспомни, чему Учитель и я учили, подыши на свои звезды, пока будь спокоен, ты далеко от боевых действий. Но помни: можешь

умереть, даже не поняв от чего, умереть, не заметив. – Юнг усмехнулся и, кивнув на прощание, вышел из небольшой землянки, в которой он оставил мне еды на несколько дней.

Вслед Юнгу я выполнил этикет. Наконец-то начало доходить, что один в крепкой, теплой, черной монашеской одежде. В одиночестве начал медленно подкрадываться страх перед неизвестным и страх за собственную жизнь. Вот такая была вторая поездка, непонятная и непредсказуемая. Древние сказки оживали, внутри у меня пробуждался незнакомый первобытный страх и желание выжить, сохранив Школу...

Эти воспоминания оказались большой силой, алкоголь выветрился мгновенно, и я увидел, что вся группа сидит на лавках в большом туннеле. Он был выложен белым и голубым кафелем, вдоль стены пестрели коммерческие киоски. Справа на лавке сидел Андреевич, слева жена. Андреевич глубоко ушел в себя. О чем он думал? Жена как-то недоверчиво рассматривала сидящего напротив Федора и веселившихся вокруг него ребят. Самолет заправлялся где-то вверху на взлетном поле.

“Что-то они слишком веселые”, – подумал я и, переведя взгляд на жену, снова провалился в память.

... Три дня в одиночестве. Скупая монашеская пища не спеша приводила мозги в порядок. Дыхание на свое созвездие восстанавливало силу воина, потерянную за годы безумия в тревожном городе. Сила и спокойствие наполняли кровь. Я вспомнил, что уезжал десять лет назад со второй степенью мастерства. Что будет сейчас? Кто я? Стало понятно – сосновые волны вместе с Учителем объяснят это.

Юнг вернулся через несколько дней. Вернулся не один, а с маленьким кривоногим корейцем Кимом. Они принесли многочисленные записи и незнакомые иероглифы. В течение месяца Юнг то приходил, то уходил. Он учил нас, а мы спешили учиться. Юнг ничего не рассказывал о событиях, он приходил по ночам уставший, но спать было некогда. Он учил и снова куда-то уходил. Передвижения Юнга были только по ночам.

– Ночь в войне – это сила, – говорил Юнг. – День нужен миру. День расслабляет, солнце делает счастливым.

Однажды, делая дыхание, сидя на кристально чистом снегу, я попал душой в какую-то удивительную дилемму. Наверное, постоянно шляющийся за мной демон притащил ее. Мысли были обрывочные, поэтому раздражали еще больше, чем четкие, занесенные все тем же демоном. На огромной чаше весов вдруг закачались знания и жизнь, жизнь в городе, уважение, любовь женщины, радости и удобства. Жена возникла внезапно. Весы закачались стреми-

тельно и, казалось, безостановочно: имею ли право рисковать той, которая любит, оставленными учениками, больными, ждущими помощи. Я глубоко вздохнул и, как показалось, успокоился раз и навсегда. В мозгу ярко вспыхнуло: “Кому нужны знания не до конца? Кому нужна незаконченная школа, недолеченные из-за нехватки мастерства больные? Да и жена без этой поездки, наверное, скоро перестала бы уважать. Итак, была страшная остановка – на десять лет. В этой остановке была и моя вина. Я чуть не превратил живую школу в мертвую.”

От этой мысли содрогнулся. Я отличаюсь от животного и, если нужно, пожертвую собой во имя знания. Единственный по-настоящему человек в этой жизни, который держит, – это жена. Мать и отец устроены в жизни, я давно им не нужен. Жена поймет, ведь семнадцать лет жизни вместе, в одной школе, не проходят впустую. Она как сможет, так и будет жить и лечить дальше. Я умею жертвовать собой и этим отличаюсь от животных. Впервые мой разум вплотную столкнулся с законом Космоса. Я отличаюсь от животного, я твердо решил это, держась руками за священные записи родовой школы.

И вот я учил корейца. Новый ученик Ким помогал мне разобраться в себе. После этого мне невероятно сильно захотелось овладеть тысячелистником – самым сложным и загадочным местом на теле у человека. С самого рождения темя заявляет о себе. Матери пугаются его мягкости. Но потом о нем забывают, а ведь это алмазный тысячелистник. Я видел, как расслабляются Учитель или Юнг, сделав несколько простых дыхательных упражнений.

Тысячелистник – место, через которое человек способен принимать знания напрямую из Космоса. Космос многосложен и многослоен. Если хотите, можете представить слой, который заполнен знаниями земли, но чтобы он не отталкивался от алмазного тысячелистника, нужно быть чистым, при этом абсолютно поняв, что такое чистота. А значит, пройти логическую шестерку, по которой я пытался впоследствии дать отчет Фу Шину.

Я с радостью снова объясню эту шестерку на следующих страницах. Забытая и непонятая космическая азбука, простая, как все главное в этом мире. Учитель рассказал о прошлых жизнях и о том, кто я. Как потерялась и была раздавлена фамилия Баскаков при Советской власти. Фамилия и род, о котором я ничего не знал. Чужая фамилия – это тоже ошибки прошлого, нужно беречь память о самом главном. Я рылся в библиотеках и почти ничего не нашел. “А как же историки? – думал я. – Что выдумывают они? Откуда все берут? Кто приказывает писать историю?” Тяжелые мысли. А ведь когда-то человечество владело даденным Богом алмаз-

ным тысячелистником. Им человечество общалось с Создателем напрямую. Главный орган восприятия Создатель решил зачем-то закрыть от нас. Наверное, понятно зачем, даже без объяснений.

– Сегодня идем к Учителю, – тяжело дыша, сказал только что зашедший Юнг.

Он был уставший, но необычно торжественный. Я посчитал нужным промолчать, чувствовал, что вопросы ни к чему. Мы пошли ночью, сквозь непонятные тени и блеск разноцветных звезд. Тени лежали на сосновых волнах и, казалось, волнуются вместе с ними. Пар от дыхания растворялся над головой. И тут я увидел, что Юнг не хрустит снегом и над ним нет пара. Я внутренне почувствовал приказ. Мы сели на снег по-школьному. Мне часто попадало от Юнга, когда забывал о главном. Ведь можно, не раскрывая рта, разговаривать и дышать телом. В тайную войну таких ошибок делать нельзя. Мы продышали больше часа, стало ясно, что Ким не готов. “Слава Богу, – подумал я, – получилось. А как же Ким?” – сразу резанула мысль.

“А что ты можешь сделать? – где-то глубоко внутри мозга раздался голос Юнга. – Разве мы можем изменить чью-то судьбу? Нам ли решать степень готовности пожелавшего ступить на путь войны?”

Этой ночью мы похоронили Кима. Метательное оружие прилетело из темноты. Больше я не видел ничего, но когда мы с Юнгом спрятались, ненадолго забывшись тревожным сном, я видел открывающийся, пульсирующий лотос с короткими мечами вместо лепестков. Никакого движения, не было даже теней, но страх отошел. Следующей ночью мы шли уже вдвоем.

Первый мой бой вспоминать тяжело. Выпускать из себя смерть очень сложно, даже во имя школы.

Ням стоял в стороне, рядом незнакомые мастера. По приказу Учителя мы уже стояли долго, очевидно, он знал, что произойдет. Вот и произошло. Мой первый бой. Ритуал перед боем был кратким. Я видел таких людей впервые. Очень короткие, широкие, то ли мечи, то ли ножи. “Зачем?” – мелькнуло в голове. А нож быстро приближался. День, все обострилось до предела, снег стал крупными кристаллами, солнце, казалось, разбилось на тысячи частей. Внезапное нападение, я чувствовал только нож, перед глазами вдруг все исчезло, только нож, короткий и неживой. Животный страх сковал все тело. Меч полоснул меня по животу, разрезав плотную ткань, кровь горячо стекала по бедрам. Я отпрянул назад, меч прошел рядом с головой, я снова отпрыгнул назад и упал, ударившись о ставший почему-то твердым снег. Но вдруг понял, что дышу неправильно. Это я увидел в глазах стоявшего Юнга. масте-

ра не двигались с места, стало ясно, ждут от меня какого-то действия. Я крикнул, но это был крик страха, и вдруг задышал клеткой, движения стали четче, почувствовал, что скорость изменилась. Глянул на правую руку, почти не удивился – блестящая от чешуи, когтистая лапа дракона. Я бросил ее вперед, мой удар пришелся по черепу человека, держащего короткий меч. Он рухнул как подкошенный, потом я увидел, что Юнг стоит еще над двумя трупами. Подбежав к Учителю, я упал на колени.

Так я окунулся в черную сеть войны, пройдя испытание смертью. Не спрашивал, почему японцев ждали, почему их было трое, был благодарен Юнгу, что взял на себя двоих. Этой ночью я спал вместе с мастерами. Было понятно, что впереди ждет что-то необыкновенное, дающее силу и школу. Из европейцев я был не один.

– Так нужно, – сказал Учитель. – Ты у нас не один. Мы вшестером должны идти. Серьезная война, – вдруг сказал Учитель.

А когда стемнело, он повел за собой в неизвестное меня, Югая, Кима, Сашу, Игоря и Юру. Перед встречей со святыней мы сели в долгую медитацию на целый день. Когда стемнело, подошли к последней землянке, где все переоделись в непривычную для школы одежду: очень широкие штаны, длинную рубаху до колен, костюм черного цвета, широкий белый пояс вокруг талии, материал очень толстый и теплый, на ноги натянули плотную кожаную обувь, больше похожую на высокие носки. Я понял, что впереди то, о чем мечтал всю жизнь.

Наверное, одно из тайных мест школы. Стало радостно, что достиг этой чести и чистоты.

Под зелеными волнами на земле стояли огромные, в два человеческих роста, каменные кубы. Они были разных размеров и напоминали выросшую из земли гранитную друзу. Она была огромных размеров. Кристаллы из гранита – это показалось невиданным чудом. Между кристаллами было много щелей, но ту единственную, в которую нужно было протиснуться, знал только Учитель. Дротики засвистели внезапно, вновь появились люди в черном. Я увидел, как дротик воткнулся в левое плечо Учителя, еще несколько штук в грудь. Бой был долгий и жестокий. Нападение на Учителя родило во мне соединение стихий. “Учитель,” – билась одна мысль в мозгу и сердце. Я убивал и радовался – незабываемое чувство. Радовался, что отдаю жизнь за школу.

– Ты умеешь жертвовать, – говорил я себе, размахивая блестящими от чешуи когтистыми руками.

Руки превратились в пасть дракона, разрушающую все на своем пути. Бой закончился внезапно, а я стоял, широко раскрыв глаза, и в ужасе смотрел на жертву, которая корчилась в предсмерт-

ной агонии. Подошедший Юнг одним движением погасил в ней оставшуюся жизнь.

– Ты не привык к этому, брат, – понимающе кивнул он головой.
– Но ты молодец.

Сердце внезапно изо всех сил рванулось в груди. “Учитель!” – мысль чуть не разорвала мозг. Дротики, попавшие в грудь, висели, как колючки, зацепившись за одежду. Из Няма выплескивались волны силы, еще не успокоившиеся после боя. В левом плече глубоко засело японское оружие. Одним движением он его выдернул и, зажав рану рукой, десять раз глубоко вдохнул и выдохнул. Одежда присохла к ране. Потом он подошел к Саше и приложил руку к раненой груди, ткань присохла мгновенно.

– Пусть будет так, – сказал Ням. – Опасность миновала. Из обшин, – вздохнул Ням, – я остался последним, кто помнит это место. Сила Ссаккиссо находится здесь. – Он обвел рукой стоящие впереди камни. – Еще в горах Кореи и Тибета. Вы всегда сможете найти это место, если пронесете в себе чистоту.

... Поймал волк оленя и, свалив на землю, приготовился перекусить артерию.

– Волк, – взмолился олень, – ведь ты всю жизнь убиваешь. Как же покажешься перед Богом? Не отнимай у меня жизнь!

Волк отпустил оленя. Три дня слова оленя не выходили из башки серого. Три дня он думал, жрал траву и блевал. Не выдержал и снова пошел убивать. Пришло время оленю, предстал он перед Богом и, поклонившись, скромно спросил:

– Куда мне, Господи, – в ад или в рай?

– В ад, конечно, – ответил Господь.

– Почему? – поразился олень. – Не убивал никого, травой всю жизнь питался. А волка куда?

– В рай, конечно, – ответил Господь.

– А волка за что? – еще больше изумился олень.

– А что волк? – улыбнулся Господь. – Три дня мучился, против себя пошел, травой объедался, а ты спокойно траву поедал, с удовольствием, ни разу не задумавшись, сколько малых жизней букашек на ней погубил.

... В щель мы вошли правым плечом вперед. Грудь и спину сдавил гранит, полная темнота, холод пронизывал насквозь. Примерно километр. Как же шел Саша, раненный в грудь? Что будет, если он потеряет сознание? И он потерял его, когда выпал вслед за нами в широкий коридор. Упражнение для ясности в темноте открыло нам глаза, и мы снова пошли за Учителем.

– Этот лабиринт проложили сыновья Дракона, – услышал я голос Учителя внутри себя. – Они были необычными людьми.

По более широкому тоннелю, по моим подсчетам, прошли километров пятнадцать. Потом огромный гранитный зал, он был квадратный. Каждая стена – метров пятьдесят. Выйдя на середину, все замерли, пораженные невиданным зрелищем. На правой и левой стенах было по три входа. Впереди, под огромным барельефом Дракона, самый большой вход.

– Идите, – Ням указал каждому его вход. – Мы будем здесь пять суток без еды и без воды.

И Учитель пошел вперед, во вход под Драконом. То, что я увидел в своей зале, должен был пересказать Фу Шину. Это стало ясно в подвале Уральска, выложенном белым и голубым кафелем. Это казалось непосильной задачей. Будет ли слушать меня тибетский Патриарх? А если и выслушает, что скажет?

Жена вывела из глубокой задумчивости.

– Все, заправились, – сказала она.

Все дружно двинулись к самолету. Впереди Алма-Ата.

Иллюминаторы потемнели, последнее, что в них было видно – Уральские горы, черные под белым снегом, ни на что не похожие, ничего не напоминающие. Глядя сверху на них, понял, что горы для меня чужие. Острые вершины, казалось, притягивали самолет, пугали своей непостижимостью и хаотическим нагромождением. Неравномерно лежащий снег, разная высота и неприятное ощущение, что самолет мягко упадет между острыми скалами, завязнув в снегу. И будем мы бесконечно ждать помощи. Отогнав глупые мысли, я наконец-то заснул. Сон, черный и пустой, принес небольшое облегчение.

– Алма-Ата, – прошептала мне в ухо жена.

Все встали и пошли на выход. На лицах было написано ожидание, и только один Федор шел с опухшей головой, с трудом приоткрыв слипшиеся за очками глаза. Я взглядом прощался со стюардессой, она мне улыбнулась грустной улыбкой. Спасибо ей за улыбку, стало менее больно.

Большой красивый аэропорт. Столица Казахстана, страна огромных земель, пустынь, ветров, загадочных людей и не устающих ни в бурю, ни в жару кораблей пустыни – косматых верблюдов. В аэропорту все оказалось просто, когда милиция уже начала присматриваться к непонятной группе людей, подошел человек с европейской внешностью.

– Вы к Учителю? – спросил он у Андреевича, безошибочно угадав главного.

Все радостно оживились. Андреевич утвердительно кивнул головой. Спустившись по большой лестнице и обернувшись последний раз на огромное красивое здание, мы погрузили себя и свой

багаж в новенький “Икарус”. Он должен был нас отвезти к Фу Шину. Осталось шесть часов – и тайны Чуйской долины начнут открываться, каждому по-своему. В автобусе я снова заснул, проснулся на рассвете и только тогда начал понимать, в какое место силы меня забросила жизнь.

Подойдя к человеку по имени Николай, который не спал, потому как был за рулем, я узнал, что уже несколько минут мы едем по Чуйской долине, по единственному и главному шоссе Киргизии. Ребята стали просыпаться, дико озираясь по сторонам. Зрелище было непривычное. Мы ехали по центру одной из крупнейших артерий земли. Справа Тянь-Шань – сплошная, как показалось, стальная гряда, остроконечная, до половины в снегу, такая величественная, что казалось, сам Создатель своей рукой поставил ее. Слева – огромная, непрерывающаяся и тоже бесконечная, земляная гряда. Между ней и Тянь-Шанем было примерно километров тридцать. От обоих предгорий густыми зарослями, на несколько километров, стекала знаменитая чуйская конопля, дающая всему миру больше пятидесяти процентов контрабанды марихуаны. Этого еще никто не знал, не знали даже того, что не каждый может выжить в уникальном месте, над которым стоит плотный, почти густой воздух из-за присутствующей везде зеленой царицы, рассыпавшей вокруг себя пыльцу, которая может свести с ума. Все это впереди.

В тот момент всех поразило выходящее из-за священной гряды солнце. Верхушки Тянь-Шаня окрасились в кровавый цвет, который медленно стекал вниз, окрашивая снег розовым и осветляя черные скалы. Вдруг солнце, брызнув, ударило по глазам, в долине мгновенно случился ясный летний день. Мы еще не знали, что день и ночь приходят внезапно. Долина нас встретила яркими красками, ярким солнцем и не менее яркими переживаниями. Впереди Учитель, живая легенда. Сколько Учителей осталось на нашей многострадальной земле? Кто знает?

Иногда по бокам трассы возникали селения. Когда они заканчивались, появлялись высокие заборы. Они располагались правильными квадратами. Единственный узкий вход был под аркой. “Кладбища”, – понял я. Мы попали в царство мусульман. Это и было особенно трудным. Молодая, поэтому самая агрессивная религия. Молодое всегда жесткое. Сколько их в мире, воинствующих мусульман? Мусульмане – загадочный народ, непостижимый для нас. Жесткость, нормы поведения, введенные в незыблемые рамки, законы рода, гаремы, все чужое и непонятное. Коран в переводе – покорность. Они не хотят чужого, но не дай бог посягнуть на то, что принадлежит им! Но что им принадлежит? Ведь это тоже

нужно понять. Селения не были похожи на те, к которым мы привыкли, и от этого сомнения вырастали, вытесняя уверенность.

Андреевич снова начал рассказывать о традициях, которые нужно знать, и о том, чего нарушать никак нельзя.

– А вообще, – продолжал он, – все рассказать невозможно, но есть закон Космоса: необходимо быть обычным человеком, и вы ничего не нарушите. Мусульмане не любят животных, которые проявляются в человеке, почувствуйте окружающее, уважайте его, уважайте стариков, детей, женщин и самих себя – и ничего необычного не произойдет. Будьте людьми – это то, о чем мы с Сергеем, – он положил руку мне на плечо, – вам говорим постоянно.

Автобус свернул с трассы влево и заехал в поселок, прокатившись еще несколько минут, он остановился возле небольшого моста, переброшенного через арык. За ним был большой двор и двухэтажный дом, дом Учителя. “Икарус” дернулся и остановился, открыв двери.

– Ну что ж, – вздохнул Андреевич, – на выход, орлы.

Я схватил рюкзак и первым выскочил, сразу столкнувшись с ней. Возле остановившегося автобуса рос, мне по глаза, пушистый зеленый куст легендарной чуйской конопли. Сразу ударил в мозг неповторимый запах. Это была наша первая встреча, которая запомнилась навсегда. Пустынный двор, полностью залитый гладким белым бетоном. Из квадратных окон, казалось, ровно вырезанных в нем, вился виноград, поднимаясь вверх и забираясь на стены огромного дома. Из двери вышла красивая женщина. Я сердцем угадал, что это та, легендарная девочка Фу Шина.

– Вон там, – она указала на лестницу, со двора ведущую на второй этаж. – Там место для вас.

Мы взяли свои рюкзаки и, с трудом протиснувшись по узкой лестнице, поднялись на второй этаж. Чистое большое помещение, достаточно места в центре, по периметру стен – застеленный коврами кан. Вот это место, куда приезжают люди со всего мира, то группами, то по одному. Сколько времени они здесь живут? Бывает, за много недель так и не получается увидеться с Учителем, а если и увидятся, то не могут сказать даже слова. Великий Патриарх имеет необъяснимую силу, и если он не хочет, то человек, что бы ни делал, как бы ни напрягался, не может заговорить. Мы верили в то, что были желанны, и в то, что нас звали. Побросав рюкзаки в угол, все упали на кан. И, несмотря на то, что в летнем гостевом помещении было не менее пятидесяти градусов жары, мгновенно уснули. Напряжение, смена климата и летающая в воздухе конопляная пыль дали знать о себе.

Когда проснулся, то сразу вспомнил, где я. Попытался встать и испугался, неизвестно от чего тело одеревенело и не слушалось. Потом дошло, что практически умираю от холода. Вспомнил географию.

– Вот он, резко-континентальный климат, – пронеслось в околечневшей голове.

С трудом зашевелившись, сел на кан, рядом, мирно посапывая, как ребенок, спал Андреевич. “Действительно мастер,” – удивился я. Остальные не спали: кто лежал скрючившись, кто сидел, удивленно хлопая глазами. “Еще бы, – подумал я, – было градусов под шестьдесят, крыша нагревалась безжалостно. А сейчас? Ну, градусов пятнадцать. Это не просто перепад, а еще и перепад за счет нагретого второго этажа.” Казалось, что сейчас минус пятнадцать. На самом деле не менее плюс пятнадцати. Я посчитал перепад и внутренне развеселился: “Так это же сорок градусов. Ничего себе климат!” Начало было весьма ободряющее. На жену было жалко смотреть, тем более, что я понимал: ей все равно придется через какое-то время уйти в гарем.

Кстати, гарем – это не там, где живут жены, а там, где живут все женщины – женская половина.

Андреевич потянулся и тоже сел.

– Интересно, – сказал он, – наш Федор еще жив?

Спонсор, свернувшись в морской узел, спал, громко сопя. Очки скатились с его буйной головушки и, ненужные в этот трагический момент, лежали рядом. Зная элементарные законы медицины и степени развития тела Федора, я понял, что нам с Андреевичем придется разгибать его силой и приводить в чувство. Так и случилось. В дверь постучали.

– Войдите, – предложил Андреевич.

Дверь скрипнула, и на пороге появился с замызганной мордашкой, в белой тибетейке, обшитой золотом, маленький китайчонок. Сразу стало понятно, что эту тибетейку он одел в связи с торжественным случаем, хотя и забыл вытереть нос. Его ведь послали будить вновь прибывших. Он что-то прошепелявил и со смехом убежал, гремя босыми пятками по деревянным ступенькам. Я вопросительно посмотрел на Андреевича.

– По-моему, чай предложили пить, – сказал он.

– Неплохо бы, – простонал Федор.

Все, слегка сгорбившись, начали спускаться вниз по лестнице. Вид двора поразил: яркий фонарь выхватывал из темноты два длинных стола, на которых была расставлена еда. Рядом человек тридцать черноволосых, с непривычными лицами людей.

– Что это? – шепотом спросил я у Андреевича.

– Да вот, родственники пришли посмотреть, кто приехал.

Сердце упало вниз, гулко ударив по пяткам. Внизу ждали мужчины, в нескольких метрах от них скромно стояла стайка женщин. “Вот это смотрины! – подумал я. – Хоть бы пережить.”

– Следите за мной, – шепнул Андреевич. – Ориентируемся на месте.

Когда мы спустились, из толпы мужчин отделился человек. Он слегка поклонился Андреевичу, Андреевич похлопал его по плечу, а тот двумя руками пожал его руку. Я понял, что это должен быть самый главный в доме, а значит, старший сын. Было непонятно одно: сколько же лет Фу Шину и как он ухитрился обзавестись огромной семьей и таким количеством друзей? Впрочем, успокаивал я себя, объяснения еще впереди. Старший сын каждому из нас пожал руку, даже моей жене, очевидно, причисляя ее к совсем другому типу женщин. Он все время повторял два слова: “салям” и “Рашид”, из чего я легко понял, что “салям” – это здравствуйте, а Рашид – имя.

Все собравшиеся сели за стол. Женщины подошли ближе и стали как бы на страже. На столах лежали палочки для еды и стояли большие миски с очень длинными и скользкими макаронами. Как потом выяснилось, коварное блюдо называлось лагман. До меня дошло, что все собрались на обычный веселый концерт. Сколько же сейчас будет подвохов? Хоть бы не опозориться окончательно! Тем более, Рашид сказал, что Учителя не будет несколько дней, он должен приехать из Китая. Хорошо это или плохо, я не понял, но тешил себя надеждой, что ребята не подведут. Тем более увидеть Учителя сразу – это было бы чудесно. Я успокаивал себя, что Учитель именно поэтому задержался в Китае.

Слева от меня сидела жена, справа – Андреевич, а через стол напротив – вялый Федор, тускло поблескивая толстыми линзами очков. Андреевич толкнул меня в бок, я понял этот жест и почувствовал, что необыкновенно хочется есть. От прохлады аппетит разыгрался не на шутку. Я не знал тогда, что он разыгрывается и от чужьего воздуха, ведь покурив конопли, всегда хочется жрать как голодной собаке. В центре стола стояли тарелки с чем-то, напоминающим нашу икру из синеньких. Первой жертвой веселых мусульман оказался гордый Федор. То, что палочками он есть не умеет, было понятно и так. И вот, взяв их, он наляпал на большой кусок лепешки толстый слой этой смеси. И вдруг до меня мгновенно все дошло. Краем глаза я увидел еле сдерживающих смех женщин, они молча толкали и щипали друг друга. Мужчины сидели невозмутимо, лихо выхватывая палочками из тарелок длинные скользкие макароны.

А тем временем Федор уже открыл рот. В тот момент я понял, что это за смесь. Наверное, многие знают тот маленький красный перец, которым на Украине слегка болтают в борще, боясь переборщить. В Азии перец уважают и употребляют в гораздо больших количествах, но далеко не в таких, которые в то мгновение, сидя напротив меня, с голоду спонсор Федор метнул себе в рот. Я решил не останавливать его, пусть потешатся женщины, труженицы гарема. А Федор уже жевал. Андреевич тоже не сильно останавливал его, только слегка качал головой, ожидая, что будет дальше.

Ай да молодец Федор, ай да герой! Не опозорил родную Украину! Не то что не опозорил, а, наверное, напугал до полусмерти все азиатские народы. Федор жеванул уже третий раз, потом четвертый. Мелькнула мысль: может, я ошибся в силе блюда. Федор жевал все медленнее и медленнее, его взгляд потерял осмысленное выражение, выпуклые глаза начали медленно выкатываться, потом я увидел удивительный физиологический феномен, сказали бы – не поверил: очки медленно и густо запотевали. Из начинающей пробивать в белых кудрях лысины, а может, показалось, повалил едва заметный дымок. Этого феномена объяснить себе я не смог.

А Федор все держал и держал марку. В Федоре вдруг проснулась память прошлых жизней: он взял палочки и не спеша, но достаточно лихо принялся закусывать перец лагманом. За его спиной стоял грустный гарем, который так и не получил своего.

Группа с Украины к ним приезжала впервые. Судя по лицам, я понял: мы для них так же непостижимы, как и они для нас. “Отлично, – подумал я. – Может быть, хоть какое-то время будут уважать.”

Даже я не предполагал, несмотря на знание медицины, чем это кончится для бедного Федора. После ужина он осипшим голосом объяснял, что сжег и рот, и нос, и даже половину мозгов. А через пару дней оказалось, что и весь зад. Конечно, ведь перец не перерабатывается в кишечнике. Прямой ожог прямой кишки. Но давайте оставим Федора – ему и так было горько.

Друзья и родственники начали расходиться, знакомство состоялось. Мы вновь побрели на свой второй этаж. Наступала прохладная чуйская ночь.

ГЛАВА 7

Чуйская ночь оказалась не прохладной и даже не холодной. Первая чуйская ночь была ледяной, ломающей безжалостно суставы, растягивающей сухожилия. Хотелось завернуться в одеяло, прогнуться и упереться в кан затылком и пятками. Многие так и делали. Отец-Солнце спрятался за Тянь-Шань, и ночью в Чуйской долине царствовал холод. Я спустился со второго этажа. Полная, пугающая не темнота, а чернота, лишь огромные звезды над головой. Казалось, над долиной – не звездная сеть, а какой-то сумасшедший натыкал стоваттные лампочки. Но звезды светили только для себя.

Здесь пригодилась старая корейская школа. Я шел рядом с бегущим вперед арыком, где-то там стоял из красного кирпича туалет. За углом дома кончилась бетонная гладь, и я сразу провалился по пояс в воду. Через мгновение дошло, что это обычная высокая трава. Не холод, наконец понял я, сырость рвала сухожилия, ломала суставы и тревожила старые травмы. Я не стал искать узенькой бетонной дорожки, бегущей к красному домику. Зачем искать, если и так мокрый с ног до головы, будто окунулся в ледяной арык. Тогда я еще не знал, что такое арык. Маленькие ледяные вены, берущие силу в Тянь-Шане, стекали вниз, разрезая долину вдоль и поперек.

Я медленно брел и вдруг прикоснулся вытянутыми вперед руками к чему-то живому и не смог сдержать свой возглас. Что-то мягкое и необыкновенно теплое засмеялось в ухо и нежным голосом с непередаваемым акцентом сказало:

– Три шага вперед.

Легкие шаги мягко зашуршали по бетонной дорожке, исчезая из моих ушей. Три шага – и вытянутыми вперед руками я уткнулся в долгожданный домик.

Когда вернулся, увидел печальное зрелище – радостный Андреевич, его счастливые глаза светились, рассказывал о школах индийской, вьетнамской, тибетской, корейской, рассказывал обо всем, что знал. А рядом сидела моя жена и с верой смотрела на него. И еще на кане сидели озлобленные, завернутые в одеяла, око-

ченевшие и перепуганные люди. Они сидели, тупо уставившись перед собой. Почему должно быть по-другому, почему они так решили? Андреевич был счастлив, жена верила, а я понял: мне идти сквозь чужую тупость, непонимание, еще идти через любовь и веру своей жены. А впереди – Фу Шин.

“Ну почему же ты не слесарь-сантехник? Бедный Сережа...” – снова подумал я. Но все же в тот момент от чуйской росы было хорошо и радостно. В том, что сна не дождешься, пока не потеплеет, сомнений не было. Один лишь Федор чмокал и скрипел зубами во сне. Потрогав его лоб, я понял, что высокая температура усыпила спонсора. Так мы и сидели до утра.

Солнце вышло внезапно, к этому нужно было привыкать. Где-то на далекой мечети затянул свою заунывную песню мулла. Сразу стало тепло, одеяла потихонечку сползли, еще немного – и ребята сложили их возле себя. Открыл глаза выпавшийся Федор, нащупав свои очки, нацепил их на нос. Чуйское утро. Тела у всех болели, казалось, что суставы скрипят.

– Ну что, покурим? – предложил Андреевич.

Я кивнул головой.

– Скоро будет чай, – сказал он ребятам, и мы вышли на узкую крутую лестницу.

Двухэтажный дом нуждался в ремонте, хотя был достаточно прочным. Пройдя бетонированный двор, мы зашли на мостик и прошли над звенящим арыком.

– Куда идем? – спросил я у Андреевича.

– Подальше, – ответил он. – Учитель гоняет за курение.

– Как будто он и так не узнает, – усмехнулся я.

– Так что, коптить у него во дворе?

Я увидел, что Андреевич очень раздражен. Мы достали сигареты и закурили. Вокруг летали незнакомые птицы, я узнал мину – так называемого китайского скворца. Пролетело что-то ярко-зеленое, но рассмотреть не успел. Мы стояли возле пышных, тоже незнакомых кустов – все чужое. Даже воздух был совершенно чужой, прозрачный, с резким, обжигающим запахом. Рядом издавал звуки ручья стремительно бегущий арык.

– Рассказывай, – жестко сказал Андреевич.

И я полностью понял его.

– Да что рассказывать? – пожал я плечами. – Последний раз вы видели Учителя десять лет назад и не в этом месте. Моя жена верит, я не могу не верить, потому что это моя жизнь. Не верить в свою жизнь – глупо. – Я снова пожал плечами. – А ребята только вступают в жизнь. Тут мы и увидим кто, и как, и куда. Знаю, как они рвались: если бы все поехали, в долине мало было б места. Сделаю

все, что могу, ну, а чего не смогу, того не сделаю. Не дрейфь, Андреевич! Одного не могу понять: зачем Фу Шину такие нагрузки? Но, скорее всего, это его жизнь. Единственное, что еще хочу сказать, – продолжал я, – будет тяжело. Ребята решили, что это их жизнь, но наша родная демократия перевернула всем мозги. Я сто раз объяснял, что в жизни не так. Да, Андреевич, лихо ты замутил! Взяли мы самых лучших, тех, кто рвался больше всего, тут-то и узнаем, правильно ли питались и так ли делали дыхательные упражнения. В общем, все тут будет видно, да и психика себя проявит: это ведь не дома щеки надувать и корчить из себя мастеров.

– Смотри, философ, – покачал головой Андреевич.

И по его взгляду я понял, что ни черта я не понял. Он махнул рукой, недокуренные сигареты полетели в арык, и мы направились обратно в дом. По двору бегали женщины, накрывая два длинных стола. На выходе из кухни стояла красивая, непонятного возраста женщина, наблюдая за происходящим. Женщины буквально носились галопом, как хоккеисты по площадке. Пестрые халаты, непривычная обувь, я впервые видел дунганские лица. Над этим стоило задуматься.

– Гришенька, – женщина, улыбнувшись, шагнула к нам.

Мы поздоровались с ней.

– Учитель будет недели через полторы.

И все-таки очень сильный акцент, я с трудом разбирал сказанное. “Странно, – мелькнула мысль, – ведь столько лет живут с русскоязычными.” Из дома выбежала стайка детей и с радостным визгом упорхнула за кухню.

– Сергей, – представился женщине я.

– Зульфия, – ответила она. – Завыти сваих цай пыть. – И она, улыбнувшись, зашла в кухню.

Женщины бегали, расставляя тарелки, дети визжали, таская за собой игрушки. Сколько детей и сколько женщин, пересчитать было невозможно, настоящий дурдом. Мы с Андреевичем поднялись на второй этаж. Разогревшиеся от вступившего в силу солнца, орлы спали глубоким сном. Жена проснулась первой.

– Что мне делать? – спросила она.

– В смысле? – не понял я.

– Но ведь здесь женщины и мужчины отдельно.

– Не знаю, – честно признался я.

– Ладно, разберусь.

Переодевшись, жена пошла вслед за уныло плывущими орлами, которые гуськом спускались по лестнице. Все по очереди умылись в ванной и побрели за стол. В этот раз за столом уже сидели какие-то люди, и до меня дошло, что в огромный двор без ворот

может зайти кто угодно и сесть за стол. От еды прогонять в этом доме было не принято. На этот раз женщины сжалились, и на столе появились ложки. В мисках был жирный золотистый плов. Федор снова сел напротив меня. “Что за испытание,” – подумал я. Чуйская долина явно навевала нездоровый аппетит, есть хотелось так, как будто в этой жизни не ел еще ни разу. Федор корчился, мучился, кривился и вздрагивал, но плов глотал. “Да, вот с кем еще будут трагедии! Ничего, выдержим, ведь тяжелее всего Андреевичу.” Все получили по добавке, и даже Федор, несмотря на свои мучения, проглотил ее. Напившись горячего чая, еле двигая ногами, все побрели на второй этаж. А Андреевич исчез на два дня. Проснувшись к вечеру. Открыв глаза, я увидел, что Федор совещается о чем-то с ребятами.

– Сергей, – обратился он ко мне. – Мы тут решили, что нужно выпить. Может, быстрее акклиматизируемся.

– Где Андреевич? – спросил я.

– Да он как ушел, до сих пор нету.

– Пейте, – согласился я. – Может, действительно полегчает. Но смотрите, – до меня вдруг дошло, – мы среди мусульман, и, на сколько я знаю, к тем, кто пьет, они относятся очень и очень плохо.

– Мы аккуратно, – заверил меня Федор.

– Ну-ну, только очень, – посоветовал я.

– А сам что, не будешь? – ехидно спросил Федор.

– Еще и как буду.

– Тогда посылаем гонца.

Печальный гонец пропал часа на три. Он объяснил, что магазин рядом, но все туго понимают по-русски. Я обратил внимание, что гонец белобрысый. Кое-что становилось понятным. Да, попались, тем более, что это далеко не корейская община, где все ясно и понятно, а Чуйская долина, мусульмане, и по всему этому своим жестоким катком прокатилась Советская власть.

На кане появился огромный пласт сала. “Ничего себе, – подумал я. – Это означает, что один из самых толстых орлов больше не взял ничего.” Огромный – это не преувеличение, размером почти с рюкзак.

– Да, родной, – не выдержал я. – Вот оно, правильное питание, которое подходит к любым экстремальным ситуациям и к любому климату.

– Ну, Анатольевич, – засмутился толстый красавец. – Это же на всякий случай, вдруг трудный момент.

– Который уже наступил, – вставил я.

– Да ладно, – потирая руки, широко улыбался Федор.

Мне кажется, что это сало и спасло на следующий день прямую кишку Федора от особо зверского удара. Как известно, сало облепчает и смазывает, не считая жестких ударов по желудку. Всем разлили по стакану водки, по-нашему, по-украински. Выдохнули, выпили, крякнули и вдохнули салом, дружно зачавкав. По ступенькам кто-то поднимался. Дверь открылась, и я едва успел накрыть сало одеялом. На пороге стоял Рашид.

– Кто у вас здесь самы главны?

Андреевича не было, а Федор так сжался, что пришлось встать мне.

– Здесь водка совсэм ныльзя, понал?

– Понял, понял, – закивал я головой.

– А тэпэр пошлы знакомытца.

“Ну вот, началось,” – подумал я. После этого момента я полностью опускаю идиотский акцент, с которым говорили в Чуйской долине. Почему, позже будет понятно, тем более, что искусственный.

– Как тебя зовут? – спросил Рашид, когда мы спускались по лестнице.

– Сергей, – ответил я.

Так мы и познакомились, крепко пожав друг другу руки.

– Пойдем, с братьями познакомлю.

Рашиду было лет тридцать, впрочем, нам европейцам, даже привычным к общению, всегда тяжело определить возраст азиата. Мы прошли двор, мост и зашли в ближайший дом, в котором жил старший сын, его жена и трое детей. Аккуратный, чистенький дворик, закатанный асфальтом, над ним – плотной зеленой крышей виноград. За большими домом – маленькая летняя кухня, в ней – стол и кан. На кане сидело трое здоровенных дунган. “Действительно, воинственное племя, – подумал я. – Да и на китайцев не очень похожи.”

Дунгане и уйгуры – два самых воинствующих племени в Китае. Мао Дзе Дун боролся с ними как мог, но это было очень непросто. Дунгане и уйгуры всегда воевали между собой, не знаю почему, но неприязнь у них была необыкновенно сильная. Дунгане – древнее соединение арабов и китайцев, огромные люди, ширококостные, высокие и очень крепкие. Племя, давшее миру величайших мастеров-воинов.

Сулейман, Ахмед и Искандер – мы по очереди пожали друг другу руки.

– Давай курнем, – без особых переходов сказал Ахмед. – Знаешь, что это такое?

Уж мне-то не знать! Сколько вылеченных наркоманов числится за мной! Они просили, приходя толпами. Нет ни одного наркомана, который бы не мечтал вылечиться.

Запрещая кому что-либо, ты берешь его карму на себя.

От жалости я помогал им и одновременно боролся с невероятным желанием, буквально чувствовал, как демоны за эти благодеяния берут за горло и заставляют хотеть наркотиков. Да, мне ли не знать, что такое гашиш, опий, ЛСД, кокаин и тому подобная дрянь? Имел ли я право не знать, леча людей, изучая психологию и медицину?

Я понял, что начались очередные испытания, тем более, что во мне сидел уже целый стакан водки. Отказаться? В Чуйской долине это, наверное, показалось бы даже не трусостью, а каким-то сопливым малодушием, тем более, насколько я помню, Коран запрещал только алкоголь, да и вообще, откуда я мог помнить Коран. “Вот это попался,” – снова подумал я.

– Почему же не знаю? – ответил я. – Дома покуривал.

– Что, и у вас растет, в Белоруссии? – спросил Сулейман.

Я хотел сказать, что на Украине, а потом подумал: какая ему разница, и, утвердительно кивнув, сказал:

– Растет.

... Канабинол. О нем можно рассказывать бесконечно. К чему это приводит? К пустоте, а пустота может быть только в личности.

Когда-то несколько лет назад ко мне пришла мать ученика. Я тогда тренировал в огромном зале. Она пришла после тренировки, на них я уставал безумно. Я уже пришел домой, жена постелила белые простыни. Наелся каши и выпил МБК, однажды отчим так назвал зеленый чай, который является самым сильным Ян на нашей земле. МБК – моча больного корейца. Мой отчим был стармехом, больше всего ненавидел коммунистов и их систему! Азиатов любил и уважал. Еще бы, пройти Индию, Китай, Японию. Зеленый чай после знакомства со мной он нежно называл МБК. Здоровенный волосатый мужик, одним словом – стармех. Этих людей на кораблях уважают и боятся все. Глотка, которая перекрикивает сердце машины. Когда он говорил, гудели все близстоящие предметы. Только он понимал меня и жалел.

Я напился своего МБК и решил глубоко уйти в сон. Звонок в дверь, на пороге большая, квадратная женщина.

– Вы, вы, – начала нервно говорить она, – вы давали читать моему сыну умные книги.

– Да, был такой грех, и что? – спросил я.

– И вот он читал, читал... – продолжала мать.

– Ну и? – спросил я.

Тогда я еще не написал ни одной книги и опирался на чужие. Да, это была ошибка. Я полностью ее признаю, тем более, что ошибки прошлого ранят в самое сердце.

– Так что же он? – спросил я.

– Он что-то курит, боюсь, чтобы не начал колотиться.

– Ну и ...

– Вы же педагог, я знаю, вы лечите и воспитываете детей много лет.

– Ну и .. – снова поощрительно повторил я.

– Я боюсь за сына, – тихо сказала женщина.

Сулейман, выражаясь современным языком, затаривал папиросу. У него в пакетике уже были приготовленные кусочки прессованной пылицы конопли, и не просто прессованной, а прессованной от руки. Среди любителей гашиша это называется ручник. По конопляным шишкам елозят руками, плотная масса – самая дорогая и сильная. В других местах она очень ценится. Здесь, в Чуйской долине, почти ничего не стоит, потому что обычные сухие листья на базаре продавались стаканами вместо семечек.

... – Чего вы боитесь? – спросил я у матери.

– Везде наркоманы с трясущимися руками, – ответила она. – Что будет с мальчиком? Почему даже вы, а ведь я столько слышала хорошего, не можете помочь ему?

Я был очень уставшим, мне захотелось понимания, и, может быть, впервые я решил открыться женщине, имеющей семнадцатилетнего сына.

– Вы знаете, кто я? – спросил я.

– Да, поэтому я вам и отдала сына.

– Слушайте. Это сухая статистика. Восемьдесят процентов обитателей сумасшедшего дома никогда не принимали ни алкоголя, ни наркотиков.

– Так что это? – испуганно спросила женщина.

– Вы мне верите?

– Да, – ответила она.

... Сулейман забил папиросу. Для того, чтобы плотные кусочки чуйского ручника нормально разгорелись, там была крошечная щепотка табака. “Да, – подумал я. – Сейчас будет настоящее испытание.” Облизав кончик папиросы, он чиркнул зажигалкой.

Учитель, ты мне приказал передать привет Фу Шину. Я плохо понял тебя. Ты приказал мне пройти через безумный ад, который зажегся в соединении двух культур – самой молодой и самой древней. Адский огонь. Прости, Учитель, я просто не понял тебя. Может быть, когда-нибудь приеду и покаюсь.

... – Это то, – ответил я испуганной матери, – чего мы с вами не в состоянии предотвратить. Но даю вам слово, – я взял ее горячие руки в свои. – Клянусь – это моя жизнь. Буду стараться изо всех сил. Клянусь, это действительно моя жизнь. Правда, буду стараться.

Она долго и пристально смотрела на меня.

– Знаете, а я ведь читала те книги, которые вы давали моему мальчику.

– Ну и? – опять спросил я.

– Ничего там нет хорошего.

– А сколько вам лет?

Женщина смутилась, опустив глаза.

– Как тебя зовут? – я взял ее за руку.

– Катя, – вздрогнула она.

– А меня Сергей. Знаешь, Катя, я, наверное, младше тебя на пару лет, всего лишь. А ты слышала: глядя в книгу видишь фигу?

Женщина что-то хотела сказать. Я перебил ее.

– Сколько твоему лет?

– Я пойду, – попросилась она, как ребенок.

– Иди, – разрешил я.

Она улыбнулась и вышла, закрыв за собой дверь. Что я еще мог сказать ей?

... В руках у Сулеймана пылала папироса, очередь дошла до меня. Четыре пары глаз уставились на папиросу, дымившуюся в моей руке. Два глубоких вдоха горячего дыма.

Они ждали во мне не кого-то там из Белоруссии, а просто нормального мастера, который приехал к их отцу – великому Учителю. Да и акцента ни у кого не было и быть не могло. Они хранили свой дунганский. Родились здесь все, в стране под названием СССР, где главный язык был русский, вернее, то, что от него осталось, а от него не осталось почти ничего. “Не может быть у них никакого акцента, – понял я после первой затяжки ручника. – Это просто защита от набегающих уродов со всего мира.”

После второй я начал понимать очень даже много, но главное то, что Андреевича нет слишком долго. Страх, эйфория, любовь ко всему миру заполнили меня, а впереди, через мгновение, предстояла еще затяжка. Я сделал ее и передал папиросу Ахмеду. Пока она дошла снова ко мне, мыслей пролетело на тысячу лет вперед. Я ярко ощутил, что попал в тот мир, который может легко сожрать меня с костями, даже не заметив этого факта. Теперь папироса почему-то очень долго плыла ко мне.

Сколько еще будет столкновений со знаменитой чуйской коноплей? А Ням? А Фу Шин? А как выбраться из этого? Где Андреевич? Где ребята? Где жена? Где дом Учителя? Как дойти до него? Наверное, дунгане не подхватят меня под руки и не поведут, больного, на второй этаж. Где моя мать? Где больные? Ведь я дал им слово, что уехал на пару лет, и еще дал травы и задания. Учитель Ням научил меня лечить тем, что вокруг нас. Он научил, где в окружа-

ющем меня есть женское и мужское, все состоит из него. Я оставил дом. Через мгновение понял, что взял жену с собой для собственного спасения. Я и Андреевич, я и жена, я и Ням, я и Фу Шин. Сколько силы, сколько поддержки, сколько счастья!

Стоп, канабинол! Что делает он? Ага, вспомнил: во много раз ускоряет обмен веществ, значит, все нормально. Так, спокойно, что дальше? Тянь-Шань, Чуйская долина, Иссык-Куль. После корейской общины это стало моим. Оно должно поддерживать меня, спасать, давать силы. Почему Андреевич все это называет Тибетом, разве это Тибет? А там Федор, пацаны без присмотра...

Папироса снова, дымя, подплыла ко мне. Я глубоко вдохнул и понял, что получаю удовольствие, настоящее, без страха. Сладкий и горячий дым. Следующая затяжка была похожа на глоток раскаленного чая, который глотнул не боясь, удивившись, что нет ожога. Горячо и радостно. Ожидание необыкновенного. В то же мгновение вспыхнули сосновые волны, их зелень была необыкновенно сильной, выедающей глаза. Верхушки сосен скребли голубое небо. Юнг, Ням, лабиринт дракона, раненый брат по общине. «Нет, – подумал я. – Дети Фу Шина помоложе, да и послабей, и игры у них, в общем-то, детские. Размечтались.»

Смех у меня разрастался в груди, хотелось открыть рот и захотать на весь мир. Но сосновые волны, мягко колыхнувшись, выплеснули слабость из головы и груди. Мне оставили самое ценное и, как считается, самое сильное – пятка, последняя, самая сильная затяжка, та, которую нужно вдохнуть в себя всю. Не оставишь же ни то и ни се другому. Вот я ее и втянул.

Лабиринт дракона, Ням, Юнг, Андреевич, ученики, жена, мои больные, мать, отец, отчим, зеленый взрыв, снег, махаоны Маака, мертвые бабочки размерами с две ладони, падающие с неба. Упавший цветок возрождается бабочкой, упавшая бабочка возрождается птицей, поющей... Снова взрыв, на меня пристально смотрят четыре пары глаз.

– Ты пил до этого? – спрашивает Сулейман.

– А что? – улыбнулся я. – И сала кусок съел. Знаю, что колбасу не едите, а вдруг там сало.

– Изучал, профессор, – на чистейшем русском сказал старший брат.

– Знаешь, Рашид, нет. Просто всегда пытался быть человеком. Все не изучишь, нужно чувствовать.

– Ну, Сулейман, – Рашид засмеялся и пожал плечами, – здесь нам не повезло, не подфартило. А представь себе, как вы все нам надоели.

– Знаю, – в лоб ответил я. – Знаю, что остохерели.

Молодые пацаны посмотрели на меня с уважением.

– Да, – хлопнул себя по лбу Ахмед. – А молоко детям? Поедешь с нами, тут недалеко.

– Поеду, – согласился я.

Они встали и вышли из летней кухни. А как встать мне? Я три раза глубоко вздохнул, в четвертый раз задержал воздух на несколько секунд, но встать все равно не смог. Мозг никак не действовал на двигательную систему. Я сконцентрировался и залез вовнутрь себя. “Я помогу себе,” – упорно заставлял я себя. Во мне сидел маленький я и управлял рычагами. “Прямо как в машине,” – мелькнула мысль. Встал медленно и так же медленно начал выводить из летней кухни. Одной рукой, внутри себя, я поднимал левую ногу, а затем правую и с трудом переставлял. Выйдя в наступившую темноту, пошел на звуки незнакомой речи. Возле огромных размеров джипа сидело четверо братьев и курили еще одну папиросу.

– Смотри, тагэ (старший брат – дунганский), – обратился Сулейман к Ахмеду. – Вышел. Ну на еще, – и он протянул мне папиросу.

Гордость разыгралась во мне не на шутку, я взял остатки папиросы и одним вдохом убил ее. Братья быстро заговорили друг с другом на незнакомом языке. Перевода не нужно было – и так ясно, что они не просто удивлены, а даже испуганы. Тагэ сел за руль, остальные братья уселись сзади, уступив мне место рядом с водителем. Чего стоило подняться мне, знал только я внутри себя. Не спеша, с равнодушным лицом я уселся рядом со старшим братом и захлопнул дверь джипа.

... На окраине города в старом Китае жил Учитель, великий мастер боя с стиле пьяницы. Его никогда никто не побеждал, он был мудр и владел силой слова. Учеников было немного, какой бы ни был мастер, а все же пьяница. Учитель брал к себе неудачников и тех, у кого мало что получалось. Он сидел на лужайке, покрикивал на своих учеников и пил из огромного кувшина, всегда стоящего рядом. Когда кувшин становился пуст, старик нетвердой походкой уходил в дом, вновь наполняя его. Иногда Учитель вставал и показывал технику, техника была удивительной, непобедимой. Ученики обожали его, другие мастера даже не пытались вызвать его на бой. Все хорошо помнили, чем кончаются поединки с пьяным мастером. Но всегда говорили, махнув рукой, что драться с пьяницей не стоит, да и вообще, он просто пьяница.

Однажды к Учителю пришел проситься в ученики один молодой аристократ. Родители на него махнули рукой, и пьяный мастер был последней надеждой. Юноша не мог справиться с при-

страстием к алкоголю. “Вот перетерплю, научусь и буду пить, как старый Учитель, посмотрим, что скажут мои родители,” – думал молодой аристократ. Учитель долго смотрел на него и на его подарок: два больших кувшина с вином.

– Ты знаешь, что пьяному учиться нельзя?

– Знаю, – согласно кивнул тот.

Мастер распечатал один кувшин.

– Я не пью такое паршивое вино, – сказал он, одним ударом разбив два кувшина. – Пью только свое.

После тренировки ученики крепко спали, не спал только один, сильно мучаясь с похмелья. Юноша не выдержал и крадучись пошел к месту Учителя на поляне. Большой кувшин притягивал к себе. Трясущимися руками бедняга поднял кувшин и жадно глотнул из него – чистая, родниковая вода. Умник сел и глубоко задумался.

... К чему я вспомнил эту легенду, не знаю. Но тогда, в джипе, стало ясно, сколько смысла, непостижимого и многогранного, в этой старой легенде.

– Держи, Серега! Уже взяли, – услышал я издали голос старшего брата.

И он мне сунул две трехлитровые банки с молоком, которые я прижал к бокам.

– Братья придут позже, – он захлопнул дверь с моей стороны, и мы поехали.

Машина заехала в открытые ворота и остановилась возле летней кухни, в которой я дегустировал “чуйку”.

– Я сейчас к жене заскочу, – сказал Ахмед, – а ты иди и отнеси молоко в дом Учителя, отдашь матери.

Ахмед выпрыгнул из джипа и растворился в темноте.

Чернота. Ярко горит свет в доме у Учителя. Свет ярко горит там, но здесь – абсолютная чернота. Странная Чуйская долина, в ней свет практически растворяется, горит только в одном месте, освещая очень небольшое пространство. “Так, – подумал я. – Настроиться и тихонько выйти со двора.” Вроде бы вышел. Арык должен течь в обратную сторону. Я должен идти против течения. Вдруг в голову ударила мысль: “А как же дыхание для видения в темноте?” Аккуратно прижимая к себе две банки, не решаясь их поставить на землю, я задышал. Через несколько минут понял – черта с два что-то получится, и снова пошел. Остановился, представил, как разбил банки. Стало невесело, пошел снова. Начало доходить, что испытания еще впереди, а это лишь бледная тень. “Жрут там водку с салом, сволочи, а тут приходится...” – И сразу же споткнулся. Выручила любимая стойка дракона. Почувствовал, что стою одной ногой на довольно таки высоком камне. “Разбросали тут!” – злобно

подумал я. И вдруг громко расхохотался. “Молчать, собака!” – приказал сам себе. “Слава Богу, вот он, мост – брошенные две бетонные плиты через арык.” Пройдя через мост, я зашел в ярко освещенный двор. Из-за высокой каменной стены свет совершенно не попадал на дорогу.

Двор был полон. Мои орлы сидели за столами и что-то усердно жевали. Федор толкал какую-то заушную речь. Все замерли, глядя на меня. По выражению лица гарема и удивленным лицам детей и гостей понял, что эта история им слишком знакома, но все были удивлены: видно, не каждый горемыка заходил во двор с целыми банками. Я надулся от гордости, банки чуть не выскользнули из рук. “Стоять!” – мысленно приказал себе. Из кухни вышла мать.

– Ну, что уставились? – грозно рявкнула она.

Подбежав, Зульфия забрала банки, и я сразу испугался. Мне показалось, что из-за легкости оторвусь от земли и полечу к огромным звездам.

– Бедненький Сырожа, – Зульфия покачала головой, а потом, повернувшись, погрозила кулаком во двор. – Вот приедет Учитель, все расскажу.

За столом усердно загремели кто палочками, кто ложками. Гарем по-прежнему забегал галопом.

– Мне еще к Ахмеду, – гордо объявил я и повел себя к мостику.

– Смотри, пришел, – с удивлением вытаращив глаза, выдавил из себя Ахмед.

Четверка братьев была поражена.

– А теперь рассказывайте, – я сел, воткнувшись в них взглядом.

– Что рассказывать? – спросил Ахмед.

– Все, – ответил я. – Всю правду.

Они начали рассказывать наперебой печальную историю, вернее, ту ее часть, которую знали, ту ее часть, которая предназначена для них. Их проблемы были самые земные, не имели отношения ни к Школе, ни к философии. Они знали только то время, когда отец уже был признанным Учителем. Время суеты, постоянно приезжающих людей со всего мира.

– Чем дальше, тем хуже, – жаловался Ахмед.

Конечно, я его понимал. Демократия открыла путь к великому Учителю, и посыпались на их головы экскурсии, у которых была только одна цель – поглядеть на Великого Учителя, а их по обычаям нужно садить за стол. Не посадишь – что люди скажут. К ним бы так хоть раз нагрянули. Да и ученички эти то по пятнадцать человек приезжают, то по двадцать. Да еще и приключения всякие привозят, если бы хоть нормальными людьми были, а то просто идиоты. В холодильник лезут, сжирают, гады, все подчистую. За стол ле-

зут грязные, заросшие. То по женской половине бродят, неизвестно откуда взявшиеся. Но там женщины с ними, слава Богу, справляются. А ведь из-за стола не выгонишь, лепешку изо рта забирать не будешь, хоть дети их иногда удачно камнями забрасывают, что с детей возьмешь – святые маленькие люди. Только они могут по неведению обычаев нарушать. Так до того дошло, что если кого выгнать нужно, детям приходится взятки давать.

Младший, по древним обычаям, всегда слушается старших. Но где и в каком писании сказано, что им приказывают выгонять гостей? Вот и получился у малышей современный бизнес, но вот что обидно: есть и такие, которых выгонять нельзя. И таких большинство. Выгонять боязно, вдруг отец узнает. Интересно то, что Фу Шина все дети называли Учителем. В общем, жизнь нелегкая. Легче всех, конечно же, было Рашиду. Женатый, трое детей, свой дом. В дом Учителя он приходил командовать. После женитьбы отдельно жить права не имели. Жена должна год отработать в доме родителей мужа, год – это минимум, а так – до тех пор, пока не женится следующий брат. После Рашида собирался жениться Ахмед. Так что старший брат скоро становился самостоятельным, а значит – продолжателем рода и уже самым старшим в доме – и своем, и отца. Для Рашида было только два авторитета – отец и мать.

Я вернулся к детям, уж очень была интересная тема. Главарем этой маленькой шайки была шестилетняя Джисгуль, самая младшая дочь Фу Шина. Внимательно слушая Рашида, я понял, что с Джисгуль нужно подружиться. “Наши дети страшны, какие же должны быть чуйские?” – подумал я. Очень не хотелось попасть под град камней, да и вообще хотелось многое понять.

А братья все рассказывали и рассказывали о своих горестях. Из этих рассказов я не вынес ничего толкового. Но ведь и рассказано толком ничего не было. Может, я не задавал вопросов – а зачем они, ведь все рядом? Может, стоит разобраться самому?

– Да, ребята, а может у вас есть выпить?

– Ничего себе, – ахнул Ахмед.

Рашид выбежал и вернулся с бутылкой. Я медленно налил себе полный стакан какой-то прозрачной жидкости. Ахмед внимательно посмотрел мне в глаза.

– Да, – кивнул он головой. – Сосед попросил, стариков уважать нужно, ноги больные, растирать нужно. Чистый спирт.

“То же самое, наверное, случилось и с Федором,” – тешила только одна мысль, что не будет удара по прямой кишке.

– Пока, – выдохнул я и, махнув рукой, поплыл к выходу.

К мостику дошел благополучно. Во дворе женщины уже давно протерли столы и, сев на лавочки, щебетали друг с другом. Муж-

чин не было, они отдыхали где-то в другом месте. Я не спеша пошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Все внимательно смотрели на меня, даже дети застыли на мгновение. Я понял, что никто из них никогда не видел так четко и прямо идущего человека.

На втором этаже все еще не было Андреевича, зато царило оживление. Орлы с Федором уже пили китайское пиво.

– Присаживайся, Анатольевич, – и Федор помахал здоровенной, непривычной формы бутылкой. – Пиво будешь?

– Буду, – сказал я и рухнул на кан.

ГЛАВА 8

Утром ярко светило солнце. Все проснулись почти одновременно. Я вылез из-под одеяла и начал разминать суставы, ребята делали то же самое. Самые гибкие из них не могли сделать даже полушпагата. “Да, развиваемся,” – подумал я.

– Когда же все это кончится? Где же Андреевич? – слышался злобный голос из толпы.

– Кончится все это дома, а Андреевич будет скоро, – философски изрек я, скрипнув бедром.

– Чай пить, – раздалось со двора.

Ступеньки загрохотали, и в комнату заскочил с квадратными глазами Андреевич:

– Фу-х, живой.

Он подошел ко мне широкими шагами и крепко обнял.

– Сказали же – чай пить! – Андреевич бросил грозный взгляд в толпу.

Орлы упорхнули, рядом осталась только одна жена.

– Значит так, Андреевич, – сказала она. – Где этот был, – она мотнула головой в мою сторону, – не знаю. И вообще нужно доложить обстановку.

– Что-то случилось? – насторожился Андреевич. – Как вы тут без меня?

– Таня, – слышалось снизу.

– Мать зовет, – сказала Татьяна, окинув нас надменным взглядом, и вышла из комнаты.

– Слушай, Серега, – Андреевич сел на кан. – Ты представляешь, что эти паршивцы сделали? А я их в детстве, поганцев, в кино водил, мороженое покупал.

И Андреевич начал рассказывать. Передавать его словами не хочется: уж очень культурно всегда изъяснялся Андреевич, конечно, с юмором, но тут нужен юмор черный.

К Учителю очень часто приезжают разные группы. По восточным, тем более воинским обычаям, не принимать нельзя. Какое-то время приходилось уступать место для учеников и присматриваться. Но очень часто тупые ученики все чего-то ждут, не пони-

мая, что к ним давно уже присмотрелись. В тот раз, о котором рассказывал Андреевич, приехала свирепая группа из Чечни. На кой им нужна была эта философия и кунг-фу, они сами не знали. Видимо, мало своих проблем. Но приехало двадцать человек – сыновей диких гор. Вот тут и началось...

Рассказываю уже чуйскую легенду, родившуюся совсем недавно. Гордые сыновья гор жили уже третий месяц, даже маленькая Джисгуль со своей большой бандой устала забрасывать их камнями. А что Учителю – он уехал в теплый город Гонконг. И тогда уже совсем плохо стало – сыны гор много ели.

– И что ж они, паршивцы, сделали, – снова зашипел человеколюбивый Андреевич. Старшие сыновья Учителя решили от отчаяния пригласить двух главных курнуть с ними, для этого достали самую страшную чуйку. Курили, на жизнь жаловались и только через какое-то время поняли, что курят вторую папиросу и жалуются друг другу, а тех двоих и в помине нет. Трое суток искали, волновались, уже собирались гарем на поиски запустить. Как вдруг утром те появились. И это же надо, в тот момент, когда Учитель из дому выходил, веселый и отдохнувший после Гонконга.

В то утро у Фу Шина родные могли выпросить что угодно. А тут эти, сыны гор, и где они, бедные, жили все это время, тем более nochи уже ледяные стали, что ели?

И вот стоят перед Учителем уже не ученики, а гости, потому что ученическое время пересидели и автоматически стали гостями. Куда же от них денешься? И вот эти дорогие гости, а на Востоке любой гость дорог, стоят перед хозяином дома, носатые, грязные, покрытые ледяной коркой, исхудавшие и посиневшие. Учитель стоял, как всегда, невозмутимо. Но никакая сила не смогла удержать от хохота весь двор, даже гарем повалился с ног, а маленькая Джисгуль после всего смеялась еще два часа и на чисто русском описывала все случившееся, несмотря на то, что гарем цыкал и грозил кулаками.

Но это не все. Когда те зашли на свой второй этаж, по каким-то своим горным законам – остальные их начали лупить, причем одному порвали рот до ушей. Потом все сразу уехали, забрав с собой брата с порванным ртом. Еще ходят легенды, что тот, у которого рот целый, не был прощен и его иногда местные жители видят, грязного и оборванного, бродящим по предгорьям. Очевидно, он, не получив должной кары, вырвался и убежал. Примерно такую жуткую историю рассказал мне Андреевич.

И тут меня в очередной раз осенило:

– Андреевич, – я всплеснул руками. – Какие дети, какие родственники! Фу Шин же бежал из Китая, вспомни, в каком году. Сколько же ему лет?

– Да ну, – Андреевич махнул рукой. – Родственники понаехали. Как дети делаются, знаешь сам, а лет?.. Так ведь Учитель. Ты что, с ума сошел? – Андреевич подозрительно посмотрел на меня. – Послушай, Сережа, – вкрадчиво сказал он. – Мне тут Зульфия шепнула, что ты попал под чеченский вариант. Это правда?

– Абсолютная, – гордо ответил я.

– Да-а, – мечтательно протянул Андреевич. – И у меня были испытания.

Андреевичу в то далекое время, когда он работал на луковом поле, будучи уже мастером, старшие ученики предложили курнуть. Они еще не знали, кто работает с ними на поле. Андреевич уже месяц гнул спину на луке, ни разу не видел Фу Шина и совершенно не приставал с вопросами о нем. Учитель заинтересовался и послал учеников. Вот они и предложили Андреевичу курнуть.

Как назло, у него это было первый раз в жизни. Поэтому сразу после первой папиросы тянь-шаньская гряда встала вертикально. Старшие ученики, дождавшись этого, торжественно объявили, что ждет Учитель. Но что для Андреевича, настоящего мастера, эта чуйская конопля? Вертикальная гряда осталась за спиной, и он мужественно пошел на встречу с Учителем. Поле, на котором все работало, было вблизи предгорья, за БЧК – большим чуйским каналом.

Когда Андреевич подошел к мосту, то понял, что до Учителя может и не дойти, становилось все хуже и хуже. Вертикальная гряда, несмотря на то, что была за спиной, начала вырисовываться впереди. Если б Андреевич знал температуру воды, он никогда бы в жизни, в жаркий день, разгоряченный, после работы в поле, не вздумал бы прыгнуть в проклятый канал. Он долго не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Когда вдохнул, то понял, что не может двинуть ни рукой, ни ногой, не говоря о том, чтобы подплыть к скользкому, выложенному железобетонными плитами берегу, на который все равно не выберешься. А БЧК бежит с гор. Представьте скорость. Вот так и отнесло на восемь километров от дома Учителя. “Искупался один,” – подумал Андреевич, когда синий и на половину парализованный, ломая ногти, все-таки вылез.

Учитель внимательно посмотрел на опоздавшего. Вот так и получил лучший ученик Фу Шина.

Когда я рассказал, что было со мной, Андреевич махнул рукой:

– Чепуха, это не водным путем: туда восемь и обратно пешком. Считай, повезло на первый раз, – и он строго погрозил пальцем, заставив меня сделать невинное лицо. – А что Татьяна расскажет? – спросил Андреевич.

– Не знаю, – развел я руками. – Еще не расспросил. Давай, Андреевич, рассказывай, только все, – умоляюще попросил я.

За последние десять лет действительно произошло много изменений: об Учителе узнали, нашлись даже родственники. Приехали, прижились. Мир заволновался, особенно китайцы, они слишком поздно поняли, кого и что потеряли. Для Учителя нашлась работа, его признали все без исключения. Как это удалось Учителю, мне еще предстояло узнать. Но по рассказам Андреевича, Чуйская долина была сверхзагадочными местом.

– Смотри, смотри, Андреевич, – я оборвал его на самом интересном месте. – Неужели попугаи?

– Ты что, с ума сошел? Какие попугаи?

Мы подскочили к окну. За стеклом метрах в двух, на раскидистом орехе, сидели два ярко-зеленых попугая и что-то трещали друг другу.

– Может, сбежали от кого-то? – с сомнением сказал Андреевич. – Хотя, кому они тут нужны? Ну, не знаю, кореец, – так он обращался ко мне, когда был особенно раздражен. – Ты у нас любитель природы, вот и разбирайся. Раньше попугаев я тут никогда не видел. А вообще-то, действительно, попугаи, – он растерянно почесал затылок. – Холодновато здесь для них, даже слишком. Так вот, слушай дальше. – И мы забыли о противно кричащих за окном птицах.

В прошлом веке, после очередного переворота в Китае, под названием восстание китайских боксеров, в Чуйскую долину хлынули уйгуры и дунгане. Следующий поток из Китая хлынул в разгул уродливого детища Мао Дзе Дуна – Культурной революции. Разные племена не любили друг друга, а Мао не любил и боялся их. Дунган с уйгурами не полюбили и киргизы.

Когда у нас на земле кто-то любил кого-то? Скотоводы с земледельцами вряд ли где дружат, потому что по-разному понимают ценность земли.

Были еще и многострадальные корейцы, судьба разбросала эту нацию по миру давным-давно, последний раз руками обезумевшего Сталина. Хватало обычных китайцев. Каждая азиатская национальность крепко держалась друг друга, вот и получилось несколько воинствующих боевых школ. Вот она какая, Чуйская долина.

Я не перечислил еще несколько наций, тогда уже хватило тех, воюющих между собой, воюющих боевыми школами, тем более школы очень серьезные, как сказал Андреевич. Ему это выяснить было проще простого, пройдясь по поселку, ненавязчиво поглядывая вокруг. А уж настоящего мастера-воина Андреевичу увидеть просто.

Самое главное, чем мой старый товарищ был не на шутку встревожен, – бойцов оказалось гораздо больше, чем он мог предполагать. В большом поселке с дунганским названием Чюнь-тянь (Весна) азиаты жили вперемешку, значит, как знал Андреевич,

никто никого не боится. А это в долине являлось опасной ситуацией, почти войной. Скорее всего, уже несколько лет нет порядка и творится черт знает что.

Сразу понятно: СНГ со своей демократией добрался даже в священную Чуйскую долину. Среди классической азиатской разрухи, которая тысячелетиями создавалась, благодаря опию и конопле, на пыльной дороге между бегающими воплящими толпами детей разных национальностей, которые не разделяли взгляды своих отцов, стояли кривые, неумело сваренные железные коммерческие киоски. Из перекошенных ржавых киосков важно выглядывали азиаты. В одних сидели земледельцы – дунгане, уйгуры, корейцы, в других – потомственные скотоводы: киргизы и туркмены. А когда Андреевич увидел на железной будке надпись на русском о том, что чумазый кыргизенок принимает любую валюту, он окончательно понял, что священная долина начинает постепенно, как и весь мир, сходить с ума. В долине всегда думали только о земле и не могли поделить только ее. У Андреевича впервые в жизни внезапно заболело сердце, он почувствовал четко и безошибочно: беда может наступить в любой момент.

Первая мысль была о школе. Андреевич знал, что Учитель не передаст ее никому. Потом мастером овладела тоска. Он объездил в свое время всю страну, но это место было последним, которое сохранило его мечту – всемирное, истинное кунг-фу. Одно из священных мест на земле умирало на глазах.

Он задумался, что скажет Учитель, ведь они еще не виделись. Впрочем, что скажет святой человек, создавший семью, сохранивший школу, сроднившийся с долиной, пустивший в нее свои мощные родовые корни? Он верил в эту землю, которая в трудное время приютила его и маленькую девочку, единственное, что тогда осталось от далекой родины.

Андреевичу тяжелые мысли не давали покоя, ведь это последний Тибетский Учитель на земле. Неужели и он запутался в мире безумия и невежества? Если так, то это конец. Ведь Андреевич тоже положил свою жизнь на алтарь школы. Всю жизнь лечил людей, делился знаниями, помогал страждущим, как мог. Ему скоро пятьдесят, лучший возраст для мастера. Что он имеет, кроме неприятностей и страха за будущее? Когда идешь по истинному пути, древнему, прошедшему тысячелетия, нельзя обманывать, но правда в нашей стране не давала ничего, кроме боли за своих близких и окружающих их людей. Андреевич шел по пыльной дороге, разглядывая долину, в которой не был более десяти лет.

Почти семнадцать лет назад, тридцать три года – возраст Христа. Много сил, любви, веры и надежды. Чуйская долина также дур-

манила своим ядовито-сладким запахом. Чистому, великолепно тренированному мастеру, прошедшему много боев, дыхательных систем и упражнений, которые не жалея отдавали лучшие мастера мира, не нужно было курить коноплю, ему хватало ее цветения. Вдыхая его, он любовался величественным Тянь-Шанем.

В тот день у него был двойной праздник: прожит ровно один год у Учителя, а завтра должен приехать Зюгай, сильнейший мастер Вьетнама, последний, который учил Андреевича. Григорий несколько месяцев назад написал ему письмо, – и вдруг ответ. Неужели придет? Удивительно радостное состояние, но все же какие-то непонятные крупинки страха ощущались в груди. Фу Шин принял и полюбил его, ученики Фу Шина невзлюбили и не приняли. Это часто бывает, когда появляется новый, сильнее и талантливей остальных.

У Учителя маленький дом, как всегда куча мала детей, счастливых, все время бегущих куда-то, кричащих без умолку. Место учеников – длинный, низенький и ветхий сарайчик, в котором они то замерзают, то задыхаются от жары. Но учеников много, они ревностно хранят традиции, преклоняюсь перед Учителем. Чудесные времена, времена запрета на все тайные и непонятные знания. От того они нужны и свято хранятся, от того перед ними и преклоняются, потому что ничего больше нет у стремящихся людей, дрожащих от холода под тонкими старыми одеялами. Ничего во всем мире. Зато сейчас у них есть Тянь-Шань, бесконечные предгорья, поля, на которых работают, чтобы была еда, чуйский канал с обжигающей, ледяной, как сталь небесного меча, водой. Того меча, о котором вечерами рассказывает им человек достойный поклонения – седой сифу Фу Шин.

Он обычный дунганин, которых в долине много. Они ходят в гости друг к другу, пьют чай, едят горячий лагман, любят опий и коноплю. Сифу не курит, он только весело смеется, глядя на своих разомлевших друзей. Поваляв еще немного дурака, старые друзья расходятся, и Учитель остается наедине с учениками. Учитель и ученики – самое древнее и мудрое, что есть в этом мире. Кто такой Фу Шин, знают только те, кому нужно, а если знает кто-то, кому не нужно, он просто молчит.

Учитель остается наедине со своими учениками, он рассказывает о северном Тибете, который совсем рядом. Сифу рассказывает о даосах, загадочных монахах, о бессмертных, живущих по несколько сотен лет, о знаниях, сохраненных с того времени, когда Бессмертные общались с людьми, а люди были чисты, как дети. Ученики слушают, затаив дыхание, Фу Шин рассказывает, входя в удивительное состояние, как бы растворяясь в своих словах, как

бы доставая их с уходящего за Тянь-Шань, ближе к таинственному Тибету, солнца.

Учитель мечтал, что придет время и он сможет вновь посетить шаолиньские монастыри, которые знал так же хорошо, как и свой маленький чуйский домик. Рассказывая ученикам о мудром прошлом, он представлял, как снова с крепким посохом взойдет на священные горы Хуа-Шань. Околдованные чудесным рассказом, который продолжался каждый вечер, ученики внимательно смотрели на загадочное лицо Учителя с закрытыми глазами. Григорий всегда первый чувствовал, когда это произойдет, но даже он не знал, что вводит Учителя в состояние перед поединком.

Три раза в неделю Учитель показывал боевую технику. Все с нетерпением и страхом ждали. Учитель всегда видел перед собой то, о чем рассказывал, описывал не спеша и подробно. Лицо Фу Шина внезапно побледнело и, окаменев, стало другим. Григорий это почувствовал на несколько мгновений раньше. Все уже знали, что через несколько минут Фу Шин поднимет их для боя. Что видел Фу Шин?

Учитель вспоминал своего Учителя – старого дракона Фэя, сумасшедшего одноглазого старика, которого боялись все монахи. Боялись потому, что он всегда улыбался и был очень добр. Но никогда еще ни один монах не видел, чтобы улыбка и мягкая походка старого человека были похожи на прозрачную, стальную стену, которая окружала Фэя. На Хуа Шань даосы называли его Стальное Облако. Самый древний даос, никто не знал, сколько ему лет и сколько он не выходит из своего заточения в глубокой трещине, разрезавшей скалу, называл Фэя – плывущим стальным облаком.

Таинственный мастер действительно был бродягой: ходил по монастырям, скитался в горах, спускался в селения к крестьянам и даже заходил в большие города. У него не было посоха, только истертая, не монашеская, а крестьянская одежда. Фэю везде были рады, он обладал мягким, тихим голосом. В его искренности и доброте никогда не сомневались даже незнакомые люди. К нему тянулись дети, взрослые и старики, и даже собаки всегда таскались за старым драконом, доверяя ему от всей души. Не могли близко подойти только те, кто занимался боевым искусством. Не доходя метра три, любой боец упирался в невидимое стальное облако.

Однажды, когда уже прошло пять лет безуспешных попыток семнадцатилетнего Фу Шина подойти поближе к Фэю, тот рассмеялся и сказал, что это происходит уже много лет: любой, кто пыгается с ним начать бой, даже мастера, не могут подойти ближе метра, а те, которые начинают бой внезапно, отбрасываются сталью облака далеко в сторону. Фэй рассказал, что когда умирал его дед, то он отдал своему внуку технику звездной пыли. Потом, по-

хвалив внука за усердные занятия над телом и духом, дед попросил, чтобы двенадцать лет, когда краешек солнца только появляется из-за горизонта, тот выполнял движения, до тех пор, пока оно не оторвется от земли. И в конце дня, когда оно едва коснется краешком горизонта, он должен рассыпать звездную пыль, пока не исчезнет над землей последний луч. Старик объяснил молодому Фэю: если хотя бы раз за двенадцатилетний цикл он опоздает, пусть даже не начинает снова. Потом, помолчав и протянув пергамент внуку, дед попросил прощения за то, что у него больше ничего нет. Напомнил внуку, что их род всегда бедно жил, не нажив в этом мире ни гроша.

После рассказа Фу Шин поинтересовался, кто выбил глаз великому Фэю. Одноглазый дракон долго смеялся, а потом, вдруг замолчав, серьезно сказал, что это были самые страшные враги человека. Они подстерегли его бегущего в горах и сбросили вниз. Это были молодость и глупость. После чего Фэй еще долго хохотал, потом Фу Шин и Учитель тренировались. Огромным усилием воли, потея, как в самый жаркий день, старый дракон, вобрав в себя стальное облако, учил ученика бою. После чего всегда жаловался, что стал стар и слаб и каждый раз ему сложнее убирать облако.

Фу Шин вспомнил еще одну историю. Когда они с Фэем застряли на зеленой траве, возле небольшого ручья, из-за камней раздавался громкий шум, который нарастал все больше и больше. Фу Шин испугался, а старый дракон, усмехнувшись, сказал, что кто-то опять идет за ним. Поляна была окружена плотным кольцом военных с ружьями. Старый дракон успокоил ученика, объяснив, что люди пришли за милостью и сегодня неприятностей не будет. Плотное кольцо солдат сжалось, потом разомкнулось. Двое солдат несли носилки, на которых лежала молодая женщина, а рядом шел высокий военный с большими звездами.

Стальное Облако расстроился, даже прослезился, после чего вытер нос рукавом и дал подзатыльник Фу Шину. На днях они спорили о том, что люди, живущие в достатке, не имеют высоких и нежных чувств. Фу Шин промолчал, потому что как раз именно это утверждал сам старый дракон. Стальное Облако радовался как ребенок, хлопая в ладоши, и все время заставлял повторять большого начальника печальную историю и то, как он любит свою жену, чем довел его до полного изнеможения, а потом до предельной злобы.

Старый дракон посетовал, что большой начальник не хочет еще раз рассказать о своих добрых чувствах и пообещал вылечить его жену, которая почему-то перестала ходить и уже много месяцев лежит без движения. Начальник рассказал, как Фэя долго искали, сколько истоптали гор и селений, а тут вдруг повезло. Совсем

недалеко, примерно в километре, нашли огромного человека, со сломанными рукой и челюстью, помогли ему, оставили еды и лекарств, а он указал, в какую сторону пошел старый дракон. Фэй честно признался, что это дело его рук, тем более, что этот зазнайка, пока Фэй умолял его не приставать, все время заносчиво рассказывал о какой-то секретной школе дракона. Тогда Стальное Облако и не выдержал, стало обидно, потому что драконом был не кто-нибудь, а именно он. Вот и пришлось треснуть наглеца разозек в челюсть. Разве он виноват, что в тот момент владелец секретной школы решил закрыть ее рукой. И Стальное Облако на всякий случай еще раз покаялся, приняв очень виноватую позу, но потом сразу же поинтересовался, не наговорил ли дракон с поломанной челюстью чего-нибудь плохого про него.

Фу Шину начинало становиться смешно, он видел, что еще немного – и генерал сойдет с ума от болтливости Фэя. Но старый дракон сразу все понял и начал со всей искренностью объяснять генералу, как скучно жить в горах одному, особенно если рядом такой тупой ученик, даже поговорить не с кем. Потом он поинтересовался, как здоровье других родственников генерала и много ли их у него.

Тут генерал засуетился, поблагодарил и сказал, что ему пора уходить. Он протянул свой адрес Фэю, написанный на клочке бумаги и поинтересовался, когда знаменитый врачеватель явится. Старый дракон сказал, что с удовольствием пришел бы, но при всем желании не сможет, так как не умеет читать. Тогда генерал протянул бумажку Фу Шину, чем страшно поразил Фэя, он аж хлопал руками по ляжкам. Генерал с удивлением посмотрел на старика. Фэй покачал головой и удивился, как такой большой начальник не понимает, что если старик не знает грамоты, откуда же молодому ее знать.

Генерал предложил идти прямо сейчас. Фэй отказался и начал объяснять причины, по которым не может отправиться к генералу. Через минуту генерал закричал, схватившись за голову, и объявил, что полностью доверяет старому мастеру и готов делать все, что тот скажет. Фэй сразу же сказал, чтобы они как можно быстрее шли обратно, оставив бедную женщину в покое, а через две недели пусть явятся за ней. Потом добавил, что если через две минуты вокруг него не будет полной пустоты, он развернется и спустится в деревню, стоящую сразу под той горой, на которой он сидит со своим учеником. Искренне заверил генерала, что хоть и не разбирается в грамоте, но в голове, Фэй постучал по своей седой макушке, у него есть очень точные часы. Схватившись за свою голову, генерал почти бегом, а за ним все его войско, умчался с поляны.

Фэй вытер пот со лба и объяснил Фу Шину, что только так они с невероятной скоростью могли избавиться от генерала. Он знал большое начальство, оно любило сперва приказывать, потом ныть, а потом плакать навзрыд. Это все продолжалось часами, больным Стальное Облако никогда не смел отказывать, но пришлось разработать особую технику приема на лечение.

После чего старый дракон стал снова молчаливым и уставшим, подойдя к женщине, он положил свою страшную драконью лапу, которая легко разбивала камни, на ее затылок и медленно погладил, проведя рукой до поясницы. Две недели Фэй ухаживал за ней, как за младшей сестрой, как всегда не произнося ни одного слова. И каждый раз на рассвете, рассыпав звездную пыль, подходил к женщине и гладил своей страшной рукой по голове от темени до поясницы.

Через полторы недели женщина начала вставать и медленно ходить по поляне. Старый дракон незадолго перед приходом генерала взял ее за руку и отвел за черную глыбу, где небольшой водопадик, чуть выше ее роста, разбивался о мелкие, острые камни. Стальное Облако объяснил, что нужно стать на острые камни и подставить под падающую воду темя. Женщина сняла туфли и хотела шагнуть на камни. Старый дракон, схватив ее за руку, потребовал, чтобы она сняла платье. Женщина, испугавшись, широко открыла глаза, замотала головой и, обняв руками грудь, прижалась к скале. Стальное Облако впервые за полторы недели заговорил, с Фу Шинном они говорили языком боя, обычным языком пользовались мало. Старый дракон сперва заговорил, потом захохотал выкрикивая слова, а женщина, прижавшись к скале, от стыда закрыла глаза.

Фэй катался по поляне, дрыгая ногами, как ребенок, он кричал на весь мир, что женщины – это сказочные существа, демоны, пришедшие с неба для того, чтобы извести человеческий род глупостью и всеми чудесами безумия, которые только есть на небе и на земле. Фэй присел возле нее и спросил, что неужели не он эти десять дней кормил ее, ухаживал за ней, переодевал и обмывал.

Он взял ее за руку и снова спросил: она была это или нет? Женщина, выдернув руку, замотала головой в знак несогласия и из закрытых глаз покатались слезы. Старый дракон еще несколько раз спросил, может, она не хочет лечиться дальше или хочет до конца жизни вот так еле ковылять, как больная старая утка. Женщина вырвалась и неуклюже побежала к ближайшим молодым деревьям. Стальное Облако, улыбаясь, смотрел ей в след. И когда до леса осталось совсем близко, двумя прыжками, со свистом рассекая воздух, настиг ее, схватив за руку. На этот раз не было такой силы, которая могла бы разжать руку дракона. Он засмеялся ей в лицо. Открыв глаза, женщина впервые в упор посмотрела на него. Увидев

сверкающий глаз и глубокие морщины, которые поперек перерезали тонкие губы, а над ними птичий нос, она снова зарыдала.

Дракон медленно выпустил ее руку, женщина без сил опустилась на колени, быстро вскочив бежать, ударилась о прозрачное стальное облако, опять упала на колени. Старый дракон внимательно и долго разглядывал ее темя, потом потыкав его железным пальцем, спросил: не выздоровела ли она. Одним рывком подняв ее, Фэй потрепал женщину по щеке, объявив, что страх и стыд – это здоровье и жизнь существа по имени женщина, потом оттолкнув ее, он сказал, чтобы та немедленно шла на острые камни под падающую воду. А когда будет с нее достаточно, то он позовет, и, развернувшись, старый дракон, усмехаясь, пошел к ученику.

Она стояла молча, опустив в землю глаза, а рядом мужественный и строгий генерал, при своих солдатах, отплясывал какой-то дикарский танец. Он не плясал так радостно, наверное, ни разу в жизни. Потом хватал жену за плечи, вертел ее как волчок, плакал, смеялся и снова вертел, а рядом стояли молодой Фу Шин и старый дракон, радостно улыбаясь. Фэй качал головой и вздыхал, жалуясь ученику, что уже целый месяц они так не радовались, он посетовал, что люди, наверное, перестали болеть и теперь лишают его единственной радости, которую он так любит. Дракон громко захохотал.

Генерал что-то крикнул и вдруг галопом побежал вниз с горы, солдаты и женщина с удивлением смотрели ему вслед. Женщина, опустив голову, ждала мужа. Прошло какое-то время, генерал появился снова. Он бежал к Стальному Облаку, согнувшись под тяжестью двух чемоданов. Поставив их рядом с драконом, он быстро открыл один. Чемодан был плотно набит скомканными в кучу деньгами.

Старый дракон подмигнул единственным глазом Фу Шину. Вторая часть лечения была самой трудной, отделаться от радостных еще сложнее, чем от несчастных, особенно если они богаты и в одно мгновение поняли, что это богатство – ненужный хлам. Стальное Облако часто жаловался, что, как только люди понимают это, сразу свой хлам пытаются подбросить кому-то другому, убеждая себя, что еще к тому же проявляют щедрость и делают большое дело.

Старый дракон оживился и спросил у Фу Шина, хорошо ли он помнит последний урок о сумасшествии, который преподавал ученику три дня назад. Радостный генерал успокоился, очевидно, вспомнив первую встречу, но сразу же попросил, чтобы взяли деньги. Фэй пощупал плотную бумагу и объявил, что сильно новые и не годятся даже для того, чтобы разжечь огонь. Генерал разозлился и начал доказывать, что это деньги. Старый дракон удивился и спросил: действительно ли это деньги, а то ему показалось, что полный чемодан сухой травы. А то, что травы у них с уче-

ником достаточно, Стальное Облако начал сразу же демонстрировать всем, расхаживая по поляне широко расставив руки. Генерал подбежал к дракону и, совершенно забыв, с кем имеет дело, изо всех сил тряхнул его за плечи. Старый дракон застонал и, как подкошенный, рухнул на траву, его седые волосы разметались, а тощая борода жалобно дрожала.

Генерал сперва испугался, увидев немощного старика, лежащего с заломленной ногой и неестественно вывернутыми руками. Пока он собирался присесть к старику, дракон уже стоял на двух ногах, его лицо было словно вырезано из гранита, а глаз сверкало, как фара генеральского автомобиля. Генерал потребовал прекратить валяние дурака и взять деньги. Дракон поинтересовался зачем? Генерал озверел, брызгая слюной, начал кричать, что Стальное Облако – старый и нищий дурак, у которого нет ничего. Старый дракон поклялся, что в тысячу раз богаче всех генералов Китая и хоть сейчас может сделать ему подарок, который по цене стоит сто таких чемоданов. Разъяренный генерал немедленно потребовал у двух оборванцев обещанный подарок. Стальное Облако попросил подождать одно лишь мгновение. Он вдруг очутился возле стоящей с опущенной головой женщины, одной рукой Фэй оторвал ее от земли и швырнул генералу. Она вырвалась из рук мужа и медленно, легкой походкой начала спускаться с горы. Генерал подхватил чемодан и побежал вслед за ней, солдаты – за ними. Старый дракон лег на траву и жалобно сказал, что удовольствие – всего три минуты, а неприятностей и хлопот – целый день.

Этим же днем над деревней, голодающей, не одну сотню лет прозябающей в нищете и столько же лет стоящей под горой, на которой ненадолго остановились Фэй с Фу Шином, протрещал маленький самолет. После нескольких кругов в самолете открылась дверь и из нее хлынул бумажный дождь. Такого количества денег не видели все деревни на тысячу километров вокруг. Глядя на это зрелище, Учитель Фэй, Старый дракон, бродячее Стальное Облако, согласился, что крестьянам эти деньги, может быть, и пригодятся, но потом сразу же начал ныть, что проклятая чернь, мало того, и так забитая, запуганная с детства всякими буддами и архатами, теперь будет распространять слухи, что боги подкинули им деньжат. Долго еще сокрушался, ныл и ворчал Фэй. Только Фу Шин задумался: кто же, если не архат, дал им эти деньги?

Ученики напряженно ждали.

“Как тигр”, – подумал Григорий.

Глаза Патриарха Фу Шина медленно открылись. Они были ясные и пронзительные. Один только Гриша не опускал голову перед его взглядом, как другие, потому, что не боялся, а любил Учителя.

Фу Шин был тибетским тигром. Это можно увидеть с первого взгляда: большой, высокий и такой же тяжелый. Он передвигался, крадучись, слегка склонив голову на бок, примерно также ходил и в жизни. У Учителя были седые волосы, абсолютно тигриные глаза и даже три глубокие борозды на лбу, были гибкие, как у тигра. Тонкая, длинная переносица, крылья носа с широким и плавным вырезом, ничем не примечательный рот на слегка округлом лице, но, когда губы вздрагивали и растягивались в доброй улыбке, все равно чувствовался оскал тигра. Фу Шин, при своих крупных размерах, был необыкновенно легкий и, казалось, едва касался земли, от которой его никто не мог оторвать.

Ученики почувствовали, что у мастера какой-то особенный день или событие. Гриша никому не рассказывал про Зюгая, стеснялся. И поэтому никто не знал о грядущем событии, о том, что в Чуйскую долину приезжает выдающийся мастер вьетнамской школы, независимый боец, прошедший страшную войну, возносимый до небес в своей стране – Зюгай.

Вьетнам – измученная страна, перевернутая вверх дном, сожженные джунгли и поля, которые еще долго не дадут всходов. Страна партизанских боевых школ, в которых практика часто обгоняла теорию.

Зюгай – баловень судьбы. Школа, большое количество учеников. А как им не быть, если даже они достались ему по наследству рода? Полторы тысячи лет, из рода в род, предки Зюгая были личной охраной императора, а значит – сильнейшими бойцами страны, и быть по-другому никак не могло. Он даже во сне никогда не задумывался, быть лучшим или не быть.

Род Зюгая более тысячи лет был таким. Его не сильно любило правительство, особенно за самостоятельность, но священные звания рода и любовь соотечественников надежно защищали молодого бойца, так же, как и его любимая техника орла. Зюгай был слишком самостоятельным, уходя с учениками в пылающие джунгли, они наводили неопиcуемый ужас на врагов, выставляя самострелы, вылеживая по несколько часов под полтораметровым слоем песка с тростником во рту. Со стороны это казалось берегом реки, заросшим камышом. Иногда тяжелые машины спускались по этому берегу, переходили реки, вычищая все на своем пути. На таком берегу однажды и разбил лагерь отряд зеленых беретов.

Зюгай с учениками, несмотря на смешки некоторых своих, никогда не брали огнестрельного оружия, только кривые широкие ножи, напоминающие орлиный коготь. Той ночью не было шума и не осталось ни единого врага. Страшная была эта компания учителя с учениками, но и страшное было время. Может быть, именно

такие сыны Вьетнама и решили исход затянувшейся, многолетней войны. Война забирала мастеров, но школы не падали духом, передавая дальше сохраненную и несломленную силу предков. Но и похулиганить Зюгай любил. Правительство быстро забывает своих героев, особенно, если они беспокойные.

Чемпионаты Юго-Восточной Азии, которые проводились во Вьетнаме, правительство запретило. Но что можно запретить самому воинственному народу в мире? Как можно запретить древнему народу обычаи, традиции, культуру и силу – все то, чем он гордится?

Чемпионаты проводились регулярно, даже чаще обычного. Благо, через джунгли, на проводившиеся там же чемпионаты попасть никому не было трудно. Правила простые: с желающим выступать должны быть два ученика с гробом, чтобы не было лишних забот. Судейская коллегия была из очень серьезных старичков, со строгими глазами и сухими, не по-старчески гибкими телами. Их слушались беспрекословно и с большим уважением. Три Учителя – из Вьетнама, Лаоса, Китая. Эти строгие дедушки давно уже не дрались, не потому, что не могли, почтенный возраст, уже как-то неприлично, да и смысла нет. Им попросту было неинтересно и некого бить, они и так несли на себе серьезную ответственность: следить за старинными ритуалами, не допускать ссор возле священной боевой площадки, тем более, что на ней вполне допускалась смерть. Не потому, что так нужно или, упаси Бог, можно добивать, от такого бы отвернулись все. Впрочем, такого и быть не могло. Но бывает всякое, да и бойцы съезжались серьезные, желая проверить свои, вынесенные из древности, чаще всего родовые школы.

Зюгаю давно предлагали занять почетное место возле святых стариков, но он не хотел. Отчасти – молод, отчасти – подозревал, что не ему, а его высокому роду предложили священное место, а отчасти, что несмотря на его мастерство, еще многие хотели с ним сразиться. Желательно уйти так, чтобы его никто и никогда уже не хотел вызвать на поединок. А так – чего штаны протирать и делать умный вид возле настоящих мудрецов?

Молодой, хотя возраста его не знали, невысокого роста, сухой, даже казавшийся слишком худым, с черными волосами, узкими, еще и прищуренными глазами, небольшим носом и очень тонкими губами. Он был легкий, как перо, которое могло резать, как сталь меча, и бить подобно плети пастуха, от которой лопалась кожа на теле. Видел ли кто-нибудь испуганного орла? Вот такой был Зюгай, которого ждали в ледяной Чуйской долине.

ГЛАВА 9

Фу Шин был в хорошем настроении и на этой тренировке решил побаловать ребят техникой под названием “молодой тигр играет с жертвой”.

– Ну что, ребята, – усмехнулся он, – давайте все, только не бояться, нападать по-настоящему. Кто будет халтурить, сразу же накажу.

Далеко не каждому везло видеть технику против нескольких, особенно технику молодого тигра. Все кинулись одновременно. Фу Шина в тот момент не боялся никто, ученики прекрасно знали, когда он может хлопнуть ладонью или сильно толкнуть. Но в тот день Учитель был действительно сильным, играющим тигром. Гриша кинулся первым, пытаясь обмануть. Он выбросил вперед правую руку и в то же мгновение, изменив стойку, левую обрушил на грудь Учителя. Мягкий уход, – и Фу Шин, схватив тигриной ладью дерзкий кулак, одним движением раскрыл его ладонью и тут же ею встретил в грудь, выскочившего сбоку от Григория следующего ученика. Третий, который рванулся почти одновременно с Гришей, был настолько уверен, что Фу Шин наносит удар Грише, что не увидев Учителя там, где ожидал, всю свою силу выбросил в пустое место и рухнул как подкошенный.

За четвертым и пятым Фу Шину пришлось немного погоняться, правда, у всех пятерых не было никаких шансов, но, оставшись только вдвоем, ученики почувствовали себя совсем неудобно. Остальные, лежа на земле, старались схватить взглядом то, что происходило дальше: вскакивать не было смысла, потому что одним легким прыжком Фу Шин уже был между двумя. Троица, лежащим на земле, было и так понятно, что у одного оторвана рука, у другого – проломлена грудь, а третий сам не смог бы подняться.

Все было по-честному, Учитель к нему даже не коснулся. Ребята увидели, что Учитель слегка развеселился, сделав одному захват, он развернул ученика на месте, приняв его ягодицами увесистый удар, который от души, метаясь в Учителя, вцепил другой ученик. Фу Шин в хитром и подвижном заломе держал за руку ученика, вращая им во все стороны, как только хотел. Последний, еще не поверженный ученик старался изо всех сил и уже полминуты бе-

гал вокруг Учителя, пытаясь хоть как-то в него попасть. Но что он ни делал, везде мгновенно возникали разные части тела хихикающего, попавшего в мягкий захват и полностью потерявшего контроль над устойчивостью собрата по Школе.

Внезапно вертящийся в захвате обрел жесткую стойку и мягко, с невероятной силой, рукой, которая была в руке Учителя, намертво захватил суетящегося. На этот раз двое учеников и Учитель стояли на месте. Учитель – вросший ногами в землю, они – на цыпочках, в таком захвате, что даже боялись шевельнуться.

Бой закончился. Ученики пали ниц перед великим мастером, а ведь это были взрослые мужчины, старше тридцати, которые прозанимались больше десятка лет у ведущих мастеров мира. Учитель сложил из рук тибетский символ: кулак силы, упирающийся в стену мудрости и справедливости, сделав поклон в сторону лежащих в пыли мастеров.

День поединков был окончен. Ученики, смущенно отряхивая пыль, пошли мыться за сарайчик, в котором жили. Настроение было не “очень”, сегодня никому не удалось оставить хотя бы темного пятнышка на белоснежной рубашке Учителя.

Ночь пришла внезапно, как всегда приходила в долину, разбросав над ней свои огромные цветные звезды. Холод неудержимо расползлся, проникая в любые щели и, казалось, даже сквозь камни. Обычное утро, пробежка к чуйскому каналу. У Гриши семена тревоги в груди разрастались все больше и больше. Что-то неизбежное и необычное ощущалось впереди. Вернувшись с пробежки, ученики увидели сидящих на единственном ковре, вынесенном из дому, двух величайших мастеров времен и народов. Совершенно не похожие Фу Шин – старый тигр и Зюгай – орел, вылетевший из еще пылающих войной джунглей Вьетнама.

Зачем эта пятерка мылась в ледяном арыке – было непонятно. Всем одновременно подкосило ноги, ученики лежали перед мастерами. Только что мокрые и чистые, теперь грязные до безобразия. А кто бы смог выдержать и не упасть в небольшом дворике, который за одно утро неожиданно стал редким на земле местом воинской силы.

Из-за дома, весело смеясь, выглядывала чумазая малышня. Больше всех радовался тринадцатилетний Рашид, именно тот, который в будущем сыграет с чеченцами злую шутку.

– Идите отмываться, ребята, – смеясь, сказал Фу Шин. – только снова быстро не вбегайте, а то опять будете грязными.

Ученики поняли, что заходить нужно тихо и расслабленно, кланяясь, с заранее опущенной головой. Иначе, бодро влетая во двор, ударяешься о находившуюся в нем силу, и то, что не устоишь, понятно само собой.

Они снова побежали к чуйскому каналу, а два мастера продолжили прерванную беседу. Зульфия подала плов. Ученики, вернувшись тихонько, по очереди проскользнули во двор и замерли у стены. У них появилась счастливая возможность немного сбоку, но все же смотреть на беседующих мастеров, двух символов разных школ – северной и южной. Не верилось, что эти люди видятся впервые. Кто угодно мог смело сказать, что полулежа за блюдом плова, беседуют два добрых старинных друга. Только лишь тот, что помоложе, едва заметно почтительнее.

Они смеялись, размахивали руками, и ученики, можно сказать, увидели чудо: жена Фу Шина вынесла маленькую фарфоровую бутылочку рисовой водки и чуть больше наперстка, лазурного цвета стаканчики, обвитые золотыми драконами. И всем стало сразу понятно, что рисовая водка наливается в какую-то необыкновенно дорогую для сердца реликвию.

Зюгай надолго замолчал, рассматривая один из пяти тонких стаканчиков из Ляджура, в который были врезаны и плотно притерты драконы из золота. Летящие по лазурному небу золотые драконы – символ радости и праздника, символ самого краткосрочного на земле, ведь радость и праздник такие короткие в нашей жизни.

Зюгай вздохнул и поставил стаканчик возле фарфоровой бутылки. Слегка приподнявшись Фу Шин взял стаканчик в свою большую руку и, улыбнувшись, глубоко засунул его в нагрудный карман Зюгая. Обмен был уже завершён, осталось самое незначительное.

Никто из учеников даже не мог подумать, что Зюгай приехал за Гришей. У ученика пришел срок выбирать школу, две школы готовы были его принять. Стоящий возле забора и восхищенно косящийся на Учителей, Гриша даже не представлял, что Фу Шин забрал его у Зюгая. Это Зюгай уже знал, когда Зульфия вынесла стаканчики – символ краткосрочного счастья. Отныне Гриша принадлежал Фу Шину и тибетская школа могла обрести в будущем еще одного великого мастера. Кто мог спорить с первым Патриархом северо-тибетской школы – колыбели мудрости и боевого искусства всего мира?

Но все же у Зюгая была надежда – вдруг Гриша выберет его. Стаканчиков у Фу Шина было только пять, они передавались из поколения в поколение. Сколько их было раньше, Фу Шин не знал, но сейчас их осталось четыре и один ученик, в которого он верил.

Фу Шину очень хотелось, чтобы эти четыре стаканчика простояли еще тысячу лет, а ученики приходили сами. Зато гордый Зюгай теперь имел право получить от Патриарха ответ на любой свой вопрос.

Задал ли он этот вопрос? – наверное, знают только двое. Два мастера непринужденно вели беседу до самого вечера, со вкусом, не спеша ели плов, потом пили чай, угощались дыней, иногда пили из маленькой фарфоровой бутылочки, возле которой стояло уже четыре стаканчика. Из-за Тянь-Шаня снова кто-то невидимый бросил в долину черное покрывало ночи, с вышитыми на нем огромными звездами.

Утро началось все той же пробежкой к чуйскому каналу. Гришу беспокойство заполнило до верху. Ледяная вода ничего не изменила, он даже не ощутил ее. Когда прибежали во двор, то все пятеро одновременно остолбенели. На серой стене дома висели два знамени. Первое – по середине золотого поля сплелись в одно целое тигр и дракон, Инь и Ян. Второе – в лазурном небе парил черный орел, Инь и Ян.

Фу Шин стоял в потертой, черной, скупо расшитой золотом парадной тибетской форме Верховного Учителя, оставшейся от Учителя Фэя. Форма тибетского Учителя напоминала обычную крестьянскую одежду, отличаясь только тем, что была великолепно сшита и немного обсыпана золотом. В руках сверкал, непривычной формы, короткий меч, с широким и кривым лезвием.

Зюгай тоже был одет в старинную, длинную, с широкими рукавами черную рубаху, такие же черные, только узкие брюки. Рукава рубахи оканчивались тонкой окантовкой, красной, как кровь, поперек груди была такая же одна тоненькая кровавая полоска. В руках два небольших кинжала – кованые когти орла.

Ученики ринулись в свой сарай, через мгновение они лежали лицом к земле в своих истертых, выдавших виды формах. Через какое-то время пятеро учеников одновременно ощутили, что нужно встать. Встав, каждый по очереди сделал низкий школьный поклон двум Учителям. Потом снова по очереди, не делая ни единого лишнего движения, ученики выполнили школьный этикет перед Фу Шином, приветствие и уважение Учителям тибетской школы Небесному и земному. Перед Зюгаем выполнили этикет уважения к земному мастеру и гостю.

После церемонии Учителя сложили свое оружие, каждый под своим школьным знаменем. Фу Шин был удивлен такой привязанности к древним обычаям главы южных школ, хотя и понимал, что молодой мастер, пусть беззлобно, ведь древние традиции во времена земных изменений почти потеряли свою силу, но все же хотел ковырнуть старика.

Фу Шин был доволен собой: всего лишь неделю назад он ощутил желание обучить учеников древней традиции приема гостя. То, что он не сопротивлялся своим желаниям уже много десятилетий,

снова спасло школу, она даже не дрогнула. В забытом месте, в священной долине вершилось таинство – с помощью древних законов Космоса, соединенных двумя людьми с чистыми душами, рождался третий, для еще больших страданий в разрушающемся мире.

Люди с удивительными судьбами, герои, хранящие в себе разум земли, терпеливо ждущие много жизней и готовые отдавать знание достойным.

Теперь пришло время боев между учениками. Ребята поняли, что бои должны быть серьезные. Сразу сработала древняя мудрость боевых школ. Гриша понял, что бои будут красивые и серьезные, но в нужный момент каждый из учеников позволит победить себя, не паникуя, без уродливой техники. Ранее враждующие стали единой школой.

Все поняли, если будет и дальше суетливая конкуренция в бою с Гришей и попытка нанести хоть какой-то удар, Гриша не пощадит, как всегда, а жестко победит. Только что родившийся старший ученик тоже понял остальных. Фу Шин улыбался. Даже в прищуренных глазах Зюгая мелькнула любовь.

Четыре боя были короткими. Ребята поняли, что с Гришей нужно работать по очереди. После четвертого боя Зюгай не спеша поклонился ученикам – это была высшая похвала. Фу Шин, в свою очередь, поклонился Зюгаю. Вьетнамец в сторону Фу Шина сделал какой-то жест рукой.

– Гриша, – сказал Учитель, – наш гость захотел поработать с тобой.

Этот момент Андреевич запомнил на всю жизнь. Весь мир покачнулся, в глазах стало темно, как поздним вечером. Он поклонился, еле выпрямившись, изо всех сил стараясь не шататься и еле подняв кулаки, которые показались двухпудовыми гирями, стал в стойку. “Только бы не упасть,” – единственная мысль в голове. Напротив в изящной стойке на одной ноге и, широко расставив руки, стоял многократный чемпион Юго-Восточной Азии, ведущий бой преимущественно в технике орла. Из прищуренных глаз Зюгая вырвался взгляд и обжег Григория. Андреевич помнит, как ничего не поняв, он очень поздно увидел летящий ему навстречу широкий рукав. Реагировать было поздно, край рукава хлестнул по сжатому кулаку, пронзительная боль родилась в кисти, пробежала по руке и ударила в мозг. Схватившись за голову, Андреевич, какое-то мгновение, шатаясь, стоял. Он помнит до сих пор, как умолял себя не упасть.

– Смотри, не упал, – засмеялся рядом стоящий Зюгай, – значит, хороший боец будет.

Фу Шин поклонился ему.

Какое-то время Гриша приходил в себя, потом ученики снова стали перед двумя мастерами. Фу Шин и Зюгай одновременно, повернувшись друг к другу, поклонились, потом поклонились ученикам, которые задрожали, мгновенно покрывшись испариной. Внезапно, с огромной скоростью, в течение нескольких минут Зюгай выполнял технику, которая ученикам не снилась в самых сказочных снах. Раздавались хлопки широкими рукавами, свист открытых ладоней, мелькающие руки невозможно было увидеть. И тут, когда Зюгай внезапно остановился и застыл, глядя вперед, до молодых мастеров дошло, что он всего лишь раз пять касался земли и то только одной ногой.

Через мгновение начал выполнять технику Фу Шин. Большой, высокий, старый тигр сжимался, как пружина, распрямлялся, нанося в разные стороны удары жуткой силы, было слышно, как его кулаки гулко ударяют по воздуху, а сложенная лапой тигра рука рвет его. Ноги были такие же легкие и быстрые, как и руки.

Внезапно движения Учителя стали какие-то рваные, как кадры старого кино, начали пропадать фазы ударов, кулак был виден только в начале и в конце. Между этими двумя точками движения не были смазаны или почти невидимы. Между началом и концом не было ничего. Фу Шин продолжал двигаться, его на мгновение не стало, и так же внезапно он появился в нескольких метрах от места, где исчез, потом еще несколько раз. И вдруг исчез на несколько минут, всем показалось, что перед ними соединились мгновение и вечность.

Первым, как гость, обращаясь к Грише, заговорил Зюгай. Он улыбнулся и вдруг, нарушив все традиции, сказал древнюю восточную поговорку: “Был бы ученик, – снова улыбнулся Зюгай, – а Учитель, – он сморщился и махнул рукой, – всегда найдется.” После чего искренне и заразительно рассмеялся.

– Послушай, мальчишка, – сказал он, обращаясь к Грише, – по законам Космоса пришло время выбирать школу, которая тебя забереет, сделав своим сыном и будет оберегать. Перед тобой две школы. Нужно сделать продуманный выбор.

Гриша подбежал к Фу Шину и упал на колени:

– Примите, Учитель, – со страхом и надеждой попросил он.

– Ты быстро думаешь, это хорошее качество, – ответил, глядя на него, Фу Шин.

– Поздравляю, мастер, – сказал Зюгай.

И они с Фу Шином поклонились друг другу. Не знаю о чем думал Зюгай, но мне кажется, он часто вспоминает, откуда же Фу Шин знал, что ученик выберет его, ведь отдал уникальную реликвию и ценность, значит – знал. Подарки не забирают, а старые тигры не

ошибаются. Может, Зюгай был уверен, что так будет еще тогда, когда в его карман опустился символ кратковременного счастья, а этикетки выполнял, уважая Фу Шина и древние традиции, кто знает?

С того памятного момента у тридцатитрехлетнего Григория Андреевича начался последний этап, который никогда уже не изменится. Его приняла высшая школа жизни.

А ведь Чуйская долина – родина северо-тибетской школы. Тибетская школа – вершина всех школ в мире, древнейшая школа, школа “Тигр-Дракон”, школа Инь-Ян. Тигр и Дракон, тело и дух имели технику всех школ в мире, технику соединения Инь-Ян, соединения легкого с тяжелым, сжимающегося с расширяющимся, вбирающего с отдающим. Но были еще школы корейские, дунганские, уйгурские и киргизские.

Я понял, как будет нелегко. Стало жалко ребят, но предложить им вернуться – означало оскорбить. Я понимал, что здесь обычными диспутами, как на родной Украине, не обойдешься. Вспомнив еще раз о ребятах, меня осенило: ведь все, что я им говорил, они не принимали всерьез и решили прошвырнуться в увлекательную поездку. Что же делает с людьми невежество! Экскурсия в смерть? Я вспомнил невежество города, куда менее опасное.

С медиками было легче, их хотя бы можно ставить перед фактом излечения. Пусть не понимали то, что я им вдалбливал, но факт есть факт. Впрочем, о медицине чуть позже. Зато с религиозными фанатиками был кошмар. Больше всего вывели из себя евангелисты, ранее они назывались баптистами и протестантами. Евангелисты однажды попались мне на турбазе. Я отдыхал с ребятами летом, после тяжелого города, потока больных и всяких, благодаря свободе появившихся чудотворцев. Мы сидели в домике и вели прекрасную беседу за чашкой зеленого чая. Внезапно раздалась громовая музыка, и лес взорвал рок-н-ролл. Голоса радостно и фальшиво начали орать дикие слова: “Спасибо, Иисус, что тебя распяли, спасибо, что ты за нас пострадал.” Мы выбежали из домика и ахнули – они при всем этом еще и лихо отплясывали. Потом самый главный, как оказалось, пастор, вдруг заорал в микрофон:

– Теософия, оккультизм, буддизм и остальные демоны, прочь отсюда!

Это было уже слишком, хотя бы потому, что затрагивало уважаемых мною и ребятами людей: Блаватскую, Рерихов, Андреева, Гумилева и еще многих, самых лучших русскоязычных. Мне, наверное, стоило не спешить, внимательно осмотреться и разобраться, но усталость и желание побыть в тишине взяли свое.

– Послушай, дорогой, – сказал я, отвлекая пастора от микрофона. – У тебя что, монополия на истину?

- Он посмотрел на меня абсолютно тупыми и пустыми глазами.
- Почему это ты назвал нас демонами?
 - А вы кто? – спросил он.
 - Я человек, который пытается понять окружающее, опираясь на древнее знание, которое сохранили мудрецы. Это то, из чего вышла и ваша вера.
 - Нет ничего, кроме Иисуса. – заявил евангелист.
 - Как, вообще ничего? – удивился я. – А то, что было до христианства.
 - Все заблуждение, – заявил лупоглазый пастор. Его прихлебатели злобно смотрели на меня.
 - Ого, сколько времени человечество заблуждалось! – удивился я.
 - Да, – подтвердил пастор. – Может быть, и к тебе придет когда-нибудь Бог.
 - Сам дурак, – разозлился я.
 - Это почему же? – удивился пастор.
 - Потому что не Бог пришел ко мне, а я к нему.
 - Это заблуждение, – заявил лупоглазый, и прихлебатели дружно закивали головами.
 - Так вы что, не признаете ничего?
 - Ничего, – подтвердил тот, кивнув головой.
 - Да-а, – протянул я, – ты даже круче Папы Римского, он и то более терпим.
 - Мне бы, пожалуйста, аргументы, – усмехаясь попросил я.
 - Какие аргументы? – напыщенно сказал лупоглазый. – Иисус – это как небо, разве небу нужны аргументы? Вот стоит дом, разве ему нужны аргументы?
 - “Вот это идиот”, – подумал я.
 - А Будда тоже как небо и как дом. Так в чем же разница?
 - Вот они, заблуждающиеся, смотрите, – он обернулся к окружившим нас людям.
- Вся турбаза вышла поглазеть на удивительный диспут. Лупоглазый был непробиваем, его аргументы были изумительны: “Не хочу, потому что не хочу.” Появилось страшное желание заехать ему в лоб, но я продолжал:
- А ведь буддизм признает любую религию, даже христианскую.
 - А что буддизм? – заявил лупоглазый. – Буддизм не брезгует ни чем.
 - А вы, получается, брезгуете всем, – рассмеялся я.
 - И ты когда-нибудь познаешь Бога, – выпучив глаза, он снова уселся на своего любимого конька.
- Я понял, что все это бесполезно.

– А теперь, придурок, слушай, – я был почти на пределе. – Если ты славить Бога, кстати, православный – это тот, кто имеет право славить. Но баптисты, насколько я помню, не мирятся даже с церковным батюшкой, ведь так?

Лупоглазый кивнул головой в знак согласия.

– Так вот, если ты славить Бога, то запомни: в данный момент ты славить его на какой-то безграмотной фене, уж никак не на русском языке – это раз. Во-вторых, тебе дали право славить, а не оскорблять присутствующих. В-третьих – ты не спросил ни у кого: хотим ли мы слушать эти твои вопли, тем более, что люди приехали в лес отдыхать. И в-четвертых, тебе не повезло, ты влип между боксерами, поэтому собирай манатки и вали как можно быстрее. И не переживай, здесь тоже думают о Боге.

Вся турбаза дружно заплодировала. Евангелисты свернулись в одно мгновение. Только лишь позже я узнал, что это было по-настоящему. Хитрый наркоман, отсидевший срок за наркотики, выйдя из зоны, понял, что жизнь очень сложная и сильно изменилась в последнее время. Он долго маялся, и вдруг его осенило. Лупоглазый пошел в появившиеся у нас в городе американские общества евангелистов. Рассказал свою страшную историю и то, что уверовал. Хотя еще тогда по его зрочкам я определил – вряд ли, и все время ждал, что после призыва славить Бога он прогундосит вечно наркоманское: “в натуре”.

Ему помогли, и он закрутил мозги всей улице, на которой жил в поселке. Вот и появились первые пятнадцать обожателей, которые начали кормить его салом. Крутил он их по-зонамски умно. В тот раз был его первый выезд на люди, нашел куда приехать, ведь на турбазах отдыхают. Они снимали этот выезд на видео, очевидно, для отчета. Да, подпортили мы им тогда с ребятами.

Следующее столкновение было с автокефальной церковью. Действительно, огромное количество всяких уродов вьются во круг учения Христа. Скопцы, чтобы быть ближе к Нему, отрезающие себе половые органы, святее, видите ли, они станут. Мормоны, заводящие себе несколько жен: видите ли, за Иисусом ходило много женщин. Ох, и расплодилось на нашей матушке-земле. Даже не знаю, как все это назвать. Уже тогда это все раздражало до боли, и только после беседы с Фу Шином я успокоился.

Так вот, автокефальная церковь. Я и еще несколько ребят сидели в офисе у Федора. Прекрасная кухня, красивая мебель. Мы пили чай из ажурных чашек и умничали о чем-то возвышенном. Дверь с матовыми стеклами отворилась, и Федор пропустил вперед двух мужичков с блаженно-хитрыми физиономиями. Они как-то жалостливо посмотрели на нас.

– Вот, отцы, – без вступления начал умный Федор, – сидит наш психолог, – он указал пальцем на меня.

Два мужичка с четками мне слегка поклонились.

– Он решает, кому выдавать деньги, а кому – нет. В нашей фирме с Сергеем Анатольевичем очень считаются.

– Я думаю, – начал один из отцов, когда все уселись, – выслушав, молодой человек не посмеет отказать.

“Ну да, черта с два, – подумал я. – Тут и так из Федора чуть не зубами для школы деньги вытаскиваешь, тем более, что недавно он купил спортивный инвентарь. Мало того, что тренируется, познавая несуществующие секреты, так еще себе и комедию заказал. Ну что же, пусть спонсор радуется, лишь бы спонсировал.”

– Если святые отцы убедят, обещаю, что деньги выдам, – пообещал я.

Святые отцы усмехнулись и с жалостью посмотрели на всех нас. “Куда же ты денешься?” – засветилось в их глазах. “Размечтались”, – подумал я.

Диспут начинался. Но что рождается в споре? В споре рождается ненависть. Вот она и родилась. Один из священников подал другому какую-то толстую брошюрку, цветную и глянцевою.

– Смотрите, молодой человек, – начал священник, кладя на стол брошюру.

На ней был изображен красавец Иисус, сильно смахивающий на секс-символ. “Опять американцы,” – подумал я.

– Вы ведь против аборт, – продолжал святой отец, – убийства дитя в материнской утробе?

Эх, святой отец, если бы ты знал, дорогой, сколько я за свою врачебную практику сталкивался с этим кошмаром! Будучи травником от корейской родовой общины, я усвоил самое главное: секреты есть только у мертвых и тех, у кого нет ничего. Лечащий, который болен сам, подлежит смертной казни. Вылечить нельзя только двоих: того, кто не хочет, думаю, понятно почему, и мертвого, ведь ему это уже не нужно. И еще лечащий должен определять сам, что такое созидание и разрушение, а значит – добро и зло. Сколько женщин, молоденьких, молодых и не очень, рыдали, хватая меня за руки, а то и за ноги, умоляя дать траву для срыва беременности. Убивать в утробе – это огромный грех, но эти женщины рыдали и клялись, что у них нет возможности содержать ребенка и нет даже денег на аборт и что, если я не помогу, они либо наложат на себя руки, либо убьют уже родившегося ребенка. И решать приходилось мне. Я с усмешкой посмотрел на святых отцов.

– Конечно, против, – ответил я.

– Так вот... – продолжали отцы.

Брошюрка открылась – и за ликом Христовым, я чуть не вскочил со стула, на фотографии – таз, в котором лежал разорванный зародыш. Священник перевернул еще страницу: рука врача держала крошечные, но достаточно четко оформленные ножку и ручку зародыша. “Вот суки,” – подумал я про себя.

– Ну, что вы скажете, молодой человек, правда страшно?

Действительно, было так страшно, что святого отца хотелось треснуть стулом по башке.

– Мы хотим взять деньги для того, чтобы как можно больше издать таких брошюр.

Злость во мне закипала, как вулкан. “Нет,” – сказал я себе. – Держись.”

– Видите, – продолжал святой отец, – разве можно отказать церкви?

– Хорошо, – медленно и с расстановкой выдал я. – Ответьте мне, почему такой страшный способ борьбы против абортотворцев вы выбрали? Может, вместо этих кровавых фотографий, которые, как мне кажется, способны плодить только извращенцев и садистов, стоит прибегнуть к Евангелию, к каким-то собраниям, ну может, еще к чему-то, но не так же.

Я беспомощно развел руками, стало противно до тошноты. Святые отцы снисходительно улыбнулись.

– Молодой человек, – продолжил тот, который молчал, – мы живем в реальном мире, вокруг сейчас все воспринимают все буквально и поэтому необходимо демонстрировать правду.

– Да, хорошенькая правда, – вздохнул я.

– Что поделать, – священники печально вздохнули и развели руками.

“Ну отцы, держите, – решил я. – Вот вам логика, которая даже не присутствует в ваших умных головах.”

– Хорошо, я дам вам деньги.

У Федора от удивления поднялись брови и неестественно ярко засверкали очки.

– Но у меня к вам одна просьба.

Отцы закивали умными головами.

– Какая? – осведомились они.

– Дайте слово, что вы выпустите еще одну брошюру после этой, поверьте, не менее полезную.

– Конечно, – улыбнулись они.

– Вы ведь против гомосексуализма? – спросил я.

Святые отцы поморщились и дружно закивали головами. Они были действительно тупые и поэтому до сих пор ничего не поняли.

– Значит так, следующая брошюра: вот такой же прекрасный образ Христа, – я указал пальцем на бородатого Сильвестра Сталлоне.

Отцы с готовностью закивали головами.

– А за Христом, сразу, на следующей странице, мы ведь живем в реальном мире, поэтому – один мужик реально пользуется другого. Желательно, чтобы четко и во всей красе, главное – не упустить ни одной детали. Ну так что, даете слово?

У святых отцов отвисли челюсти. Сперва отцы потемнели, потом позеленели. А когда поняли, что денег не видать, как своих ушей, побледнели. Потом вдруг вскочили с места, один не выдержал и схватив своей хилой лапкой чашку с чаем кинул ее мне в голову. Куда уж ему попасть, ведь он этому не тренировался.

– Сидеть! – рявкнул я.

Они хлопнулись обратно на стулья.

– Смотрите, – обратился я к ребятам, – они проповедуют ненасилие и любовь. Вот их ненасилие, – я ткнул пальцем в осколки чашки на полу. – Я же учу вас бою, вместе с тем спокойно и мирно беседую. Ведь правильное слово своей силой подобно небесному мечу. Так что, отцы, может, применить к вам действие? Тем более, что этим я занимаюсь уже давно, представьте, как это будет страшно и больно.

Двое просителей приклеились к стульям, дрожа и потея.

– Поэтому, ребята, запомните еще раз: движение тела, техника боя – для просветления разума и души. А теперь – вон отсюда! – обратился я к отцам.

Они ломанулись к двери, как нашкодившие жирные коты.

– Эй, брошюрку забыли! – крикнул я и вышвырнул мерзкий журнальчик в окно.

– Ну, ты и даешь, – Федор развел руками и аккуратно вышел из кухни, бесшумно прикрыв дверь.

Не знаю, может, был и не прав. Ни в коем случае не хочу сказать, что не встречал прекрасных и умных христиан. Просто наш невежественный мир слишком засорился всякой дрянью и заразил меня. Сколько бессонных ночей и мучений принесли эти новые духовные течения, мне, молодому, приехавшему от учителя, как тогда казалось, спасти мир.

Школьные законы основаны на элементарных логических построениях и законах природы. Но люди отказались от логики, им совершенно не интересны законы природы, которую почти полностью уничтожили. Получалась какая-то необъяснимая пугающая мистика. Я держал в руках бесценное сокровище, которое всем необходимо, но оно было не видимо. Разве мог я тогда по-

нять, как много нужно сделать, чтобы кто-то разглядел доверенное Учителем сокровище. И поэтому древнейшие законы философии, которые создавали тысячелетиями для понимания окружающего, я, напыщенный и обиженный на весь мир, вбивал в рамки софизма, упиваясь победами над местными божками.

По ночам часто просыпался с криком от безжалостных снов, заводивших в черный тупик. А рядом, целуя в страхе мои глаза, сидела знающая истину, совсем не удивляясь ей, моя жена, прощающая любую боль, безжалостно и небрежно причиненную мной. Она знала, понимала и верила, становясь женщиной, которая хочет помочь близкому. Это было и мое прощение, и первая ступень пути, которую я так долго искал, забыв посмотреть на жену, которая была рядом. Действительно, можно проглядеть истину, родившуюся перед глазами. Любящая жертвовала собой во имя призрачного пути, к которому я так рвался, она верила в меня и поэтому уже стояла в начале его.

Понимала ли она? Да и зачем понимать то, что идет от Бога. Это было в ней, и она, не мудрствуя лукаво, отдавала себя, как и должно женщине. Наверное, демоны тогда уже начинали бояться меня из-за того, что рядом рождалась такая женщина. Она становилась человеком, которого Бог создал по своему подобию.

Понимал ли я это? Нет. Я мучился и искал, тыкаясь, как глупый кутенок, возле первой ступени, ведущей к Истине, о которой мне столько рассказывал Ням. Женщина первая поняла школу, данную Учителем. Она отошла от животного, поборов страх, жадность и желание выжить, злобу и подошла к человеку, научившись жертвовать во имя кого-то, то, на что не способен никто, кроме человека. И это был я, озабоченный надуманными проблемами, жалеющий только себя, витающий в облаках, ищущий неизвестно где.

Женщина пережила и эту боль. Вот такие они, женщины, и других не бывает, потому что всегда с нами и видят нас такими, какие мы есть. Наши женщины никогда не предают нас, но наше безумие и ошибки способны влиться в них. Мы сильны, но так небрежны, и убиваем свой путь в начале, на который женщина всегда ступает первая, жена и мать. Так решил Господь, потому что сила всегда начинается со слабости.

Ошибки прошлого ранят в самое сердце, но я верю Ням с Фу Шином. Они откроют секрет единственной школы, той, первой, которую подарил людям Создатель. Ошибки прошлого растают в прошлом. Я верю, я очень этого хочу, с ошибками не быть мастерству. Но есть ли безгрешные в нашем мире? Вот он, ваш неумелый ученик, который всегда сумеет уйти вовремя, только дайте знак, не убивая последнего, что осталось, – той капли гордости, которая

так еще пригодится в этой жизни. Ведь два Учителя – Кореи и Тибета – могут помочь одному сумасшедшему, но жаждущему ученику. Разве они отказывали кому-то? Тем более, что он понял свои ошибки, ошибки прошлого. Как хочется, чтобы это понял еще кто-нибудь и чтобы больше никогда не писались такие страшные книги. Если что-то любишь – боишься потерять. И как однажды сказал Учитель: “Не нужно бояться и терять, нужно любить.”

– Ну-ну, Андреевич, что же дальше? – встрепенувшись, спросил я.

– А что дальше, слушай внимательно: у Учителя пятнадцать детей. Что-то он в последнее время разошелся. Самому младшему два года.

– Ух, – я даже хрюкнул.

– Слушай, – перебил Андреевич. – Сколько у него братьев и когда кто приехал, я еще не понял, но есть один – старший.

– Хух, – снова выдохнул я.

– Рашид, старший сын, женат, трое детей. Старшая дочь Фати-ма, замужем, четверо детей. И вообще здесь шестеро детей – почти позор, очень мало. Еще появился какой-то дядя, разберешься сам. В общем, здесь родственников целая куча, так что Серый – дерзай. Я увижусь с Учителем и сразу уеду, дел дома много, а вы с Татьяной – вперед. Да, еще запомни, – Андреевич второй раз в жизни погрозил мне пальцем, – с женщинами аккуратно, а лучше вообще никак. Помни, что твой Учитель говорил. Ну, и привет передашь от него, если получится.

– Да уж, – вздохнул я.

– И запомни еще: тяжелое это место, школы воевать начинают, при этом входя в большую силу. Да и мастеров здесь, как собак нерезаных. Поэтому, Серый, дыши, тренируйся. Боюсь я за тебя.

– Ладно, – махнул я рукой.

– Я думаю, ты все понял.

И Андреевич, упав на кан, мгновенно уснул, а я поплелся искать Татьяну.

ГЛАВА 10

Перед дверью, ведущей на лестницу, что-то остановило. Я развернулся, влез на кан и, обойдя глубоко спящего Андреевича, уткнулся лбом в стекло крайнего окна. Зеленый орех, раскинувший свои ветви выше второго этажа, надежно скрывал меня. Я начал внимательно изучать двор. Две новые машины. Все те же длинные столы, за ними – вяло жующие ребята, снующие женщины. За столами не видно Татьяны, зато несколько незнакомых людей. “Наверное, родственники”, – подумал я. Но больше всего внимание обратил на себя сидящий за столом, пьющий чай кореец. Он был явно из воинского сословия. Такой человек не мог заниматься земледелием или торговлей. Внимательно приглядевшись, понял, что к тому же из высшего сословия. Он был моего роста, его тело притягивало взгляд.

Можно было подумать, что под рубашкой у него на голое тело была наброшена толстая, с крупной ячейкой рыбацья сеть, хотя сам казался худым. Я собрал все свое мужество, глубоко вдохнул, выдохнул и, спрыгнув с кана, медленно и небрежно начал спускаться по крутой лестнице. Соскочив с последней ступеньки и объявив всем: “Салям,” я направил взгляд в сторону корейца и сразу столкнулся с его глазами. Отставив пиалу, он поднялся и, улыбаясь, подошел ко мне. Мы пожали друг другу руки.

– Ким, – представился он.

“Ага, – подумал я. – Все вы Кимы”. Я прекрасно знал: для того, чтобы добиться настоящего имени, да еще и у воина, нужно много потрудиться, а так на всю жизнь останется он для тебя Кимом.

Голливуд и Гонг-Конг много потеряли. С такой физиономией, как у Кима, можно было играть предводителя ниндзя. В общем, я был удивлен, увидев в первую же серьезную встречу такого классического корейца. Все-таки род занятий из поколения в поколение откладывает на лица неизгладимую печать.

– Ну что, давай познакомимся, – предложил он с легким акцентом. – Ты, Сергей, – продолжал Ким, – и останешься здесь надолго. Кстати, Гриша уже успел натворить.

– Что? – испуганно спросил я, представляя, какое наследство оставляет мне Андреевич.

– Поедем ко мне, расскажу, – и Ким направился к серой машине. Ехали недолго – минут пятнадцать, оставляя за собой длинный, уходящий в раскаленное небо шлейф пыли. Сзади нас, наверное, не смогла бы ехать ни одна машина. “И как они здесь ездят?” – подумал я. По извилистой грунтовой дороге на очень большой скорости Ким лихо проскочил между несколькими верблюдами.

Это уже был другой поселок.

– Здесь живут корейцы, – объяснил мой новый приятель.

Небольшой двухэтажный домик был похож на игрушечный или только что сошедший с картинки. Недавно выкрашенный зеленый забор утопал в такой же яркой зелени. Из калитки выбежали штук пять миниатюрных корейчат и с радостным писком повисли на Киме. Во дворе нас встретила очень красивая жена Кима.

– Принеси чай, – попросил азиат.

Стайка ребятишек упорхнула вслед за матерью.

– Пойдем, – сказал Ким, – покажу тебе свою слабость.

Вплотную к дому стояло какое-то непонятное строение, стеклянное, чем-то похожее на миниатюрную обсерваторию. Когда мы подошли к открытой двери, в нос ударил тяжелый аромат, показалось, что он заполнил меня всего. Ким пропустил вперед. Перешагнув через порог я ахнул – это был розарий. Меня окружали розовые кусты, непохожие друг на друга, прекрасные каждый по-своему.

В нескольких метрах перед собой я увидел куст с черными цветами. Не знаю почему, но при виде этого зрелища внутри пробежала непонятная дрожь. Я шел по тонкой тропинке между кустами, забыв обо всем на свете. Каждый куст благоухал отдельно, можно было от одной волны запаха переходить к другой. Непередаваемые, странные чувства заполняли меня изнутри, восхищение, страх и умиление смешались во что-то непонятное. Через какое-то время вспомнил, что не один, а когда обернулся, увидел сияющее лицо Кима. Я был очень благодарен ему, что он не начал объяснять сорта роз и говорить непонятные и умные слова. Наверное, чтобы создать такое чудо, нужно быть большим мастером.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я его.

– Так вот, – начал прерванную беседу Ким, – не выдержал твой Андреевич, да и влез в уйгурскую тренировку. Впрочем, они тоже, – чуть ли не на виду у всей улицы тренировались, нарушая законы и выставляя себя напоказ. Вот и довыставлялись, пока через забор твой Гриша не спросил, знают ли они Фу Шина и о том, где находятся. А что им было отвечать, если стоит на дороге незнакомый, да еще и русский? Вот и послали они его по-русски как можно дальше. Ну, а уж когда Григорий ответил им тибетским вызовом на поединок, они и вовсе удивились. Но ведь не откажешься. Правда,

особого конфликта не было, и когда пришел учитель уйгур и разобрался, почему четверо его учеников лежат, схватившись за разные части тела и воют, то сразу же добавил им. Мудро поступил, иначе от поединка с Григорием было бы не отвертеться. Передал поклон Фу Шину, подружился с Гришей, выразил радость, что к великому Учителю приехал достойный ученик. Можешь себе представить, какая это радость была. Вот так наш Гриша после десятилетней разлуки напомнил о себе.

Ким не выдержал своей строгой речи и улыбнулся.

– Ну, рассказывай, – предложил он мне.

– Что рассказывать? – я пожал плечами.

– Как что, – удивился он. – Школу свою.

– Школа корейская.

– Ну, – Ким внимательно посмотрел мне в глаза.

– Да, – кивнул я, – дальневосточная.

– Ого, – удивился Ким, – туда просто так не попадают. Ну, а лабиринт? – и кореец вопросительно снова посмотрел на меня.

– Да, – подтвердил я, – в лабиринте Дракона был.

– И понял, что нужно двигаться к Тибету? – спросил он.

– Понял, – подтвердил я. – Андреевич объяснил, и Учитель. Учитель даже передал привет Фу Шину.

– Это значит Няма, – задумчиво произнес кореец, – Только вот что-то не похож ты на того, кто был в лабиринте. Впрочем, Учитель разберется что к чему.

Я смутился:

– Пойми, тяжело было, город отбирает много сил. Несколько упражнений завалил, – честно признался я, – вот и вид, наверное, не очень.

Кореец внимательно всмотрелся в меня:

– Не столько, наверное, упражнений завалил, сколько женщинам не отказывал, а? – усмехнулся он.

Я жалобно кивнул головой.

– А впрочем, блоков достаточно много. Если хочешь, один могу снять.

– Хочу, – с готовностью ответил я.

– Смотри, – Ким указал на узкий коврик, лежащий в глубине, среди розовых кустов. – Давай туда.

Я нагнулся и, пройдя под кустами, присел на серый коврик.

– Ложись, – Ким нагнулся надо мной. – Не думай ни о чем, я тебе помогу. Не бойся, сюда не войдет никто. Выход из тела знаешь? – спросил он.

Я кивнул головой.

– Выходи, помогу и направлю.

И я почувствовал, как его палец прикоснулся ко лбу и замер. Я несколько раз вдохнул и полностью расслабился. Учитель давал свой способ выхода из тела.

– Для того, чтобы выйти из тела, необходимо начать умирать, – сказал Ням. – Когда от кончиков пальцев ног вы умрете до самой макушки, вы покинете свое тело. Этого не стоит бояться – смерть ложная, но она освобождает вас. Из остановившегося тела гораздо легче выйти. Внутреннее движение перестает мешать, вы теряете звуки тела. Для вас его не будет существовать – малая смерть, так называется это. Главное не бояться, – тем более я полностью подготовил вас к этому.

– А как умирать, Учитель? – спросил я. – Ведь никто из нас не умирал никогда.

– Да нет, – улыбнулся Ням. – Вы умираете по несколько раз в день, не обращая на это внимания. Вспоминайте состояние руки или ноги, которую отлежали, когда кровь отхлынула и ваша рука не чувствует боли и не слушается. Можете даже специально отлежать, чтобы восстановить это в памяти. Вот так от кончиков пальцев до макушки отмирает все тело, органы, застывает кровь, умирает все, кроме вашего сознания, которое остается в теле, но оно вас уже не держит. Разъединение произойдет гораздо легче, вы просто медленно подниметесь и выйдете из мертвого тела. Но предупреждаю: не бойтесь этого состояния, вы не умертвите себя. Сложнее всего это будет сделать с сердцем, с ним спорный вопрос. Лучше всего позволить одному ему тихонечко биться в груди. Оно не будет мешать и держать вас особенно сильно, как тело. Нужно искать и не бояться. Не бойтесь ошибаться в действии, бойтесь бездействия, – Ням кивнул, встал и вышел из кельи, оставив нас наедине со своими мыслями.

Перед глазами мелькали пестрые картины, что-либо разобрать было не возможно. Я внимательно всматривался – и опять ничего.

По длинному коридору, застеленному толстой кровавой дорожкой, в длинном сюртуке, скособочившись и припадая на правую ногу, шел незнакомый мне человек. Потолок был высокий, на расшитом золотом пуфике лежало платье, которое казалось твердым, с высоким надорванным кружевным воротником. Рядом валялись разбросанные карты. Человек приближался к двери, белой и потертой, с ажурной, литой ручкой. Не постучавшись, он отворил ее. В следующей комнате, у большого овального зеркала, опираясь на бюро с огромным количеством маленьких ящичков, зеркальных дверок, склонив голову, сидела женщина с растрепанными волосами.

– Что, мамка, – плохо? – хриплым с надрывом голосом, в котором сквозила насмешка, спросил человек.

Женщина глубоко вздохнула и, развернувшись к вошедшему, нечаянно сбросила рукой десяток баночек с мазями и притираниями. На ней была несвежая, чем-то залитая кружевная ночная рубашка. Женщина была немолодая, толстоватая и неряшливая. Изыщные длинные пальцы кончались тонкими полосками грязи под ногтями.

– А, пришел, – низким грудным голосом сказала она, попыталась встать и завалилась снова в свое широкое кресло. – Плохо мне, – жалобно пробормотала она, схватившись двумя руками за голову.

– Водку меньше жрать нужно, матушка, – оскалился в улыбке только что зашедший. – Царица ты или девка какая?

– Да уж лучше девкой гулящей быть, чем с вами иродами маяться, – застонала она, с силой стискивая виски. – Слушай, опять зашел ко мне и не остановил никто?

– А кто же меня остановит? – хмыкнул неожиданный гость. – Может, есть у тебя такие?

– Вот потому-то с тобой и связалась, нехристь проклятуций.

Мужчина, запрокинув голову назад, захохотал, его смех напомнил мне хриплый клекот орла. Она оторвала руки от головы и уставилась на смеющегося. Когда тот замолк, то сразу же уставился на нее.

– Тьфу, черт окаянный, глаза бы мои тебя не видели, – она снова схватилась за виски.

У меня появилась возможность рассмотреть его лицо: раскосые, ввалившиеся глаза на морщинистом, изрезанном шрамами черепе, несколько раз сломанный, орлиный нос, черные, без седины, длинные волосы, стриженная челка над изогнутыми дугой бровями.

– Ну так что, мамка, – снова прохрипел он.

– Слушай, Баскак, ну хоть на твою орду я рассчитывать могу? – не меняя позу, спросила царица. – Ведь Баскак по-вашему – это дерзкий и первый.

– Все знаешь, мамка, – усмехнулся человек. – Не Баскак уже я, а, как ты изволила выразиться, Баскаков, – и он снова по-орлиному засмеялся. – И не орда, – давно прошли те времена.

– Да согласна я, согласна, – протянула женщина, сдавливая виски.

– А если кто при дворе смеяться будет...

Царица с удивлением посмотрела на него.

– Да кто же над тобой потешиться осмелится?

– А ежели кто при дворе смеяться будет...

– Да делай что хочешь, – махнула она рукой. – Знаю, что второй раз не насмехнется.

– А это тебе, мамка.

Женщина вздрогнула в ожидании. Он залез рукой за пазуху, порывшись, вытащил невероятных размеров бриллиант и, выпустив из руки, покатил его по небольшому столику, стоящему рядом. Похмелья не стало в миг, глаза жадно засверкали. Она кинулась к бриллианту и заграбастала его обеими руками. Станный человек снова громко захохотал, успокоившись, он на какое-то время задумался.

– Ух, женщины, – вырвалось у него, – непонятные существа, дочери демонов. Вам даже царской власти мало и не знаете, что алмазы собирают души их умерших владельцев, миллионы душ гранями втягивают. Вот вы и чувствуете это, – и еще раз захохотнул, человек, так легко расстающийся с огромными алмазами, вышел, пнув дверь ногой.

За колоннами прятались перепуганные лакеи.

Перед глазами опять запестрело, я попытался сосредоточиться на том, что видел, но не получилось. Чувствовал, что теряю что-то важное, но ничего поделать не мог, и вдруг, в одно мгновение, бегущая пестрота остановилась.

Небольшая комната и люди. В центре сидел тибетский лама, рядом стоял шела. По знаку ламы он переворачивал страницы, напротив ламы сидел человек, что-то тщательно записывая под его диктовку. Лама иногда надолго задумывался, все терпеливо ждали. Чуть далее, на стуле, сидел царский офицер, а недалеко от него, поближе к ламе, опустив головы, застыв в каком-то неведомом мне этикете, на коленях стояли два человека с длинными, черными волосами.

– Фух, – вздохнул писавший человек, положил ручку и, распрямившись, потянулся.

И тут, к своему удивлению, я узнал великого переводчика Джуд-Ши Бадмаева. Он встал, потянулся еще раз и подошел к одному из сидящих на коленях:

– Ну что, Баскаков, – он хлопнул его по плечу, – знаешь, с чего начинал твой прадед, старый бандит Баскак? Как-нибудь расскажу. Охрана наша, – усмехнулся врач, почтительно поклонившись сидящему напротив ламе. – С этими ничего не страшно...

Больше, как ни старался, только черный экран. Я начал приходить в себя. Рядом сидел Ким...

Мы вышли в огород, по земле были рассыпаны огромные желтые дыни. Я ходил, вдыхая сладкий запах, глубоко задумавшись над увиденным. Очень мало, но все же начало было положено. Ни один историк не смог бы рассказать больше, чем собственные глаза, умеющие смотреть в прошлое. У большинства моих родственников фамилия Баскаков, родная и привычная, не будила ничего. Просто фамилия. Гордость и тревога поселились в моем сердце. Стало понятно, что в долину попал не случайно.

– Семьдесят пять метров, глубоко, – я услышал голос Кима, подняв глаза увидел, что он хлопает по колонке над скважиной.

– Да, – продолжал Ким, – это не у вас на Украине, где через каждые полшага вода.

Я пришел в себя и огляделся. Огород, уходящий в предгорья, за огородом вдали виднелся маленький, игрушечный домик, выполненный тщательно, в традиции северного Тибета. Страх внезапно кольнул меня в грудь, я ощутил, что в этом домике существует какая-то загадка. “Итак, слишком большая нагрузка сегодня”, – подумал я и решил отключиться от притягивающего к себе домика. Навстречу нам по узкой дорожке шла жена Кима.

– Чуть не забыл, – произнес он и быстрым шагом направился к ней.

Возле дома, суетясь и покрикивая друг на друга, сыновья Фу Шина загружали черепицу в небольшой китайский грузовичок.

– Ну что, – подошла к нам Зульфия. – Ты можешь мне ответить: где мой старый черт и что он собирается с этой бандой делать?

– Я же сказал, – спокойно ответил Ким, – примерно через неделю приедет из Китая.

– Да знаю я этот ваш Китай, – Зульфия махнула рукой. – А может, он опять там? – и она кивнула в сторону домика, на который я в огороде обратил внимание. – Не ест, не пьет и торчит в нем по несколько недель.

– Ох, женщины, – вздохнул Ким. – Зачем спрашиваешь, если не веришь? Пойди и проверь сама.

– Ну да, – смутилась она. – А вдруг там? Чего мешать ему буду?

И она легко впрыгнула в кабину грузовичка, сердито хлопнув дверью. Пока я думал, помогать или не помогать, вся черепица была загружена, и, фыркнув, грузовичок умчался.

– Ну, а теперь, – обратился я к Киму, – расскажи ты.

– Что? – он удивленно поднял брови.

– Все об Учителе.

– Тогда пошли пить чай.

Мы снова зашли в розарий. На низком столике, возле которого лежала красная подстилка, стоял горячий чайник и две пиалы. Ким рассказал незатейливую, но интересную историю.

Немного было посвященных в секрет Фу Шина. Долго колесил Учитель по стране и наконец нашел пристанище, где не выделяясь, можно растить девочку, которую привел из Китая, заниматься школой и воспитывать учеников.

“Чтобы жить тебе во время перемен”, – самое страшное китайское проклятие. Много ли стран на нашей земле, которые не созданы из самих перемен? Вот и в Союз в очередной раз пришли они.

И жить бы спокойно Фу Шину, восстанавливаясь после передряг, молодея и набираясь сил, так нет же – потянуло в Китай, тем более, что и там вроде бы все наладилось. Да и у нас демократия разошлась во всю. Вот и решился Фу Шин поехать в Китай, который не видел более тридцати лет. Он даже не предполагал, что из Шаолиня, в котором когда-то был хозяином, давно сделали доходное место для туристов. Плати деньги и можешь жить среди монахов, тренироваться, потом даже справку выдадут, что мастер Шаолиньский. Впрочем, за это и упрекать китайцев нельзя. Бумаги не жалко, да и что такое бумага, ее пока еще хватает, так же, как и риса, из соломы которого делают эту бумагу.

Вот и поехал Фу Шин с гулко бьющимся сердцем в один из Шаолиней. Там и столкнулся с этими чудо-переменами. А когда шел по двору, где китайские монахи тренировались вперемешку с заплатившими европейцами и американцами, то столкнулся с идущим по своим делам Патриархом. Вот тут-то этот Патриарх и узнал Фу Шина, бухнулся с перепугу в ноги, так полдня и провалился, не вставая. И что тут началось.

В течение недели понеслись бесконечные обряды, Учитель даже похудевшим обратно приехал. Все умоляли остаться и принять боевой Китай в собственные руки. Учителя и патриархи в один голос заявляли, что права не имеют нести традиции. А Фу Шин усмехнулся, да и уехал обратно, объяснив, что дом, друзья и корни его давно вросли в Чуйскую долину.

А тут и восточная мафия в долину приехала. И начали главы китайской триады умолять, мол, без желтого дракона Дзяо – главы силовой структуры – им никак, и желательно, чтобы дракон был настоящий. Пусть Учитель Фу Шин не сомневается, тот, который занимал его законное место, готов уступить с радостью.

И начался всемирный бардак, мафии разные потекли в долину, люди какие-то непонятные. Зато Учитель создал свой центр международного боевого искусства, и в мире его настолько признали, что одна минута лекции Школе приносит большие деньги.

Вот на этом и держатся родственники, приехавшие в долину и вся огромная семья Учителя, не считая всевозможных прихлебателей, неизвестно откуда приезжающих учеников-одиночек и прочих. А толку школе абсолютно никакого. То ли в связи с демократией, то ли в связи с тем, что мир действительно с ума сходит, в долине Бог знает что творится, любой шайтан ногу сломает.

– Ну что, – улыбнулся Ким, – доходчиво я тебе все объяснил?

– Более чем, – согласился я.

– Так что, если приехал – учись думать.

“Вот это винегрет,” – подумал я.

– Знаешь, Ким, пойду-ка я к Учителю. Подвозить не нужно, дорогу помню, да тут и не далеко.

– Давай, Сергей, – Ким хлопнул меня по плечу.

Махнув рукой, я вышел со двора и побрел по пыльной дороге. Пожухлая трава, сухие, незнакомые кусты. Куда же я попал? Водоворот мнений. Мир, в котором я находился, разбился на загадочные островки. Дети Учителя воспринимали окружающее по-своему, мои ребята – по-своему, Андреевич – тоже по-другому. Моя жена, с которой уже давно не разговаривал, наверное, тоже по-другому, не как все. Жена Учителя смотрела на все со своей стороны, Ким со своей. Киргизы, дунгане, уйгуры, корейцы – с ума сойти можно. А те, которые приезжали к Учителю со всего мира, что у них были за взгляды, какое понимание происходящего?

Многогранный мир, сконцентрированный в крошечной Чуйской долине. Мне сильно захотелось узнать, что думает по этому поводу сам Фу Шин. Казалось, что попал в самое запутанное место в мире, а может, так оно и было. А я уже начал успокаиваться после второй поездки к Учителю Няму. Может, стоило отдохнуть и не спешить в Чуйскую долину? Ведь дома ждали ученики, уважение, больные, которые с обожанием, открыв рот, смотрели на меня. Но я не сомневался, что Няму был прав, объясняя о ступени врачевания, как о самой страшной, затягивающей в стоячее болото. А ведь именно стояние на месте является стремительным падением вниз. Да и разве смог бы когда-нибудь еще раз так легко попасть в долину, тем более, что внутри меня рвалось наружу невысказанное приветствие от Учителя к Учителю. Лишь бы хватило сил высказать, лишь бы Фу Шин выслушал.

Я шел по пыльной дороге, сплевывал пыль, а она уже обильно трещала на зубах, безжалостно порошила глаза. Я дышал пылью чуйской конопли и пылью чуйской дороги, но все равно был безгранично счастлив. Эта пыль казалась мне сладкой по сравнению с черной пылью далеких городов. Дорога привела меня к тому месту, где через арык были брошены две железобетонные плиты.

Дом Учителя. По громким голосам, которые были слышны вокруг, я понял, что Учителя по-прежнему нет. Да и обещал он быть только лишь через неделю.

Андреевич спал. Татьяна была неизвестно где, а смотреть на скучающие и сонные физиономии ребят хотелось не очень. Ноги сами повели во двор Рашида. У меня появилась возможность посмотреть на все трезвыми глазами, без окутавшего мозг конопляного дыма.

Двор был пустынным, над ним плотная крыша из винограда, настолько заросшего, что даже не пропускала сквозь себя яркое

азиатское солнце. В центре этой зеленой крыши тоскливо свисала хилая, так и не созревшая гроздь.

– Рашид, – громко позвал я.

И тут обнаружил, что дверь в уже знакомую летнюю кухню была настежь открыта. Зайдя в нее, я увидел лежащего Рашида, который стеклянными глазами тупо глядел вперед и явно ничего не видел. Возле него стоял поднос с изюмом и пиала с давно остывшим чаем.

– А, Сергей, салам, – он чуть кивнул головой. – Проходи.

Рашид, пошарив пальцами, из-под края подноса вытащил папиросу.

– Давай взорвем, – предложил он.

– Нет, не хочется, – поморщился я.

– Не-а, один не осилю, давай вдвоем.

– Давай, – решил я.

Когда папиросу выкурили, Рашид оживился.

– Хочешь, покажу двор, – предложил он. – Как только братишка женится, сразу с женой и детьми здесь жить будем.

Мы вышли во двор.

– Слушай, а что это виноград у тебя такой?

– А, ну его, – махнул рукой Рашид. – Земля совсем плохая, ничего не дает.

“Ничего себе, – подумал я, – земля средней Азии ему плохая, земля – выращивающая дыни размером с Рашида”. Мы вышли из-под зеленой виноградной крыши. За углом дома стоял огромный японский джип.

– Ну как? – спросил Рашид, похлопав его рукой.

– Отлично, – кивнул я головой.

– Отцу подарил чемпион по каким-то прыжкам. Учитель показал как дышать нужно, чтобы прыгать далеко. Вот и подарок.

Я снова согласно кивнул головой. За джипом начинался убогий огород.

– Сам ухаживаю, – сказал Рашид.

По огороду было разбросано несколько персиковых деревьев. Азиатские персики, которые должны иметь крупные плоды, сплошь заросли чем-то похожим на невиданного сорта сливу. Некоторые ветки, сломавшись, лежали на земле, все было дикое, как в лесу. У меня появилось подозрение, что виноград и персики были не подрезаны, не столько из-за лени, а по незнанию.

– А чего же персики такие маленькие? – поинтересовался я.

– Земля тут какая-то плохая, – вздохнув, сказал Рашид.

“Чем же тут они целыми днями занимаются?” – подумал я.

И вдруг ощутил неудержимое желание лечь прямо под персик.

“Вот этим видно и занимаются”, – понял я. Весь мир стал выпуклым и заискрился. Рашид развернулся и, ничего не говоря, зашел за угол дома. Я сел под персик и провалился в себя.

Сколько просидел – не помню, но когда медленно поднялся и зашел за угол, столкнулся со старыми знакомыми. Один из сыновей Учителя, ничего не говоря, протянул мне папиросу. Не думая, я снова затянулся. Младший из братьев взяв веник и, глубоко вздохнув, начал подметать двор старшего. Традиции Востока брали свое. Мы тупо уставились на младшего, медленно совершающего плавные движения стертым об асфальт веником. Старший затянул какую-то заунывную дунганскую песню, остальные подхватили. Я медленно, не попрощавшись, выплыл со двора.

Вечерело. Скоро, и как всегда внезапно, должна была нагрянуть ночь. Голодный и расстроенный, я поплелся через двор на второй этаж. На кане с учениками сидел Андреевич, вгрызаясь в сочный кусок дыни. Дыня действительно была больше похожа на ананас, спелый и, выражаясь по-восточному, – как надо. Татьяны снова не было. Это начинало беспокоить.

– О, Серега, – увидев меня, сказал Андреевич. – А где Татьяна?

Я пожал плечами.

– Думаю, с ней все нормально, – обнадежил меня Андреевич. – Значит так, ребята, – сказал он, вытерев полотенцем с губ липкий сок. – Сегодня до самого сна вспоминаем технику. Я думаю, вы уже пришли в себя. Больше работая, быстрее приспособитесь к климату. Это был первый шок, который уже должен пройти.

На кане зашевелился Федор:

– Григорий Андреевич, – жалобно попросил он. – Можно я буду записывать технику? Что зарисую, что запишу, что вы объясните.

Андреевич улыбнулся:

– Я и права-то скрывать не имею. Тем более, Федор, вы ведь с нами.

– Конечно, – засуетился тот.

И неизвестно откуда в его руках появилась толстенная коричневая тетрадь.

– Но, – Андреевич поднял палец, – хочу снова напомнить всем: если техника лежит мертвым грузом, она давит на того, кто взял ее, а это опасно.

– Нет, нет. Все буду делать, – поспешно заявил Федор.

И это тот, кто выучил всего лишь две формы корейской школы. “Да, много у нас еще будет неприятностей”, – решил я. И тут началось невероятное.

– А сейчас, – сказал Андреевич, – чтобы вы немного пришли в себя, я попробую вас вдохновить – покажу разные техники. Смо-

трите на движения, делать буду не спеша. А самое главное – поймите состояние, ибо ничего, важнее его, никто пока не придумал.

– Птица, – объявил Андреевич, став на одну ногу, он развел руки.

Мне стало немного смешно. Я порылся в памяти и вспомнил пеликана, с ним еще можно было бы сравнить Андреевича. И вот тяжелая, мощная птица, все же смахивающая на тигра или большого кота, медленно и плавно задвигалась, поражая техникой переходов. Казалось, еще немного – и Андреевич медленно взлетит над нами. Федор что-то тщательно строчил в тетради.

Ох, уж эти спонсоры с боевыми наклонностями! И я, и Андреевич перед поездкой объясняли ему, что книги невинны и не опасны: ведь дыхания с задержками там не объясняются, в них описывается обычная физзарядка. Что тогда завладело бедным Федором? Непонятно. Он ломал тренировку, останавливал Андреевича, спрашивал, записывал, снова спрашивал. Глаза за толстыми стеклами алчно блестели. Все это было похоже на какой-то психоз. А Федор писал и писал. Писал дракона, молодого тигра и старого. Он бы писал, наверное, еще долго, но Андреевич остановил его рвение.

– Все, Федор, – объявил он, – больше объяснять права не имею. Честно говоря, сомневаюсь, что вы будете выполнять это.

Я сомневался тоже. Федор аж захлебнулся, доказывая, что у него масса времени и перед сном и после сна. А уж в офисе, он поклялся, что будет закрываться на целый час и отрабатывать, отрабатывать – до полного изнеможения. “Зачем он поехал? – подумал я. – Неужели ему мало того, что он богатый?” Он постоянно у меня выспрашивал о травах, записывал несколько лет подряд, еще до поездки. А я постоянно долбил ему, что излишние знания ни к чему хорошему не приведут. Он клялся, что все это только лишь для семьи и самых близких людей. И так было понятно, что Федор не собирался открывать медицинского кабинета. Разве смог бы тогда заниматься своим основным бизнесом?

Андреевич показывал технику, а Федор мыслями глубоко ушел в свою коричневую тетрадь.

– Вот так, ребятки, – Андреевич остановился. – Тем более, что Учитель по приезду будет принимать экзамен. Серегины, – он кивнул в мою сторону, – пусть выучат хотя бы по паре форм тибетской школы. Ну, а вы, – он обратился к своим, – оттачивайте родную школу.

Холодная ночь, к которой уже начали привыкать, убаюкала нас под теплыми одеялами.

ГЛАВА 11

Меня кто-то тряс за руку, я открыл глаза. Татьяна с Андреевичем ждали, пока проснусь.

– Ну, – еле продрал глаза, сказал я. В долине уже давно все забыли, как глаза открываются нормально.

– Так, – Татьяна повернулась к ребятам. – Я пришла позвать вас на чай. Поэтому давайте, вперед.

– Ну, – с нетерпением снова сказали мы с Андреевичем, когда остались втроем.

– Что ну? – Татьяна была раздражена. – С вами же торчать здесь не будешь, тем более женщины – отдельно от мужчин. Вот и пришлось примкнуть к ним, – она многозначительно хмыкнула. – А там полный бардак, особенно сейчас, когда Учителя нет. Азия – Татьяна снова хмыкнула, – центр мудрости. Познакомилась я со всеми. В принципе, девчонки хорошие, послушные. Командует Зульфия, и пашут они, как невменяемые. Я даже вас ненавижу начинаю, сильная половина наша. Но что интересно, не видела никогда таких счастливых женщин, особенно у нас. Только выпадает свободная секунда – танцы, веселье, даже непонятно, чему радуются. Достаётся, конечно, больше всех будущей жене второго брата, но ничего, тоже радуется. Не знаю, может, у них за нерадостное состояние убивают? Непонятно многое, мудростью и не пахнет. Едят все подряд, такие толстые. И это в доме Учителя! Больных половина! Ничего не понимаю, – Татьяна пожала плечами. – Но что самое интересное, Учителя так все и называют – Учитель. Странно, когда дочь говорит: “Вот придет Учитель и задаст этим гашишоедам”, – имея в виду братьев. Без Учителя им здесь малина, это я поняла. Приедет – многое изменится. А вообще – ничего не понимаю, абсолютно, – и она снова развела руками.

Я посмотрел на озабоченное лицо Татьяны, на серьезное лицо Андреевича и заметил у него опухший палец.

Каждый все понимал по-своему.

Я упал на кан и безудержно захохотал. В тот момент наконец-то понял, что попал в серьезнейший переплет, наверное, самый серьезный в своей жизни.

– Ну все, – махнул рукой Андреевич, – идемте жевать.

– Идите, – сказала Татьяна. – Я возьму кое-что из вещей. Тем более – женщины едят на кухне.

Подкрепившись, мы все снова собрались на кане.

– Ну что, ребята. Нужно помочь Учителю. Начнем с арыка, – Андреевич почесал затылок. – Весь мусор вытащить нужно, в общем, очистить, – и, глянув на помрачневшие физиономии, сказал. – Ну ведь хоть еду отработать нужно? А ты, Анатолевич, бери Татьяну и шуруйте на ближайший базар, посмотрите, как там на счет трав и что здесь за травы.

Именно в тот момент со стороны ребят я увидел плохо прикрытую у кого зависть, а у кого и ненависть. Но ведь каждый должен делать то, что может. Кто чистить арык и пилить засохшее дерево на дрова, которое, кстати, на вес золота. Кругом ведь камни и горы с редко натканными деревьями. Я понял Андреевича. Придя в себя мы должны хоть что-то сделать до приезда Учителя. Как лечащий, я не удивлялся, давно уже знал, что близких лечить нельзя, поэтому в доме много больных.

– Ну что, ребята, – Андреевич встал с кана, – давайте чистить арык, а я с Татьяной и Серым пройду на базар.

– И я, – оживился Федор.

Андреевич кивнул, и мы втроем пошли искать Татьяну. Спустившись вниз, мы нерешительно топтались возле кухни.

– Давай, Серега, иди, твоя ведь жена.

– Ну да, – сказал я. – Мужчине разве можно на кухню заходить?

– Тебе же жена русским языком сказала, что уже нет тех традиций.

– А может вы, Андреевич? – жалобно попросил я.

Кухня была под вторым этажом, на котором мы жили. Только сейчас до меня дошло, почему у нас наверху в некоторых местах горячий пол. Я зашел в дверь первого этажа. Слева – высокий кан, на кане – несколько маленьких столиков, в углу – огромный телевизор, такого я еще никогда не видел. Перед каном большой кухонный стол, а с правой стороны – дверь на кухню. Я открыл ее и сделал шаг вперед. Оживление моментально исчезло. Все замолчав, вопросительно смотрели на меня. В центре, в окружении женщин, сидела Татьяна.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Здравсьте, здрасьте, – из-под стола вылезла маленькая Джисгуль.

То, что это она, я не усомнился ни на мгновение.

– Никуда я тебе ее не отдам, – и Джисгуль положила Татьяне руки на плечи.

– Зайчик, – смутился я.

– Сам ты, Серега, – зайчик, – заявило маленькое чудовище. – Вот придет батяня, все про тебя расскажу.

И она точно как Андреевич, погрозила мне пальцем. “Кошмар, – подумал я. – Это же она про Учителя так.” Джисгуль вдруг что-то быстро затрещала по-дунгански. Вся посуда на кухне задрезжала от женского хохота.

– Ладно, хватит, – тут уже озверел я. – Пошли на базар в травах разбираться, – сказал я Татьяне.

– Я скоро приду, – Татьяна встала и погладила Джисгуль по голове.

– Смотри, – Джисгуль снова погрозила мне пальцем, потом вдруг сощурила и без того узкие глаза, растянула уши, я даже испугался, что оборвутся, и высунула язык.

Вот тут она и попалась. В свое время я практиковал позу льва. Кто знает, тот не сомневается, что это действительно великолепная штука. Поза льва заключается в том, чтобы без напряжения вываливать язык до предела, этим укрепляя горло для последующих дыханий. Я растянул свои уши и вывалил язык. Женщины ахнули, а невозмутимая Джисгуль с грохотом заскочила обратно под стол.

– Что же ты детей пугаешь? – с возмущением сказала Татьяна.

– Пошли, – грозно повторил я.

– Пока, скоро буду, – Татьяна махнув рукой, вышла из кухни.

Все дороги в Чуйской долине ведут к главной асфальтовой трассе, бесконечно бегущей вдоль Тянь-Шаня. По разным сторонам трассы хатки, на которых висят корявые надписи: уйгурская кухня, дунганская, корейская, пиво, магазин. Проезжающих в машинах азиаты заманивают шашлыками, которые тут же делают, лепешками, еще горячими, которые десятками выносят со дворов.

В тот раз, когда шли к базару, мы еще не понимали, в какую уникальную нищету попали. На окружающее пока смотрели радостными глазами. Выпили по бокальчику пива, которое оказалось омерзительным. “Нормально, – подумали мы. – Откуда же здесь быть пиву, Азия.” Прошли главпочтамт, еще недостроенную мечеть, которую, как потом оказалось, Учитель строил за свои деньги.

Тогда все казалось радужным, только лишь потом, пожив и обжившись, мы были потрясены сказочной нищетой. Украина показала зажравшейся страной, в которой люди просто нытики и бессмысленные жалобщики. В Чуйской долине были русские районы. Русские обслуживали вокзалы, мотаясь челноками из страны в страну. Чем зарабатывали другие национальности, я так и не понял. Все производства стояли. И ели только то, что могли

вырастить на земле. Огромное количество грязных, истощенных детей, родители которых безвозвратно ушли в опий и гашиш.

Дети не просили, как у нас: “Дядя, дай на хлебушек” или “Дай денежку.” Дети, покрытые засохшими струпьями от чесотки и Бог его знает какой, азиатской заразы. Не стесняясь, глядели в глаза любому человеку, который что-то ел, ожидая хотя бы куска.

Я не мог себе объяснить, почему в долине не держат курей и куриные яйца чуть ли не на вес золота. Я ломал себе голову, не понимая убогости огородов. Загадочная земля. Нам, людям издалека, вряд ли понять ее.

И вот базар, на котором все продают и никто ничего не покупает. Рис в долине ценился высоко. Что меня больше всего развеселило: никто не знал о длинном рисе, которым у нас завалены прилавки. Он безвкусный и пахнущий бензином. Рис на базаре был белый, круглый и крупный, по очень высокой цене. Вся одежда и обувь были китайские. Больше всего поразила высокая цена на еду и низкая на вещи.

Походив по базару, мы поняли, что сейчас, если собрать по карманам у нас деньги, то мы чуть ли не самые богатые люди на базаре. Пройти мимо продающих было очень сложно. Они не просили, а заставляли покупать. Приходилось буквально вырываться из их рук.

Я обратил внимание, что вместо дворняжечьих стай, продавцы отгоняют все тех же грязных и измученных детей. Ничего подобного за всю жизнь мы не видели. Но люди привыкают ко всему, поэтому, кроме нас, никто ничему не удивлялся. Выбрав старуху поопрятней, мы купили по паре сомсов. И тут же отдали набежавшим детям, которые мгновенно их съели и сразу же исчезли. Мы даже не пытались второй раз что-то купить и съесть, было ясно, что это бесполезно. Нищета разъедала страну, как азиатская проказа.

Поменяв доллары на сомы у чумазого киргизенка, который был горд, как все менялы на Востоке, каждый на память купил по две футболки, на которых красовалась надпись: “Манас жолу” и была обозначена карта этого богатырского пути. Еще удивила одна деталь – килограмм риса стоил ощутимо дороже, чем футболки. Все было по-другому. Даже травы были совершенно другие, мы перерыли весь прилавок у старухи уйгурки. Она уже не знала, что думать.

– Смотри, ромашка, – поражалась Татьяна.

Огромных размеров, она была похожа на все, что угодно, но меньше всего – на ромашку.

– Шалфей, – хватал я из кучи пучок и, качая головой, пялился на него.

Рядом стоял Андреевич и улыбался. Он понимал, что придется осмыслить все по-новому, ведь людей нужно лечить теми травами, которые растут вместе с ними, на той же земле, что и они. Старуха удивлялась нашим разговорам, клялась, что сама собирала травы в предгорьях. А мы ругались и спорили с Татьяной, узнавая все новое и новое. Потом старуха толкнула меня в бок, подмигнула и протянула обычный граненый стакан доверху наполненный какой-то травой.

– На, недорого, – снова подмигнула она.

Мы с женой ушли в глубокое изучение этой травы. И так начали спорить, что бабушка даже испугалась. Тут уже не выдержал Андреевич:

– Вы что, травники, совсем с ума сошли. Этой травой здесь торговали всегда.

– Тьфу ты черт, – выругался я. – Да это же конопля!

– Да, да, – радостно закивала бабушка. – Берешь?

Я стоял и широко открытыми глазами, смотрел на полный граненый двухсотпятидесятиграммовый стакан, набитый с прижимом самой высококачественной в мире марихуаной.

– Сколько? – спросил я.

Вышибающий наркотик, мечта всех наркоманов в мире стоил чуть больше стакана семечек. Я почувствовал, как у меня отвисает челюсть.

– Что, плохой? – снова спросила бабушка. – Есть и такой.

Поныряв рукой между травами, она выгатила, чуть меньше бильярдного шара, кусок ручника.

– Если другой нада, пошли, здесь не далеко.

Рядом, уже в открытую, смеялся Андреевич.

– Пошли, – кивнул я головой.

– Фатима! – заорала бабушка. – Посмотри.

Стоящая через прилавок Фатима помахала ей рукой. Сразу за базаром стояла полуразваленная хатка. Когда мы все ввалились в нее, то увидели в углу на тряпках лежащую черную мумию.

– Вставай, собака, – грозно сказала бабушка.

И мы все поняли, что это ее сын. Вот она, неудавшаяся судьба чуйской матери.

– Покупатели пришли.

Мумия зашевелилась и села, оперевшись иссохшими плечами о треснутую сырую стену.

– Смотри, не краду, – злобно зашипела на него старуха.

Порывшись в куче наваленного под стеной тряпья бабушка достала трехлитровую банку до половины заполненную, как показалось, дегтем. Я склонился и понюхал. В голову ударил едкий запах опия.

– Иссыкуля, самая лучшая, – бабушка доверчиво посмотрела каждому из нас в глаза.

Мы купили у нее много трав, так много, что она даже испугалась.

Вот она – Азия, та ее часть, которая вводит в ужас любого человека, отринувшего от себя безумие. Чуйская долина, Иссык-Куль, мудрость древних, человеческая сила. Мягкое порождает жесткое, жесткое порождает мягкое. Можно ли разделить неразделимое? Безумие порождает мудрость, чрезмерная мудрость порождает безумие. Каждому всегда хватает своего.

Вспомнив, что мудрствование – удел глупцов, и схватив купленную траву, мы быстрым шагом, обогнав бабушку, пошли на базар. Погуляв еще немного, купили лепешек для ребят, пару огромных дынь, бутылку дорогого коньяка и решили зайти в ближайший магазин, чтобы купить закуску. По дороге нас остановили несколько доброжелателей азиатского происхождения.

– К Учителю приехали? Хорошо, – они кивали головой и шли дальше.

А когда зашли в гастроном, чтобы купить закуску, продавщица долго смотрела на нас и вдруг спросила:

– К Учителю приехали?

Мы дружно кивнули головами.

– Бегите отсюда, – прошептала она, нагнувшись через прилавок – Зиму не переживете.

Мы усмехнулись и, купив копченую рыбу – единственное, что годилось на закуску, вышли из магазина. Андреевич взял меня за плечо и крепко сжал. Он знал, а я начинал понимать, Федор и Татьяна были беспечны. А что Федору? Его ждет большой город и светлый офис с кухней, душем и шикарным кабинетом, в котором он обещал делать тибетскую технику.

Мы пошли выбирать место, где можно расположиться в одиночестве и прийти в себя от пережитого. В стороне от трассы оказалась чудесная поляна в уже осточертевшей конопле.

Я даже не предполагал, что мы прошли туда и обратно по настоящему тибетскому коридору смерти. Наверное, никто не бывает более слеп и наивен, чем человек. Смотреть и не видеть, увидеть и от страха умереть, либо превратиться в полное ничтожество, а может, в героя? Но это уже лирика, которую тоже придумывает человек, самый великий выдумщик на земле.

Коньяк оказался великолепным, горячие лепешки с рыбой тоже, даже гурман Федор на фоне окружающей лирики и природы, которая заключалась во все той же конопле, не погнушался всем этим.

Конопля – она будет снится мне до конца жизни. Именно она на огромной территории, где жили люди, диктовала свои условия. Даже тот человек, который никак не хотел с ней знаться, был под влиянием, ведь он дышал ею.

Непобедимый алкоголь не властвовал над Чуйской долиной, не потому, что Коран жестко держал мусульман, а потому, что пить в долине было практически невозможно. Летом – слишком жарко, зимой, если кто-то и отваживался пить, то это была целая церемония.

Пить выходили обычно втроем. Один должен быть не пьющий, он только закусывал и оберегал двоих. Даже “сообразим на троих” в Чуйской долине было особенным. Трезвому нужно было благополучно доставить двоих домой.

Представьте себе, как в плюс пятнадцать днем можно расслабиться где-нибудь на полянке, все в той же конопле и завалиться спать. А ведь ночью – минус пятнадцать. Вряд ли кто-нибудь поднимется после такого пьяного сна, даже если на следующее утро полностью оттаят. Так что пили в основном дома.

Еще я обратил внимание, что если у себя на родине начинал пить, то мог это делать в огромных количествах, почти без вреда для своей головы, но в долине хватало стакана, чтобы стать идиотом.

Одним словом, вдыхание пылицы и прием алкоголя были слишком большой нагрузкой для любого, независимо от национальности и вероисповедания. Многие опытные курильщики потом мне доказывали, что если прибыть в долину и не курить несколько дней, то становишься дураком, не замечая этого. Поэтому, как говорили они, Советская власть плохо прижилась, так как большинство коммунистов отвергали курение. И чего я только не наслушался за эти полгода, но все-таки какая-то правда во всех ро-сказнях была, тем более, что дыхание Чуйской долины я ощутил на себе. И как мне кажется, не хочу конечно грешить, курили втихаря все, даже дети и женщины.

Несколько месяцев спустя мне повезло подсмотреть очень редкое, по крайней мере для меня, представление. Выйдя в сад, я увидел сморщенное, размерзшееся после ночи яблоко. Раз не допрыгнул, два, третья попытка увенчалась успехом. Голодный и измученный, я прислонился к забору и стал свидетелем интереснейшего спора. Сперва поразило то, что старички, сидевшие в халатах, отогревающиеся на зимнем солнце, кричали и спорили на плохом русском языке. “Почему же на русском?” – мелькнула первая мысль. Потом, приглядевшись, а я уже начал различать, понял, что старики, как и дети, глубоко плевали на распри и, прожив жизнь, каким-то чудом сблизились. А кто аксакалам мог запре-

тить? Они сидели кружком возле догорающего, небольшого костра и ругались, как дети. Пустой, зимний огород, редкие кустики еще не полностью собранного джусая, пестрые халаты, одетые на древних, как мне показалось, за сто лет, стариков. Здесь были все: дунганин, уйгур, киргиз, кореец и еще несколько, я не понял кто. Один из них, самый старей, вдруг высоким фальцетом заорал на другого:

– Твоя деда, – кричал он, – знала Чу? Моя деда – знала! Твоя деда – ничего не знала!

И он потряс суковатой палкой, которая лежала возле него. Остальные радостно засмеялись, и я понял, сейчас будет что-то интересное. Упервшись лбом в забор я глядел на все это через небольшую щель. Плотные, без щелей заборы были гордостью в Чуйской долине, которая практически не имела дерева. Плотный забор Учителя открыл мне еще один маленький секрет.

– Будем мазать, – продолжал возмущаться старец.

И тут я понял, что даже многие словечки сленга вышли с Востока.

Старик поднялся, согнувшись и опираясь на палку, поковылял к дому. Оттуда он вернулся с чайником горячего чая и длинной трубкой.

– Твоя деда знала Чу? – он засмеялся и покрутил перед глазами спорщика трубкой. – Моя деда растила Чу.

Старик, кряхтя, пошарил в кармане и вытащил монету.

– Видишь деньга, твой будет.

Я готов поклясться, что это был царский червонец.

Разошедшийся не на шутку старик из стопки лепешек, лежащей рядом с костром, быстро выхватил одну и, положив на землю монету, накрыл ее лепешкой. От спорщика лепешка была метрах в двух.

– Твоя будет, – снова повторил старик.

После чего налил в пиалу чая и протянул товарищу. Все с открытыми ртами внимательно смотрели. Тот сделал два глотка и две глубоких затяжки из уже раскуренной трубки. Все в ожидании просидели минуты две.

– Бери свой деньга, – предложил старик.

Сперва спорщик попытался встать. Его тощая, седая борода дрожала от напряжения, но он встал.

– Бери, бери твоя деньга, – усмехаясь, подстрекал его товарищ.

Старик медленно и трясясь пошел, но почему-то в противоположную от лепешки сторону. Все дружно засмеялись. Спорщик остановился, собираясь с силами, собравшись, направился к лепешке.

Старики хохотали, как малые дети, потому что аксакал, с напряженным лицом, с трясущимися руками и бородой, в четвер-

тый раз по кругу обходил лепешку. Он даже вспотел. На пятый раз он засмеялся и со всего маху хлопнулся на свой старческий зад.

– Твоя деда Чу знала? Нет, моя деда Чу знала!

“Да, ну и развлечения”, – подумал я.

Мы лежали под осенним азиатским солнцем, а это значит: наше теплое лето. Была лишь одна проблема – непобедимая чуйская конопля. Бархатная азиатская осень. Чуйский бархат, стоящий в воздухе. Им дышали все: Андреевич, я, жена и наш спонсор. Мы ощущали от выпитого, лежа под чуйской коноплей, что-то невероятное.

– Ну что, идем к ребятам? – оживился Андреевич.

Я пришел в себя и толкнул двоих, лежавших рядом. Радостно встав, мы направились к дому Учителя. Пройдя метров сто, наткнулись на небольшую хатёнку, на которой крупными русскими буквами было написано: “Чач-Тарач”. Но перед этим “Чач-Тарач” был узкий и глубокий арык. Через арык была переброшена железобетонная плита. “Да, действительно дурдом, – подумал я. – Не доска, не две доски, как у нас, а железобетонная плита.

Моих спутников заинтересовал неокрашенный, заржавевший коммерческий ларек. Андреевич облокотившись на него, начал пугать своим знанием киргизского языка красивую киргизку. А я, отделившись от всех, залюбовался немислимой вывеской: “Чач-Тарач”. Проскочив железобетонную плиту я кинулся к небольшому домику, горя желанием узнать, что означают эти загадочные слова. Когда подошел к распахнутой двери, из нее выскочила черная тень. Я не обратил внимания, я рвался к загадочным словам, но только ступил на порог, стало ясно – обыкновенная парикмахерская. Из двери завоняло так, как воняет из дверей всех парикмахерских мира.

“Все же много выпили, – мелькнуло в голове. – Разве знал, что еще без желания и закурились, лежа под чуйской коноплей, которая нас осыпала, в мягкую азиатскую осень, своим бархатом.”

Разочарованный, я одним движением прошел мостик. От ржавого киоска шла с капающим мороженым в руках та черная тень, которая выскочила из “Чач-Тарач”. Вдали стояли Андреевич, Татьяна и Федор, почему-то внимательно глядя на меня. И только тут я заметил, что на рыжем, неокрашенном ларьке была большая кривая вывеска. “Абал-Муздак”, – гласила она. И вот шла ко мне черная тень, вышедшая из “Чач-Тарач”, несущая в тонких длинных пальцах тающий “Абал-Муздак”. Я потерялся. Длинные, иссиня-черные волосы, прямые, как натянутые струны, ровная челка, брови уходящие под нее и глаза – блестящие ныряющие рыбки. Длинный тонкий нос со вздрагивающими крыльями ноздрей, так

вздрагивают на все незнакомое крылья птицы. Тонкий большой рот и пальцы со стекающим на них мороженым – “Абал-Муздаком”. Может, теперь мой поступок можно хоть как-то оправдать.

Я подошел к ней и схватил за руку.

– Послушай, – сказал я.

Глаза открылись. На Востоке говорят: “Как надо.” Крылья вздрогнули, как и должны были. Даже губы на мгновение разомкнулись. Я потянулся к неизбежному, но Восток...

Толчок тонкой рукой. Арык был действительно очень узкий, а грязи и холодной воды больше, чем нужно. Когда вылез, то через центральную трассу увидел штук шесть аксакалов, которые молча усмехались в мою сторону. Ее уже не было. Федор, Андреевич и жена молча ждали. Я понял, вряд ли дождусь от них поддержки и жалости.

Андреич успокоил меня, выразив надежду, что может близкие Учителя не видели этого зрелища. Сразу же подтвердив мои опасения, что все будут знать все. Чуйская долина повела нас вперед: меня – грязного и мокрого, Андреевича – знающего, жену – верящую и Федора – готового оттачивать тибетскую технику в офисе.

Несмотря на то, что я полностью отмылся и высох, все уже все знали, а маленькая Джисгуль ждала перед домом. Слухи в долине имели скорость ветра. Больше всех я боялся ее, была в этом ребенке какая-то необъяснимая сила.

– Ну что, Серега, я тебя предупреждала, – и Джисгуль, подбежав к Татьяне, схватила ее за руку. – Все папане расскажу, и он тебя бороться вызовет. Ты знаешь, что мой папаня – спортсмен и даже мамка слушается его.

У меня от этих слов чуть не остановилось сердце.

“Ну и ребеночек”, – подумал я.

Было непонятно, то ли она меня полюбила, то ли возненавидела, но, на первый взгляд, это был действительно искренний ребенок. Поникнув от внезапно нагрянувшей печали, я брел за веселой компанией, представляя, что ждет в дальнейшем, а так как с воображением у меня нормально, то даже не было сил высунуть язык в ответ неугомонной Джисгуль.

Арык был совсем не вычищен, зато за столом сидели ребята, поедая арбузы и веселясь от рассказа Рашида. Даже меня этот рассказ, несмотря на трагическое состояние, развеселил от души.

После того, как Фу Шина со всеми почестями приняли в Шаолинском монастыре современного Китая, он решил, с наивностью отца, совершить действие. Не выдержал и слегка вмешался в свободное движение пути. Вмешательство имело последствия действительно серьезные, тем более, что вмешался сам Фу Шин. Из его сыновей никто не рвался постигать путь, Фу Шин и не смог

бы учить – ведь, по древнему закону, своих детей не учат. А может, и не вмешался, может, именно так и должно было быть. Лучше изложить сам факт, потому что он достоин внимания.

Учитель зашел в летнюю кухню, где обычно собирались все сыновья, мне кажется, что в тот момент они должны были упасть в обморок. Но разве Рашид расскажет чистую правду? Фу Шин оглядел своих сыновей и даже удивился, что их так много.

– Ну что, есть среди вас настоящий човаз?(орел – дунг)

Сыновья вскочили и гордо расправили плечи.

– Кто из вас хочет мастером стать?

Представляю, что у них началось в душе.

– Все човазы, Сифу, – ответил старший сын.

– Выбирайте, – продолжал Учитель, – кто из вас на год в Шаолинь учиться поедет.

А что после этого у них начало твориться внутри?

– Вечером с вещами пусть ко мне придет, в Китай поедем.

Не знаю, как они договаривались, но приговорили Искандера. Вот он и ждал в зале для гостей с рюкзаком, который собрала мать. Когда вышел Учитель, он поклонился и выразил свою готовность. А это значит, что был он приговорен к страшному году: сумасшедшие нагрузки, скудное, монашеское питание и бои, бои, сплошные бои.

Братья понимали, что вернется он сильным, конечно, завидовали, но на муки в Шаолинь не хотелось. Спокоен был только один Рашид. Старший брат всегда остается старшим. Мать, как и положено, поплакала, хотя я уверен, что Зульфия была довольна – хоть один из разгильдяев человеком станет. Все родственники попрощались с будущим шаолинским монахом. Дядя и аксакалы дали напутствующие советы, и Фу Шин повез в Шаолинь нового ученика.

Прошел год. Этот год в семье Учителя отличался тем, что все знали – скоро приедет непобедимый шаолинский монах, который не кто-нибудь, а кому сын, кому брат или племянник. В теплый осенний день, когда Учитель с полотенцем на плече выходил из дома, навстречу ему со своим рюкзаком, после шаолинских испытаний шел Искандер.

Во дворе было достаточно много родственников, все радостно готовились к встрече шаолинского монаха, который по обычаям должен вернуться сам ровно через год. Весь двор ахнул, увидев того, которого долго ждали, и того, которому каждый в тайне сочувствовал и завидовал. Зульфия уронила блюдо с пловом. Учитель, как всегда, был невозмутим.

К нему приближалось что-то похожее на сына, но невероятных размеров! За это время его одежда увеличилась на несколько размеров. Напротив Учителя стоял Искен, отъевшийся так, что, ка-

залось, из каждой поры на лице вытекает жир. Толстомордый, сильно потяжелевший, он грустно смотрел в глаза отцу. А что тут непонятного. “От кармы, сынок, – как часто говорят на Востоке, – никуда не денешься.”

Когда в шаолинский монастырь приехал сын самого Патриарха Фу Шина, радости и гордости китайцев не было предела. Его везде приглашали, возили и всем показывали. Целый год праздника и радостных обедов у разных чиновников. Как будто никто не знает, что невероятно тяжело отказаться от вкусной и жирной еды. Но он был монахом и, как потом клялся, все ночи до единой провел в монастыре.

Зульфия нервно засмеялась и заскочила в кухню. Толстый и потный Искандер стоял, отрешенно опустив голову, готовый принять любое наказание. Учитель внимательно посмотрел на него и потыкал пальцем в раздувшийся живот.

– Не човаз ты, – вздохнул Фу Шин, – а жирный хуваз (обезьяна – дунг.)

Вот тогда Фу Шин, наверное, впервые разозлился. Учитель ударил сына, правда, сделал это висевшим на плече полотенцем и по самому мягкому месту, но все же Искандер рухнул, как подкошенный. Чуйская легенда гласит, что сидеть на этом месте он не мог недели две.

Все от души смеялись над историей чуйского монаха, но я вдруг почувствовал, насколько глубоко понимаю и сына, и отца. Мне показалось, что Учителю было необходимо это сделать, он не мог не знать, что произойдет, но зачем-то сделал. Может, он надеялся, что хоть у одного, самого младшего и угнетаемого всеми, появится желание вернуться другим, но и он не смог отказаться от почестей, идущих от отца.

Задумавшись над услышанным, я зашел на второй этаж, лег на кан и глубоко уснул.

ГЛАВА 12

Проснулся, когда уже было темно. Почувствовал, что начинаю привыкать к тяжелому резко-континентальному климату. Наивный я, хотя откуда было знать какая в Чу зима. Андреевич показывал ребятам технику, только вот духом они были как-то не очень, но деваться было некуда, и все усердно готовились к приезду Учителя и сдаче экзаменов.

Федор, слегка позеленевший, с изменившимися глазами, что-то бодро, даже чересчур, записывал в своей толстой тетради. Она была заполнена уже наполовину. И как я ни объяснял бизнесмену, что мертво лежащие знания – это совсем не то, что увеличивающийся счет в банке, а больше – бомба замедленного действия, все равно для него стремление к накопительству оказалось гораздо выше здравого смысла. Все же каждый должен заниматься своим делом. Но иногда человека невозможно остановить. Очевидно, это его путь, путь разрушения, за что-то даденный свыше.

Учитель Ням все-таки был прав: необходимо, ни во что не вмешиваясь, разобраться в окружающем, потом будет легче разобраться в себе. Это и есть Дао воина. Только здесь я начал кое-что понимать в человеческом винегрете. Ведь там, откуда я приехал, было все ясно: община, монахи и нескончаемые сосновые волны Дальнего Востока.

Я встал с кана и начал с ребятами делать разминку. И тут дверь открылась, и к нам зашла молодая пара. Молодой человек, лет двадцати с мелочью, и девушка, примерно такого же возраста. Он был великолепно сложен, очень даже спортивного вида, она – тоже ничего, большущая кольшущаяся грудь. Молодой человек держал свою голову очень гордо, он подошел к Андреевичу и с хлопком поклонился, изобразив кулак силы, ударившийся в стену мудрости и справедливости. То же самое сделала девушка. Андреевич не выдержал и нервно захохотал. В тот момент, наверное, только я понял истинную причину его смеха. Молодая парочка пересудствовала в этикетке, а звучный хлопок кулака о ладонь всегда означал только одно: поединок насмерть.

– Ну не убить же вы меня хотите, ребята? – отсмеявшись, спросил Андреевич.

– Почему? – удивился светловолосый кудрявый юноша.

После всевозможных объяснений и знакомства начался пересказ невероятной истории. Наверное, даже не стоит называть имени этого молодого человека, потому что в дальнейшем, с моей подачи, его начали называть Первоисточником, а ее – женой Первоисточника.

Он оказался не так уж молод и в глубинке России служил строгим, но справедливым прапорщиком. Не понятно, что вдохновило его на сей подвиг. Может быть, картины восточных мастеров, имеющие большую силу, а может, те приемы, которым он обучал солдат и которые назывались каратэ. Еще, конечно же, гонконговские фильмы с летающими монахами. В общем, этой заразой он заразил свою молодую жену, с которой только расписался. Вот и решили они найти, а вы знаете какие наши прапорщики упорные, да и вообще советский военный – это сверхвоенный, найти Первоисточник.

Можно представить себе состояние Фу Шина, когда к нему подошел бывший прапорщик, за спиной – молодая жена, и заявил, что ушел из армии, продал в России все, что мог и решил полностью отдаться великому Патриарху.

На кой черт это все было нужно Фу Шину. Но он их поселил у какого-то своего родственника и согласился учить. Когда Андреевич попросил у важного прапорщика показать несколько движений, тот надул, как индюк, и сказал, что нужно спросить у Учителя, имеет ли он право. Тут уже не выдержал я.

– Слушай, Первоисточник, – я подошел к нему и, сжав кулак, выставил вперед указательный палец. – А мне у Учителя спрашивать не нужно, – и я ткнул его пальцем в центр груди.

Когда Первоисточник встал с пола и вытер сопли, я продолжил с ним беседу.

– Ты хоть понимаешь, кто приехал к твоему Учителю? Хотя еще нужно выяснить, считает ли он тебя учеником. Так вот, к нему приехал старший и единственный ученик – Григорий Андреевич.

Я посмотрел на его тяжело дышащую грудастую жену и, махнув рукой, сел на кан. Потом мы с ужасом смотрели, как он показывает корявые армейские приемы.

– Тебя этому учил Учитель? – спросил я.

– Нет, – ответил Первоисточник.

– Сколько вы здесь живете?

– Полтора года.

– Ну, и что вы делаете?

- Я работаю фотографом, жена помогает.
- Вот придурок, – не выдержал я. – По школе что делаете?
- А, – дошло до Первоисточника. – Три раза в день, – начал он, – мы делаем тибетские прыжки.
- А это что? – ужаснулся я.
- Ну, это из ямы в яму.
- Фу Шин сказал им, что нужно вырыть квадратную, пять сантиметров в глубину яму и, выдерживая правильное дыхание, вперед выпрыгивать из нее и назад выпрыгивать по сто раз три раза в день. Очень важно быть босиком.
- А жена тоже прыгает? – грозно спросил я.
- Да, но у нее своя яма, – ответил Первоисточник.
- Я представил, что твориться с ее грудью в момент этого упражнения, стало тошно.
- И что, полтора года прыгаете?
- Да, – ответил он. – Но каждые полгода увеличиваем глубину на пять сантиметров.
- Ого, уже пятнадцать сантиметров, – похвалил Андреевич.
- Вот так получаются человеческие глупости. Есть такое тибетское упражнение, но было ли время у Учителя переучивать корявого прапорщика? А прогнав его, можно было травмировать навсегда. Вот и приходил прапорщик-фотограф со своей женой иногда подбегать к плова и получить какую-нибудь новую технику, вырывая с мясом и нервами драгоценное время Учителя.
- Ну что ж, – сказал Андреевич, – становитесь с ребятами и учите технику.
- Тренировка продолжалась, но уже более активно. Очевидно, шевелящаяся грудь жены Первоисточника вдохновила ребят. Федор все так же усердно что-то строчил в своей толстой тетради.
- Я закрыл глаза и лег на кан. Мысли буквально разрывали голову. “Как разобраться во всем этом? – думал я. – Еще даже не прошла неделя, а Чуйская долина обрушила на меня ураган нового и непонятного.”
- На сколько же страшнее и концентрированнее, чем у меня и Андреевича, была жизнь у Фу Шина? Не легкая, не счастливая, не с пониманием окружающих, а страшная и необъяснимая. Кажется, ни один живой человек не вынес бы такого.
- “Зачем это все?” – мучился я. Ночами начали терзать немислимые кошмары. Просыпаясь по утрам на кане, я иногда жалел, что приехал в сумасшедшую долину, но все равно понимал – нужно пройти этот путь.
- “Терпи, – говорил я себе. – Ведь ты еще молод, а дошел уже до такой вершины, скоро увидишь самого Фу Шина.” Но все равно

хотелось однажды проснуться и увидеть себя в своей комнате, увешанной коллекциями бабочек, с любимыми змеями, живущими в красивых террариумах.

Чего же мне хотелось? Резать фигурки? Этому научили в корейской общине. Хотелось их выставлять в музее, тренировать в зале, тренироваться самому, лечить больных, которые с восторгом принимали мудрость от меня, умного, сидящего между яркими коллекциями.

“Нет,” – говорил я себе по утрам, разминая смерзшиеся сухожилия. “Не правда, – говорил я себе. – Ты хочешь не этого. Этого хочешь в тебе тот, другой, изнеженный и капризный.”

Душа всегда рвалась в сосновые волны, к Няму, в лабиринт дракона, к началу начал. А тело хотело радости для себя, красивых женщин, вкусной еды, густого вина, обожателей, умеющих говорить великолепные слова, имеющие силу стального клинка. Красивые слова – стальной клинок между лопаток, вонзенный доброжелателями, между лопаток души, при чистом, холемом и размягченном теле.

“Нет, – говорил я себе, стискивая зубы на ледяном кане. – Не попадусь проклятому демону, рассыпающему этот золотой дождь. Дождусь Фу Шина.” Мне хотя бы сказать ему, что Ням кланяется и желает Ученика. Да, того самого, которого имеют в виду, приветствуя друг друга мастера.

Не “здравствуй” говорят они, а: “Ученика тебе”. И я уверен, каждый раз мастер вздрагивает всей своей душой.

Ученика тебе – говорит один другому, и сразу представляется молодой, умный, сильный, который радостно берет груз знаний, делит его между собой и Учителем. И мастер уже не один. И мастер знает – жизнь его прожита не зря. Знает, что не унесет с собой знания в другой мир, где они попросту не нужны, потому что приходят оттуда на землю, чтобы остаться молодому, но дерзкому человечеству.

Время шло, неумолимо приближая встречу с Учителем, которой, как оказалось после, хотели далеко не все. Не потому, что осознали свою ненужность, а потому, что демоны уже влезли в их тела, споря с душами.

Приближалось время безумия и развала. Жаль, что не хватило у многих ума уехать сразу, тем более, благодаря Федору, это было сделать легко: приезд и отъезд он полностью взял на себя. Они не знали, что делать дальше, но уже были убеждены, что Фу Шин – никакой не Учитель, потому что вокруг Учителя все должно быть не так. Я глубоко уверен: как должно быть, они и сами не представляли.

Безумие, гордость, страх, тупость, глупость и невежество летали тогда над нами, задевая своими злыми и беспощадными крыльями, но самое отвратительное было то, что они не пощадили женщину, которая была рядом с нами и не щадила себя во имя Школы. Ненавижу демонов, пожирающих человеческие души.

Следующим утром меня не смогли разбудить. Проснулся поздно и с тяжелой головой. Встряхнувшись, побрел по лестнице вниз. В Чуйской долине стояла самая прекрасная пора – осень. В резко-континентальном климате первые дни осени самые мягкие. Зашел в дом, хотел умыться и первый раз за все время удивился, ведь в эту ванну ходят все, кому не лень. Стирают свои вещи, а ведь дом Учителя. Да, демократия и известность сделали свое дело. В дом мастера начали сползаться невежественные уроды. И, наверное, нет такого закона, чтобы гнать их от себя. Скорее всего, только в наше время и при нашей чудо-свободе могли внаглую лезть в дом великого Учителя. Ни в одном уголке мира такого нет и быть не может. Великий человек в самых отвратительных условиях. Вот они – ростки апокалипсиса, уверенно пробившиеся в драгоценном месте на земле.

Мне вдруг стало понятно, что нужно брать мыло, полотенце, свои грязные шмотки и топтать к большому чуйскому каналу для того, чтобы смыть в нем, а уж никак не в доме Учителя, грязь с тела и вещей. Но было поздно, если бы это сделал, все, кроме Андреевича, посчитали бы меня сумасшедшим.

Только тогда я понял свои ошибки: не нужно было брать жену и не нужно было соглашаться брать ребят, а нужно было умолять Андреевича, чтобы он взял только меня. И когда Андреевич шел в ванну, нужно было хватать мыло с полотенцем и бежать к большому чуйскому каналу.

Будь проклят залезший в меня демон тупоумия!

А что Андреевич? Он такой же мастер, как и Фу Шин. Он искренний, а думать должны мы – человеческие дебилы, пытающиеся стать на путь, ведущий к самому себе. Как стать на этот путь, чтобы не ходить вокруг него до конца своей никчемной жизни? Как стать и увидеть куда стал? Как прозреть среди слепых? Мне вдруг стало понятно, как много Андреевич не объясняет и почему. Попробуйте рассказать что-нибудь глухому или показать слепому. Не умывшись, я вышел из ванной Учителя.

За столом сидели ребята и что-то доедали. Я сел, подперев голову руками, обратив внимание на двух новых людей. Страхнув оцепенение, прислушался к тому, что рассказывал один из них. Большеголовый, с серьезной физиономией парень лет двадцати восьми. Еще одна дикая история, с ума сойти можно.

Пять лет назад к Учителю приехал очередной ученик. У него была кличка Поллюция, как раз из-за той истории, которую он рассказывал. Поллюция был готов лучше, чем Первоисточник, даже намного. И вымолил у Учителя серьезное упражнение. Была одна деталь: за двадцать дней, если идеально выполняешь его, то даже одна ночная поллюция говорит о том, что не готов в себе держать энергию, которую копишь. За эти пять лет Поллюция начал делать это упражнение раз пятьдесят. Додельвал он его ровно до половины, и после этого в течение недели каждую ночь его мучили поллюции. Посчитайте, сколько же их у него было.

Но самое смешное то, что каждый раз он прибежал и докладывал об этом Фу Шину, после чего жаловался на свои поллюции всем окружающим. Мало того – он потерял паспорт. Это означало полный крах. Как теперь уедешь домой? Я не выдержал и захохотал на весь двор. Поллюция с печалью и обидой посмотрел на меня.

– Извини, Поллюция, – сказал я ему. – Смеюсь не над твоей бедой.

Встав из-за стола, я прошел двор и железобетонные плиты над арыком. Идя по улице к центральной трассе я не удержался и захохотал снова. В голове прыгала одна и та же дурацкая мысль: “Так вот, кто они, эти загадочные снежные люди, дети снежных гор – Йети, которых так часто видят на Тянь-Шане. Это просто тупоголовые ученики Фу Шина, заросшие и грязные, бегающие по предгорьям и стесняющиеся из-за своей тупости прийти обратно к людям”.

Я снова захохотал, потом заставил себя успокоиться. Чрезмерная веселость вдруг расстроила окончательно, и я побрел к знаменитому БЧК. Глядя на летящую воду, понял, какой серьезный мастер Андреевич. У меня никогда не хватило бы смелости прыгнуть в зажатый железобетонными плитами, стремительный поток, выкури я при этом хоть всю чуйскую коноплю.

Побродив несколько часов возле канала и немного успокоившись, я уже собрался идти обратно, как вдруг наконец-то обратил внимание на Тянь-Шань. Домой к Учителю возвращался в полной черноте. После того, как обратил внимание на великие горы, родная корейская школа вспомнила обо мне. Правильное дыхание творит чудеса, чернота медленно рассеялась, и передо мной проявился великолепный светлый звездный вечер. Нигде я не видел таких огромных цветных звезд. Если внимательно всматривался в них, земля начинала плавно уходить из-под ног и таинственные черные тени, которые скользят по ночам вокруг идущего, становились четче, напоминая, что ты не один в мире, затаившемся под холодной луной.

Я шел, мечтая о том, как Учитель, посвятив в тайну, подарит упражнение, которое облегчит мне сумасшедшую жизнь. Наивные мысли, рассуждал я, и тут обратил внимание на то, что улыбаюсь и что мне очень хорошо. Горячие слезы радости двумя ручьями стекали по щекам и капали с подбородка, растворяясь в прохладной ночи. На втором этаже все спали. Раздевшись, я укрылся с головой.

– Ишак паршивый, – послышался со двора приглушенный крик Зульфийи. – Неужели мало кормлю тебя, что по котлам ночью лазишь.

В ответ послышался знакомый плачущий голос. “Поллюция,” – засыпая, догадался я.

Наутро после завтрака я послал одного из ребят, который занимался ботаникой и садоводством, к Рашиду, для того, чтобы он подрезал виноград и персики. Но тот быстро вернулся, объяснив, что Рашид не поверил рассказу об увеличении урожая на следующий год и не представлял, что такое секатор. Секатор мы нашли в сарае, который открыла нам Зульфийа. Рашида с трудом, но убедили, полностью сбив с толку рассказами о количестве винограда и размерах персиков, которые должны быть.

– Если не веришь, – сказал я, – спроси у Учителя.

Это был мощный аргумент. И юннат начал кромсать виноград, на который Рашид смотрел с жалостью.

– Вай, – сказал он. – Такой тени теперь не будет.

Но выбрал все же обилие винограда. Оставив двух садоводов, я вернулся во двор к Учителю, горя желанием познакомиться поближе с Джисгуль.

Во дворе никого не было. Ребята за домом пилили на дрова огромное сухое дерево. Татьяна где-то затерялась на женской половине. В центре двора Джисгуль бегала с детьми, очевидно, играя в догонялки, при этом развлекая совсем маленьких, еще плохо ходящих карапузов. Все мгновенно окружили меня.

– Ты, Серега, чего ходишь? А ну, покажи язык, – потребовала она.

Я послушно вывалил свой язык.

– Хо, – захлебнулась детвора в восторге и сразу потребовала, чтобы я с ними начал играть.

– Сереж, – послышался знакомый голос.

Я поднял голову и на втором этаже увидел открытое окно. Жена с женщинами, смеясь, смотрели на нас. Они вдруг исчезли, и в окне появилась Зульфийа.

– Мама! – закричала Джисгуль. – А мы тут с Серегой играем.

– Вижу, – ответила мать. – Только не с Серегой, а с дядей Сережей.

– Не-а, – девочка замотала головой. – С Серегой.

Она взяла меня за руку, мы стали друзьями.

Во двор зашел Поллюция и еще какой-то рыжий юноша.

– Шайтан принес, – прошептала Джисгуль.

– Здравствуй, малышка, – улыбнулся Поллюция.

– Сам малышка, дурак, – сердито сказала Джисгуль. – Пойдем, Серега, я тебе поляну свою покажу с цветами.

Она потащила меня за руку, я в нерешительности замер на месте, за нами пошли все, даже карапузы, бодро передвигаясь то на двух ногах, то на четвереньках.

– А эти куда? Им можно? – я указал на малышей.

– Конечно можно, – девочка засмеялась.

Никогда и нигде такого доброго отношения малышей к малышам я не встречал. Тот, кто умел уже бегать, считал своим долгом присматривать за тем, который еще плохо ходил. Несмотря на игры и детские увлечения, внимательнее этих воспитателей я не встречал. Куда там молодым мамашам, которые в разговоре забывают обо всем на свете!

Чудесная поляна, огромные, красные, синие и белые цветы. Стайка необыкновенно искренних и ласковых детей. Волшебная Азия. Никогда, нигде я не видел ничего подобного. Наши дети, на фоне этих, которые жили не разбалованной стайкой, казались озлобленными зверенышами, ненавидящими весь мир.

Джисгуль резким движением задержала малыша, чтобы он не сел на огромного кузнечика, прогнав того ногой.

– Вот дурной, – сказала она. – Совсем жить надоело, что ли.

Тайна чуйских детей, осторожно, как цветок после бури, отрывалась передо мной.

Мы валялись дурака, как только могли: играли, кувыркаясь в траве, боролись.

– Ты сильный, как папка, даже сильнее, – сказала Джисгуль.

– Почему? – испугался я.

– Потому, – сказала она, – что папку я борю всегда, а ты меня поборол сегодня два раза.

– Больше не буду, – извинился я.

– А, знаю, – сказала Джисгуль махнув рукой. – Оба вы сильные, притворяетесь. Даже не видите, что я давно уже взрослая.

Дети Азии – одно из самых прекрасных и нежных, что видел я в своей жизни. Дети раскаленной Азии – цветы, выросшие на камнях предгорий и песках пустынь. Дети дикой природы оказались теми детьми, которые даже не могут присниться матерям из черной глотки города.

На поляну вдруг заскочила огромная дворняга и побежала к самому маленькому. Я хотел кинуться наперерез, но было поздно, показалось, что сердце остановилось в груди. Дворняга так усердно лизнула малыша, что чуть не размазала его курносый нос.

– Смотрите, какой хиди (черный – дунг)? – радостно закричала Джисгуль и, расставив руки, побежала к собаке.

“Все не так”, – в горле появился какой-то ком. Я встал и пошел к дороге.

– Куда, Серега?

– Дела, – я помахал им рукой.

– Если мама спросит, скажи скоро будем.

Я пообещал и пыльной дорогой пошел к дому Учителя. Потом, вдруг вернувшись, снова зашел на поляну.

– Серега, – Джисгуль подбежала ко мне.

– Если сяду здесь в центре, – я указал на место возле красного куста, – и подышу, вы не будете мешать?

– Никто не будет мешать, – удивленно пожала плечами Джисгуль. – Папка всегда дышит и ему никто не мешает.

– Где дышит? – удивился я.

– Да вот как раз тут и дышит, – она показала пальцем на красные кусты.

Мои ноги подкосились, и я опустился на священное место. Дети разбежались, продолжая играть. Через час я брел по пыльной дороге к дому Учителя. Состояние было неопишное. Наверное, не стоило дышать под кустом, который вобрал в себя силу Патриарха. Но я был счастлив и пьян.

Во дворе Андреевич учил ребят какому-то упражнению, была даже Татьяна. Из всех знакомых мне, не считая только нескольких мастеров, она была самая техничная во всех цигунах и тай-чи, но на этот раз мне не удалось получить удовольствие. Рядом с ней, коряво двигая руками, пытались тоже что-то делать Первоисточник с женой (ее грудь раздражала) и какой-то рыжий незнакомый парень. Поллюция и Федор о чем-то совещались, сидя за столом Федор периодически записывал что-то в тетрадь. Я сел подальше от них, пытаясь понять незнакомую технику, которая сильно отличалась от той, к которой привык. В своей основе все техники имеют единый смысл и, прежде чем делать, необходимо понять, что делаешь.

– Женщина поправляет волосы, – сказал Андреевич и одновременно двумя кистями, внешней стороной, поправил невидимые волосы.

Стало понятно, что это защита сразу от двух боковых ударов.

– Тигр умывается, – снова сказал Андреевич.

Теперь уже по очереди, сперва левой, потом правой кистями с внешней стороны, как бы касаясь к губам, провел руками, – защита от левого и правого удара. Когда Андреевич показывал тигра, он на мгновение становился им. Это было необычное зрелище, можно было даже увидеть женщину, поправляющую волосы, только уж слишком мощную и большую. Потом пошли леопард и птица, которая напоминала огромного пеликана. У Андреевича прекрасно получалась змея-мощный удав, способный, как мне казалось, раздавить что угодно.

Пустынный двор, залитый белым бетоном, из вырезанных в нем окон к дому тянется молодой виноград. Во дворе только Андреевич и ученики, усердно повторяющие за ним движения. Большой двор окружен высокой каменной стеной.

Вот же он, монастырь северного Тибета! Неужели этого никто не понимает? Единственное место на земле, где осталась чистая, не театрализованная, а боевая техника школы “Тигр-Дракон”.

Глубокие, необъяснимые чувства зародились у меня внутри: боль, радость, тревога, досада на непонимание окружающих и даже, как показалось, из меня начал разливаться океан Любви, воспетый в далеких корейских общинах сыновьями дракона.

Но почему же Ням не приедет сюда? И вдруг мне стало ясно. Его ученики, бойцы и мастера, на своем месте в сосновых волнах, он сюда может приехать только тогда, когда здесь стану нужен я. Это показалось невозможным.

Грусть тяжелым, невидимым облаком окутала меня, а я сидел и смотрел, как ученик Фу Шина показывает Дракона, моего Дракона, в тысячу раз лучше, чем это делаю я. Огромный Дракон, гибкий, как клинок небесного меча, летал по двору, то сжимаясь, то разжимаясь, то стремительно двигаясь вперед, то застывая на месте в сложнейшей позиции. И становилось понятно, что бесполезно подходить к застывшему в необъяснимой позиции дракону. Мало бойцов на земле, которые смогли бы угадать, в какую сторону, развернувшись, направит свои разрушающие то ли лапы, то ли хвост, то ли пасть этот дракон.

Кто-то коснулся моей руки, я вздрогнул и обернулся, рядом сидела Джисгуль. Возле нее остальные дети до самых маленьких карапузов. Я был очень удивлен тем, что дети не шумят и даже слишком серьезно относятся к движениям, которые за свою короткую жизнь уже видели неоднократно. “Наверное, потому что Андреевич их делает идеально, вот и тишина,” – подумал я.

– Знаешь, Серега, – шепотом сказала Джисгуль. – А ведь это папка научил Гришку.

– Знаю, – кивнул головой я.

Мне вдруг истерически захотелось накуриться конопли и хотя бы немного отойти от впечатлений, нахлынувших за последнее время. Вскочив с лавки, я бегом направился в дом к Рашиду. В его дворе было необычное оживление. Человек десять, все о чем-то горячо спорили на дунганском.

– А вот и он, – радостно объявил Рашид. – Идемте.

Дунгане завалили толпой в летнюю кухню. Когда все уселись, то я обратил внимание, что у Рашида очень смущенный вид.

– Извини, Сергей, – сказал он. – У нас тут такой спор, что чуть не начали тафини (драться – дунг).

– Ну, а я при чем?

– Понимаешь, Сергей, – он опять засмутился. – Я рассказывал, что ты можешь за один раз выпить стакан водки, а мне, – он обиженно надул губы, – хоть бы один поверил. Покажи, а? Будь ляшу (друг – дунг).

“Вот сейчас и расслаблюсь”, – подумал я. В долине оказывается нельзя слишком хотеть чего-то плохого – сразу материализовывается. Если бы такое происходило с хорошим, вряд ли дождешься. Я обратил внимание, что среди собравшихся было даже несколько аксакалов. В их хитрых глазках светилось недоверие. Мы все сидели по-восточному. Я посмотрел на рядом стоящую синюю пиалу, прикинув на глаз: “Да, грамм двести пятьдесят.”

– Ну так наливайте, – я придвинул пиалу к себе.

Все засуетились, громко заговорили, а один из хитрых аксакалов откуда-то вынул бутылку водки.

– Наливайте, – я вытянул руку с пиалой в его сторону.

Старик, свинтив пробку, стал наливать трясущейся рукой. Наполнив пол-пиалы, аксакал остановился, глядя на Рашида.

– Еще? – умоляюще спросил он у меня.

– Половины не пью, – ответил я. – Если наливать, то полную.

Я медленно поднес полную пиалу к губам и, выдохнув, выпил ее по-украински. Рашид услужливо подал мне кусок баранины.

– Не-а, – сказал я. – Мясо не ем вообще.

И взяв одну изюминку, положил ее себе на язык. Все внимательно смотрели на меня. Посидев пару минут, я вдруг решил поразить дунган, тем более, что водка была китайская и, честно говоря, очень хороша.

– Слушай, Рашид, там ведь еще есть?

– А что? – глаза у старшего брата стали круглыми.

– Да вот, китайцы молодцы, водку вкусную делают. Еще можно?

Все были потрясены, замахали руками, затарахтели, как из пулемета, и без того непонятным языком. Пиала вновь была наполнена до краев. Я выдохнул, выпил, вдохнул через нос и демонстри-

тивно положил на язык две изюминки. Несколько минут стояла абсолютная тишина. Я снова обратился к Рашиду:

– Знаешь, а вообще, я пришел к тебе покурить, что-то очень захотелось.

Если бы у дунган была привычка аплодировать, наверное, в тот миг все так бы и сделали. Но, как истинные мусульмане они схватились за головы и завели свое бесконечное: “Вай, вай.” Рашид не спеша, как истинный победитель, начал забивать папиросу. Вдруг ко мне подошел один из аксакалов и присел рядом.

– Бой знаешь? – спросил он.

– Учил чуть-чуть, – ответил я.

– Где? – снова спросил он, качая головой.

– Далеко, у корейцев, на севере Китая.

– Сюда зачем приехал?

– Учиться у Фу Шина.

– Мало? – удивился старик.

– Конечно, мало, – подтвердил я.

– И мясо не ешь?

– Совсем не ем, – признался я.

– Вай, вай, – старик снова покачал головой. – Мудрость ищешь? – спросил он.

– Ищу, – подтвердил я.

Старик хлопнул меня по плечу, потом повернулся к другому аксакалу:

– Ло ган кун бай, – сказал он товарищу, и тот согласно кивнул головой.

Все дунгане встали и, почтительно попрощавшись, разошлись. Когда мы остались с Рашидом одни, я с опаской поинтересовался: Что же это – “ло ган кун бай”, хотя был почти уверен, что дурак и алкоголик.

– Это очень хорошо, – сказал Рашид. – Они назвали тебя странствующим монахом. Были такие, ходили по миру в поисках знаний. Один такой триста железных посохов стер. Курить будешь? – спросил он.

– Буду, – кивнул я головой.

– Ну, даешь! Действительно – ло ган кун бай.

– Только слышишь, Рашид. Не спорь больше ни с кем.

– Зачем? – удивился он. – Аксакалы видели, кто им не поверит.

Мы выкурили папиросу, и я решил не спеша пойти на свой второй этаж, хотелось надолго заснуть. Я прошел мимо тренирующихся, прогремев по лестнице, упал на кан. Дверь хлопнула, возле меня выросли две фигуры Андреевича и Федора.

– Что же ты делаешь, Серый? – Андреевич покачал головой.

– Да, Анатолевич, это совершенно недопустимо, – и Федор поправил свои блестящие очки.

– Извини, Андреевич, слишком много впечатлений, да и вообще, тебе хорошо – скоро домой, а мне здесь сколько быть, и сам не знаю. А ты, Андреевич, сам знаешь, с кем быть. А вы, Федор, пожалуйста, идите к черту, – сказал я и, улыбнувшись до ушей, заснул.

Проснулся я от какого-то отвратительного звука, открыв глаза, увидел, что на огромном кане уже нет ни единого человека. Противный звук прекратился, а вместо него кто-то сильно начал стучать. Повернув голову, я увидел интересное зрелище: на подоконнике сидел большущий зеленый попугай и долбил своим загнутым толстым клювом деревянную оконную раму. На какое-то время он прекратил, надменно посмотрел на меня и снова стал долбить. Мне стало обидно, потому что противный попугай совсем не испугался, прореагировав на меня, как на пустое место. Не знаю, что по этому поводу скажут орнитологи, но я пишу чистую правду.

– Кыш, – сказал я попугаю.

Он мигнул одним глазом и задолбил еще сильнее. После чего снова противно заорал, спрыгнул на пол и, схватив чей-то носок, улетел в открытое окно. “Вот наглая скотина”, – подумал я и, сбросив одеяло, начал одеваться. Выглянув в окно увидел, что тренировка в разгаре.

На удивление, после вчерашнего чувствовал себя, как огурчик. Спокойное состояние и никакого похмелья. Среди тренирующихся была также моя жена. Она, очевидно, решила серьезно заняться тибетской техникой, хотя до этого занималась только астрологией и корейским дыханием. Внутри меня проснулась ревность, хотя и понимал, что после корейской техники не так просто перейти на тибетскую. Федор сидел за длинным столом, записывая что-то в свою толстую тетрадь. Я спустился во двор. Андреевич на мгновение повернулся, что-то буркнул и дальше продолжал тренировку. Умывшись в ванной Учителя, я прошел через двор, ноги сами повели к чудесной поляне со священным красным кустом, который мне показала Джисгуль.

Вокруг была незнакомая прекрасная природа. Одно из самых лучших времен года в долине – ранняя осень, а может, просто я начал замечать окружающее. В долине все было огромных размеров: пауки и кузнечики, бабочки и цветы. Наверное, потому, что должны копить тепло днем, замерзать ночью, а потом снова продолжать свою жизнь.

На средине поляны я сел под азиатским солнцем и решил сделать корейское упражнение для того, чтобы наполниться энергией и прийти в себя. Упражнение называлось “око Дракона”. Сел

в полулотос, положив кисти рук на колени внутренней стороной, я закрыл глаза, направив их на солнце. Через несколько мгновений на черно-золотистом фоне перед глазами появилось четкое азиатское солнце. Сделав между губ небольшую щель, я с легким напором начал вдыхать в себя тоненькую струю, которая нитью отделилась от солнца. Я не спеша втягивал ее в себя, наполняя этой энергией сперва грудь, потом центр живота, а потом и низ. Когда вдохнул, сколько мог, я сделал глоток и оборвал бесконечный луч солнца, ощутив, как он упал маленьким солнечным шариком в центр тань-тьена.

Я делал так до тех пор, пока не ощутил в тань-тьене давление и наполненность. Для того, чтобы не было лишнего, начал с таким же напором выдыхать. Легкое, прозрачное, темное облачко закрыло стоящее перед глазами солнце, и так до тех пор, пока оно не стало густым и перед закрытыми глазами снова появилась золотистая чернота.

Я наполнился энергией и встал в центре поляны. Потом из двух рук сделал пасть дракона и начал вспоминать все, что она может, вращаясь в драконьем шаге по поляне. Поработав несколько минут, я остановился, как пораженный громом: из кустов, которые были покрыты голубыми цветами, на меня смотрела та черная тень, которой я был обязан купанием в арыке. Ошибиться не мог. Я подошел к неземному созданию, которое так жестоко обошлось со мной. Она была немного выше меня и тоненькая, как камышинки, которые росли вдоль чуйского канала.

– Ты кто, чече (сестра – дунг)? – блеснул я знанием дунганского.

– Знаешь, сколько таких придурков приезжает к Учителю? Ты, конечно, извини, но надо же было посмотреть, куча стариков на лавочке. Зачем мне сплетни на весь поселок? Хотел познакомиться, так может, надо культурней быть, а то залил глаза и прешь.

Она говорила на таком чистом русском языке, что если бы не ее потрясающая внешность, то можно было забыть, где находишься.

– Чече, – передразнила она. – Чече зовут Александра, а как тебя, эваз?

– А что это эваз? – смутился я.

– Мальчик, – язвительно ответила она.

– Ну что ж, в таком случае эваза зовут Сергей.

– Смотри, – сказала она и поставила сумку на траву.

Выскочив в центр поляны, Александра начала выделять такое, что у меня отвисла челюсть, при этом придерживая длинную, ниже колен юбку то одной, то другой рукой. Из чего я понял, что это какая-то незнакомая мне женская школа.

– Ну как? – остановившись спросила она.

Я, задохнувшись от восторга, только развел руками. Она подошла и взяла сумку.

– Если хочешь, я буду сюда иногда приходить.

– Хочу, – жалобно ответил я.

– Ну пока, эваз Сережа, – усмехнувшись, сказала она и, махнув рукой, вышла на дорогу.

“Да, – подумал я. – Не зря отдышал “оком Дракона”. В другом случае, наверное, упал бы в обморок от стыда.” Какая все же необычная эта Чуйская долина! Сколько интересного смешалось в ней! Я вышел на дорогу и, как всегда, пошел в единственное место, где хоть кто-то ждал, – в дом Учителя.

ГЛАВА 13

Следующим утром зеленый попугай влетел в окно сразу, зацепил изогнутым клювом здоровенный кусок лепешки, после чего мгновенно вылетел. Мы все только просыпались. В дальнейшем попугай нас часто тревожил, а иногда и будил. Правда, зимой зеленых попугаев ни разу не встречали. Если рассказываю биологам – никто не верит. Так и остался в неведении, что это за чуйские попугаи. Может, какие-нибудь залетные, но откуда? Вряд ли они летали через Тянь-Шань. Хоть и маленькая, но все же загадка.

Из змей за все время встретил только медянку. Очень много незнакомых птиц. Несколько видов – похожие на скворцов, но разной окраски. Осенью в арыке появились в большом количестве водяные крысы, очевидно, готовясь к тяжелой зиме. Ночные насекомые были поразительных размеров, особенно богомолы, которые, не стесняясь, залетали в открытые окна и охотились на таких же крупных бабочек, бьющихся о лампочки.

Несколько дней выкармливали детенышей крысы, мать которых покинула их, когда начали разбирать гору дров, лежащую за кухней. Конечно же, малыши погибли, хотя всем очень хотелось иметь свою ручную тянь-шаньскую крысу, большую и толстую.

Один из ребят притащил ушастого ежика. Маленького, с огромными, как у осла, ушами. Он даже не сворачивался в клубок. Съел все, что смог и сразу задрях на кане.

Гуляли по предгорью. Видели высоко в небе двух беркутов. Впечатляющее зрелище. Огромные птицы, это понимаешь даже с земли. На всякий случай с местным населением в контакт не вступали. Осень очаровала всех и, казалось, ей не будет конца, но, увы, ласковое солнце и теплый ветер баловали нас не долго. Видели верблюдов, что, в общем-то, для нас являлось зрелищем необычным, маленьких азиатских лошадок, длинногривых и длиннохвостых, обветренных чабанов и огромных собак, охраняющих бесчисленные стада кучерявых овец. Ну, и конечно, везде попадался ишак – знаменитый труженик Востока, тащивший на себе все возможное и невозможное.

Этим утром попугай принес радостную и вместе с тем пугающую весть. Когда все спустились к утреннему чаю, я увидел сидящего за столом Кима. Вздрыгнул в предчувствии. Судя по нахмурившемуся Андреевичу, он понял все. Мы не спеша умылись и подошли к столу. Ким поприветствовал этикетом, все ответили.

– Ну, ребята, – радостно объявил Ким. – Сегодня приезжает Учитель.

– Когда? – еле выдавил из себя Андреевич.

– К обеду обещал.

Женщины растворились мгновенно. В доме началась яростная подготовка. Рашид прокричал: “Вай, вай” и лошадиным карьером поскакал к своему дому. Джисгуль радостно завопил: “Папаня приедет!” – запрыгала на одной ножке.

– Ну вот, – сказал Андреевич, – дождались.

Федор вытащил из-за пояса свою тетрадь и начал что-то опять писать. “Пржевальский,” – со злостью подумал я. Позавтракав, мы поднялись снова на второй этаж и молча расселись на кане.

– Будем ждать, – мудро изрек Андреевич.

– Будем, – подтвердил Федор, опять что-то записывая.

– Ну вы, Федя, прямо Цибилов, – не выдержал я.

– А как же, – улыбнулся он. – Стараюсь.

Я вздохнул и решил пойти на свою любимую цветочную поляну.

Она была там. Длинная юбка, черная, плотно облегающая футболка, подчеркивающая узкие плечи и тонкие длинные руки. Под футболкой затаились груди, по-азиатски круглые, смотрящие вверх и немного в стороны. Волосы чернее чуйской ночи, с запутавшимися в них солнечными лучами. Глаза, похожие на двух ныряющих рыбок, на этот раз казались почему-то грустными и удивленными. А крылья тонкого носа были испуганней обычного.

– Здравствуй, Саша, – тихо сказал я.

– Ну что, эваз, Учитель приезжает?

– Ты откуда знаешь?

– А как же не знать? Вот больше и не увидимся.

– Почему? – изумился я.

– Потому что ты ло ган кун бай. Я знаю про тебя все.

– Откуда?

– Човы принесла.

– Кто это?

– Птица, – улыбнулась она.

– А почему ты грустная?

– Потому, что ты ло ган кун бай.

Мне стало не по себе, я чувствовал силу, но силу чисто женскую. С подобным не встречался еще никогда. Я не знал, что говорить

дальше. Она вдруг погладила меня по голове, потом по бровям и губам.

– Эваз похожий на тазы (мальчик похожий на нож – дунг.)

– Что с тобой? – испуганно спросил я.

– Ничего, просто нюйжи увидела лохвы (женщина увидела тигра – дунг.), которого забирают у нее.

Я совершенно ничего не понимал. Все чужое, все непохожее, почему-то стало не по себе. Она раскрыла ладонь, в ней было два маленьких шарика. Один Саша положила мне между губ, другой проглотила сама. “Опий,” – глотнув, понял я.

Тягучая горечь потекла по горлу и, казалось, разлилась по всей груди. Мы смотрели друг на друга, в моей груди горечь превращалась в огонь. Напротив меня сидела Шахиризада, амазонка, восточное чудо, о которых в своей жизни только читал и слышал. Среди цветочной яркой поляны она была так не похожа на двух корейнок из моей темной кельи. Прекрасный, со сверкающими глазами цветок среди цветов. Живой, вздрагивающий, с белой, как молоко, кожей. “А говорят желтые,” – пронеслось в мозгу. Не знаю, она была белая, как снег, с очень темными глазами и темно-вишневым ртом. Огонь из груди медленно поднимался в голову. Легким движением девушка сорвала с себя футболку. Гибкое тонкое тело. Курносые, круглые груди, торчащие слегка в стороны. Я кинулся к ним.

– Не надо, – остановила она меня. – Странствующие воины должны отдыхать.

И Саша накрыла меня собой.

Когда проснулся, рядом не было никого, а опий сделал свое дело. Я был необыкновенно счастлив, блаженство заполняло всего. Цветы шелестели, солнце ласково грело. Запах поляны проникал через каждую клетку тела. Самый коварный, самый сильный и самый чистый, вот какой ты – опий Иссык-Куля.

Обед давно прошел, а Учителя все еще не было. Все молча сидели на кане. Андреевич подозрительно посмотрел на меня, потом хмыкнул и махнул рукой. Федора не было. Я снова спустился во двор и пошел вдоль арыка.

– Сергей Анатольевич, – вдруг раздался четкий голос Федора.

Я обернулся и увидел торчащую из-за стены голову Федора. Он был серьезен как никогда.

– Знаете, – продолжал Федор. – Мне сегодня даже удалось записать несколько комбинаций скошенной пасти черного дракона.

Федор потряс своей тетрадь, радостно захохотал, высунул язык и ... издал звук выхлопной трубы автомобиля, после чего, не засовывая язык, вприпрыжку скрылся в густых зарослях конопли.

“Дай Бог, чтобы это была просто радость,” – подумал я и, вздохнув, побрел дальше. Потом пришла мысль – уж очень не во время это случилось с Федором.

Побродив часок, я снова вернулся на второй этаж.

– Скоро будет, – объявил Андреевич.

– Откуда сведения? – поинтересовался я.

– Ким снова приезжал. Будет точно, нужно идти встречать у дома.

– И я с вами, – оживился Федор. – Только, Григорий Андреевич, я ведь не ученик, а спонсор. Вы же будете кланяться по-школьному?

– Конечно, – подтвердил Андреевич.

– Ну, а я поздороваюсь по-человечески, просто. Можно? – завокнулся Федор.

– Федор, здоровайтесь, как хотите, – разрешил ему Андреевич.

– Понял, – кивнул головой тот.

Я решил выполнить корейское приветствие мастеру. Мы вышли втроем и застыли перед домом в ожидании. Стояли в ряд: Андреевич, в полуметре от него я и примерно также Федор с фотоаппаратом на шее. Томительное ожидание около часа. Голова была чистая и ясная. От опия не осталось и следа. Мы стояли в пустынном дворе затаив дыхание, не шелохнувшись.

По плитам над арыком медленно проплыла правительственная “Чайка” – подарок президента Акаева. Въехав, она плавно, покачнувшись, остановилась. Задняя дверца открылась, и из нее мягко вышел человек в великолепно сшитом черном современном костюме. Он не спеша приближался к нам. Гром среди ясного неба.

Человек был выше меня на голову. Огромный тигр надвигался на нас мягко, слегка “провалившись в себя”, с чуть-чуть склоненной головой в правую сторону. Больше пятидесяти лет я бы не дал ему ни за что. Поистине удивительное зрелище. Хотя Андреевич и рассказывал, что высшие мастера умеют восстанавливаться. Человек улыбался открытой, широкой улыбкой.

– Учитель, – выдохнул Андреевич и мягко рухнул ниц перед ним.

Я, мечтавший сделать корейский этикет, рухнул так же. Это состояние для меня не было новым, но каждый раз оно удивляло своей силой. Мне показалось, что с правой стороны от меня гулко ударились о цемент кем-то брошенное бревно. Глянув из подмышки, я увидел неуклюже лежащего Федора и еще дрожащий рядом с ним объектив, отлетевший от фотоаппарата. Первым встал Андреевич, потом вскочил я. Фу Шин подошел к Андреевичу и обнял его за пыльные плечи.

– Кто это? – спросил Учитель показывая глазами на лежащего Федора.

– Да вот, Учитель, – смущенно произнес Андреевич, – поздороваться хотел.

И они вдвоем направились в дом.

– Ушли, да? – спросил Федор.

– Фотоаппарат жалко, – сказал я.

– Бог с ним, – ответил Федор, ощупывая огромную шишку на лбу.

Я пошел на цветочную поляну, зная, что те двое выйдут нескоро.

Я шел ошеломленный и подавленный встречей двух мастеров единой школы, старшего и младшего, Учителя и ученика. Очнулся только на поляне, по дороге перед глазами стояли Юнг и Ням. Иногда казалось, что вокруг зеленые сосновые волны и я вновь иду по снегу. Постоянно, каждый шаг ожидая чего-то необычного. И все-таки дорога жизни мне всегда будет казаться дорогой вдоль ледяных сосен. Пришел в себя я только на поляне. В центре сидела восточная царица и что-то плела из цветов, а рядом, срывая последние осенние цветы, бегала Джисгуль. Она бросала их в Сашу.

– Эй, Серега! – заорала Джисгуль, увидев меня. – Иди, с лучшей подружкой познакомлю.

Я медленно побрел по цветам. Действительно удивительная природа, цветы выше пояса.

– Слышишь, Сашка, Серега пришел, – снова завопила Джисгуль, швырнув очередную порцию цветов в нее.

Я подошел к ним и присел рядом.

– Тише, противная девчонка, – сказала восточная царица. – Это не Серега.

– Тю, а кто? – широко распахнув глаза, спросила Джисгуль.

– Это воин, который ходит по свету и ищет неизвестно что, – потом она громко захохотала, вскочила, стряхнув на меня свои цветы.

Я тоже вскочил на ноги.

– Не поняла, – сказала Джисгуль, сделав самую ехидную морду, которую только могла и вклинилась между нами.

– И не поймешь, козявка, – сказала красавица азиатка, погладив ее по голове.

– Сама козявка, – заявила Джисгуль. – Ты чего, Сашка, такая серьезная сегодня?

– Потому что я большая, а ты маленькая.

– Ты поиграй с ним, девочка, в свою любимую игру.

Джисгуль подскочила ко мне.

– Ну что, Серега, – радостно объявила она, потом вдруг стала в стойку и серьезно сказала. – Игра называется в войнушки.

– А это как? – спросил я.

– Может, боишься? – презрительно спросила девочка.

– Нет, не боюсь, – ответил я и сразу же получил мощнейший удар кулаком в живот.

От кого, но от маленькой девочки я такого не ожидал. Джисгуль достаточно много выбила воздуха, я даже присел на одно колено.

– Смотри, Серега, – она отскочила и снова стала в стойку напротив меня. – Слабо?

Тут уже психанул я и кинулся отшлепать ее. В свою очередь она мгновенно ударила ногой мне в надкостницу. Я попытался схватить ногу как можно мягче. Ребенок застонал и упал на спину. Я кинулся к ней и сразу же получил детской сандалией в ухо. Я отскочил, дав ей подняться.

– Ну, – сказал я и сделал лицо как можно более зверским. – Сейчас тебе, козявка, полная хана.

Джисгуль, не меняя стойки, свирепо смотрела на меня, оттопырив нижнюю губу. Вдруг ее рученьки безвольно опустились, глаза стали круглыми, рот растянулся до ушей.

– Папаня к нам пришел, – ахнула она, глядя мне за спину.

Я мгновенно развернулся упав ниц и сразу получил мощный и хлесткий удар под зад. Вскочив на ноги, снова быстро повернулся, из зарослей конопля раздался звонкий хохот убегающей Джисгуль.

– Папаня приехал, ура! – на бегу вопила она.

– Классный ребенок, – я смущенно потер обожженное место.

– Она хорошая, – сказала Саша. – Ты ей нравишься.

– Ну да, сразу видно.

– Нравишься, – шепнула красавица мне в ухо. – Девочка сама мне сказала.

– А войнушки эти теперь все время продолжаться будут? – спросил я оторвав от себя Сашу.

– А это уж как выкрутишься.

Ее волосы снова укрыли меня. Опиум на этот раз был не нужен.

Куда можно было идти, кроме как к Рашиду? Вот и побрел к его дому. Я подошел к забору. Всегда открытая калитка была заперта. Хотел позвать, но из летней кухни мне уже отчаянно жестикулировал Рашид. Нащупав внутреннюю щеколду, открыл, зашел и снова закрыл. Рашид то приставлял палец к губам, то отчаянно им манил меня к себе. Все это он выполнял со скоростью морзянки. Я заглянул в летнюю кухню и ахнул. Примерно такое количество овец скотовод киргиз втискивал в загон. Я сел возле двери, которую сразу же закрыли.

Мне повезло попасть на уникальное совещание, которое, как потом оказалось, каждый раз после приезда Учителя собиралось

в поселке. Председательствовал старший сын и пара уже знакомых мне аксакалов. Говорили все, перебивая друг друга. Говорили по-русски, потому что в одном из углов, облокотившись о стену, закрыв глаза, сидел Андреевич. Оказывается, выясняли когда, как и кому лучше попасть на прием в офис к Учителю. Вопросы были у многих: какая-то проблема с сыном у аксакала, кто-то волновался за товар, который должен прибыть из Китая.

Я понял, что азиату сильно досаждали местные рэкетеры. И тут я заметил в другом углу спокойно сидящего Кима, совершенно не слушающего этот базар. Еще были мужчины, которые переживали за урожай лука, чтобы он опять не сгнил на корню. У кого-то были больные дети. Все хотели поговорить с Фу Шином, а ведь он был один.

Восточный базар был ничто по сравнению с этим сборищем. Проще говоря, затевался серьезный спор и было видно, что долго.

– Вот и тсха, – сказал один аксакал.

В кухне появился огромный чайник и высокие, как минареты, стопки пиал. Все мгновенно замолчали, пили чай. Андреевич пил с задумчивым и серьезным лицом. Ким, погрузившись в себя, улыбался. Прошло еще какое-то время. Вдруг дверь резко отворилась, и в кухню заскочила Александра.

– Чаи гоняете? – грозно спросила она. – Ну и что решили, мудрецы?

– Цыц, – фыркнул на нее один из стариков.

– А что цыц? – возмутилась Александра.

– А то, – сердито сказал старик. – Девчонкам здесь не место.

– Послушай, ло (старый – дунг), ты тут умничаешь, а у меня сам знаешь какие проблемы и они для Учителя – главные.

– Я тебе дам старый, – прошипел аксакал.

– Послушай, лахэ айе (почтенный дедушка – дунг), если хочешь так, – разозлилась Александра. – Кто завтра идет к Учителю? Может, хоть ты, Ким, скажешь? – голос азиатки прозвучал звонко и требовательно.

– Вот они пойдут, – сказал Ким, кивнув в мою сторону.

– А эваз, – глянула на меня Саша.

– Какой эваз? – поразился Ким. – Этому эвазу скоро сорок лет. Ты что, девочка, перегрелась? Или, может, в арыке перекупалась?

– Да слышала я об этом приехавшем. Эваз в Корее чего-то нахватался и туда же, к Учителю.

Я снисходительно улыбнулся и развел руками. Ким внимательно посмотрел на меня.

– А что ты плечами пожимаешь? – обратилась ко мне Саша. – Выходи, поприклеиваемся.

Что это означало, я прекрасно знал. Чи Сао – клей горных духов. Это когда двое вместо ударов стараются изо всех сил толкнуть друг друга, не отрываясь от рук соперника, а соскальзывая. Я даже на мгновение испугался. Меня сегодня второй раз за день вызывала на бой женщина. От первого боя у меня до сих пор пекло определенное место. Вдруг все радостно оживилось и, не спрашивая меня, вывалили из кухни на огород. Последней, подмигнув мне, вышла Саша. Ким и Андреевич тоже невозмутимо вышли. Из чего я понял, что девушка была в Чи Сао достаточно осведомлена. “Ну блин, – подумал я, – сколько же это будет продолжаться? Прямо какой-то чуйский козел отпущения получил-ся из меня.”

Закатав рукава футболки, азиатка стояла в центре огорода. В конце огорода из-за кустов маячила хитрая мордочка Джисгуль. “Ну, смотрите, – подумал я. – Сейчас будет вам войнушка.” Я рассчитывал мощным подхватом ладоней забросить любительницу клея горных духов в остатки помидоров Рашида. Наши ладони плотно прижались – это была клейкая стойка.

– Давайте, – радостно крикнул один из аксакалов.

Девушка вдруг внезапно кинулась на меня и мощным движением через мои руки своими предплечьями толкнула в грудь. От неожиданности, не меняя стойки, я полметра проехал по сухой земле. Не дожидаясь второго толчка, сразу сделал шаг дракона и, в свою очередь, попытался толкнуть ее, но под руками оказалась пустота. Я вовремя перевел взрыв в следующую стойку и только поэтому не упал.

Она была очень гибкая и передвигалась, как вращающийся челнок. Было невозможно понять, в какую сторону ускользает ее тонкое и сильное тело. “Хитрая девчонка, – подумал я. – В грудь толкать нельзя, в живот тоже неприлично. Куда же толкать?” – лихорадочно думал я. Оставались только плечи и спина, но попробуй доберись к ним.

Я проскользил вокруг нее, но за спину зайти так и не смог. “Сколько же можно позориться?” – подумал я. И тут же, мгновенно, получил сильнейший толчок в спину. Не упал только потому, что это было бы стыдно. Мне стало совершенно ясно, нужно применять перехлест в плоскости, по-другому ее не достанешь. Проблема была только в том, что все сбивы очень болезненны и могут травмировать. Я снова получил жесткий толчок в печень и внезапно ощутил свое предплечье в ее локтевом сгибе. Успел только испугаться, движение получилось само. Саша громко вскрикнула и гулко ударилась об землю. Испуг пронзил мое сердце, но к удивлению все радостно зашевелились.

– Думаю, теперь все ясно, – сказал Ким. – Спасибо, Сергей, а то эта девочка просто обнаглела и всех замучила.

“Ну вот, – подумал я. – Теперь еще и с девушкой при всех подрался.” Но, несмотря на этот печальный факт, окружающие были очень довольны, очевидно, такие развлечения они любили и устраивали частенько. Пока все обсуждали событие, размахивая руками, имитируя движения, я незаметно выскользнул со двора. Ноги сами повели на цветочную поляну, где впервые в жизни увидел чудесную воительницу.

Джисгуль и Саша были уже там. Юная воительница, прижав девочку к груди, тихонько плакала.

– Извини, наверное, было больно, – смутился я.

– Ну ты и шоз, Серега, – сказала Джисгуль и показала мне язык.

– Что это шоз? – тихо спросил я.

– Это просто дурак, – ответила Саша.

– Ну почему же? – в отчаянии спросил я.

– Потому, что ты слабак, – заявила Джисгуль – Сашке не бывает больно.

– Неправда, бывает, но сейчас больно по-другому, – улыбнулась Саша.

– Вот так, – сказала Джисгуль и снова вывалила язык.

“Талантливый ребеночек, – подумал я, – лев уже почти получается.” Маленькая девочка стояла между нами, и я ощутил боль, она пронзила насквозь, как японский дротик, который когда-то не заметил в пылу боя. Я не знал, сколько пробуду в долине, но она давила в тысячу раз сильнее, чем любое место, с которым сталкивался в этой жизни. Маленькая девочка стояла между нами непробиваемой стеной, которую воздвигла юная воительница. Неужели никогда потрясающие белые руки не прикоснутся к моему разгоряченному лицу.

– Кто ты? – потребовал ответа я и сразу понял, что омерзительно груб.

Она подошла ко мне и взяла за руки.

– Я такой же ученик, как и ты, понимаешь? – Саша с надеждой посмотрела мне в глаза.

– Ты женщина, – не согласился я.

– Неужели, – удивилась она, – а кто ты?

– Как кто? – я развел руками. – Издеваешься, что ли? Мужчина, конечно.

– Слушай, мужчина, а сколько тебе лет? – пыгала Саша.

– Что сколько, – разозлился я. – скоро сорок ну и..?

– Послушай, эваз лохвы, где твои дети?

– К чему ты все это мелешь? – злоба переполняла меня.

– Твои дети вот здесь, – она нежно накрыла мою голову двумя ладонями.

Рядом с открытым ртом, ничего не понимая, стояла маленькая Джисгуль.

“Мы больше не увидимся”, – понял я.

– Да, так как ты хочешь – никогда, но мы ученики и будем рядом всегда.

– Зачем тогда все это было нужно? – я чувствовал, как слезы выкатываются из глаз.

– Разве мы решаем, что нужно, а что нет? Разве ты думал тогда, что тебе нужно? Ты брал не задумываясь, как ло ган кун бай, берущий по дороге то, что нравится.

Мне захотелось убить ее, незнакомая ненависть появилась в моей груди.

– Видишь, ты такого еще не чувствовал, это в тебе родилась жадность.

Я начал задыхаться.

– Запомни это состояние, оно мешает спокойно идти, ведь сейчас на земле время ищущего воина. Воина света.

Меня вдруг прошиб озноб.

– К черту! – вспыхнул я и кинулся к Александре.

Она ударила меня кулаком в челюсть и сбила с ног. Снова вскочив, я застыл на месте.

– А так драться будешь? – спросила Саша.

– Так не буду, – усмехнулся я и снова кинулся к ней, через несколько секунд скоростного действия она начала задыхаться в поперечном захвате.

– Ну все эваз, отпусти, больно, – попросила она.

Я почувствовал, что сейчас Саша не ударит.

– Нашел меня, да? – закрывая глаза, прошептала она.

На втором этаже царило спокойствие, состояние изменилось, все ждали чего-то нового. Андреевич дремал на кане, Федор сосредоточенно разглядывал закрытую тетрадь, Татьяны как всегда не было.

Я развернулся и вышел снова в осень. На этот раз увидел пустую, только с одними цветами поляну, даже они стали ниже. Я сел пошкольному, в полулотос, решив сделать дыхание на успокоение. Это дыхание всегда, в самые трудные моменты спасало. Я четко ощущал, что горю уже несколько дней. Волнение начало палить с приезда Учителя, накатывая горячими волнами изнутри. Это дыхание могло помочь умирающему от жары и от холода, ян и инь, солнечное и лунное. Я большим пальцем правой руки закрыл правую ноздрю и начал дышать только левой (лунной), через десять минут внутри

головы и тела появилась успокаивающая прохлада, через пять минут стало холодно. Если все делать наоборот, то будет сильная энергия, а потом жарко. Холод не смутил, я ждал его, тем более, что через пару минут состояние должно было нормализоваться.

Небесное спокойствие опустилось на меня. Большой красный цветок привлек внимание, и я растворился в нем. Когда вышел из красного колокольчика, все вокруг уже было укутано черным покрывалом ночи.

Второй этаж встретил сонной тишиной, затаившись под теплым одеялом, я заснул глубоким спокойным сном. На этот раз долина сжалась надо мной.

Утром мир показался совсем другим. Сегодня встреча с Учителем. Спешить некуда, можно абсолютно расслабленно лежать на кане и ждать встречи, о которой столько мечтал. И вот она совсем рядом. После обеда мы с Андреевичем должны были нанести Учителю официальный визит. Страшно и одновременно радостно, хочется верить во что-то необычное. Этим утром попугай нас не беспокоил, солнце ласкало через открытые окна, запах конопли уже не чувствовался, к нему привыкли.

Пестрая поляна снова была пустынной, только огромные цветы, вздрагивающие под теплым ветром. Что будет дальше, какой неожиданный поворот появится в пути, на долго ли хватит сил? Эти вопросы мучили и одновременно смешили.

Прекрасно понимая, что все равно будет так, как должно быть, я стремился заглянуть вперед. Хотя, понимал, что никакая сила сейчас не заставит заглянуть в недалекое будущее. И если медитация была способна показать, что волнует, то ни один человек, владеющий ею, не сделал бы этого. Кто смог бы, увидев свои ошибки, не попытаться исправить их, на что стала бы похожа жизнь? Наверное на сплошной кошмар и бесконечные исправления?

Воин должен, не останавливаясь, идти вперед. Представитель корейской школы тупо сидел, надеясь на какое-то несуществующее чудо, хотя полное бездействие приводит только к сожжению времени. “Наверное, нужно пробудить в себе дракона,” – подумал я. Сделав “око дракона”, которое дало недостающую силу, я приступил к любимому боевому упражнению “пасть дракона” и, протренировавшись около часа, благополучно вернулся к дому Учителя.

На втором этаже совещались двое, остальные пилили дрова за домом. О существовании жены я даже начал потихоньку забывать, женская половина дома втянула ее в себя.

– Вы понимаете, Григорий Андреевич, я привез людей и должен убедиться, что с ними будет все в порядке, – умно изрек Федор.

Андреич внимательно посмотрел на него и пожал плечами.

– Конечно, Федор, – произнес он.

На этом совещание и закончилось. Мы пили чай, думая каждый о своем. Часам к двенадцати на втором этаже появился Ким.

– Ну что, ребята, поехали, – бодро сказал он.

Мы все переоделись, приняв самый благолепный вид спустились к машине. По дороге Ким рассказал нам интересную историю. Фу Шина очень любили в поселке и народ решил упротить его на депутатство. Пришли огромной толпой прямо к дому, когда Учитель вышел и во всем разобрался, то развел руками.

– Вы ведь знаете, что это все стоит денег. У меня столько нет, – с сожалением сказал он.

Вздыхая и причитая, народ начал расходиться. Но самое интересное то, что через несколько дней все снова собрались.

– Что, деньги принесли? – спросил Фу Шин.

Люди радостно закивали головами, протягивая туго набитую наволочку.

– Вот теперь, может, что и получится, – с улыбкой произнес Учитель, забирая деньги.

Через несколько дней Фу Шина выбрали депутатом джогорку кинеша, и он хоть как-то решил проблему наступающей зимы. Добавив своих денег к туго набитой наволочке, Фу Шин накупил риса и раздал его в самое тяжелое зимнее время. В тот период, когда к Чуйской долине подкрадывается голод и в некоторых семьях нет ничего, кроме опия с гашишем.

– Да, история, – пробормотал Федор.

– История как история, – сказал Ким. – Тут столько всяких историй бывает, времени не хватает удивляться. Мы даже ваш украинский с чуйским акцентом иногда слышим.

– Ой, – не выдержал Федор, – было бы интересно!

– Пожалуйста, сколько хотите, – улыбнулся Ким.

Он оказался достаточно веселым человеком и рассказал еще одну историю.

В русскоязычном поселке у Кима жил ученик, которого он собирался в скором времени представить Учителю. Парень очень неплохой, но в последнее время до Кима дошли слухи, что балуется гашишем, вот он и пришел к нему с неожиданным визитом. По дороге помог крепкому старичку с огромными сумками. Оказалось, что обоим в одну и ту же квартиру. Вот и принимал обалдевший ученик отца и мастера одновременно, а так как был уже достаточно продвинутый, то прекрасно понимал, что это неспроста. Ученик поклонился мастеру и обнялся с причитающим отцом. Ким уже тогда обратил внимание на певучий язык.

– Ху, стомывся, – вытирая потный лоб, сказал отец, – от падыюка, як палыв так и зараз палыщ, – и он взял с подоконника открытую пачку папирос. – Зараз покуштуємо, яки воны у мусульманив.

Он от спички подкурил папиросу, глубоко и сладко затянулся. Как утверждал Ким, у ученика глаза стали квадратные, что в общем редкое зрелище в Азии. Почему им не стать такими, тем более, если учесть, что две из оставшихся папирос были с гашишем. Вот одна из них бедному старику и досталась.

– Звидкы ж тут гарный тютюн? – мудро изрек отец перепуганному сыну и еще раз глубоко затянулся. – Ни, поганий тютюн, – окончательно решил он, снова затянувшись.

– Ну, не будешь же при Учителе выхватывать папиросу и пугать отца. Упорный оказался, три раза затянулся, – вспомнил Ким и покачал головой.

– А дальше? – не выдержали мы.

– Дальше просто кошмар, – сказал Ким, объезжая нескольких верблюдов, идущих по дороге, – так он с папиросой из дверей и выбежал. Крича при этом очень звучные слова, которые все равно никто не понимал.

– Какие? – одновременно вырвалось у нас троих.

– Я запомнил, – сказал Ким, – он кричал на бегу: “Люды, рятуйте, дурею!”

Кореец Ким довольно сносно повторил украинскую фразу, очевидно, приезжий выкрикивал ее от души.

– Потом мы его благополучно поймали и привели в дом, – продолжал Ким.

Хороший отец, строгий, когда в себя пришел воспитывал сына – как надо. Он больше про гашиш и слышать не хочет.

– Да, дружба народов, – задумчиво произнес Андреич.

Машина не спеша въехала в город и завилала среди улиц. Остановились у трехэтажного здания с неприметной серой доской – “Международный центр боевых искусств”. Ким выскочил из машины, хлопнув дверью. Было видно, что он тоже волнуется.

Мне предстояло очень тяжелое испытание. Фу Шин, Ким, Андреич – все, наверное, будут в одной комнате, нагрузку такой силы не испытывал еще никогда. Я медленно и как можно незаметнее запустил дыхание через левую ноздрю, для того, чтобы охладить свой перегревшийся мозг.

Внутри здания было на удивление красиво. Такой атмосферы доброты в официальном помещении я даже не предполагал. Восточный орнамент на стенах приятно удивил. Это было небольшое, самое обычное здание, но к нему относились с любовью.

И вот мы в доме, в том месте, где очень часто находится один из сильнейших Учителей мира, первый воин и человек, хранящий вершину мира “Северную корону Тибета”.

Я медленно вдыхал воздух через левую ноздрю и злился на себя за то, что часто пользуюсь дополнительными силами. Всего лишь через два года мозг должен переключаться сам, без напоминаний. Андреич, увидев, что я делаю дыхание, подмигнул.

ГЛАВА 14

На втором этаже возле кабинета стояла огромная толпа, заполнив собой весь коридор. Все молча, без возражений пропустили нас. Мне показалось, что людям просто приятно побыть в одном здании с Учителем, чтобы потом рассказывать, как видели его. Небольшая прихожая с умопомрачительно красивой секретаршей, у которой улыбка не сходила с красивого восточного лица. Казалось, ничего другого, кроме как улыбаться, она делать не умеет и не должна. Слева от стола восточной красавицы была деревянная дверь в кабинет Учителя. Первым вошел Ким, я за Андреевичем.

Огромный стол, даже Фу Шин за ним казался маленьким. Возле Учителя стоял человек и что-то горячо объяснял ему. Учитель молча и внимательно слушал, сделав в нашу сторону жест кунг-фу, означающий “отдыхать”. Средних размеров кабинет, белые стены, небольшие прозрачные акварели, несколько удачно подобранных картин, и уже стена – цветочная поляна. На другой стене – фотографии детей и близких людей, очевидно, если фотографии не было, ее заменяли портретом. Это был кабинет Учителя с его концентрированной жизнью.

– Так все и сделаю, – утвердительно кивнул головой человек.

– Только смотри, – Учитель слегка нахмурился. – Знаю я этих аксакалов: твоя – моя не понимает. Чтобы этого не было.

– Не-а, все будет нормально.

И молодой человек, захватив папку, выбежал из кабинета. За ним сразу же вскочил Федор.

– Здравствуйте, – бодро поздоровался он с Учителем. – У меня к вам серьезный вопрос.

– Слушаю, – улыбнулся Фу Шин.

– Понимаете, – Федор сделал серьезное лицо. – Я привез людей и должен быть за них спокоен. Что вы здесь можете предоставить им?

– Все, что они сделают, будет их, – улыбнувшись ответил Фу Шин. – А возможностей, пожалуйста, – целая долина.

– Понял, – согласно кивнул головой Федор и сел возле меня.

Вдруг я почувствовал давление на затылок, три силы сконцентрировались в одном месте.

– Ким, – обратился Фу Шин к корейцу. – Займись людьми, которых привез Гриша, и выдели все по хозяйству.

– Хорошо, – Ким согласно кивнул головой и вышел из кабинета.

Официальная часть визита была закончена. Мы встали и, поклонившись, вышли. На улице возле здания нас ждал Ким.

– Ну что? В шесть вечера я заканчиваю работу. У вас почти целый день. Если хотите, можете погулять по городу.

Конечно, нам было интересно в Азии, стоило походить по базарам, по магазинам и просто по улицам. Все то же самое, что и в поселке, только в более крупных масштабах. Напробовавшись национальных напитков, которые продавались на каждом углу, мы, отяжелевшие и перегревшиеся на солнце, подошли к интересному зданию: ресторан “Розовый фламинго” – гласила большая красивая вывеска.

– Не в состоянии пройти мимо, поэтому приглашаю, – объявил Федор.

Ресторан оказался китайским и даже слишком шикарным. Улыбающиеся китайцы в белых рубашках и при бабочках скользили по мраморному полу. Все было в зеркалах, и мы поняли, что одеты очень даже просто, но отступать было поздно. При нашем появлении китайцы сразу исчезли, и мы остались одни в огромном светлом зале. На столе лежало меню. Мы с Андреевичем долго изучали его. Оно было великолепным.

– Так что будем? – спросил Федор.

– Да, цены... – протянул Андреевич.

– Лишь бы вкусно, – нетерпеливо поерзал на стуле Федор.

– Смотрите, – сказал Андреевич, – видно, у нас очень не респектабельный вид – исчезли все официанты.

Мы подождали еще. Никого, лишь тихая восточная музыка. Время шло, а в зале полная тишина, ни одной человеческой тени.

– Рановато мы, наверное, – предположил я.

– А вон красавец затаился, – Андреевич глазами указал на сидящего за столом с умным видом китайца, что-то писавшего в тетради.

Андреевич встал и пошел вперед. Мастер склонился над китайцем и сказал пару слов. Маленький человечек, оставив толстую тетрадь, вскочил и бегом исчез за каким-то зеркалом. “Все, – подумал я. – Теперь вообще ни одного.”

– Сейчас будет, – сказал Андреевич, садясь рядом со мной. И вдруг откуда-то из-за зеркал выскочили три официанта. Андреевич опять что-то быстро сказал по-китайски, и они сразу исчезли. Через несколько секунд появился один китаец с четырехугольной

глиняной бутылкой водки и незнакомой зеленью на тарелке. Поставив все на стол, он снова исчез. Тут появился следующий с тарелкой, в которой дымилось не понятно что, и тоже исчез. За ним появился третий, тоже с тарелкой. В ней было что-то холодное. За ним сразу же появился четвертый, тоже с тарелкой чего-то незнакомо. Китайцы растворились, как будто их и не было.

– Прошу, – сказал Андреевич. – Рыба горячая, рыба холодная, рыба сырая.

Я знал, что Андреевич любит рыбу. Что ж, попробуем. Все взяли себе по ложке каждого вида рыбы. Сырую есть было невозможно, холодную тоже, горячую с трудом. Глядя, как уплетает Андреевич, мы с Федором переглянулись.

– А вы чего не едите? – удивился Андреевич. – Это же рыба по-китайски!

– Нам бы чего-нибудь попроще, – жалобно попросил Федор.

– Да вот меню, выбирайте, – Андреевич удивленно пожал плечами.

– Вы не учли одной детали, – грустно сказал Федор. – Над нами, похоже, здесь издеваются, меню по-китайски и по-английски.

– Да, рыба остынет, – грустно сказал Андреевич и взял меню.

– Так что, есть будете? – он вдруг улыбнулся. – Сегодня наконец-то рыбы наемся.

Действительно, не зря Андреевича все мастера называли котом.

– А какая больше нравится, Андреевич? – спросил я.

– Рыба не может не нравится, – назидательно сказал Андреевич. – Рыбы может быть мало или очень мало. Так что, есть будете?

– Есть очень хочется, – жалобно признался Федор. – Вот только что-нибудь приемлемое.

– Да... – задумался Андреевич. – Яичницу будете?

– Конечно, – Федор радостно потер руки. – И желательно двойную.

Андреевич сделал жест рукой и быстро подбежал официант-китаец. Андреевич проронил пару слов и тот снова убежал. Мы с удивлением смотрели, как Андреевич ест то, что есть, казалось, невозможно. Снова прибежал китаец и принес нам по двойной порции яичницы. Я почувствовал, как внутри закипает злора. Стало понятно, что сегодня поесть не удастся. Яичница была в виде то ли жареного, то ли вареного шарика, который лежал на тарелке, дергаясь, как живой, к тому же оцетинившись какими-то длинными зелеными иглами. Мы начали с Федором уныло выковыривать из яичницы иголки.

Очистив какое-то количество яйца и попробовав его, понял, что есть не смогу и поэтому, взяв глиняную бутылку, налил всем троим водки. Хоть она была нормальная.

– Что вы все перебираете? – недовольно сказал Андреевич.

– Кушать хочется, – обреченно выдохнул Федор.

Решившись, мы через время заказали вареный картофель – пюре. Подавляя в себе брезгливость, я и Федор насыщались картофелем. В нем были тоже восточные “спецэффекты”, на зубах противно трещали мелко нарезанные пороссячи уши. Иногда изо рта мы вынимали попадающиеся какие-то длинные и зеленые растения. Они были мягкие, но жевать их, а тем более глотать не было желания. Когда Андреевич наелся, то выразил полный восторг и сразу же предложил еще одно великолепное блюдо. Мы радостно объявили, что запросто, но наелись до отвала. Федор яростно пощелкал пальцами, и к нему подбежал официант.

– Дорогой мой, мне ну-это-м-это!.. – официант мгновенно понял и, убежав, через мгновение принес новую бутылку китайской водки. Очевидно, русский он понимал по-своему.

– Федор, если вытащить эту зелень и ей закусить, будет великолепно, – Андреевич проделал все это перед нами. Его яичница стала лысой, одним движением руки он вытащил колпочки и, выпив водки, съел их.

– Федя, а давай еще, а? – и Андреевич махнул рукой.

– Давайте, – ужаснулся Федор.

– Соки, – объявил Андреевич.

Три зловещих стакана – в них зеленая смесь.

– Ну что, пробуем? – предложил я Федору.

– Запросто, – отважно выдохнул он.

Андреевич с удовольствием пил, объясняя, что этим соком очень хорошо запивать пороссячи хвостики, но лучше всего – крысиные.

– Да и вообще, – сказал Андреевич, допивая свой стакан, – китайцы – молодцы: любые хвостики прекрасно готовят.

Когда вышли из ресторана, Федор покрутил головой и оживленно предложил ударить по мороженому. Все с радостью согласились. Мы с Федором съели по два, Андреевич, махнув рукой, обозвал нас сладкоежками. Когда пришли к спортивному центру, то я понял, что хочу жрать, как собака. Ким уже ждал возле своей машины.

– Поехали, – сказал он. – Учитель будет чуть позже.

Во дворе ребята ели арбузы. Андреевич пошел отдыхать, а мы с Федором бросились помогать им. Через время все потренировались и начали помогать по дому. Учителя все еще не было. Пришел прохладный вечер. С приездом Фу Шина все стали гораздо тише и спокойнее. Незаметно пришла ночь, укрыв нас сном. Теплое утро. Ребята проснулись раньше, чем обычно. По лестнице кто-то

торопливо шел. Дверь открылась, и в комнату зашла тяжело дышащая Татьяна.

– Там чай зовут пить, быстрее, – сказала она.

Когда все вышли, Татьяна подошла к нам.

– Я только что разговаривала с Учителем, – выдохнув, она села на кан.

– Ну? – не выдержал я.

– Что ну? – Татьяна оттопырила губу. – Попросил меня лечить свою семью.

Очевидно, жена увидела зверское выражение моего лица.

– Все, все, – замахала она руками. – Сейчас отойду и расскажу.

– Я тебе сейчас так отойду! – не выдержал я.

– А я что, не рассказываю, что ли? – она сделала удивленные глаза.

– Последний раз прошу, – свирепо произнес измученный муж.

– Так вот, – начала она, – стою в ванной, стираю, слышу за спиной дверь открылась, поворачиваюсь – он. Так мордой в тазик и упала.

“Бедная девочка, – подумал я. – Это ее первая встреча в жизни. А ведь есть люди, которые никогда не встречались с людьми, в прямом понимании этого слова.”

– А чего же мордой в тазик? – ехидно спросил я.

– От того, от чего вы мордой в цемент, – ответила Татьяна.

– Дальше, – потребовал я.

– А что дальше? – дальше встала.

“Встала все-таки,” – подумал я.

– Встала, а он и говорит: “Ты, говорит, Танюша, присмотришь к моим оглодам и полечи их.” А потом сказал: “Пока” и ушел. То, что не в ванную шел, я сразу поняла. В костюме был и во дворе машина ждала, значит – на работу.

– Смотри, доктор великий, – разозлился я. – Так прямо тебя и попросил. Может, все-таки нас?

– Не помню, – ответила жена.

– Иди, делай, что можешь. Будет сложно – приходи, подскажу.

– Думаю, сама разберусь, – сказала жена и ускакала.

– Вот так, Серый, – Андреевич развел руками. – Такими они будут всегда.

– Ничего, – махнул я рукой. – Восемнадцать лет на тропе войны.

– Ого, целых восемнадцать?! – Андреевич покачал головой. – Ну ты, Кореец, и даешь!

– Карма такая, Андреевич, – улыбнулся я.

– Да, карма серьезная, – он почесал затылок. – Ты давай, за ребятами смотри, а я, чтоб не скучать, возьму Федора и еще съезжу в офис. Вдруг что не так, наверное, стоит еще раз подъехать.

– Давайте, Андреевич, – я махнул рукой и пошел по лестнице вниз.

Над двором летал, противно крича, зеленый попугай. Сидя на лавочке, я видел, как Андреевич и Федор вместе со старшим сыном Учителя выехали на джипе со двора.

Ноги сами повели вдоль арыка. Цветочная поляна потускнела и была пустынной. По цветам скользил уже не совсем теплый ветер. Казалось, что с высоты Тянь-Шаня не спеша опускается покрывало холодного воздуха. Оно еще не затронуло поселка, но от ощущения того, что скоро выйдет из предгорий, избавиться было невозможно. Я сел в центре поляны, закрыл глаза и задумался. Меня постоянно не покидало чувство, что скоро произойдет нечто непоправимое. Сколько же можно скитаться по миру в поисках какого-то призрачного учения или успокоения? “Что же ищу я? – эта мысль больно уколола. – Что нужно мне?” Может, я давно сошел с ума, а все жалеют и не говорят об этом? Ну нет, размечтался, “доброжелатели” вопили б всюду.

Уже несколько дней подряд было такое ощущение, что все демоны слетелись и напряженно ждут, когда по команде какого-то незнакомого, очень сильного существа набросятся, уничтожив во мне человеческое. Иногда приходили желания, в которых я боялся признаться себе. Мне стало хотеться какого-то несуществующего, иллюзорного отдыха.

Однажды я отдохнул по предложению удачно вылеченного больного. Противно стало сразу, особенно когда дошло, что все это запрограммировали сами. Бывает, демоны подбрасывают подобные испытания. Разогнав красивых голых женщин, мы сидели на краю большого белого бассейна и после четвертой бутылки водки горько плакали, совершенно не понимая друг друга. Он объяснял, что уже не хочет потому, что надоело, а я объяснял, что хочу, но почему-то не могу, и это совсем не то, что он думает. Доходило до смешного. Конечно, я знал, что такой отдых чушь, а кто этого не знает? Я лечил разных людей, и все они хотели того, чего не имели. Но что же со мной?

“Что тебе нужно?” – спрашивал я себя.

И в сотый раз не находил ответа. “Что ты хочешь?” – снова спрашивал я себя. И не получал никакого ответа из своей глубины. Наверное нужно стереть все и посмотреть на мир чистыми глазами. Нет, еще не время. Это не то упражнение, которое можно делать. Все скажут, что сошел с ума. “Кто же толкает меня на это упражнение? – подумал я. – Наверное, стоит прочесть благодарственную молитву школе.” “Откуда такие мысли? – испугался я. – Что же делать? Может, очиститься?”

Я лег в центре поляны, закрыл глаза и представил над собой огромное звездное небо, такое, как в Чуйской долине. Я вдохнул через нос, набрал полную грудь, начал ждать пока легкий толчок изнутри заставит выдыхать. Это называется: “задержать вдох до приятного”, без усилия. Я начал не спеша, полностью выдыхать. Звездное небо приятно давило на меня, вбирая остатки воздуха. И так бесконечно, главное – никуда не спешить.

Когда открыл глаза, в них ударил ледяной огонь. Огромную круглую луну окружали разноцветные звезды. Я встал и пошел на сверкающие вдали голубыми кристаллами верхушки Тянь-Шаня. Вот, наверное, и пришло время какого-то действия. Передо мной был глаз спящего дракона.

– Верховный дракон так велик, что мы видим только один его глаз, – сказал Ням. – Когда смотрит на наш мир, это солнце, когда спит, смотрит в другие миры, это луна. Дракон инь и ян: днем жжет, отдавая силу, ночью смотрит насквозь. Ночь – связь с тайными мирами, больше испытаний и тяжело дающейся правды, день это сила для сильных. Мудрость дня обычные люди не постигают.

Я знаю очень много систем, о которых рассказывал Юнг. Есть просто безумные. Не до конца очищенный человек, а очищаются питанием и дыханием, мог пойти на свежую могилу, и, когда дух умиршего еще не полностью вышел, когда он еще испуганно трепещет возле ненужного тела, черный – не очищенный воин составлял из него экран, решая свои проблемы и получая ответы на вопросы. Конечно, так легче, зачем очищаться, страдать из-за желаний собственной плоти, если можно, испутив умершего и сделав из его души блуждающее привидение, решить свои проблемы. Есть много таких систем, и Учителя не скрывают от своих учеников. Если берут в ученики, то отдают все знания, решает взявший. Ням и Юнг говорили о недеянии, но только возле древних гор я начал понимать, что они имели в виду. Ням, с которым недавно расстался, стал необходим прямо сейчас, хотелось закричать: “Помоги, Учитель, я боюсь!” Страх, он совсем не такой, какого мы ждем и себе представляем.

Синие кристаллы Тянь-Шаня медленно надвигались, его острые пики подпирали звездное покрывало. Я шел не в силах остановиться. “Учитель! – кричал я внутри себя. – Помоги, хоть как-нибудь, спаси, не знаю от чего, но спаси!”

Над головой пролетела огромная черная птица, хлопнула крыльями и громко вскрикнула. Я понял: птица слишком огромная, таких не бывает.

Где они, спящие ребята? Жаль, что нет рядом. Им, наверное, это просто не нужно. И тут до меня дошло: “Они не верят во все это.

И мы с Андреевичем пытаемся объяснить простейшее, но для них непостижимое.” Не становиться же фокусниками, да и опыта в этом маловато. Впрочем, здесь все для всех решится.

Птица снова пролетела над головой, слегка кольхнув волосы. Страх внезапно прошел. Луна разгорелась сильнее. Яркий, прозрачный день, но только вместо солнца, глядящее насквозь око дракона. Горы становились все ближе, их грани четче. Узкая бесконечная тропинка вела в предгорья.

Я уже знал, чего хотел. Нужно выбрать обязательно большое и ровное место. А там просить у спящего дракона встречи с учителем и, главное, не испугаться. Чего пугаться, если уже несколько дней я чувствовал подкравшегося в упор демона, так близко он еще не был ни разу. “Что несчастный, испугался?” – подбадривал я себя. Вот сейчас встречу старого Няма, а уж он в обиду не даст.

Окружающий страх снова начал медленно и беспрепятственно входить в мое тело. Пролетевшая птица мягко зацепила крылом голову. Вихрь безумных мыслей пробежал по вздрогнувшему мозгу. “Кто я?” – опять кольнула очередная мысль. “Ты, – ответил кто-то чужой, – обычный ничтожный ползун.”

На этот раз я испугался не на шутку. “Вспоминай, – заставлял я себя, – что ты должен делать.” И тут птица уже ударила крылом по голове.

– Прими, дракон, – начал я, – посмотри сквозь меня, что стоит тебе показать Учителю его ничтожного ученика.

Это были первые слова из тайных символов лабиринта дракона.

– Какому? – голос был страшный, он ударил изнутри.

– У меня есть только один Учитель, – ответил я.

– Кто? – снова взревел голос, и у меня задрожало в висках.

– Я знаю, кто он! – злобно гаркнул я в ответ.

Птица ударила меня по голове уже более чувствительно. Я выбрал место, сел по-школьному и вдруг завыл по-звериному. Рыдания сотрясали меня с головы до ног. Ведь забыл самое главное из-за этой несуществующей борьбы с демоном страха, нужна была кровь жертвы. О жертвоприношении совершенно забыл. “Вот и все,” – подумал я, ведь встать уже не смогу, и какой-нибудь чабан с удивлением обнаружит сидящий труп. А школа?

Стало плохо, я заорал и попытался встать. Нет, невозможно, правильно выбрал место и правильно произнес слова. Всего лишь глоток крови и можно жить дальше, можно дальше быть счастливым, лечить людей и при этом видеть их глаза. Можно ощущать движение тела, можно пить холодную воду, можно просто ходить, перебирая ногами, еще можно быть виноватым перед матерью,

Учителем, женой, Андреевичем. Оказывается так много можно, а сколько еще – и не перечислишь.

Птица гулко и больно ударила по голове. Я оцепенел, ждать было нечего. Птица тихо кружила надо мной.

Просидел, наверное, долго, и вдруг вдали голоса. “Неужели кто-то еще гуляет?” – подумал я. Они шли прямо на меня, обычная влюбленная парочка, обнявшись, спотыкалась в темноте. Это было мое спасение, вот он глоток крови, не сделанный по ошибке. Тот глоток, который демоны увеличили во сто крат, до человеческих размеров. “Что? – лихорадочно начал думать я. – Что они могут оставить после себя, ведь не больше, чем я.” И тут понял, что я не тот, который может пойти на такое решение. Школа солнечного дракона взяла верх. Убийство вне боя отошло навсегда. Ноги окаменели, еще немного и застынут руки, вот она – смерть от невежества.

Смеясь и разговаривая на чужом языке, они шли прямо на меня. Очень хотелось жить. Вдруг в очередной раз почувствовал легкий тычок в колено, чувствительность пока еще не пропала. Опустив глаза, увидел маленькую, еще не заснувшую почему-то на зиму степную жабу. Ее хруст на зубах показался самой прекрасной музыкой, которую когда-либо слышал. Кровь во рту, вот она жертва, о которой был не в праве забывать.

– Живите, сволочи! – с хохотом заорал я, подошедшим в упор и все еще не видящим меня. Я страшно завыл и снова захохотал. Парень побежал первый, девушка застыла, потом рванулась вперед и упала, наскочив на меня. Но уже через мгновение побежала за любимым.

– Жаль, что не съел обоих! – хохоча и отплевываясь кровью на священную землю долины, орал я им вслед.

На луну было приятно смотреть. Всего лишь шесть раз, долгий, – долгий, абсолютно полный вдох лунной ноздрей и такой же выдох, чтобы ни капли воздуха. Через несколько минут после шестого раза меня кто-то из-за спины тронул за плечо.

– Сиди, – приказал Ням.

И сел напротив меня.

– От тебя ничего не требуется. Иди и делай, хоть что-нибудь.

Мы оба встали. Я поклонился и пошел к дому Фу Шина.

Ночь была светлая и необыкновенно спокойная, надо мной тихо парила огромная черная птица. Долина спала. На втором этаже тоже была полная тишина. Я с блаженством растянулся на кане. Андреевич тихонько посапывал во сне.

Завтрак, конечно, проспал. Андреевич решил меня не будить. А когда проснулся, то услышал от него известие, которое поразило всех.

– Сегодня, – объявил Андреевич, – Учитель будет принимать экзамен.

Второй этаж охнул и замолк.

– Так что, орлы, готовьтесь, – и он, улыбнувшись, вышел на лестницу.

– Зачем мне все это было нужно? – заскулил один из ребят.

– Ладно, не вой, как-нибудь отработаешь, – буркнул кто-то из толпы.

– Вот именно, – согласился я и вышел за Андреевичем.

Мы все снова собрались на площадке за домом, каждый начал выполнять технику, которая получалась лучше.

Я решил навестить Рашида. Бедняга был настолько напряжен перед встречей с отцом, что ему можно было только посочувствовать.

– Неужели еще не виделись? – удивился я.

– Какой там виделись, вай-вай! – жалобно сказал Рашид. – Бывает срочно поговорить нужно, а я месяцами к Учителю подойти не могу.

– Как? – удивился я.

– Вот так, дорогой, – печально объяснил старший сын. – Хожу туда-сюда, как баран, а подойти не могу.

– Как не могу? – ничего не понял я.

– Да вот так хожу все время мимо и жду, пока Учитель заметит и спросит, чего надо.

– А если никогда не спросит, а? – поинтересовался я.

– Вот так и буду ходить, пока аксакалом не стану, – разозлился Рашид. – Ладно, страдай, – махнув рукой, я попрощался и вышел со двора. Действительно, бедняга.

Ноги снова повели на увядающую поляну. Но она еще не умерла, круглая цветочная поляна потеряла свои яркие пятна. Красные, синие, белые и зеленые цвета смешались и стали одним необъяснимым цветом. Посредине поляны сидела Саша, цветы на ее юбке остались прежними. Рубашка тоже в ярких нарисованных цветах.

– Привет, красавица, – радостно произнес я и положил ей на колени свою голову.

– Но ведь сегодня такой день: кто обретет надежду, а кто потеряет, – и она оттолкнула меня.

Саша была тысячу раз права. Я встал и со всем почтением выполнил этикет приветствия ученика с учеником.

– Иди к своим, – махнула она рукой.

Я поклонился еще раз и вышел на дорогу. Но пошел не к ним, моих там было только двое, которым вряд ли сейчас нужен. Я шел и не верил, что единство людей разлетается, как куча осенней листвы. Видел и не верил, оказывается, бывает и такое.

Холодные и черные воды большого чуйского канала полировали железобетонные плиты. Непонятно откуда взявшийся крупный лохматый щенок доверчиво начал лизать мои пальцы.

– Здравствуйте, – мне показалось, что за спиной прокаркал простуженный ворон.

Когда обернулся, то вздрогнул: передо мной стоял умирающий воин. Горбатый острый нос, длинные волосы, челка по изогнутые брови, вместо губ узкая щель, непонятный возраст. Но главное я понял сразу – он умирал от опиума.

– Гришка приехал? – коротко спросил азиат.

Было видно, что говорить ему тяжело.

– А я думаю, чего это понесло к каналу? – как бы себе сказал воин.

Человек попытался выпрямиться, но у него не получилось.

– Пойди, позови Гришу, – вдруг как-то жалобно попросил он.

Я понял, что воин очень хочет видеть Андреевича.

– Слышишь, только не пугай его, не описывай меня. Скажи Искен возле канала ждет. Давай, давай, а то сдохну, не успеешь – и стыдно будет.

Я кивнул головой и пошел быстрым шагом, но не выдержав, побегал, абсолютно убежденный, что этим людям встретиться необходимо.

Перед тем, как зайти во двор, восстановил дыхание, чтоб не отличаться от остальных. Ребята тренировались за домом. Андреевич делал дыхательное упражнение.

– Андреевич, – я слегка коснулся его предплечья, это был наш старый знак предупреждающий об осторожности.

– Говори, – тихо сказал Андреевич.

– Возле БЧК ждет Искен, – так же не обращая на себя внимание, ответил я.

Андреевич не спеша направился к плитам переброшенным через арык, а я побрел за ним.

– Ну, пошли быстрее, что ли, – буркнул встревоженный мастер.

Они надолго замерли глядя друг другу в глаза. Один крепкий с волнистыми серыми волосами и открытым европейским лицом. Другой – иссушенный, как старая хищная птица.

– Что, Гришка, страшно? – усмехнулся азиат. Оба одновременно выполнили этикет. Высохший человек пошатнулся и оказался в крепких объятиях Андреевича.

– Страшно, Искен, – признался он.

– И мне страшно, – снова усмехнулся азиат. – Пойдем в дом чай пить, по-нашему, как надо. И своего бери, – он указал в мою сторону головой.

– Да это не мой.

– Все они тут твои Гриша, все, – и Искен хлопнул Андреевича высохшей рукой по плечу.

Маленький чистый двор, старый орех и белый, игрушечный, на три комнаты домик.

– Вот здесь сейчас и отдыхаю, уже целых пять лет. Учитель помогает, не забыл.

– Ну, ты ведь самый лучший был, – улыбнулся Андреевич.

– Был, да сплыл. Только не ври, самый лучший всегда был ты. Видишь, памяти немного осталось, – азиат хотел засмеяться, но сильно закашлялся.

– Тише, Искен, – сжимая его за плечи прошептал еще не пришедший в себя Григорий Андреевич.

– Эй, кто там? Искена нет, – раздался звонкий и очень знакомый голос. И из-за маленького сарайчика выскочила Саша.

Она была как с картинки. Изумительные коротенькие брючки с восточным орнаментом, такой же цветастый халатик, золотые туфельки и маленькая золотая шапочка, из-под которой сбегали вниз тонкими струйками много черных косичек.

– Не кричи, ньюжи, разве не видишь – воины встретились, чтобы проводить воина. Это, Гриша, младшенькая моя, совсем еще яту. Ну, ты не помнишь, не до этого нам тогда было. Пошли в дом.

– Прости, ада, – оправдывалась девушка, – я думала друзья твои, – и тут же осеклась.

– Нет, это не друзья мои, это братья. А друзья у меня такие же собаки, как и я.

– Не нужно, ада, – попросила Саша.

– Все равно поздно, – проворчал Искен.

Чай, изюм, свежие лепешки и огромные персики, запах сводил с ума. Чем всегда нравились восточные обычаи, это тем, что есть заставляли и деваться было некуда. Два друга тихо разговаривали, а мы с Сашей переглядывались, и я не мог понять, почему она злится. С трудом, но до меня дошло, если узнает отец, что дочь занимается не женскими делами, ей несдобровать. Я показал ей язык, и она поняла, что гость из далекой Украины не настолько тупой, как кажется. Саша улыбнулась и долила всем чая.

– Оставить некому, – азиат вынул из-под стола какой-то сверток и швырнул на стол. Из тряпки со звоном выкатились пять длинных, с трехгранными лезвиями кинжалов. – Старшему, собаке, ничего не нужно.

– Ада, – вырвалось у девушки, и она положила ладони на кинжалы.

– Убери руки, – сердито сказал отец. – Сказал, не для женщины!

– А старший – собака, – упрямо повторил Искен. – Нравится? – азиат с нежностью посмотрел на дочь.

И вдруг, схватив один кинжал, он с невероятной скоростью швырнул его в стену. Из треснувшей стены торчала одна рукоять.

– А сейчас только один Гришка и справится, – на этот раз у него получилось рассмеяться.

Андреич встал подошел к стене и не спеша, без видимого усилия, как обычное перо, вытащил кинжал.

– Как всегда тозы (нож) вытаскиваешь, – восхитился Искен. – А говорят – Гришка слабый стал.

– Кто говорит? – резко обернулся, ощетинившись, как тигр, Андреевич.

– Я говорю, – вызывающе ответил Искен.

Они еще долго смеялись, что-то вспоминая из своей молодости.

– Экзамен, – вдруг испугалась Саша. – Учитель принимает экзамен, побежали.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно спросил отец.

– Значит так, сиди и жди. Скоро будем, – и она гневно блеснула глазами на удивленного отца. Потом схватила нас за руки и вытащила из дому.

– Ты это, отца слушай, – покачал головой Андреевич.

– Я вас, конечно, не помню, – сказала Саша. – Но вы знаете прекрасно, что такое дочь воина. Ведь по старым законам – в доме предатель.

Я удивленно поднял брови.

– Да, Серый, – усмехнулся Андреевич. – В любой момент может предать.

– Это называется так, – смутилась Саша.

– А вообще считается, что может влюбиться в чужого, – кивнул головой Андреевич. – Вот так, Серый.

– Поэтому, – сказала Саша, – я по-человечески вас прошу, не доставайте меня. Небось, папу моего знаете.

– Да уж, знаю, – согласился Андреевич.

ГЛАВА 15

Во дворе Учителя было столько людей, что у меня сразу подкосились ноги. Гарем, очень сдержанно хихикая, стоял на самом дальнем плане, спрятавшись за машинами. Соседей, родственников и просто друзей полное изобилие. Одни сидели на лавочках, другие на корточках у стены, и было понятно, что не хватит даже силы Фу Шина разогнать их. Любой народ не может без зрелищ, я и сам их люблю. Но подобная ситуация расстроила окончательно. Что подумают о нас? Кто смотрит? Это было загадкой. Я шарил глазами по толпе, пытаясь определить мастеров.

Из дома появилась Джисгуль, важно таща за собой пластиковое кресло, которое было явно редкостью в поселке. Девочка поставила кресло между двумя кустами винограда. Фу Шин в спортивном костюме вышел из двери, все радостно завопили, мгновенно замолчав, как только Учитель поднял руку и сел в кресло. Джисгуль повисла на руке отца, Андреевич склонился и начал что-то тихо говорить. Весь показ занял около часа. Фу Шин встал.

– Хорошо, – сказал он. – Есть дом. Живите, работайте. Появятся вопросы – отвечу.

И вдруг он направился ко мне. Я почувствовал: еще немного – и сделаю плечом вмятину в джипе Рашида.

– Не ломай машину, – попросил Учитель. – Идите к Искену. Он вас ждет.

– Учитель, – отважился я.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Сергей, сейчас сбор урожая, людям помочь нужно, и еще, пожалуйста, полечи моих.

Я молча кивнул головой.

Фу Шин, улыбнувшись, взял за руку Джисгуль и зашел в дом.

“Боже мой, – подумал я, – сколько хлопот. Зачем ему все это?” Но, вспомнив Няма, выгнал из головы ненужные мысли. “Делай хоть что-нибудь,” – повторил я слова своего Учителя.

– Ну что, Серый, – ко мне подошли Андреевич с Сашей. – Маленькое представление кончилось, – сказал он. – Билеты на самолет у меня, завтра улетаю. А сейчас идемте к Искену.

И мы втроем направились обратно в дом к умирающему воину. Искен сидел в той же позе.

– Ну что, воительница, – сказал он, – попалась?

– А что попалась! – вдруг закричала Саша. – Не собираюсь я никого предавать. И вообще, что я такого делаю? На танцы бегаю, как наш губошлеп? Так нет же. Сам знаешь, чего хочу. – И вдруг, закрыв лицо руками, она горько заплакала.

– Ладно, все, – махнул рукой Андреевич. – Слушай, Искен, что я тебе скажу. Вот перед тобой лекарь, считай, что чудеса творит. Может, попробуешь?

– Ты мне, Гришка, зубы не заговаривай, – усмехнулся Искен. – По глазам вижу – завтра уезжаешь. Ладно-ладно, не виню, – азиат махнул рукой. – Разве бы ты поверил, что Искен не по предгорьям летает, а в клетке сидит.

– Искен, – снова повторил Андреевич. – Так, может, попробуешь?

Азиат со стоном лег на бок.

– Мы втроем знаем законы медицины. Нельзя вылечить только двоих – мертвого и того, кто не хочет. Я третий, – Искен засмеялся хриплым голосом.

– И почему так? – поинтересовался Андреевич.

– Потому, – продолжал азиат, – что я уже мертвый. Вылечить – это значит не дать умереть. Кому нужен полудохлый тигр? Так что, лекарь, – он обратился ко мне, – приходи в гости. Только учти: здесь часто смотрит на меня Создатель. На меня, – он приподнялся, – на проигравшего воина, и плачет горькими слезами под названием опиум. – У Искена снова получилось, и он громко захохотал.

– Я приеду еще, – тихо сказал Андреевич.

– Ты-то приедешь, – закашлявшись, сказал азиат. – А я где буду? Давайте, ребята, идите. А ты, лекарь, не стесняйся, приходи, ножки покидаем.

Андреевич хотел еще что-то сказать, но Искен поднял руку:

– Уходите, – хрипло попросил он. – Мне пришло время варить. Идите же, – и он снова закашлялся.

Мы вышли в темноту.

– Может, подышим? – предложил я Андреевичу.

– И я с вами, – послышался почти детский голосок Саши.

Андреевич мгновение думал:

– Идемте, – махнул он рукой.

Предгорье напоминало, что существует резко-континентальный климат. Густой ледяной воздух медленно скатывался с гор. На этот раз отдышали без приключений, потому что нас охранял

Андреевич. Отправив Сашу, к дому Учителя шли молча, каждый думал о своем.

Утром нас оказалось на два человека меньше. Андреевич, как всегда, уехал, не попрощавшись, и Федору тоже не дал этого сделать. После чая в поселке начался переполох. От дома Учителя через несколько улиц двигалась уникальная процессия. Мы караваном тащили на себе пожитки, а вокруг толпа азиатов: дети, взрослые, все радостно и возбужденно переговаривались. Впереди всего этого с мрачным лицом шла жена Учителя. Вокруг нас становилось людей все больше и больше. И вот, наконец, железные голубые ворота. Мы были почти возле предгорья, предпоследний дом. Дом одного из сыновей Учителя. За воротами начиналась плотная крыша из винограда, тоже одичавшего и густого. За виноградом, перед домом, большой старый орех. За орехом маленькая летняя кухня, за ней огород, полностью заросший коноплей, и несколько фруктовых деревьев.

– Вот вам ключ, – сказала Зульфия и передала его Татьяне. – Поддерживайте порядок, живите.

Она развернулась, махнула рукой и вышла со двора. Двор был забит азиатами, которые стояли и молча глазели на нас. До меня дошло, что это были наши наниматели на лук.

– Ждать полчаса, – объявил я.

По деревянной лестнице в несколько ступенек мы зашли в дом. Побросав рюкзаки в угол комнаты, сели в зале на лежащий посреди ковер. Прекрасный дом, четыре комнаты и даже мебель.

– Ну вот и пришли, – объявил я. – Во дворе ждут наниматели, завтра с утра работа на луке.

– Интересно, – пробормотал один из ребят, – мы что, сюда на сельскохозяйственные работы приехали? Да и вообще, зачем это все нужно?

Я внимательно посмотрел на ребят. Было видно, что они раздавлены климатом и непонятными азиатами. Многим уже не нужна была школа. “Странно, – подумал я. – Все свалилось на меня.” Долина безжалостно обрушилась на мою бедную голову. У них не хватило смелости сказать все Андреевичу. И что теперь?

– Ну, – спросил я, – что дальше?

– А что, у меня была прекрасная работа, – заявил один из подопечных.

– Отлично, – сказал я. – Мы на лук, а ты на свою прекрасную работу.

Все молчали, злобно глядя на меня. “Да, попался, – мысли в голове кувыркались, как сумасшедшие. – Ведь нет ни денег, нет ничего. Да и, вообще, в свое время решили начать новую жизнь, отстаивать школу, зарабатывать, тренироваться.”

– А я, вообще-то, у себя дома фотографом был, – заявил один из ребят.

– Продолжай, – предложил я.

– А что, продолжай? Фотоаппарат есть, кое-что на базаре купил.

– Ты и на базаре был? – удивился я. – Так вот, где они гуляли, пока я по полянам шастал.

– Знаете что, – обращаясь ко всем, сказал фотограф, – я понял: мне это не нужно. Буду фотографировать людей, заработаю на билет и поеду домой.

“Интересно, – подумал я, – кому здесь нужны его фотографии?”

– Жить буду в маленькой комнатке, – продолжал фотограф. – Могу и в летней кухне.

Меня начали мучить сомнения, и я заглянул ему в глаза. Передо мной сидел обыкновенный сумасшедший. Сумасшедший потому, что он полностью потерял инстинкт самосохранения. В чужой стране, в чужом климате, не похожем ни на один, который видел раньше, среди чужих людей он по собственной воле выходил из коллектива. Человек – животное стадное. Если эти инстинкты утеряны, значит, перед нами сумасшедший. И тут мой взгляд упал на его босые черные ноги.

– Где твоя обувь, сволочь? – вырвалось у меня.

– А я по земле хожу, чтобы здоровее быть.

– По какой земле? – не понял я.

Даже сейчас земля долины пробирала через подошву, а он ходил босиком.

– Здоровье бережешь? – усмехнулся я. – Где обувь? – заорал я снова и, не выдержав, схватил его за горло.

Даже не вырываясь, он захлюпал носом. Мои руки разжались.

– Берегу я их, – плаксивым голосом сказал фотограф. – Скоро холода наступят, вот тогда и носить буду.

– Покажи! – рявкнул я.

Он встал и порывлся в рюкзаке. В углу комнаты стоял босой, с черными ногами сумасшедший человек. В правой руке у него были тонкие и уже раздолбанные туфли.

– И больше ничего? – спросил я.

– Нормально, – жалобно улыбнулся он. – Заработаю, новые куплю.

– Где же ты заработаешь? – уже более спокойно спросил я.

– Фотографии буду делать.

– Кто еще на лук ездить не будет?

– А ты будешь? – спросил один из присутствующих.

– Не ты, щенок, а вы, – поправил я.

В дверь начали стучать азиаты.

– Еще полчаса, – как можно грознее, высунувшись из двери, сказал я и снова вернулся в комнату.

– Знаете, ребята, хватит нам одного больного, – я кивнул в сторону фотографа. – И запомните: каждый должен заниматься своим делом. Меня и Татьяну просили помочь больным, если кто-то сможет вместо меня – заменю на луке. А за то, что на луке меня с вами не будет, поверьте, еще скажете спасибо.

Все сидели, опустив глаза в ковер.

– Может, вы думаете, что по-прежнему будете ходить жрать к Учителю?

– А что, нет? – удивленно спросил кто-то.

Я схватился за голову, но сразу пришел в себя.

– Вы что, очумели? Нам дали дом, теплые одеяла. Чего же вы хотите? Есть будете на поле, если покормят, и один раз в день здесь, все остальное время – тренироваться. И так, чтобы Учитель поверил в нашу работу. Думаю, все понятно? – Развернувшись, я направился к азиатам.

Перед дверью на мгновение задумался. Ребята так и не поняли, куда попали. Для них это обычный дом, обычный ковер, лежащий на полу, все обычное, а во дворе чужие люди с чужим языком и раскосыми глазами, которые вызывают неприязнь и страх. Ну, разве не знали, куда ехали?

Азиаты сидели на корточках во дворе. Они налетели на меня галдящей стаей.

– Тихо! – заорал я. – Семнадцать человек, понимаете? Ни больше, ни меньше.

Толпа вдруг замолчала.

– Ахмед, Ахмед, – забормотали люди.

Ко мне подошел здоровенный квадратный мужик.

– Я дядя Учителя, – важно произнес он.

В голове у меня закружилось.

– Какой дядя? – выдавил я из себя.

– Родной. Пошли погуляем.

Мы ходил вокруг яблонь и беседовали о медицине.

– Да, – сказал Ахмед. – Если Зульфия доверила своих лечить, то значит что-то можешь. Я мог бы помочь, – вздохнул Ахмед, – только с ней не в ладах. Да и родственник дальний.

– Вы тоже лекарь? – заинтересовался я.

– У японцев учился, – признался Ахмед.

– А где? – поинтересовался я.

– На Хал Хин Голе, – просто ответил Ахмед.

– Где? – захлебнулся я. – Постойте, так вы были с японцами?

– Я был с иглами, – ответил Ахмед. – А иглам учился у японца. И ты знаешь, Сергей, – тому, что мое имя знали все, я уже не удивлялся, – доучился до того, что в пять раз быстрее раны заживали и кости сращивались. Иголки – это сила.

– А сколько их нужно ставить? – спросил я.

– Если кто ставит больше трех, то это не игольщик, а так, – он махнул рукой. – У вас называется иглотерапевт.

– Ну и?

– Так и лечили, – продолжал Ахмед. – Потом русские сильно дали. Попробовали с японцами в рукопашку, куда там... Нашим железом и порохом как раз и дали.

– В смысле вашим? – не понял я.

– Так китайцы ж порох с железом придумали. Вот нашими элементами нам и дали.

– Да, металл, – вспомнил я. – Один из самых интересных элементов, стоящих ближе всех к стихии Вода. Ну, а потом?

– Потом бабахнуло рядом, и я горькую пить начал, не могу остановиться и – все. Позже меня кололи, я сам себя колот – бесполезно. Что-то тут изменилось, – он постучал себя по голове.

– И давно пьете? – поинтересовался я.

– С Хал Хин Гола и пью.

В моей голове все смешалось. Там, в доме, сидели ребята, испугавшиеся самих себя. Возле дома ждала толпа азиатов, готовая из одного сделать троих, только бы лук собрать. А рядом со мной стоял здоровенный квадратный мужик, от которого шел тяжелый запах алкоголя. Но при этом он плевал на понятия о возрасте и алкоголизме. Что Ахмед пьяный, можно было догадаться только по запаху.

– И много в день получается? – спросил я.

– И не спрашивай, – махнул рукой Ахмед, – много.

Мне сразу расхотелось рассказывать ему, как алкоголь меняет состав крови и все остальное.

– Что же дальше? – не выдержал я.

– А то, – сказал Ахмед, – что удивляюсь я, как это Фу Шин, – произнеся имя Учителя, он упал ниц, потом, встав, продолжил, – дал вам этот дом. Последний раз здесь жил я.

– Расскажите.

– А что рассказывать. Учитель, – Ахмед на этот раз поклонился, – выписал из Пекина специалиста-иглотерапевта. Вот такого китайчика, – он чиркнул ребром ладони себе по животу. – Гордый был такой, даже личный туалет себе построил. А не пил вообще никогда в жизни. Вот и поселили нас в этом доме людей лечить. Съезжались отовсюду. Ну и пошло дело...

– В смысле?

– В смысле того, что гордился он неделю, ну, а потом мы с ним дали... Еще через неделю любая болезнь три бутылки водки стоила.

– А что, Учитель не знал?

– Народ не предаст, особенно тогда, когда ему выгодно. А еще через пару недель закрылась эта кроха в своем туалете и начала жалобно выть. Понятно, куда же ему пить, гному несчастному. Вот такие дела, Серега. Теперь вы здесь будете жить, посмотрим, как получится.

– А вам сколько людей на лук? – спросил я.

– Какой там лук, – махнул рукой Ахмед. – С тобой хотел познакомиться, да и вообще...

– Может, тогда к людям пойдем? – предложил я.

Во дворе на меня снова налетели азиаты.

– Семнадцать человек! – орал я. – Семнадцать!

Потом схватил за руку самого противного, маленького и горбатого.

– Ты кто?

– Родственник, – злобно прошипел он.

– Кровный? – грозно спросил я и потащил его к воротам. – Где твоя машина?

Испуганный азиат показал пальцем на задрипанный “Москвич”.

– Поехали на поле.

Ехали долго. Его луковое поле напугало меня до полусмерти.

– Здесь же не хватит и тысячи человек! – орал я.

Обратно ехали под злобное сопение маленького азиата. “Совсем с ума посходили, – думал я. – Жадность еще страшнее глупости. Сажают, сколько могут, а потом все сгнивает на корню.”

Во дворе по-прежнему ждали. Воплейхватило еще на несколько часов. С огромным трудом я поделил людей, как мог. Все разошлись недовольные. Оставив ребят, я пошел в дом к Учителю. Татьяна была с женщинами. Пустынный, холодный двор. Яркое солнце уже отказывалось греть Чуйскую долину. Из кухни вышла Зульфия.

– Зови своих обедать, – сказала она.

После обеда все опять побрели в новый дом. Только лишь на исходе дня я обратил внимание на огромный розовый куст с красными цветами, растущий возле летней кухни. Несколько бутонов еще даже не распустились. “Странно, – удивился я. – Когда же они успеют, ведь так холодно?” Долина начала раскрывать себя по-новому.

Захотелось пойти попрощаться с цветочной поляной, но ее не оказалось, растаяла без следа. Одна лишь густая пожухлая трава. Я тупо бродил по желто-зеленой мокрой каше. Хотелось заглянуть вперед, что будет дальше, но страх не пускал, а если страх побе-

дить, останется ли это желание? Желание, которому, наверное, не дано сбыться.

Ледяная поляна, с умершими цветами. Как быстро они умирают. Была ли она вообще, была ли эта воинствующая азиатка, воинствующая нежная птица? Долина объяснила, что я не просто охотник, стреляющий по птицам, а еще и охотник, стреляющий в самого себя.

Ледяная каша из мертвых цветов обжигала колени, они уже почти не гнулись. А я ходил и ходил, вытаптывая глубокие мокрые борозды, как будто они могли чем-то помочь испуганным ребятам, затаившимся в доме, жадным азиатам, мечтающим о горах лука, маленькой девушке, влюбленной в меня и кинжалы, воину, умирающему от опиума, Учителю, окруженному невежественными учениками. Я прощался с поляной, в бессильной злобе вытаптывая в землю воспоминания о душистых цветах, теплом солнце и далеком родном доме.

Следующим утром нас разбудили не попугаи, а противно сигналящие машины. С трудом растолкав ребят, мы с женой пошли в дом Фу Шина. Татьяну женщины затащили к себе, а я зашел на второй этаж, где все прожили больше двух недель. На душе было тревожно, что-то непонятное подкрадывалось, еще не объявив о себе. Полежав на кане, я снова спустился вниз и сел на длинную лавочку. Пустой, холодный двор. Примерно через час вышла Татьяна, по ее виду понял, что тревогу ощущал не зря.

– Помнишь, Сергей, что случилось с дочкой Наташи? – озабоченно спросила она.

Этого не помнить я не мог, сколько бы больных у меня не было. Наташа была одним из шедевров. Двенадцать лет назад, выгуливая щенка немецкой овчарки, я познакомился со многими собачниками и с некоторыми, конечно же, подружился. И вот стук в дверь, за ней стоял хозяин одного из щенков, он держал за руку плачущую молоденькую девушку. Они зашли в комнату, девушка все так же тихо плакала.

– Серега, – парень без лишних слов протянул мне направление на удаление правой груди.

– А левую? – улыбнулся я.

– Левую обещали оставить, – уже громко зарыдав, прокричала девушка. – А на кой она мне, эта левая без правой?

То, что наша родная медицина все режет без разбора, я знал. Девушка была юная и очень симпатичная, а таким помогать – сплошное удовольствие. Добрые люди в белых халатах наобещали ей так много, что с трудом удалось переубедить. Тем более лечили по благу, а это, как тогда уже знал, еще хуже. К тому же безжалост-

но объявили бесплодие. До сих пор не понимаю, что или кто на это определение дает право. Право на обычный удар по мозгам, право на убийство последней надежды.

У симпатичной Наташи все оказалось не так страшно. Элементарное ощелочение организма, ведущее к уничтожению любых плюс-тканей и спаек – обычные травы ян и такое же питание. Ну, а результат – две нормальные, довольно-таки красивые груди. Потом две дочери, которые до сих пор называют меня дедушкой и исподтишка показывают язык, курносые и белобрысые. Она же торжественно, где бы ни была, всем объявляет, что я ее папа. Впрочем, я не сопротивляюсь, да и по возрасту почти подхожу.

Так вот, с одной из младших “внучек” произошла интересная история. Нас с женой не было дома около месяца, а когда приехали, то сразу же застали возле двери ломающую руки Наташу.

– Папа, – бросилась она ко мне. – У нас беда.

Случай был действительно интересный. И пусть меня простят медики, но это абсолютная правда. Четырехлетнего ребенка три недели кололи антибиотиками, подозревая воспаление легких. Когда же снимки и температура не показали ничего нового, то предложили нейтрализовать один антибиотик для того, чтобы начать лечить другим. Ни возмущение, ни вопли перепуганных родителей не помогли, врачи стояли на своем.

И вот в моих руках рентгеновский снимок легких. Теплый летний день, и решай, что хочешь. Девочка сидит, болтая ногами, вроде тяжело дышит. Ее всегда было трудно удержать на месте. Я что-то начал для нее сочинять, “внучка” слушала, открыв рот, – тяжелое хриплое дыхание. Через время она дышала так же тяжело, но у меня закралось подозрение, что это дыхание не от воспаления легких, а оттого, что легкие переполнены какой-то жидкостью. Я мало с этим сталкивался и поэтому, как ни слушал, прислоняясь ухом к острым лопаткам, ничего ухватить не мог. А она смотрела в глаза и сердито говорила, что хоть и любит “деда”, все равно уколы больше делать не будет. На снимке легкие затемнены, но эта темнота может быть по нескольким причинам. Рядом сидел помрачневший отец, уже ставший взрослым мужчиной – любитель собак.

– Что делать будем, Сергей, а? – спросил он.

– Пошли на базар, детям яблок купим, – предложил я.

– Пошли, – согласился он.

И мы толпой отправились на рынок – две девочки, их родители и я с женой. И надо же – повезло: среди прилавков летали осы. Одна села ребенку на щеку, девочка сразу прижала щеку к плечу. Укус. Захлебнувшийся крик. И у ребенка изо рта вывалился большой кусок слизи. Спасибо осе, она меня здорово выручила. Оста-

лось только естественным путем вывести лишнюю жидкость и слизь из организма, остановив их накопление. А это значит – сжимающие и выталкивающие травы и два нудных, без гуляния, дня на горшке. Слава Богу, со слизью справились без больницы, отсасывания и пробивания дырок.

– Так что? – спросил я у Татьяны. – Опять легкие, как у внучки?

– По-моему, да, посмотри.

Меня завели на женскую половину и показали девочку лет пяти. Все было очень похоже, но в этом есть одна опасность – взрослого лечить просто, ребенка очень легко обезводить. И тут нужно учесть абсолютно все, впрочем я всю жизнь так и лечил. Книжки, чтобы списать больного, не было.

Сделав траву и все объяснив, мы пошли к следующему больному. Дорогу показывала Джисгуль.

– Куда идем, козявка? – спросил я.

– Мы, Серега, идем к большой тете, как бегемота.

– Сама ты бегемота, – сказал я. – Не бегемота, а бегемот.

– Нет, бегемота, – сердито сказала Джисгуль.

– Почему же бегемота? – поинтересовался я.

– Потому, что большая и даже больше бегемота, – объяснила девочка.

Шли долго, я вспоминал своих больных, которые отличались огромным весом и клялись, что почти ничего не едят.

– Значит все это ниоткуда? – с улыбкой интересовался я.

Но все же относился к таким с жалостью, потому что нарушение мембраны клетки – это очень серьезное нарушение. Клетка перестает полноценно существовать, не выполняя своих функций, и мембрана, не закрываясь, пропускает лишние калории. Чрезмерный вес – это проблема, которую человечество решит неизвестно когда, хотя считается, что все давно решено. Как можно жиросжигателем сжигать жир, если за счет неподвижной мембраны клетки он снова заполняет все тело?

Обмен веществ прост – нужное количество калорий мембрана пропускает и закрывается, все остальное – в унитаз. Но все равно это не выход и движение мембраны со временем, даже если толстяк и похудел, прекращается. Каждый человек должен совмещать продукты и ограничивать калории, которые потом могут легко начать сжигать из-за того, что их не отработали, здоровую клетку, превращая ее в раковую.

Я вспоминал своих больных и то, как не лечил, а просил. Тяжелая работа лекаря – бесконечно просить больных стать здоровыми. Стук в дверь – это то, что будет преследовать меня до конца жизни. Мне уже почти сорок лет. Очень часто я вскакиваю по но-

чам, пугая свою жену. А если нет сил подняться самому, я хватаю ее за плечо и сильно трясу. Она уже знает, что это. Схватывается и бежит к двери. Потом, если за дверью никого, мы долго смеемся. Стук может присниться несколько раз за ночь.

На этот раз стук в дверь был какой-то необычно тяжелый. По шуму в ванной понял, что жена быстро не выйдет. Открыв, я отшатнулся. Передо мной стоял мужчина килограммов сто восемьдесят. Он с трудом боком протиснулся в дверь.

– Сергей Анатольевич, я дуже багато чув про вас, мени зовсім погано. Дивчата голосують: “Дядьку, дядьку, пидвезыть”. А якый я дядько? Мени усього двадцять шість рокив.

Так в мой дом попал начальник пожарной охраны одного из крупнейших колхозов-миллионеров Украины. Он готов был грызть камни. Каждый год добавлялось по несколько килограммов. Пять лет назад, что бы он ни делал, – шесть килограммов, потом – семь-восемь, а перед приходом ко мне за год было набрано семнадцать килограммов живого веса.

Он был готов действительно делать все, что угодно, грызть камни и глотать дерьмо, даже без уговоров.

Да, действительно, болезнь – вещь интеллектуальная, и хочет больной того или нет, но любой мало-мальски уважающий себя врач должен объяснить больному, что же происходит внутри него, иначе лечение будет просто неполноценным. Приходилось сталкиваться с еще более тяжелыми случаями. Если человек, не понимая, улучшал либо упрощал то действие, о котором я просил, он оставался калекой, а чаще всего покидал нашу Землю.

Врач – никто, он не лечит. Если врач думает, как лечить, что делать с больным, то ему нужно брать метлу и идти работать дворником. Какова же должна быть сила слова, чтобы больной начал делать именно так, а не как-нибудь по-другому!

Если мы живем на каком-то определенном участке земли, значит, мы выросли под солнцем вместе с травами, которые окружают нас, и лечиться можем и обязаны только ими. Любому нормальному человеку чужое должно быть чужим. Я не спорю, конечно, есть уникальные восточные травы, идущие из древности. Их можно, а иногда и нужно, в ничтожном количестве добавлять для усиления, но все же наше всегда остается нашим. Чаще всего такое открытие неприятно поражает и разочаровывает больных.

Сколько раз мне попадались переводные книги с индийскими йогами, стоящими на голове или в какой-нибудь еще загадочной и экзотической позе! Я не буду отрицать йогу, как и все остальное потому, что никогда не имел такого права. Но наш йог средней полосы хоть раз задумывался, чем же питаются те индийские чудо-ма-

стера, которые, так страшно вывернувшись, изображены на фотографиях? Наверное, у стоящего на голове индуса нет застрявшего в горле из-за неудобного положения куска вареной колбасы. Они, пропагандируя, опираются на употребление молочных продуктов.

Но нам, оказывается, это молоко очень и очень противопоказано. В Индии жарко, а молоко – это слизь. Слизь прекрасно сохраняет внутренние органы от высокой температуры, но вспомните наше лето, много ли его? Несчастные три месяца – и то не всегда теплые! И когда приводят ко мне маленьких детей, которые уже несколько лет захлебываются соплями, я напоминаю матерям, что в природе все живые существа получают молоко только из груди матери. А сопля – это накопившаяся слизь, которая не пережигается и выходит таким образом.

Может быть, кому-то покажется странным, но чтобы избавиться от хронической простуды и вечно висящих под носом зеленых соплей, необходимо просто отказаться от молока и хлеба. Разве в нашем мире кто-нибудь когда-нибудь готовил хлеб на дрожжах? Всегда употребляли хмель и прочее. И вообще, мне кажется, что такое произошло только в нашей стране. Добавь дрожжей – и сразу будет много хлеба. Наверное, это одна из программ, когда-то затеянная для того, чтобы накормить народ. Это лично мое мнение, но скорее всего, я не ошибаюсь.

Однажды у нас в городе открылся магазин “Лаваш”. И я, поборов смущение, зашел в него прямо с “черного” хода. Мне очень нужно было знать, можно ли рекомендовать своим больным лаваш. В него никогда не клали дрожжей. Первое, на что наткнулся, – это молоденькая девушка, катившая перед собой тачку с дрожжами.

– Зайчик, я ведь не проверяющий.

– Да и так вижу, – хихикнула она.

– Объясни мне, ведь у вас готовят лаваш? Ну зачем здесь дрожжи? Я указал пальцем на здоровенную тачку.

Девушка сперва засмузилась, но лишь на одно мгновение, потом фыркнула и сказала:

– Ну а жить мне и начальству на что предлагаешь? А так – бухнула дрожжей, и глядишь – уже не один, а целых три лаваша. Что, понял? – задиристо спросила она.

– Понял, – вздохнул я и понуро побрел восвояси.

Если действительно говорить о травах, то это великая космическая магия, уходящая в самую древность. Но ничто не стоит на месте. Магия и травы меняются вместе с жизнью. Многие бабушки и тетушки буквально дрожат над тетрадочками, которые хранят всю жизнь, периодически записывая ценную информацию. Но как глубоко ошибаются они! Самое печальное то, что ошиба-

ются вместе с грамотными врачами, которые не боятся писать травники и всевозможные рецептурники. Если касаться врачей, то они попросту преступники, которые наплевательски относятся к таким серьезным вещам, как травоведение и гомеопатия. Именно из-за этого в последнее время к травам общее пренебрежение. А почему бы и нет? Масса трав в аптеках, на базаре. Целая куча всяких невероятных рецептов. А люди все так же болеют, не зная, куда податься, мечась от бабок к врачам. Они смешивают внутри себя травы с искусственными препаратами, которые заведомо несут в себе инь, еще больше уничтожая и без того слабое здоровье и человеческую веру в спасение.

Как собирались эти травы? Помню, как в детстве нас, толпу школьников, выгоняли на поляны, да еще и недалеко от дорог, по которым, фырча, выбрасывая страшные продукты из выхлопных труб, мотались машины-убийцы. Травы впитывают в себя все, что окружает их, от отрицательного до положительного.

Что собирали пионеры? Знали ли они, когда и как нужно собирать священные дары Космоса? Разве травы каждый день несут в себе одно и то же? Разве на разных почвах ромашка остается просто ромашкой? Разве возле полыни такая же ромашка? До сих пор не могу понять, почему над этим никто не задумывается? Неужели настолько наивны и глупы наши медики?

Даже столетней давности рецепты совершенно не годятся для нас сейчас. И бабушкины тетрадки можно смело вышвыривать в мусорные бачки. Вот такое оно – удивительное и загадочное травоведение.

Постараюсь объяснять предельно просто, без малейшего намека на терминологию, потому что вечно буду помнить великие слова Учителя: “Мудрый язык – язык глупцов”. Если что-то непонятно, то глупцы всегда пускаются в сложные и тягостные объяснения. Больной не вслушивается в них. Он хочет действовать. Он хочет лечиться и жить. И поэтому происходят трагедии.

Еще хочу вспомнить одно из важнейших правил древней медицины. Если человек сам хоть чем-то болен и пытается лечить другого, то он подлежит смертной казни. Смешно и грустно, но представьте, как выводят наших медиков к стенам больниц и по справедливому закону расстреливают.

В тяжелое время живем мы. И мне очень хочется, чтобы люди задумались. Не буду много говорить о духе, о Боге, хотя это и неотъемлемо от лечения тела, но все же нужно начинать с самого начала, без ожидания чудо-таблетки. Не сидя у телеэкрана с куском колбасы, трепетно глядя на бога Кашпиоровского. Весь мир давно бы развалился на тысячи кусков, если б это было возмож-

но – не напрягаясь, ничего не меняя в жизни, глядя в телевизор, стать здоровым человеком.

Кашпировскому я могу сказать только “спасибо”. Когда начались его передачи, мой дом буквально стал приютом для разваливающихся, полусумасшедших больных. Да, действительно, этот человек мог многое. Слепой ведет слепых.

А мог он вот что. Когда у человека не хватает собственных сил для борьбы с болезнью, он болеет. Мало того, что Кашпировский действительно обладал сильнейшей силой внушения, он еще этим пользовался, как преступник. Что люди? Люди по доверчивости своей и неграмотности, особенно в нашей стране, – полнейшие сомнамбулы, то есть существа, измученные невежеством и собственной ненужностью. Они хватались за эту соломинку. Страшно было смотреть, как пожилые и молодые женщины, а женщины, как все знают, более впечатлительны, впадали в трансы, трясясь, как одержимые, возле телеэкранов. Одна таблетка на всех. Одно слово на всех. Разве не отвратительно это? Он концентрировал последние силы в человеке, ничего не добавляя. Эти силы справлялись с заболеванием. А что потом? Слабость и еще больший страх перед жизнью. Ведь человек живет не только в короткой эйфории. Не могу представить себе, как этот “мессия” будет расплачиваться за свои “чудеса” в дальнейших жизнях!

Наверное, нужно закончить о толстом пожарнике, оказавшимся добрейшим и веселейшим человеком, которого я только знал. То лечение, которое я предложил ему, сейчас опишу вкратце. Когда я начал рассказывать о питании, из которого нужно исключить хлеб, он тяжело вздохнул, но согласился, когда услышал, что необходимо как можно больше есть разных сортов каши, то испугался не на шутку. Пожарник, наверное, подумал, что я просто издеваюсь и хочу загубить его окончательно.

– Шо вы, шо вы! – махал он руками. – Есть даже такое выражение: “Шо хилиак, мало каши ел?”

На пожарника было жалко смотреть. Казалось, еще чуть-чуть, и он расплачется. Ведь я был его последней надеждой.

Проговорили мы часов шесть. Я аргументировал, чем только мог: и тем, что у нас на Украине сроду не знали, что такое картошка, и что завез ее Петр Первый, который уж совершенно не думал о медицине, да и не мог предполагать, чем это закончится. Ведь крахмал – это слизь, а каша – клейковина, которая абсолютно подходит к нашему климату. Да и за солью чумаки ездили к морю, а значит, соль была морская. Много ли продуктов, которые могут похвастаться содержанием йода?

Спорили мы с ним до хрипоты, но он вдруг радостно заметил, что медики совсем ничего не объясняли, только говорили: пей вот это, ешь вот это. И тут он вдруг по-серьезному разозлился. Меня это обрадовало. Разозлился на то, что сам ни разу не спросил, что с ним, а доверчиво пил таблетки и по пять раз на день залазил на ненавистные товарные весы, ибо обычные были не в состоянии показать то количество веса, которое он нажил за свои неполные тридцать лет.

Мы ругались и смеялись, и в конце концов старший пожарник со смехом и слезами рассказал мне, как лечился в каком-то дорогостоящем институте голодания, где постоянно ставили клизмы и ничего не давали есть. А сердобольная жена по вечерам на второй этаж метко забрасывала в его окно здоровенные пакеты с колбасой.

Я его прекрасно понимал. Не мог же он всю жизнь ставить клизмы и ничего не есть! Конечно, это был не выход. Ну, похудел он на какие-то килограммы, даже несмотря на коварные подвиги жены, а потом? Мозг лихорадочно набирал упущенное, и, конечно же, пожарник заплатил за это еще большими килограммами. За невежество всегда платят вдвойне.

Да, это был действительно очень веселый и искренний человек. В основу его лечения я положил травы, которые полностью очистили кишечник, и благодаря новому, правильному питанию у него образовывался совсем другой, положительный слой микрофлоры. В общем, так называемый “обмен веществ”. Часто ведь говорят в больнице: “У вас нарушение обмена веществ”. И больной, печально кивая головой, уходит. Пугающие слова, но что это и как объяснить, не знает даже сам врач. Врач тоже с ужасом ждет, когда с ним произойдет нечто подобное, и он придет к своему коллеге, и тот повторит ему эти непонятные им обоим слова. И заболевший врач не спросит у коллеги, что это. Он с ужасом будет думать: “А вдруг и этот не знает?” И не дай Бог, начнет на непонятной им обоим терминологии объяснять. “А вдруг он знает, что делать?” – тешит себя надеждой постаревший и заболевший врач.

Конечно, есть у нас на Земле прекрасные врачи. Я всегда буду преклоняться перед Озавой, который написал свою великую книжку “Макробиотика”. Меня больше всего удивило, что именно эта книга мало кого затронула, хотя из всего, что я читал, она самая здравая. Но все же Озава, этот великий японец, не перевел ее на наш климат, на наш образ жизни, да и не мог он ее перевести, потому что сделал работу по Японии и Америке. Но он заронил великое зерно истины. Знал я людей, которые следовали его примеру, но это тоже не приносило результатов. Ведь многие продукты, которые там являются “ян”, у нас они “инь”, и наоборот. Да и тех

продуктов, о которых он пишет, у нас не сыщешь. Поэтому несколько лет по моей просьбе мы с Учителем искали правильный выход, переводя все на наши продукты, наши травы и наше солнце, под которым все выросло.

А пожарник через девять месяцев пришел ко мне в белом костюме. Он много о нем рассказывал, как о своей золотой мечте. Из него получился нормальный, красивый мужик, очень смахивающий на могучего борца, но грудой мяса с жиром он уже не будет никогда. Самое неправильное в лечении, которым он пользовался ранее, было то, что его ограничивали в количестве еды, а этого делать нельзя. Желудок – привык к определенному количеству, к определенной нагрузке, и лишить этого значит обречь человека практически на сумасшествие. Он так и ел – ведрами, но ел в основном янистые продукты, продукты, которые выжимали из него воду и ненужные жировые клетки. Количество потребляемого начало постепенно уменьшаться само. Я поздравил моего пожарника. И вдруг он захохотав, упал в своем белом костюме на пол.

– Ой, шо я зроблю, – смеялся он, – ой, шо зроблю!

Он был действительно веселый человек. То, что ему вздумалось сделать, может, было и недостойно, но как я мог удержать его...

Последняя попытка лечиться у моего, уже ставшего товарищем, пожарника была такова. Его долго мурыжили в каком-то кабинете, а потом сказали: “Ну, ладно, есть у нас специалист по этим делам. Так и быть, пошлем вас к нему”.

Пожарник, страшно ругаясь и махая кулаками, рассказывал, как он, при своем весе выперся на пятый этаж в пятьсот восьмой кабинет, а когда с замиранием сердца и надеждой постучал, а после “войдите” вошел, то потерял дар речи. За столом сидело чудовище весом килограммов сто восемьдесят.

– Ну, что? – грозно прохрипело оно. – И у тебя такие же проблемы? Значит, будем пробовать вместе.

Деваться было некуда. Мой друг, старший пожарник, прекрасно понимал, что вопреки своему желанию стал подопытным кроликом. Все, что врач хотел для себя, он сперва пробовал на нем. Я долго не мог понять, почему же так хохочет, подняв ноги вверх и не щадя свой белый костюм, мой удачный пациент.

– Ну, объяснишь ты в конце концов или нет? – не выдержал я.

Сидя на полу и вытирая слезы, периодически переходя снова на хохот, огнеборец рассказал то, что задумал. Последнее, что назначил ему заплывший жиром врач, это были какие-то невероятно дорогие и редкие индийские таблетки, как он объяснил, для отбивания аппетита.

– Ну-ну? – поинтересовался я.

– Та шо “ну”, – он махнул рукой. – Жерты ще бильш хотилося.

– Ну, так чего ж ты ржешь? – с нетерпением вопрошал я.

И тут он мне нарисовал действительно умопомрачительную картину. Пожарник задумал серьезное дело. Он решил постучать в кабинет и после “войдите” прямо на пороге рухнуть на четвереньки.

– Да объясни же мне, черт возьми! – не выдержал я.

Он страшно удивился, а потом, продолжая громко хохотать, сказал мне, что бизнесмен из меня никогда не получится.

– Да и без тебя это знаю. Дальше объясняй, – с нетерпением потребовал я.

И тут он мне рассказал действительно смешную вещь. Он красочно описал, как будет на четвереньках ползти от самого порога к столу жирного доктора, причитая: “Если б не ты, спаситель... Если б не ты, спаситель...”

– Вот так дило, – со смехом ляпнул в ладоши пожарник.

– Ну и что? – снова ничего не понял я.

– Ну ты и дурень! – абсолютно искренне поразился старший пожарник.

И он объяснил, что доктор даже не дождетя, пока ему перестанут целовать ноги, а изо всех сил, несмотря на свой вес, ломанется по всей стране скупать эти лекарства, заранее предвкушая, сколько заработает денег и каким станет красавцем. И пожарник, вновь хохоча, рухнул на пол. Но мне почему-то весело не стало, а когда представил ситуацию, наоборот взгрустнулось. Вот такие у нас в стране врачи-экспериментаторы. А бывший толстый пожарник до сих пор не толстый, он гордится собой и мной.

ГЛАВА 16

Зеленая металлическая калитка была открыта, наверное, нас ждали. Джисгуль заскочила во двор, с грохотом открыла дверь и исчезла в доме. Через полминуты из двери боком вышел, действительно, бегемот. Женщина была толстая и тяжело дышала.

– Проходите, – улыбаясь и почему-то озираясь по сторонам, сказала она.

Мы не успели сделать и шага, как вдруг из-за летней кухни, наверное, с огорода, выскочила старуха. В руках у нее была кривая, суковатая палка. Старуха подбежала к женщине, которую мы пришли лечить, и, что-то злобно крича, начала колотить ее палкой. Женщина завизжала, сделала пару кругов по двору и, с трудом протиснувшись в дверь, забежала в дом. Мы стояли обалдевшие, ничего не понимая.

– Все, – сказала Джисгуль, – полечили бегемота. Пошли домой.

– Ну ты хоть объяснить можешь? – взмолился я.

– Муж у нее давно умер, – объявила Джисгуль.

“Вот они зверские обычаи Азии,” – подумал я. В результате, после долгих объяснений Джисгуль, стало все понятно. Когда умирает муж, вдова остается жить у его матери. Этот закон никогда не оспаривался у дунган, тем более, кто возьмет с кучей детей? Бедная женщина просто хотела похудеть, а свекровь понимала только одно: что скажут люди, при муже толстой была, а без мужа значит замучили. Вот так ей и ходить до конца жизни толстой, потешающей детвору.

– Да, а “обмен веществ” у нее действительно серьезно нарушен, наверное, после родов, – поделился я с Татьяной.

Возле дома Фу Шина мы увидели Рашида и Ахмеда, которые прилагали невероятные усилия для того, чтобы затащить во двор к Учителю здоровенного барана. Баран упирался изо всех сил, у меня появилась возможность увидеть смерть во имя плова. То, что баран был какой-то редкой деликатесной породы, сомнений даже не возникало. Во дворе стоял маленький старичок с ножом обычных размеров.

– Ой, не могу, – поморщилась Татьяна и ушла в дом.

– Саям, – поздоровался я с незнакомым аксакалом.

Вокруг стояло несколько человек из чего стало понятно, что на это зрелище даже собираются. “Наверное, какой-то праздник,” – подумал я.

– Ой, не люблю, – пискнула Джисгуль и тоже исчезла в доме.

По школе мясо можно есть только раз в месяц, любой занимающийся боевыми искусствами знает, что от него замедляется скорость удара. Но есть все-таки необходимо, что бы оно время от времени поддерживало жесткость воина и лучше всего, если убиваешь сам. Я вспомнил, как Ням объяснял, почему одно мясо считается диетическим, а другое неудобоваримым. Оказывается, все зависит от разума животных, над которыми потешаются современные биологи. А ведь когда собираются резать свинью, она бедняга чувствует это за сутки. Мечется в своей загородке, тыкаясь рылом в доски. А потом за ней бегают пьяные мужики, неудачно тыкая здоровенным ножом. Мало того, что свинья психически на порядок выше собаки, ее чаще всего так и режут. И едят под самогон в наших селах мужики поросычий страх вместо свинины.

И чем больше страха было у животного перед смертью, тем вреднее его мясо. Но людям давно стало все равно, пугается животное или нет. Однажды Ням потряс меня тем, что предложил вдуматься, какво живется гибридам? Мы едим и убиваем тех животных, которых природа укрепляла на земле тысячи лет. А выведенные совершенно недавно? Взять хотя бы индоутку, птица которая ни ходить, ни плавать толком не может. Я видел этих птиц. Действительно страшное зрелище, отталкивающая внешность, похоже на птеродактилей. Идет качаясь, а прибавит шаг – сразу падает.

Ням предложил подумать – ходить не в состоянии, плавать тоже, ну и летать, конечно, не летает, зато ест без остановки. Тогда я его не понял и пожал плечами, но Ням заставил думать. Что в мозгу у этого гибрида, лишеного даже движения? Кто поручится, что мыслит он проще, чем человек, а перед смертью меньше страдает? Кто знает, какие мысли и страдания могут родиться в убогом и ограниченном теле? Вот я и задумался, неужели людям не хватает тех жертв, которые дала им природа?

Барана повалили на бок, старик положил ему на глаза морщинистую руку и что-то проговорил.

– Прощения у него просит, – я обернулся и увидел Кима.

Аксакал что-то показал глазами, и те, кто держали барана, отошли в сторону. Упрямое животное лежало тихо, как под гипнозом. Старик быстрым движением перерезал ему горло. Тот даже не вздрогнул.

– Действительно мастер, – с уважением сказал Ким.

Люди, удовлетворенно улыбаясь, стали расходиться. В этом доме обычаев не нарушали.

– Что за праздник, Ким? – спросил я у корейца.

– Праздника никакого, к Фу Шину генерал приезжает.

– Какой генерал? – удивился я.

– Китайский, – объяснил Ким. – А ты знаешь, что такое генерал в Китае?

– Слышал, что это очень серьезно.

– Ну, значит, ничего не слышал, – хмыкнул Ким. – Генерал в Китае – это то божество, которое решает человеческие судьбы и жизни, как пожелает.

– Это как? – не понял я.

– А так, неограниченные права. Он может свободно решить, жить тебе и твоим близким или нет. Не нужен суд, не нужны еще какие-то люди, все решает он один.

– Это что, сейчас, в наше время? – испугался я.

– Представь себе, – кивнул головой Ким. – Так что ты не сильно сетуй на бывшую Советскую власть.

Я пообещал ему.

– Поехали ко мне, – предложил Ким. – Что-то покажу. Твои ведь на луке?

– Поехали, – согласился я.

Дорога пылила уже не так, надвигающийся с гор холод придавил даже пыль. Когда приехали, я увидел плотно закрытый розарий и сразу вспомнил розу с нераспустившимися бутонами, стоящую на холоде в нашем дворе.

– Ким, у нас во дворе роза...

– Не спеши, – усмехнулся он, перебив меня, – роза принесет тебе еще много радости. Я сам хочу такую, но эти розы растут там, где желают. Спасибо, Сергей, – вдруг широко улыбнулся он.

– За что? – поразился я.

– За цветы, их мало кто замечает. Спроси у ребят, видел ли из них кто-нибудь этот куст? Правда, цветы умеют делать, чтобы их не замечали и открываются тому, кому хотят. Для других это будет просто роза, которую вроде бы видели.

– Пройдемся, – предложил Ким.

Двор был пуст.

– Жену с малышами к матери отпустил, – понял меня Ким.

Мы зашли за летнюю кухню, и я залюбовался увиденным. На небольшой тренировочной площадке с тренажерами сидели два молодых, очень крепких, обнаженных по пояс корейца.

– Бои хочешь посмотреть? – спросил Ким.

– Издеваешься? – хмыкнул я.

– Тогда смотри.

Я сделал надлежащий этикет и застыл, внимательно глядя на бойцов. Ким что-то крикнул по-корейски, они вскочили. Зрелище было впечатляющее, казалось, что у обоих под кожей стальные канаты, готовые в любое мгновение либо расслабиться, либо натянуться, как прикажет хозяин. Еще несколько мгновений – и они начали бой. Правила поединка были щадящие, но не более, в голову били только открытой ладонью. Техника незнакомая, да и откуда мне было знать корейскую школу, неизвестно когда занесенную на Тянь-Шань.

Молодые ребята дрались идеально, они как будто сошли с древних картин. Стремление победить не перехлестывало через меру, но было очень большим. Техника походила на винчунговскую, а значит – было что-то общее и с моей. Корейцы были настолько одинаковые, что я не выдержал и улыбнулся.

– Братя, – подтвердил Ким. – Все выясняют, кто сильнее. Так за шесть лет работы и не выяснили.

Через минуту Ким остановил бой.

– Хочешь попробовать? – спросил он у меня.

Я, в свою очередь, кисло скривился.

– Ну чего ты? – улыбнулся Ким.

С моими проблемами было не до боев.

– Ладно, – махнул я рукой. – С кем?

– Выбирай, кого хочешь, – предложил Ким и засмеялся.

Конечно, было смешно, у них было все одинаковое – и техника и сила, и даже внешностью они ничем не отличались. “Да, – подумал я. – Вот сейчас и получу. Слишком уж молодые и свирепые ребята.” Проигрывать не хотелось, но ощущение того, что в городе мало тренировался, начало давить сразу. “Ладно, – сказал я себе. – Ребята молодые, да и веса у них поменьше, правда мышц побольше. Ничего, как-нибудь справлюсь.”

Вздохнув, я подошел к одному из них и поклонился. Мы стали в стойки, поклонились снова и бросились друг к другу. Несколько секунд мы пытались руками найти брешь в защите. Парень был намного сильнее меня физически. “Тебя бы туда, откуда я, – возникла злобная мысль. – Каким бы ты стал в этих цементных скворечниках.”

Первый удар я пропустил в грудь. Все органы внутри задрожали и заболтались, как соленые огурцы в бочке. Пришлось поступить не совсем прилично, да и вообще, зря они решили проверить своего престарелого гостя, ведь школа тоже корейская.

От второго удара ладонью в ухо я понял, что серое вещество действительно находится в костяной коробке и плавает в жидко-

сти. И все же пришлось сделать то, чего не хотелось. Держа левую руку на уровне своей груди, я сымитировал удар правой. Кореец, защитившись от моей левой, ушел в безопасную плоскость. Вот тут я и поднял, как бы нечаянно, плечо. Он был ниже меня и поэтому мое плечо и его челюсть врезались друг в друга. Он долго сидел на земле трясая головой, а потом встал и виновато поклонился Киму.

– Хорошо, работайте, – Ким махнул рукой, и мы вернулись во двор. – Молодец, – похвалил меня Ким.

– Это почему? – не понял я.

– Молодец и все.

– Спасибо, – я пожал плечами.

Ким вдруг засмеялся и хлопнул меня по плечу:

– Думать их заставил, рассуждений будет теперь на два дня.

Я понял, что Ким их еще не учил коварным неожиданностям.

– Ну что, поехали к Учителю? Да и твои уже, наверное, вернулись, посмотришь, как они.

Холодная и тяжелая пыль с трудом догоняла машину. Вечерело, а ледяная влага уже начинала безжалостно рвать тело. “Нет спасения,” – подумал я.

В дом Учителя прошел быстрым шагом, возле него стояли шикарные машины, а несколько человек выкатывали со двора по мостику через арык красную ковровую дорожку. Наверное скоро прибудет сам генерал. Глянув краем глаза на все эти приготовления, я нехотя, но все же быстренько отправился в наш дом.

Ребята уже приехали с поля. Они были грязные, уставшие и раздраженные. Отмывшись все сразу уснули. Татьяна осталась в доме у Учителя, была надежда, что расскажет о приезде генерала. Я положил узенькую досочку на землю и сел на нее. В метре от меня стоял, раскинув в стороны огромные цветы, розовый куст. Просидев около часа, я сходил к Рашиду и одолжил здоровенный казан. Старший сын был в возбуждении, когда его братья помогали тащить казан, я пожалел, что не одолжил еще чего-нибудь, в тот момент он мог отдать все.

Во дворе абсолютная тишина, роза с нераспустившимися бутонами и уставшие от своей глупости, спящие в доме люди. Мне хотелось биться в истерике, кричать на всю долину, но я прекрасно понимал, что не в силах помочь никому. Хотелось ворваться в дом Учителя, не глядя никому в глаза, схватить жену за руку и уехать в свой дом. Но мудрый Андреевич сделал так, что это стало невозможно, для этого нужны были деньги. Я хорошо помню тот момент, когда все решили начать новую жизнь, вот и начали. Казан хорошо смотрелся в центре огорода, был маленький запас дров. А что потом?

Темнота и проникающий везде холод медленно подкрадывались для того, чтобы безжалостно обрушиться на все живое. Ребята начали просыпаться и выходить во двор, в летней кухне копошился сумасшедший фотограф.

– Ну, как дела, пацаны? – спросил я у вышедших из дома. – Я ведь с вами разговариваю, – разозлился я.

– Какие дела? – буркнул один из них. – Отпахали.

– Ну, вас пахарей хоть накормили?

– Накормили, по лепешке на рыло и арбуз.

– Так что, мало? Если такие лепешки, как делают везде, – это отлично. Пацаны, просыпайтесь, ну. Хотите расскажу интересное?

– Нужны нам твои рассказы, – опять прорычал кто-то.

Я старался держаться спокойно, никого оскорблять не хотелось.

– Не твои, а ваши, – ласково поправил я недовольного. – В комнате есть каша, сейчас будем варить, – и я пошел в дом.

– Сам, наверное, уже нажрался, – буркнул кто-то за спиной.

Я резко обернулся и встретился с ним глазами. Пришлось принимать артистическую позу.

– Зачем гавкать за спиной? – улыбнулся ему я. – Все решается в бою, наверное, знаешь, что победивший не может быть не прав, ведь мы оба за один путь. Чувствую, сказывается неправильное питание. И запомните, пожалуйста, я не жру по чужим дворам, как шакал, тем более, мы должны показать всем, что у нас есть дом и стол. Надеюсь, эти правила школы вы помните?

– Ладно, Анатолевич, не бушуй, – один из ребят хлопнул меня по плечу.

– Ну, тогда идемте готовить жрать, потому что очень хочется, – предложил я.

Дни бежали, и мы перестали их замечать. Китайский генерал уехал к себе в Китай, и после этого в доме Учителя снова полился бесконечный детский смех, а по двору зашастали всякие загадочные личности. Генерал увез тишину и спокойствие.

Ребята продолжали ездить на лук. Мы с Татьяной потихонечку лечили родственников и знакомых Фу Шина. Все шло своим чередом.

Но были и серьезные неприятности. Я начал терять контакт и взаимопонимание не только с ребятами, но и с женой. Не знаю, что на нее повлияло, все-таки женщина и от этого никуда не денешься. И самое печальное – я все никак не мог встретиться с Фу Шином. Просто поговорить – оказалось несбыточным мечтанием. Жить рядом с ним и идти в офис – это казалось смешным.

А тут еще жена отколола немыслимое. Она заявила, что я негодяй и лентяй и что завтра же едет со всеми на лук. Я ей сказал, что может ехать даже в Гонконг, а я на лук не поеду. Она потребовала,

чтобы я ответил, почему. И я честно признался, что не знаю. Сельскохозяйственных работ не боялся, хотя последний раз там был, когда учился в школе. Впрочем, позже она извинилась за то, что не поняла меня, но это было позже...

А тогда был вечер, все в доме презрительно поглядывали на меня, потому что завтра с утра только я не ехал на лук. Меня же мучило лишь одно: как увидеться с Учителем, как передать привет от Няма и задать свои, выношенные в душе, вопросы. Но этому мешал фотограф, у которого по ночам начали замерзать фотографии. Он настолько переживал из-за этого, что я испугался за его голову по-серьезному. В доме, конечно же, оказалось неисправным отопление, были только розетки. Но мудрецов, как использовать их для обогрева, не находилось. Фотограф не ел со всеми, что-то хлебал из своей мисочки, хирея на глазах. Я пытался заставить его есть, но так и не получилось. На луке ребятам платили по пятнадцать сомов в день. Это было так мало, что я просто удивлялся, но жаловаться было некому. Наверное, если бы они захотели, платили бы больше. Спасибо, что хоть платили вообще. Ребята ждали, когда закончится сезон и прекрасно понимали – такая жизнь не для них. Боевое искусство медленно отошло в сторону.

Завтра опять уезжают на поле. Я встал с дивана, оделся и пошел к Искену, первый раз за последнее время. Ледяная чернота еще не ударила по долине. Возле порога меня встретил розовый куст. Еще один бутон не распустился, я поежился от холода, удивился и вышел со двора. Шел мимо домов, в которых уже начал зажигаться свет. Далеко впереди были видны только белые шапки Тянь-Шаня. Толстый слой холода уже стал выше роста. Через несколько улиц показался тусклый свет коммерческих ларьков. Там, за ними, ближе к горам, игрушечный домик Искена и Саша. Но дверь мне открыл здоровенный, головы на полторы выше меня, губастый юноша. Неожиданной и приятной встречи с Сашей, как я рассчитывал, не получилось.

– Вам кого? – спросил юный здоровяк.

– Мне Искена, – робко ответил я.

– К отцу направо, – сказал он и, бросив дверь, снова зашел в дом.

Прикрыв дверь, я разулся и подошел к уже знакомой комнате. Постучав и услышав “да”, я вошел в нее. На кане сидел Искен, напротив – Саша. На крошечном столике между ними стояли пиалы с чаем. Из-за меня прервалась какая-то долгая беседа, в чайнике и пиалах был холодный чай.

Переступив порог, я сделал надлежащий поклон, Искен, не вставая, ответил.

– Ну вот, зверь на ловца бежит, – усмехнулся Искен. – Здорово, лекарь, – поприветствовал он меня.

Очевидно разговор был очень серьезным. Александра сидела с надутыми губами и мокрыми глазами. Пронзительно глянув на меня, она недовольно фыркнула.

– Ладно, сиди, не гоню, – сердито сказал Искен.

Это была большая честь для женщины, занимающейся боевым искусством.

И вдруг я в одно мгновение понял, почему так безудержно тянет к этой девочке? С кана смотрела моя жена, но только какая-то другая. “Наверное, стоит в этом разобраться,” – подумал я.

– Слушай, лекарь, давай признавайся, что умеешь, – было видно, что Искен сильно раздражен.

“Ну вот, – подумал я. – Как всегда не вовремя”.

– Признавайся, – продолжал Искен, – Гришка с каким-нибудь ко мне, старому, не придет.

Я замялся, не зная, что ответить.

– Сколько лет уже тренируешь? – продолжал он бесцеремонный допрос.

– Десять, – пожал я плечами.

– Нормально, – усмехнулся азиат. – А теток тренировал?

– Приходилось, – кивнул я головой.

– Тогда вот тебе ученица, – он показал глазами на Сашу. – Не откажешь?

Глаза у девушки загорелись, как две ночные звезды.

– Чему хоть учить будешь? – поинтересовался Искен.

– Пасти корейского дракона, – отчеканил я каждое слово.

– Вот идите и учитесь, – он махнул иссушенной рукой. – Некогда мне с вами разговаривать.

Он начинал задыхаться и поэтому спешил. Я прекрасно понимал, что сейчас случилось в этом доме. Отец азиат разрешил дочери заниматься не-женским делом. Сколько сил потратила на это девушка, представить было невозможно. “Как Татьяна”, – царапнула в голове мысль, только ей этот топор дровосека по невежеству вложил в руки я сам.

Мы вышли в ледяную черную ночь, лучи звезд разрезали небо. Холод сделал воздух прозрачным и легким.

– Что будем делать, Учитель? – тихо спросила Саша.

– Да успокойся ты, – я махнул рукой.

– Нет, – громко и звонко на всю спящую долину крикнула девушка. – Ты же отцу обещал.

– А почему тебя зовут Сашей? – спросил я.

– Как почему? – не поняла Саша. – Мама так назвала.

- Мать русская?
- Да, – вздохнула она.
- Представляю, чего это стоило твоему отцу, – сказал я.
- Да, я слышала по рассказам, – печально ответила девушка. – От нас потом все отказались, даже самые близкие.
- Ну, а мать где сейчас? – поинтересовался я.
- А мать, когда эта беда с отцом получилась, тоже от нас отказалась.
- Все, кроме Учителя, – задумчиво произнес я.
- Да, – тихо отозвалась Саша. – Ты не думай, – ее голос прозвучал умоляюще. – Это у отца после травмы, он рассказывал, а отец никогда не врет. Травма была сильной, а потом он не смог уйти от слез Господа.
- Красивая и страшная легенда, – вспомнил я. – Слезы жалости, капающие из глаз Господа. Даже самое страшное способен воспеть человек.
- Сколько лет тебе, девочка? – поинтересовался я. – Скажи, почему ты отдалась мне? – вырвалось у меня.
- Я решила, что если и будет это, то с сильным и красивым воином, – в ее голосе звучало что-то пугающее.
- Ну, девочка, у тебя очень плохой вкус, – попытался пошутить я.
- А я знаю два элемента “Звездной пыли”, – хитро глядя на меня, сказала Саша.
- Откуда? – я невозмутимо махнул рукой.
- Учитель Фу Шин показывал, – и девчонка высунула язык, став похожей на Джисгуль.
- “Звездная пыль” – мечта мастеров всего мира. Откуда только не приезжали за ней, вымаливали у Учителя, стоя часами возле дома на коленях. И вдруг целых два элемента. Не это ли имеется в виду, когда воины говорят о предательстве женщины, занимающейся боевыми искусствами? Саша мгновенно поняла мои мысли и, упав на колени, громко зарыдала.
- Дурак, дурак, – сквозь слезы причитала она. – Какой же ты дурак, все мужчины дураки, даже мой папка дурак, – она плакала горько, как маленький ребенок.
- Я знаю два элемента “Звездной пыли”, – сказала она, вставая и вытирая слезы. – Знаю – это значит уже сделала, а тот, кто сделал, имеет полное право передавать один элемент.
- И тут уже я, затурканный болван, вспомнил, что работал с этой тоненькой девчушкой, вспомнил силу ее толчка и удара. Конечно же, откуда у этой маленькой девушки такая мощь? Даже меня, дурака, запутала эта новая жизнь.
- Саша, выставив в перед свою круглую грудь, вызывающе смотрела на меня. Я не выдержал и расхохотался как сумасшедший.

– Ты чего? Ой, вы чего? – и тут она поняла, что не знает, как называть меня. С Учителями любовью не занимаются, это и так понятно, хоть в школьных законах и не написано.

Ее мокрые сердитые глаза заволкло туманом печали.

– У нас говорят: если кажется, нужно креститься, – улыбнулся я. – И вообще, воины так не режут, – я не выдержал и снова громко засмеялся.

– Что же делать? Я люблю тебя, мой Учитель, – горько вздохнула она. – Ничего не требую, а просто люблю.

– Ты очень похожа на мою жену, – вздохнул я.

– Все женщины похожи, – согласилась Саша.

– Нет, вы действительно очень похожи, – снова повторил я.

– Познакомь нас, если она согласится, мы будем любить тебя вдвоем.

И тут я вспомнил, что нахожусь в Азии. Тоненькая девушка с надеждой смотрела на меня.

– Я не нужна тебе, – по своему поняла мое молчание Саша.

Мне вдруг стало тоскливо и, плохо взвывая, как-то по собачьи, ясел на ледяную землю и сразу понял, что промерз насквозь.

– Прости, тебе ведь нужно подумать, – извинилась она. – Пойдем поработаем.

Саша взяла меня за руку, и мы направились в глубь предгорья. Яшел за ней, еле переставляя ноги, с полной пустотой в голове.

– Эй, – Саша сильно тряхнула меня за плечо. – Пришли, это место моего отца, я иногда прихожу сюда работать.

– Ты в темноте хорошо видишь? – спросил я.

– Да, это я умею, – ответила девушка.

“Ничего себе девочка”, – подумал я.

– Ну что, каждый настраивается по-своему, а закончив, дает знак. Потом покажешь “Звездную пыль”, может, что-то есть похожее у меня, договорились? – предложил я схему работы Александру.

– Начали, – согласилась она.

Мы сели друг напротив друга, и каждый ушел в себя.

Саша сидела с закрытыми глазами, а я из-за прошибающего насквозь холода не мог никак настроиться. Тянь-Шань был совсем рядом, девушка сидела спиной к горам. Только сейчас я обратил внимание, что опять полнолуние, а значит, полная сила ночи.

Закрыв глаза, я через нос набрал максимальное количество воздуха и, с полным напряжением в теле, начал медленно выдыхать его через рот, потом вдохнул снова и прислушался. Так нужно было сделать любое количество раз, но только нечетное. После каждого раза внимательно вслушаться в состояние.

Я сделал два раза, потом три и только лишь на следующий, седьмой раз ощутил то, что ждал. В расслабленном состоянии, на вдохе в правую ноздрю тонкой струей начал вливаться горячий воздух, в левую – все тот же ледяной, который окружал меня. Долгожданное тепло разошлось по телу, я немного согрелся. Две струйки воздуха: холодная и горячая соединились внизу затылка, и теплая струя бежала по позвоночнику, пробуждая спящего в нем дракона. Больше не нужно было вдыхать носом и выдыхать ртом. Я просто дышал через нос, ожидая когда дракон пробудится.

Теплая струя воздуха проходила через позвоночник, между ягодицами и сворачивалась в тань-тьене, потом выдох и снова нейтральный поток в позвоночник, спокойное, ненапряженное дыхание.

Пробуждение нельзя перепутать ни с чем. Позвоночник вздрогнул и начал делать мягкие волнообразные движения. Теперь предстояло выполнить упражнение на полную концентрацию и накопление энергии для того, чтобы правильно воспринимать технику, которую мне будет показывать девушка.

Я максимально расслабился, чтобы ощутить дракона. Позвоночник заколебался с предельной амплитудой. Упражнение было выполнено идеально.

В открытые глаза ударила цветная молния и ослепила на неопределенное время. Зрение вернулось внезапно. Я сидел на пушистом ковре, было тепло и спокойно. Вокруг суетились маленькие дети от двух и, может, до четырех лет. Они радовались жизни, смеялись, подбрасывали вверх пластмассовые игрушки, некоторые пытались общаться, по-детски неумело пользуясь словами.

Полированные столы, тумбочки, цветные разрисованные стены. Мимо меня прошел карапуз, он направлялся к столу, на котором лежала какая-то большая коробка. Карапуз долго кряхтел, а дотянувшись, не удержал ее и уронил. Коробка ударилась об пол и раскрылась, цветные картонные квадратики широким веером рассыпались вокруг малыша. Он горько заплакал и упал на рассыпанные квадратики. Его печаль показалась такой огромной, что я заплакал вместе с ним. Крошечные плечики малыша вздрагивали, и от этого жизнь показалась мне невероятно тоскливой. Он не визжал, не бился в истерике, а горько и сдержанно плакал, как взрослый. Короткие коричневые штанишки и цветная измятая рубашка со сказочными рыбками были особенно трогательными. Я боялся его успокаивать, потому что совсем не знал, как обращаться с такими маленькими. Наверное, это и спасло мне жизнь. Его локоть поднялся, и из-под руки выглянула лукавая смеющаяся мордашка, которая показалась до замораживающей жути знако-

мой. И вдруг сердце с силой ударило изнутри, как будто собиралось, проломить грудную клетку.

– Что, жалеешь? – усмехнувшись, четко спросил младенец. – Смотри, – он уверенно сел и протянул мне один из картонных квадратиков.

Я молча дрожал потому, что узнал малыша – это был я. Это был мой детский сад.

– Бери, бери, – настойчиво повторил я сам себе.

Когда моя рука потянулась к картонке, я понял, что возьму ее, даже если не захочу. Взглянув на квадратик, я задохнулся: маленькая, но очень четкая фотография. Летний сосновый лес, я, четырнадцатилетний, в объятиях двух тоненьких девочек – лягушат.

– Ну как, нравится? – усмехнулся младенец.

Когда я глянул на него, то показалось, что он стал старше.

– Держи, – снова предложил ребенок.

На следующем квадратике я увидел свою первую любовь, мы шли с ней по городу. И так дальше и дальше. Ребенок, показывающий мою жизнь, заметно подрос. И только тогда, когда я увидел себя летящим в самолете, мне все стало ясно.

Я хотел вскочить, закричать, выбежать из этой камеры пыток, но попытки были бесполезны. Я мог только тихо плакать, я не мог даже закрыть глаза. Уже взрослый человек протягивал мне следующую фотографию. Больше всего я боялся увидеть, сколько квадратиков осталось.

На следующей картинке мы с Сашей шли по ночной долине. Напротив меня сидел мой двойник. Следующие фотографии. Это тающая жизнь – наконец-то понял я. И в то же мгновение еще понял, что в упражнении, которое делал, допущена серьезная ошибка. Я попытался выбраться из этого смертельного плена. Но уже вопреки своей воле потянулся за следующей фотографией.

Стена за моим двойником вдруг исчезла, появились холодные потоки стекающие с гор. Тянь-Шань молчаливо и величественно возвышался вдали. Ко мне, громко крича, подбежала Саша и схватила за руку. Я медленно начал проваливаться в мягкий ковер.

Надо мной плача сидела Саша. Когда дошло, что стою по пояс в земле – сразу пришел в себя. Попытался вылезти, земля легко осыпалась оставляя границу, на которой, не проваливаясь, стояла Саша. Я попытался еще раз, результат оказался тот же.

– Ничего себе, ты настраиваешься, – громко заревела Саша. Я снова с трудом сделал несколько шагов, проложив сзади подобие траншеи.

– Что же делать? – всхлипывая и почему-то шепотом спросила девушка.

Слова застряли у меня в горле, со спины Саши к нам не спеша подошел Няма. Девушка с криком отпрыгнула в сторону. Забыв, в каком положении, я кинулся к Учителю. Земля снова осыпалась, и я провалился сквозь ноги Няма.

– Чего удивляешься? – спросил он. – Прошлый раз тебе показалось, что я тронул за плечо, это были личные ощущения. В последнее время ты раздражаешь меня. И, пожалуйста, запомни, что я в этом случае хожу далеко не на приятные прогулки. Послушай, ученик, я ничем тебе не смогу помочь. Я только пытаюсь предупредить и не смогу защитить, подать руку или вовремя предупредить. Запомни еще раз: никто не способен на изменение чужой судьбы, кроме исключительных случаев. Вспомни, кто здесь работал раньше. Так что это за место? Как можно пытаться вдуматься в упражнение, если рядом его хозяин, но показывает не он. Опомнись и иди в дом.

Няма ненадолго застыл.

– Сколько было лет твоему двойнику, когда он подал тебе первую карточку?

– Года два, – дрожа ответил я.

– Повезло, – усмехнулся Няма. – Подарил всего лишь два года жизни.

– Кому? – вырвалось у меня.

– Смотри, – быстро отошел, покачал головой Учитель. – Поверь, что не Школе, – Няма слегка развел руками.

– Понятно, – прохрипел я и снова попытался выбраться.

– Успокойся, с тобой ничего не случилось, – остановил мои бесплодные попытки Няма. – Лучше скажи ей спасибо, – кивнул он в сторону Саши. – Впрочем, не было б ее, не было б и этого. А если обошлось, значит, получил предупреждение, – и Няма тихо засмеялся.

Я понял, что повзрослел на тысячу лет.

– Ну, а как все-таки вылезти?

– А ты и не вылезешь, – снова засмеялся Учитель.

– Как? – ужаснулся я.

– Иди потихоньку, а дойдешь до смешанной структуры, до асфальта, – внимательно глянув на меня, объяснил Няма, – вылезешь и старайся только по нему, вот и все. А через восемь часов будешь стоять плотно.

Повертев головой, я понял – Няма больше нет, и еще понял, что он помнит обо мне. Рядом с отвисшей челюстью сидела на земле Александра.

– Вот это да, вот это здорово, – без остановки повторяла она.

– Где у вас тут асфальт? – злясь на весь мир, спросил я.

– Слушай, а я думала, что аксакалы сами легенды придумывают.

– Это хоть здесь причем? – удивился я.

– А у нас много сказок про дурачка Керима, так он один раз тоже провалился и попал к демонам.

– Асфальт где тут у вас?! – заорал я.

– Очень далеко, – вздохнула Саша. – Бедняга, – снова вздохнула она, – пошли.

Мы шли к далекому асфальту, Саша тянула то за левую, то за правую руку. Силы уже почти покинули меня, а земля бесконечно осыпалась и осыпалась. Шли долго, наверное, почти все положенное время. Когда вылез на асфальт, прогнал Сашу домой. Трудно было представить, что она расскажет дома, но я пообещал зайти. На бетоне БЧК сидел без мыслей, а когда солнце подальше отошло от вершин, наконец-то решил пойти к дому.

ГЛАВА 17

Все давно были на луке, а Татьяна, конечно, увезла ключ. Но был еще и полностью распустившийся розовый куст, холод не смог подчинить его. Цветы раскрывались и все равно отстаивали свое время. Ничто не могло помешать им родиться и умереть.

Я долго ковырялся в окне, но все же открыл его. Заснуть не получилось, уже через дверь я снова вышел на улицу. В летней кухне кто-то копошился, когда зашел туда, увидел фотографа и понял, что беда нагрянула. Он казался истощенным до предела, со страшными глазами, ни чьей виной это не было, его спасали все, как могли. Хотя кто знает, может, именно он и спас остальных своим полным безумием, заставив держаться изо всех сил. Грязный, до сих пор босой, он что-то грыз сидя в углу на полу.

– Я очень люблю хлопковое масло, – улыбаясь засохшими губами объявил он.

“Может, покормить насильно?” – подумал я.

Но фотограф почувствовал, вскочил и выбежал из кухни.

Во дворе послышался какой-то шум, я вышел. Ребят с лука привезли раньше, чем обычно. Они были подавленные, а азиаты – злые и возбужденные.

– Где ваш главный? – наперебой кричали они. – Сейчас во всем разберемся. Приехали к Учителю и ничего не делаете.

“Прямо театр пекинский,” – подумал я. Как ни тяжело различать восточных людей, но все же одного я узнал. Это был именно тот, с которым спарринговал у Кима.

– Ну, я здесь главный. А что? – спросил я у корейца.

Он, конечно, узнал меня.

– Поговорить нужно, – насутился кореец.

– Нет уж, дорогой, – не согласился я. – Придется подождать, пока со своими поговорю.

Я знал, как ценят здесь людей, и поэтому театр начинал смешить.

– А ну, орлы, поговорим, – обратился я к ребятам.

Проблема заключалась в том, о чем я знал. Азиаты просто хотели напугать ребят. Чаще всего, конечно, в разговоре упоминался Учитель. Хотели снизить плату, утверждая, что приехали не учени-

ки, а какие-то лентяи. “Вот черти, – подумал я. – Им Фу Шин помогает, а они комедию устроили.” В том, что ребята работали нормально, я не сомневался. А когда спросил у жены, как работают, то Татьяна сделала такое страшное лицо, что я засмеялся.

– Ладно, стойте, – сказал я и направился к азиатам.

– Наверное, отдам их в другое место, – заявил я крестьянам.

Узкие глаза мгновенно стали круглыми.

– Что ты, что ты, – схватил один меня за руку.

– Ну не нравится им у вас, понимаете? – я сделал печальное лицо.

Он подскочил к ребятам и сделал не менее страдальческое лицо.

– Так вам у нас не нравится, плохо у нас? – спросил азиат.

Ребята смущенно начали пожимать плечами.

– Да нет, все нормально, – заулыбались они. Такого от своих я не ожидал. Страх затуманил им мозги – это было явным предательством.

– Видишь, это ты здесь всем недоволен, – заявил хитрый азиат.

– И чего тебя только старшим выбрали? Нужно Учителя спросить.

Это было слишком, и я, не выдержав, захохотал.

– Идите отсюда, мне, лично мне все не нравится, – заявил я.

– Послушай, дорогой, – подскочил ко мне один из земледельцев. – Пойдем поговорим.

Все плантаторы пошли за нами.

– Извини, дорогой, мы все поняли, – испуганно объяснил он.

– Все будет хорошо, мы и тебе денег дадим.

На них было жалко смотреть. Страх потерять людей был огромен.

– И водки привезем, правда, правда.

– Ну что, договорились? – хитро заглядывали они мне в глаза.

“Ну да, – подумал я. – Может, еще с вами по рукам ударить? Чтобы через пять минут вся долина знала.”

– В общем так, – громко сказал я. – Ребят не трогать, над душой не стоять.

– Слушай, – на этот раз любопытство победило все. Ко мне подошел кореец. – Жена твоя? – он кивнул в сторону Татьяны.

– Моя, – подтвердил я.

– Слушай, извини, конечно, а чего она со всеми на луке работает?

– Жен наказывать нужно? – грозно спросил я.

– Конечно, – он оживленно закивал головой. – Только я не женат.

Я догадался, что в долине меня полностью определили в ранг воина, занимающегося врачеванием.

– Вот я и наказал, понимаешь?

– И правильно, – согласился азиат. – Полностью с тобой согласен.

– Завтра приезжайте как обычно.

Азиаты, закивав головами, вышли со двора. По их лицам было видно, что они огорчены неудавшимся планом. Я даже не спросил у ребят, правильно ли то, что не езжу на лук? Вечером получил великолепный подарок – жена призналась, что полная дура.

Перед тем, как бежать к Искену выручать Сашу, произошла очередная неприятность. Ко мне подошел один из ребят и смущенно попросил дать совет.

– Тут, Анатолевич, у нас у многих – проблема. Может, посоветуете что-нибудь?

– Говори, а то спешу, – я настроился на худшее, но от увиденного застонал.

Парень поднял футболку и показал изъеденные полспины.

– Что это? – вырвалось у меня.

– Не знаю, к вам пришел, – буркнул тот.

Я схватил за руку и потащил его в самую большую комнату, где все отдыхали.

– У кого еще такое сокровище? – показал я на спину больного.

Оказалось у многих – ноги, руки, спина. Я оглянулся вокруг, люди сидели не уставшие – они сидели подавленные, их психика не справлялась с окружающим. Виноватых не было, зато было что-то похожее на стрептодермию, чесотку и даже проказу. “Как у тех детей на базаре, – подумал я. – Может, они и нарушали питание, но дыхания делади. Без дыхания психика не выдержала бы и двух дней. Окружающее оказалось слишком тяжелым, не выдерживали тела.”

– Ребята, потерпите, – попросил я. – Ведь с Учителем еще не говорил.

– Да какой он Учитель? – послышалось из толпы. – Умеет хоть что-нибудь?

Полная духовная слепота. Они видели только чужие лица, обычный поселок и огромные луковые поля. “Ничего, – успокаивал я себя. – Скоро закончится сезон полевых работ и уже тогда, как обещано, Учитель лично даст нам работу.”

– Терпите, – уже строже сказал я. – Мне идти нужно. Когда придут, чтобы в комнате была полная чистота, лечить буду.

За себя и жену я был абсолютно спокоен. С нами ничего не могло случиться. Питание мы никогда не нарушали, школу – тем более, а общение с травами укрепило защиту.

Я вынырнул из теплого дома в ледяной вечер. “Слава богу, хоть травы есть, – думал я, проходя мимо коммерческих ларьков. – Скорей бы этот сбор лука закончился. Может, все обойдется?” А с Учителем не говорил ни разу. Поездка к Фу Шину явно не ладилась. Волнуясь, я постучался в дом Искена. На этот раз дверь открыла Саша.

– Заходи, – сказала она и забежала в комнату отца.

Переступив через порог, я поклонился Искену. Он с трудом встал и тоже ответил поклоном. За его спиной улыбалась Саша.

– Присаживайся, воин, – с усмешкой сказал Искен. – Эта девочка правду рассказывает, или вы решили меня с ума свести?

Я бросил взгляд на Сашу.

– А что мне было говорить? – возмутилась она. – Где я была всю ночь? Или рассказать, что ты себе сломал палец, а может, испугался меня и убежал? И поэтому не проводил. Что было говорить? – она начинала злиться.

– Так правда или нет? – терпеливо переспросил Искен.

– Смотря, что она рассказывала.

– Конечно, – разозлилась Саша. – Может, ты сомневаешься, что я правду рассказала?

И только тут я понял, как устал. Искен подвинул мне пиалу с чаем. Глотнув, я понял, в нем опий, но допил до конца. Блаженный сон, сладкий и душистый начал надвигаться на меня. Сопротивляться было ненужно, и я уснул.

– Ну ты и спишь, – усмехнулся Искен.

– Сколько? – потянулся я.

– Представь себе – сутки.

Моему удивлению не было предела.

– Вы еще окопы поройте, – предложил Искен, – тогда и пять суток проспишь. Ну все, лекарь, выспался, давай к своим.

Азиат тяжело дышал, лицо потемнело и заострилось. Пришло время опия.

– Никуда не пойду, пока не увижу. Ты мне покажешь дозу и как.. А я подумаю..

– Ух ты, смельчак... Давай, лекарь, на то ты и лекарь. Только смотри – молча и не дергайся.

Искен с трудом встал с кана, как будто на его плечах лежал огромный груз. Этот груз сгорбатил его, и, еле передвигая ноги, азиат добрал до полка в углу комнаты. Уперевшись рукой в одну, он отдышался и начал что-то искать. В руке появилась белая скомканная тряпка. С таким же трудом он вернулся к кану и сел. В тряпке были куски опия, шприц и вата. Проверив, все ли на месте, чтобы не возвращаться, Искен, шатаясь, с огромным усилием потащил ноги на кухню. Порывшись в шкафу, он достал половник.

– Зажги плиту, – хрипло бросил мне азиат.

Я зажег конфорку газовой плиты. Искен набрал воды в половник, вскипятил ее и выплеснул в стоящее рядом ведро. “Простенькая стерилизация,” – подумал я. Он снова набрал воды в половник и бросил туда кусок опия. Сладкий, одуряющий запах заполнил всю кухню. Закипевшую смесь Искен снял с огня.

– Держи, – протянул он мне половник.

Я взял в две руки. Правая рука была как раз над горячей смесью.

– Не дергайся, – жестко сказал Искен и быстро проколов иглой мне ладонь выдавил несколько капель крови в раствор. Дернуться я даже не успел. Забрав ополовник и прокипятив еще немного, он проковывлял мимо меня. Промыв шприц с иглой, азиат скрутил из ваты плотный тампон, бросил его в раствор. Уткнувшись иглой в вату, шприц всасывал очищенный моей кровью жидкий опий. “Десять кубиков. Ничего себе!” – отметил я.

– Пошли, лекарь, такого еще не видел, – хрипло предложил Искен.

Азиат лег на кан и поднял шприц, выгоняя из него воздух. Игла была наборная, самого крупного размера. Немного спустив спортивные штаны, он долго и внимательно рассматривал иссохшийся тазобедренный сустав. Потом, приставив иглу и сжав зубы, начал медленно, с усилием, вводить ее в сустав.

– Ты что делаешь? – заорал я, кинувшись к Искену.

– Вон, – прошипел он сквозь зубы.

Я забился в угол, закрыл глаза и начал думать. Происходило нечто невероятное. Если бы в эту комнату можно было завести из чистенького кабинета в белом халате и колпаке врача, он бы мгновенно сошел с ума. Современные врачи не верят в мистику, а то, что это не сон, было бы и так понятно. У азиата не осталось ни одной доступной толстой игле вены. Одни сожжены, другие выжили, спрятавшись как можно глубже. У человека, лежащего напротив меня, не было вен. Внутримышечно – эффект не тот. Передо мной лежал человек, и через невероятную пытку, через боль, которую невозможно описать, пытался иглой попасть в сустав. Опий в нем распространялся быстрее, все это отдаленно напоминало внутривенный эффект. Искен кололся в суставы.

Сколько так просидел, не помню, наверное, пару часов. А азиат все искал и искал, тыкая иглой то в левое, то в правое бедро. Забыв обо мне, он хрипло стонал, иногда что-то выкрикивая по-своему. Вдруг он застонал сильно и протяжно, заскрипели оставшиеся зубы. Открыв глаза, я увидел, что Искен улыбается сквозь дикую боль. Его большой палец давил на поршень. Какая же боль должна быть в суставе? На моих глазах бедро меняло цвет – из темного оно превращалось в кроваво-красное и быстро увеличивалось в размерах. Загнав все десять кубиков, Искен резко вырвал иглу из сустава.

– Рассосется, – улыбнулся он, растирая бедро.

Засохшая мумия на моих глазах начала оживать.

– А доза у меня, – усмехнулся азиат. Он поднялся уже не с таким трудом и порылся на другой полке.

– Вот, – Искен выпустил на кан из ладони крупный коричневый шарик, он покатился и замер возле стены. – Десять граммов в сутки. А знаешь, что такое опий Иссык-Куля? Это черные слезы всех богов мира, – засмеялся Искен. – Фу Шин привозил мне лекаря из Гонконга. Грамотный, как ты. Успокаивал меня, героин давал, убеждал, что на чистом спрыгнуть легче. Обнаглели они там, решили, что у них тоже наркоманы есть. Пол-Гонконга этим красавцем обколоть можно, – Искен указал пальцем на затаившийся возле стены коричневый шарик. – Я воин, – развел руками азиат. – А воины – ребята крепкие.

– Дальше, – попросил я.

– Подождали мы с ним, пока мне захочется, он еще просил, чтобы подольше ждать... Вот так, лекарь. А когда я начал подыхать, сунул мне своего белого порошка, уколол – ничего, еще раз уколол – тоже ничего. Ему, бедняжке, со мной даже плохо стало, страшно, видите ли. Забрал я у него и выколол весь порошок. На пять минут полегчало. А он, бедненький, трясется и плачет, видите ли, этим рассчитывал меня на ноги поставить.

– Сколько? – выдавил я из себя.

– Триста доз, – громко засмеялся азиат. – Ну что, лекарь, лечить будешь?

– И сколько колешься? – спросил я.

– Все пять лет и колюсь. В больнице все началось. Лучше б курил, как старики. Главное, лекарь, не жадничай, силу воина рассчитывай. Помнишь, говорил?

– Помню, – кивнул я.

– Лечить будешь?

– Нет.

– Правильно, умный значит. Вылечить, конечно, можно. Состав крови давно поменялся. Чтобы снова поменять, оставшейся жизни не хватит, да и зачем? Таким же доходягой останусь, только еще и без опия.

– Ада, можно? – послышался из-за двери голос Саши.

– Попробуй, – весело предложил Искен.

В комнату заскочила улыбающаяся Александра.

– Отец, – обратилась она к Искену. – Ты ведь обещал. Покажи, а?

– Ладно, – Искен махнул рукой. – Давай.

Девушка радостно пискнула и выскочила из комнаты. Вернулась с толстой квадратной доской. Искен отогнул край ковра и достал трехгранный блестящий клинок. Девушка, улыбаясь, подняла доску над головой.

– Как хочешь? – спросил Искен.

– Мое любимое, – попросила дочь.

– Ну что ж, – усмехнулся азиат. – Для самых почетных гостей – показываю. Прошлый лекарь нервный был, чуть в обморок не упал. Смотри, – предупредил Искен.

Он достал еще три кинжала. Все лезвия Искен вложил в ладонь правой руки и прижал большим пальцем. Потом медленно сжал ее в кулак. Броска я не заметил, но то, что увидел потом, привело в неопикуемый восторг: Два клинка глубоко торчали в доске, третий, образуя четкий треугольник, прошил доску насквозь и затерялся где-то в полках.

– Это называется, – радостно сказала Саша, – один проходной. И так ада может пропустить любой из трёх.

– Мог, – буркнул в ответ Искен. – Сможешь вынуть клинки? – спросил он.

– Нет, – сказал я, оценив обстановку.

Толстая доска даже не треснула.

– Молодец, правильно, – похвалил Искен. – Я и сам не всегда выдергивал. А ну, девчонка, – он обратился к Саше. – Расколи топором, только аккуратно.

Девушка, возбужденно мотнув головой, выскочила из комнаты.

– Дай третий, – попросил у меня Искен.

Я порылся между полок и, резко дернув, вытащил из стены клинок. Взяв в руки, Искен ласково погладил его и спрятал под ковер. Саша снова заскочила в комнату.

– Возьми, ада, – она протянула ему два клинка.

Внимательно осмотрев, Искен положил их на место.

– Ну что? – спросил он. – Когда следующая тренировка?

– Как вырвусь, – пожал я плечами.

– Только землю больше не пашите.

– Хорошо, – пообещал я и, попрощавшись, вышел.

Был праздничный день. На луке никто не работал. Я умолял ребят, угрожал им и сам сходил с ума не зная, что делать. Объяснял, что сезон заканчивается и мы скоро займемся своим прямым делом. В комнате было чисто. Кто-то поработал, и на кирпичах, возле розетки, свернувшись красной змеей, лежала горячая спираль. “Вот и вся подготовка к чуйской зиме,” – подумал я.

Ребята заметно похудели, стало прекрасно видно, кто и как следовал законам школы. Была и радость – с двенадцати часов дня до двух прибитый к окну термометр показывал плюс двадцать. В это время долина наслаждалась теплом. Нужно было успеть все сделать. Стирка закипела полным ходом. Жена варила в котле полынь, на солнце прожаривались одеяла. Я пытался остановить болель, громко проклиная всех за то, что поздно о ней объявили.

– Сдыхать будете, – злобно говорил я, – к Учителю проситься не пойду. Поэтому лечитесь, пока есть возможность.

На огороде началось общее обливание раствором крепко заваренной полыни.

– И все же, что это? – спросила меня Татьяна.

– Это обычный страх, – объяснил я. – Страх уничтожает все. Самая страшная бактерия, которую может победить только сам больной.

Фотографа не было уже несколько дней. “Что делать? – мучился я. – Ведь он не мальчик, – успокаивал я себя. – Мы с ним почти одного возраста. Ладно, буду искать.” Походив по поселку, я узнал новость, которая обрадовала: в последний раз его видели в русском районе.

– Не пропадет, – махнув рукой сказал Ахмед. – У них там русских мужчин мало.

Я решил ненадолго отложить поиски, тем более, что в русский поселок нужно было идти километров двадцать.

Ясный, солнечный день, умывшись и побрившись, я пошел к Рашиду с надеждой что-нибудь разузнать об Учителе. Попал на очередное собрание. Братья собирались ехать в Китай за партией риса. Планы и рассуждения были настолько непонятны, что я, извинившись, набрался смелости и пошел прямо в дом Фу Шина.

Во дворе было большое оживление, дети танцевали под восточную музыку, которая лилась из выставленных в окно магнитофонных колонок. Женщины накрывали стол, мужчины, как всегда, беседовали о важных проблемах, пахло пловом и виноградом.

– Салям, – поздоровался я со всеми.

– Серега пришел, – радостно заорала подбежавшая Джисгуль и повисла у меня на руке. – А к нам с папкой гости приехали.

– Какие? – спросил я.

– Те, которые водку пьют, – объяснила девочка.

И тут я заметил в другом конце двора два больших незнакомых джипа. Рядом с машинами стояли здоровенные, все в коже, бритоголовые молодцы.

“И этих принесло, – с неприязнью подумал я. – Сколько же сюда таскается всяких! Интересно, что им нужно от Учителя?” Бритоголовые в открытую, ни капли не стесняясь, разглядывали азиатов. Те, в свою очередь, не замечали их вовсе. Весь двор вдруг вздохнул, из дома вышел в спортивном костюме Фу Шин. Как всегда, немного хитрая улыбка, чуть склоненная на бок голова и мягкая походка тигра. Учитель шел прямо ко мне. Джисгуль подбежала к Фу Шину.

– Папка, – снова заорала она. – Серега пришел.

Взгляд патриарха скользнул по двору. Хотелось упасть ниц или поклониться, но на удивление ничего не получилось, я стоял, как столб.

– Привет, Серега, – Учитель улыбнулся и протянул руку.

Поборов желание приложиться к ней, я с серьезным видом ответил рукопожатием.

– Ну и как дела? – спросил Фу Шин.

– Отлично, – бодро произнес я.

За спиной послышались хлопки. Я обернулся и увидел лежащих ниц бритоголовых. Учитель направился к ним. Вот и закончилась моя очередная встреча. Больше здесь делать было нечего. Я уныло побрел к мосту через арык.

Дни бежали без остановки. Учитель успел съездить в Китай и обратно, а я все не мог с ним встретиться. Ким, усмехаясь, подбадривал, мы обменивались с ним корейской техникой, и даже с Сашей я провел несколько тренировок. Сезон лука закончился, заканчивались и сомы – деньги, которые заработали на поле. Незаметно таяли продукты, которых ухитрились накопить. Еще немного – и нам будет нечего есть. Было необходимо пробиться к Учителю, но как это сделать, я даже не представлял. Раны у ребят потихонечку затягивались.

Однажды с утра, открыв дверь, я рухнул на крыльцо и несколько ступенек проехал на спине до самого розового куста. Твердый, как стекло, тонкий слой снега.

Глянув на розу, я увидел то, что обещал Ким. Роскошные красные цветы были скованы кристаллами льда. Живая роза со сверкающими лепестками во льду. Солнце только начинало бросать свои лучи в красные цветы. Днем, когда стало жарко, розовый куст, ничуть не согнувшись, все так же окутывал проходящих мимо своим волшебным запахом. “Нужно идти к Учителю,” – решил я.

Осеннее солнце светило так ярко, как будто прощалось навсегда. На этот раз шел к Учителю смело. Нужно было выяснить, что с последним больным, которому заваривал травы. Возле меня резко затормозил знакомый джип, из него улыбаясь выбрался Учитель. Я рухнул ниц.

– Слушай, Сергей, может, хватит все время падать? – спросил Фу Шин.

– Понял, – ответил я, вставая.

– Серега, – с заднего сидения, радостно улыбаясь, показывала мне язык Джисгуль. Ее таланты были неоспоримы: “поза льва” была выполнена идеально.

– Сергей, – продолжал Учитель, – мне нужна твоя помощь, подготовь ребят.

– К чему, Учитель? – поклонился я.

– Завтра к вечеру в мой дом придет много разных людей и нужно показать технику.

Ноги подкосились, но я постарался изо всех сил устоять, изображая при этом преданную улыбку ученика.

– А что за событие? – поинтересовался я.

– Не так, чтобы событие, но людей будет много, даже очень.

Предчувствие укололо в самое сердце.

– Событие, – просипел я внезапно охрипшим голосом, забыв о почтении. У Фу Шина стало немного смущенное лицо. Смущенный тигр – это очень интересно. Я уже почти почувствовал, что произойдет, но боялся в это верить.

– День рождения у меня завтра, такое вот происшествие, Серега, – улыбаясь развел руками Учитель. – Так что подготовьтесь, пожалуйста, а? – Он легонько хлопнул меня по плечу и, мягко запыргнув в машину, умчался куда-то в глубину предгорий.

Всю улицу вдоль перерезал глубокий арык. Возле него росли какие-то незнакомые кусты. Я забрался в самую гущу и остался наедине с собой. В душе нарастала неудержимая паника.

Так вот, какой ты, Андреевич, твоя смелость и вера в людей безграничны. Конечно, ты не мог не знать о дне рождения, но твои испытания страшнее, чем все, которые были у меня раньше.

Что такое – падать окровавленным на землю, воюя за самое дорогое и понятное? Что такое – голодать вместе с братьями по общине, обжигаясь о снег? А лабиринт Дракона? А знания, которые вызывают слезы радости? Что все это?

Вот ты и объяснил мне, мой второй Учитель, Учитель черных, холодных городов. Мастер, разобравшийся в безумии и невежестве окружающих нас людей, живущих в личных апокалиптических мирах, которые никогда не соединятся.

Чувства – самое дорогое, что есть у людей, чувства, обращенные на себя, – собственная гибель.

Я кланяюсь тебе, мастер! Ты как будто договорился с Нямом и повез меня к Фу Шину, но ведь вы не знали друг друга. Все те трудности назывались счастьем, а я уже почти начал считать себя героем. Все те страдания назывались радостью, а я почти считал себя страдальцем. Ты, наверное, решил, что мне пора дать почувствовать, что такое трудности, особенно, когда рядом любимая женщина.

Люди живут в странном мире, даже не в странном, а каком-то необъяснимом, они видят то, чего нет, и не видят то, что есть. Спешат, зарабатывают деньги, пытаются по своему любить друг друга, растягивают детей, не желая, чтобы те были похожи на них. Выдумывают для своих чад сверхъестественные задачи, загоняя любимых детей чуть ли не до смерти. Заласкивают собак, делая из них членов своих семей, полностью лишая животных индивидуальности, превращая их, огромных и сильных, в лежащих на подушках пар-

хатых шавок. Все время копят, копят и копят все, что только возможно в этом мире, сами не зная зачем. Какой-то пугающий, изуродованный инстинкт самосохранения.

Мне вспомнилась одна семья, которая выращивала кролей и настолько привыкала к ним, пушистым и красивым, что резать ни у кого не поднималась рука.

Но человек всегда находит выход по-своему. Рядом жили соседи, тоже страдающие от подобного. Собирались совет двух дворов, подбирали равноценных по весу и меху, и все проблемы были решены. Почему равноценных? Да потому, что своих и те, и эти есть тоже не могли, чужих – запросто.

Убивать чужое – исключительная человечность!

“Стоп, – одернул я сам себя. – Что-то ты, Сережа, сходишь с ума. А ведь завтра у Патриарха день рождения”.

Я представил, кто может приехать, и стало очень плохо. Потом понял, что даже не представляю, кто может приехать.

“Остановись, – снова приказал я себе. – И внимательно подумай, кто может приехать к Первому Патриарху северо-тибетской Школы?”

И вдруг мне стало смешно, а какая разница кто приедет? Может, нужно подумать, что мы имеем. А имеем мы аж ничего, причем такое большое ничего, что и слов нет. А это значит, на дне рождения Фу Шина будут показывать технику те, которые еще даже не стали учениками.

И тут меня осенило, – что ребята уже считают себя учениками, этим нарушая все законы и традиции. Я сидел в кустах, ломая себе руки, прекрасно понимая, что объяснять это ребятам бесполезно.

Так ничего и не решив, я направился к дому. Во дворе ждал очередной сюрприз, азиаты сдержали слово, они привезли немного денег и шесть бутылок водки. Три бутылки я отдал орлам, которые приняли их с радостью, остальные оставил себе.

Этим вечером я напился. Ученик Няма сидел в темном коридоре на куче обуви и молча, обливаясь слезами, изо всех сил, не спеша, метал башмаки в дальнюю стену. Тогда мне казалось, что если пробью ее – все будет хорошо. На грохот из комнаты вышла первая жертва и сразу получила туплей в лоб, удар был настолько силен, что бедный парень свалился на пол. В следующего я промахнулся. Спрятавшись за дверь, он клятвенно заверил, что есть запасные ботинки и с неимущим фотографом поделятся. А стена все никак не пробивалась, и ученик Няма, прошедший войну корейцев с японцами, уже никого не стесняясь, завывал во весь голос. Обувь закончилась, и я провалился в сон.

Утром, после трех бутылок водки, я зашел к ребятам в комнату.

– Значит так, господа орлы, – держась за голову, промычал я. – Сегодня у Фу Шина день рождения, и мы будем показывать технику.

– Да мы что, клоуны? – раздраженно фыркнул кто-то из толпы, пьющей чай.

– Убью сейчас, – внезапно вырвалось у меня.

– А ну, заткнись, – зашипели на него все.

– Готовьтесь, в шесть вечера пойдем в дом к Учителю, – подавив приступ тошноты, я вышел из комнаты.

На улице медленно умирал розовый куст. Наглядевшись на это печальное зрелище я решил сходить на разведку к Искену. Сделав несколько восстановительных дыханий, и все же не очень твердой походкой, я вышел со двора. Возле коммерческих ларьков стало намного легче, а когда упал в неглубокий сухой арык, то пришел в себя окончательно.

Двери открыл все тот же губастый великан и сразу ушел в свою комнату, из которой доносилась тоскливая восточная музыка. Меня всегда удивляло то, что ни в одном доме, по крайней мере, куда был вхож, другая не прижилась. Искен сидел, перебирая блестящие клинки.

– Привет, шпион, – невесело усмехаясь, поздоровался со мной мастер.

– Привет, но почему шпион? – стараясь как можно веселее, ответил я.

– Хорошо, пусть разведчик, – жестко сказал азиат.

– Да вот, проведать пришел, – уже насторожено пробормотал я.

– Меня что ли? – притворно удивился мастер. – Присаживайся, – с опозданием предложил Искен.

Я сел напротив азиата, оперевшись спиной в стену. Он задыхался больше, чем обычно, было такое впечатление, что в Чуйской долине закончился опиум. “Странно”, – подумал я. Передо мной сидел человек с опасной для жизни абстиненцией.

– Тебе помочь, Искен? – предложил я.

– Я сам себе могу помочь, – хрипло, с дрожью в голосе, произнес азиат.

На него было тяжело смотреть – дрожащий, весь в поту, как будто искупался в одежде, казалось, еще немного и мусульманин умрет.

– Смотри, ученичок, это первый, – хмыкнул азиат.

Между нами было максимум метра три, кан был широкий, на полкомнаты от стены к стене, в одну упирался я, в другую Искен. Раздался стук, от которого вздрогнула стена, через мгновение дошло, что одежда над правым плечом приколота к ней. Я медленно повернул голову и посмотрел, клинок торчал по рукоятку. И тут

же нервно рассмеялся, Искен не поднимал руки – нож, казалось, вылетел сам.

– Ну, по крайней мере, веселые к нам еще не приезжали, – прохрипел почти умирающий азиат.

– Второй показать? – спросил мастер. – Может, что и увидишь.

– Покажи, если получится, – предложил я. А что было делать? Злить, наверное, не стоило, плакать разучился в тайге. Я прекрасно понимал, что в этом состоянии ему промахнуться ничего не стоит. Мне оставалось только одно – рассмотреть хотя бы технику броска, тем более, что подобного никогда не видел.

– Не переживай, лекарь, получится, – заверил меня азиат.

И тут я увидел: по азиату прошла едва заметная волна, закончилась она в правой руке, которая открытой ладонью накрывала два клинка. При таком абсолютно правильном движении Искену осталось только сжать один из них и проконтролировать направление, вовремя разжав руку. Клинок вырвался из кулака и вонзился у меня над головой так, как будто его плотно прижали к черепу, а потом вбили молотком. Я был уверен, что мастер приколол прядь моих волос.

– Не жмет? – поинтересовался азиат.

– Немного есть, – честно признался я.

Дверь с грохотом отворилась, в комнату ворвалась Саша. Она перевернула стоящий на кане столик и уткнулась лицом мне в грудь. “Следующий будет мне в лоб”, – с уверенностью решил я.

– Не нужно, ада! – закричала она, и крик, отразившись от клинков, зазвенел в моих ушах.

– Кому не нужно? – хрипло прокричал ей в ответ Искен.

– Я люблю его, ада.

То, что это конец, сомнений не было. Стена снова вздрогнула, я напряженно пытался понять: куда Искен воткнул мне клинок. Время шло, больно не было, и тут я захлебнулся испугом. “Наверное, он убил дочь, – озноб пробежал по всему телу. – Конечно, разве такое прощают мусульмане”. Я потихонечку попытался отстранить прижатую к груди голову Саши, но почему-то не смог. Открыв глаза и оглядевшись, я все понял, одна из ее тоненьких косичек была приколоты клинком к моей одежде и стене.

– Ну что, парочка? – просипел выдохшийся от напряжения азиат. – Выбирайтесь, поговорим.

Саша тихо заплакала, сильнее прижав к моей груди лицо, потом правой рукой перерезала о клинок косичку.

Мы вдвоем, опустив глаза в кан, сидели перед Искеном. Три клинка по-прежнему торчали в стене.

– Было время, я не пропускал дни рождения Учителя, – хрипел азиат. – Сейчас уже все. А как бросал... Его дочкам косички с десяти метров прикалывал – одну двумя клинками.

– Мамочки, – невольно вырвалось у меня.

– Да, – кивнул дрожащей головой азиат. – Было время.

Я поднял глаза и опустил. Искен плакал, у воина по впалым, морщинистым щекам текли крупные слезы.

– А потом начали прибегать такие разведчики, как ты, но тебя хоть Гришка привел, – через силу улыбнулся мусульманин. – А они приползали сами. Иди, – продолжал азиат. – И готовься как можешь, только не опозорься.

– Ну а? – я кивнул головой в сторону Саши.

– В меня, – Искен с горечью попытался махнуть рукой. – Мне за ее мать такой концерт в долине закатили – шайтанам тошно. Не убивать же ее. Иди, Сергей.

– Послушай, – не выдержал я. – Тебе нужно уколиться.

– Это я напоминаю себе, что у Учителя, первого и единственного, день рождения, – из последних сил прохрипел азиат и потерял сознание.

– Сережа, – с ужасом взвизгнула Александра.

Этим утром я своими руками колот Искена.

Солнце пыталось нагреть ледяную землю. Я шел в свой чуждый дом, задумавшись над увиденным. Я ненавидел себя за тупость, за боль, которую принес Искену, и за Сашин позор. От этих мыслей меня оторвало событие, которое произошло возле коммерческих ларьков. На меня сильно дохнуло агрессией, которая мгновенно вышибла все мысли из головы и заставила бросить взгляд вперед. Метрах в пяти, в стойках замерли два азиата. Дунганин и уйгур – сразу определил я. Через мгновение они бросились друг на друга. Бой был жесткий и высокого уровня. Забыв обо всем на свете, я смотрел на него с открытым ртом. Уровень примерно одинаковый, школы – разные. Неверное движение – и в ржавом ларьке глубокая вмятина от кулака, но промахнувшегося это не вывело из равновесия, он защитился, снова бросившись в атаку. Еще удар ногой, и у ударившего на подъеме повис кусок синей куртки, это означало – не повезло лишь куртке соперника. Через несколько минут молодые бойцы немного устали и поэтому успокоились. Теперь они начали не спеша применять школьные стойки, нанося не частые, но более мощные удары.

– А ну, стоять! – раздался справа от меня вибрирующий сталью голос с чисто русским произношением. – Смотри, красотки, разошлись, – на этот раз голос загудел так, что меня опять затошнило.

Я резко обернулся вправо. “Ох, и дяденька”, – мелькнула мысль. Это был человек, которого действительно хотелось назвать дяденькой. Он был квадратный или даже, если более правильно, кубический. Черная кожаная куртка до пояса и совсем не теплая, черные джинсы, все это давало возможность рассмотреть вновь появившегося. У него действительно не было никаких выпуклостей или сужений, а только прямое тело с короткими и очень толстыми руками. Он сделал несколько шагов к остолбеневшим бойцам, пройдя мимо меня. И тут я с удивлением заметил, что он ниже, чем я на полголовы.

– Дети вокруг, аксакалы, женщины, – продолжал возмущаться он. – День рождения Учителя, наконец, а они тут затеяли танцы. Что, предгорья мало? Так я ведь парень простой, могу и по шее надавать, – погрозил дяденька двум бойцам своим толстым пальцем. Для молодых мастеров это уже было слишком, тем более, что вокруг полно зрителей. Один из них не выдержал и направился к незнакомцу.

“Что делать?” – мелькнула мысль. Дяденька, конечно, прав и придется становиться на его сторону. Один из азиатов уже подскочил к незнакомцу, а так как другой пока стоял, я молча наблюдал за происходящим. Азиат мгновенно выбросил вперед руку, прямо в лицо пристыдившего его. Дяденька ничего не предпринял, а просто опустил свою лысую голову вниз, прямо на тот кулак, который минуту назад сделал вмятину в металлическом киоске. Раздался громкий хруст, судя по округлившимся глазам азиата, этот звук издал его кулак. После чего дяденька гулко ударил несчастного ладонью по уху. Глухо вскрикнув, парень пролетел пару метров и врезался в киоск. Ржавое строение закачалось и упало на бок, из него послышался истошный вопль, а потом посыпалась ламина разноцветных шоколадок.

– Не можешь – не лезь, – сердито сказал дядька.

Я оглянулся: второго азиата как будто и не было, но первый оказался очень крепким, он уже пытался встать. Вокруг бегали счастливые дети, собирая шоколад, ведь многие проживали в долине жизнь, ни разу не попробовав его.

ГЛАВА 18

Солнце набрало силы и начало припекать в спину. Зелень в долине не желтела, и эта непривычная осень настораживала.

Я шел за квадратным дянькой и удивлялся. Впереди плавно двигался располневший тигр, а может, самый обычный, но мелкий, который по конституции оказался ширококостным. Есть такие люди – небольшие, но очень мощные, им главное – не ошибиться в выборе техники боя. То, что идущий впереди не ошибся, было очевидно. Идущий вдруг резко обернулся, я по инерции сделал два шага и почти наткнулся на него.

– Ученик? – напрямую, прямо в лоб спросил он.

Мне стало приятно, что не ошибся, такая прямота могла быть либо у сумасшедшего, либо у тигра, но у тигров сумасшествие на этом и заканчивается.

– Ученик, – я согласно кивнул головой.

– К Учителю? – продолжал допрос тигр.

– К Учителю, – снова согласился я.

– Ну так пошли, – предложил дянька.

– Пошли, – ответил я.

Тигр быстрым и глубоким шагом пошел вперед. Я попытался догнать, стало смешно. Впереди была сила, которую я ощущал каждой клеткой, сила небесного меча.

Я развернулся и направился к дому.

– Эй, Ученик, Учитель живет прямо, – весело крикнул тигр.

– А вот мой дом, – я мотнул головой в сторону дома, в котором жил.

– Чей? – грозно спросил тигр.

– Мой, – повторил я.

– Купил? – улыбнулся тигр.

– Нет, Фу Шин поселил, – ответил я и сразу пожалел.

– Покажи, – попросил тигр.

Мне никогда в жизни не было так стыдно, что отвечать – даже не представлял.

– Давай познакомимся, – предложил я. У кунфуистов это не особенно принято, и поэтому тигр на мгновение задумался.

– Андрей, – протянул он мне руку.

– Сергей, – серьезно ответил я. – Понимаешь, мы готовимся к технике, – это был чисто боевой термин, и тигр меня мгновенно понял. – Мастер, можно позже? – почти жалобно попросил я.

– Пока, – махнул своей лапищей тигр, и мы расстались.

Увиденное в доме меня не обрадовало, все те же унылые лица, которым объяснить ничего невозможно. А сегодня день рождения Учителя! Сегодня вечером праздник рождения у человека, который пыгается отдать миру знание древних. Кому отдавать – решает Он. Был бы ученик, а такое сокровище, как Учитель, всегда найдется. Старая поговорка, в очень свободном переложении европейцев.

Мы сидели на втором этаже, с которого в нашей жизни начинался Тибет, для каждого – разный. Каждый видел его по-своему. Не было ошибки только в том, что память останется навсегда. Под огромным навесом из брезента много длинных столов, которые ждали гостей. В стороне, под маленьким навесом, располагался ансамбль в несколько человек. Они усердно настраивали инструменты: знакомые всем гитары, какие-то барабаны. Мне показалось, что в стороне была даже лютия. Пол, на котором мы стояли, на этот раз был почти горячий. Кухня под нами пылала, как раскаленная топка. Запахи, поднимающиеся от пола, сводили с ума.

Двор потихоньку начал наполняться. Перед въездом во двор останавливались машины всевозможных марок. Прибывшие гости не спеша рассаживались за столами. Все было чинно, не спеша, по-восточному. Перед моими глазами рождалась удивительная картина – начало чествования Патриарха.

Сильно хотелось знать, что за люди наполняют двор Учителя. Были разные: улыбающиеся радостно, испуганно, напряженные и настороженные, но они все пришли к Учителю. Машин становилось все больше и больше, начиная от “Запорожцев” и заканчивая “Мерседесами”. На этом мои познания в машинах были полностью исчерпаны. Люди волнами заполняли все свободное пространство во дворе. Без суеты, каждый знал, куда сесть или стать.

В торце самого длинного стола стояло кресло Учителя, но больше всего интересовало – для кого стулья по обе его стороны.

Прошел час. Люди смеялись и даже пили, но понемногу, из каких-то крошечных наперстков. Ансамбль играл восточную музыку, в микрофон молодой азиат что-то заунывно пел. Кресло и два стула по прежнему были пусты. Рядом с главным местом, на котором должен сидеть Патриарх, стояла фарфоровая бутылка с какой-то жидкостью и четыре легендарных стаканчика. Я боялся, что у меня вылезут глаза, я понимал, что люди снизу обращают внимание, но не смотреть было невозможно.

Вдруг, буквально перескочив плиты, брошенные через арык, во двор влетела огромная машина. Я понял, что это китайский генерал. Выскочив из машины и держа в руках какой-то сверток, он легко забежал в дом. Двор на мгновение замер, а потом снова зашумел весельем.

Время шло, но никто явно не был огорчен тем, что Фу Шина нет во дворе. И вот, наконец, появился Учитель в сопровождении генерала – два красавца в великолепных современных костюмах. Выглядывая со второго этажа, я понял, что генерал – мастер воинских искусств, он мягко шел рядом с Учителем, и в гибких движениях высокого человека чувствовалась огромная сила. Фу Шин по-прежнему оставался таинственным старым тигром, только на этот раз смущенным.

Гости не начали вскакивать с мест и приветствовать Учителя, они будто не замечали его. Люди не нарушали праздника, и в этом чувствовалась восточная мудрость. Только лишь музыканты заиграли что-то очень древнее, заплакали струнами об ушедших героях – воинах, отдавших жизнь за мудрость, родившуюся однажды в поднебесье. Сколько таких прекрасных песен сложило человечество, отблагодарив своих героев самым драгоценным, что есть на земле, – памятью? Из музыки, звучащей во дворе патриарха, что-то вырвалось, и ударило в самое сердце, а только потом отразилось в мозгу.

“А как же ошибки прошлого, которые ранят в самое сердце?” – древняя мудрость зазвучала по-новому и еще более непонятней.

– Накормить хоть додумаются? – раздался чей-то голос из-за спины.

Я обернулся и увидел: ребята смотрят на меня с недоумением и даже с испугом. И только через мгновение почувствовал, что слезы сами катятся из моих глаз. Питание, внутренняя работа и чувство Школы еще ничего не пробудили в их молодых мозгах.

Патриарх сидел в центре и улыбался, гости заслушались заунывной, забирающей в самую душу музыкой. После древней песни на какое-то время воцарилась тишина, и люди получили возможность потолковать между собой. Два стула возле Патриарха по-прежнему пустовали. Генерал сидел справа, через стул. По законам Школы рядом должны сидеть самые близкие ученики. Из темноты вдруг появился квадратный дяденька и сел слева возле Учителя. Левая рука у Фу Шина оказалась очень даже внушительной, правой до сих пор не было. Незнакомый человек с приятной наружностью бодрым шагом подошел к микрофону и принял на себя роль ведущего праздник.

– А сейчас, любимая всеми песня, – красивым голосом объявил он.

И запел по-русски необыкновенно переливающимся голосом. Не часто мне доводилось слушать такие соловьиные трели. Это пел знаменитый Урумбай, обожаемый всеми, первый певец долины.

Песня была красивая, с легким намеком о вреде алкоголя, который в состоянии превратить даже хорошего человека в тупое животное.

Я немного расслабился и более внимательно начал разглядывать гостей. Первое, что искренне восхитило – это сидящий среди гостей президент, а рядом – автор знаменитой “Плахи”.

Справа от Учителя место так и не было занято. “А ведь это место Андреевича, – с опозданием дошло до меня. – Наверное, он больше всего сейчас хочет сидеть с Фу Шином. Значит, и этим Андреевич пожертвовал ради нас, и, конечно же, Патриарх все понимает”.

Меня начала бить дрожь. Слабость предательски ударила под колени, а капли холодного пота, неприятно обжигая, покатались по телу. “Что же мы будем показывать?” – отвратительная мысль снова возвратилась, безжалостно терзая сердце. Я успокаивал и уговаривал себя, как только мог, силы нужны были для показа техники.

Поругавшись некоторое время с самим собой, я снова обратил внимание на гостей, большое количество знаменитых людей смутно окончательно. “А что ты думал? – уговаривал я себя. – А кто еще должен быть на дне рождения у Патриарха?” Но этот аргумент не принес облегчения. И вдруг мне стало так жалко самого себя, что сперва снова заплакал, а потом засмеялся. “И никого рядом”, – мелькнула беспощадная мысль. “Татьяна,” – вспомнил я о той единственной, которая может заставить в этот тяжелый момент прийти в себя. Но она сейчас скорее всего на кухне, помогает женщинам.

Сердце сжалось, образ женщины, которая отдала всю жизнь Школе, на мгновение ослепительно появился и рассыпался на тысячи кусков. Потом новая мысль: “Может, не Школе, а мне она отдала свою жизнь без остатка? А разве Школа – это не я?”

Мысли рвали онемевший мозг, праздничный двор медленно становился размытым и неясным, люди, сидевшие за столами, уплывали куда-то вверх. Кто-то потряс меня за плечо, я сидел на горячем полу, собравшись с силами, еле встал и снова уткнулся горячим лбом в ледяное оконное стекло.

– А сейчас, по старой восточной традиции, если кто-то хочет обратиться к нашему Учителю – милости просим, – Урумбай широким жестом указал на черный микрофон.

Из-за столов начали подниматься разные люди и поздравлять Патриарха. Выходили старики и что-то с почтением говорили на

дунганском, для приличия с трудом смешивая его с русским. Выходили разные люди, они открывали свою душу перед великим мастером, кланялись ему и благодарили за сохраненную мудрость неба. Молодые, скованные страхом и идущей от Учителя силой, бубнили что-то непонятное. Никогда такого количества языков и наречий не приходилось мне слышать за один вечер.

Дверь заскрипела, и кто-то спотыкаясь в темноте, с вытянутыми вперед руками, начал пробираться к нам.

– Главный, иди сюда, – тревожно сказал Урумбай.

Всем стало понятно, что он волнуется не меньше, чем мы. Я сделал несколько шагов ему на встречу.

– Видишь, того, в тубетейке? – он указал на маленького толстого человека.

– Вижу, – кивнул я головой.

– Только он речь скажет, сразу твоя очередь, – объявил приговор Урумбай.

– Что моя? – перепугался я.

– Твоя речь, а потом все выступаете.

– Еще и речь? – ужаснулся я.

– Традиция, – четко сказал певец и растворился в темноте.

Что же говорить, не знаю, когда начнет тот в тубетейке? А внизу уже говорил Ким. Мне сразу захотелось покурить конопки, съесть опиума и выпить стакан водки, но ничего подобного рядом не было. Тряхнув головой несколько раз, я бросил строгий взгляд на стоящих рядом ребят и вдруг, глубоко вздохнув, снова сел на пол. Я внезапно ощутил каждой своей клеткой, что они тоже волнуются, их боль острее моей, потому что она впервые. Впервые у них было все: чужая страна, чужое загадочное место по имени Чуйская долина, чужие люди, чем-то похожие чуть ли не на марсиан, и великий Учитель со своей непостижимой силой. Спустившись со второй лестницы, которая вела за дом, мы затаились в тени единственного дерева, растущего возле арыка. Внезапно все гости весело закричали и захлопали.

– Пожалуйста, Учитель, просим, – радостно закричал в микрофон Урумбай, подняв вверх обе руки.

У меня перехватило дыхание: Вот сейчас Фу Шин покажет какое-нибудь чудо, вылечит кого-нибудь или перережет своей энергией что-нибудь сверхтвердое. Ведь Учителя иногда делают подобное для близких людей. Ням любил без размаха и напряжения перебивать рельс.

– Пожалуйста, Учитель, – уже стоя аплодировали гости всех национальностей и вероисповеданий.

Фу Шин поклонился и подошел к микрофону, по двору ударила тишина. Заиграла знакомая музыка, и Патриарх, взяв микрофон, запел одну из песен Джо Дасена. Дунганин, азиат, хранитель древних знаний понимал красоту далекой Франции. Если бы Фу Шин не был Патриархом, то был бы, наверное, знаменитым певцом. Следующая песня была дунганской. Закончив песню, Учитель поклонился и под радостные крики гостей сел в свое кресло.

К микрофону подбирался маленький толстый человечек в тибетейке. Урумбай объявил, что он какой-то заслуженный академик. “Все, – мелькнула мысль. – После него говорить мне.” Колени подогнулись, и я уперся спиной в колючий каменный забор.

Толстяк в тибетейке говорил так долго, что мне захотелось вырвать у него микрофон. Он начал вдруг запинаться. Я целиком давал себе отчет в том, что мешаю ему говорить, но ничего сделать не мог. Толстяк вдруг пожал плечами и, оставив микрофон, пошел к столу. И тут случилось то, к чему стремятся многие занимающиеся по Школе. Подобное было и раньше, но не настолько четко и без желания. Я шагнул и вышел из своего тела. Перед микрофоном стояли два человека, один из них должен был выполнять определенную работу, другой эту работу контролировал и оценивал со стороны. Сперва показалось, что эти двое ничем не отличаются и где мое второе я – разобрать невозможно. То, что второе я будет только смотреть, а говорить и делать будет первое, дошло через несколько мгновений. Потом дошло, что второе я должно быть невидимо.

Конечно, это бесспорно, но я понял, что некоторые из гостей тоже увидели мое раздвоение и, ни чуть не удивившись, с любопытством разглядывают его. Я догадался, что эти люди и есть мастера, которых так хотелось угадать в толпе гостей. Но в тот миг было совершенно не до них. В моих обеих руках оказался микрофон. Я сжал его и вдруг громким и четким голосом заявил.

– В мире есть два северных Тибета, – все мгновенно обратили на меня внимание: наверное, не часто в доме Учителя так начинали речь. На меня что-то нашло, а ведь хотел поблагодарить за приют и за Школу. – Тибет географический и политический, – продолжал я, ничего не понимая. – Я счастлив, что попал в истинный Тибет, который всегда был хранителем мудрости наших отцов.

После сказанного я выполнил Школьный этикет сперва корейский, потом тибетский и повел за собой ребят в центр двора. Пять лучших из нашей группы отработали на пределе. Ребята в последнее время были на очень жестком питании. “Только бы не голодный обморок,” – молился за них я.

Каждый сделал по несколько упражнений подряд, разбросав по двору свои силы. Никто ни разу не сбился, выполняя сложные

прыжки и сальто, и все же заметно не хватало внутренней наполненности. Через несколько минут отработали все, пришли и мои секунды. Двое ребят стояли впереди меня, еще двое за спиной. За несколько секунд пришлось сориентироваться в действии. Я пропустил через себя частотную волну и толкнул двумя руками одного из ребят. Парень взлетел вверх и рухнул на спину.

“Молодец,” – подумал я, искренне обрадовавшись неожиданной помощи. Когда толкнул следующего, он взлетел и упал еще стремительнее, третий легкими, не стоячими ногами пробежал через весь двор и со звонким хлопком прилип к стене. Учитель встал из-за стола и сделал в мою сторону полный этикет.

Мы показали все, что могли, и даже больше, об этом знал только Фу Шин. Я стоял счастливый. Патриарх оценил нашу работу, стремление и состояние отчаянья, еще он поклонился волне, которую я пытался понять более десяти лет, а это значит – принял ее. Мы поклонились и не спеша покинули центр двора под радостные вопли азиатов.

Только лишь вскользь скажу о том, что в момент демонстрации техники семисантиметровые доски для нас были ничто. Даже непробиваемый Урумбай закричал:

– Смотрите, это вам не два, не три и не пять сантиметров!

Мы уходили, полуживые, но сделавшие все, что возможно. Учитель поклонился нам. Я знал, что не мне. Был бы я, если бы не было людей, которые делают Школу? Плохо делают или хорошо, разве мне решать это?

– Что делать мне? – в отчаянии спросила молодая, очень толстая женщина, в которой угадывалась красота.

Эта красота никогда не выбиралась наружу, она была глубоко спрятана под толстым слоем жира, который способен изуродовать даже самое прекрасное в этом мире.

– Девочка, остановись на мгновение, – искренне попросил я. – Ты борешься с Богом, и поэтому твоя борьба бесконечна. Так получилось в твоей жизни, что ты отошла от себя и стала пустотой. Каждый астрологический знак соответствует своему значению. Если это не так, значит, в твоей жизни произошла трагедия и не надо закрывать на это глаза. Ты скорпион – это значит ярость и стремление к жизни, анатомические эмфазы говорят о твоих особенностях, а скорпион говорит, что ты роковая женщина, сверхсексуальная, готовая жертвовать ради того, которого вбираешь в себя. Ты не соответствуешь своему гороскопу, а значит, не соответствуешь себе. Ты не скорпион, ты враг себе. Поэтому твоя жизнь строится из непонятных событий, но какой у тебя знак сейчас, я не знаю. А ты? Думаю, не знаешь тем более. Давай помогу.

Стань хотя бы телом похожа на свой знак. В теле рождается разум, в теле рождаемся мы – животные, по имени люди. Какой секс, хотя он тебе снится каждую ночь? Ночь, она умеет превращать мечты в реальность, ночь – сила, даденная напололам. Бери свою половину. Ночь, дающая людям сладкое, ночь – дающая людям понимание, что они люди и должны этим гордиться. Черная ночь прекрасна тем, что она призывает свет, с которым можно многое разглядеть. Так где ты? – не жалея женщины спросил я.

– Все буду делать, – впервые опустила глаза она.

“Ура!” – мысленно воскликнул я. Это была победа.

Мы уже вышли со двора. Ребята толкали меня, теребили за плечи, а я был почему-то вдали от Чуйской долины.

– Где Таня? – это были первые мои слова, которые я услышал.

В темноте раздались быстрые шаги, к нам подошел Ким.

– Вы что, Серега? – удивился он. – Лагман остывает.

Уставшие, раскачиваясь из стороны в сторону, мы побрели обратно на кухню. Для того, чтобы зайти не через двор, нужно перепрыгнуть арык. Я прыгнул первый и приземлился прямо в центре его. Ким захохотал, как ребенок.

– Ну, Серега, ты действительно устал, – искренне заявил мастер.

Лагман на рождение Учителя, наверное, делали боги. Мы снова перепрыгнули арык.

– Эй, странствующий монах, – с легким акцентом прозвучало из темноты. К нам подошел Ахмед.

– Серега, – продолжал он. – Сил у меня уже нет, пошли курнем.

– Слушай, родной, неужели у вас так презирают гашиш и тебе курить не с кем? – не выдержал я.

– Нет, что ты, – испугался Ахмед. – Мне курить с тобой особенно приятно, – с искренней улыбкой объявил он.

– Извини, – попросил я. – Силы на исходе.

– Да видел я все, Серега, – улыбнулся азиат.

Я оставил тех, которые заслужили эйфорию. То, что ребята и так покуривают, мне было известно. Эти двое сильно травмировались, но не признавались и этим вызвали к себе уважение.

В летней кухне ничего не изменилось, поднос с изюмом – сладкое чудо Азии, чай и гашиш. Дым непередаваемого вкуса, сладкий, горький, терпкий и ... Дым, снимающий все тревоги и страхи, дым, дающий несуществующую надежду, которая уходит вместе с ним.

Звезды загорелись ярче, и я вспомнил о том, что есть тибетские системы, основанные на применении Чуйской конопли. Меня не тянуло к конопле, но все же очень хотелось знать и эту сторону.

Конопля ускоряет развитие Школы и понимание ее, но и отнимает не меньше. Очень хотелось разобраться в этом.

Недолго посидев, мы попрощались и, подбодренные конопляным дымом, пошли к себе в дом, мечтая о волшебном сне. Но гапиш настроил меня вместо отдыха на бурную деятельность. Ноги сами повели к дому Искена.

Мне казалось, что плыву над землей, иду по туману, который кто-то расстелил плотным белым ковром по всей долине. Чуйская зима начинала сковывать землю крупными, сверкающими и колючими кристаллами. Когда я опускался на землю, они трещали под ногами, рассыпаясь в мелкую пыль. Летняя и осенняя влага, которую, казалось, можно пить, затвердела и упала на землю. Плотный туман и кристаллы, такая влажность казалась жестоким чудом. Я медленно подплыл к дому Искена. Дверь открыл хозяин.

– Спасибо, Серый, – улыбнулся азиат. – Я знаю, что значит прийти после такого праздника, – тяжело вздохнул Искен.

Азиат поковылял обратно на кан. То, что у меня хватило ума и сил прийти сразу после показа техники, приятно удивило больного мастера.

– Расскажи, Серега, – почти жалобно попросил Искен.

Я не спеша и подробно описал, что видел на празднике Учителя. Азиат слушал жадно, как ребенок, любящий волшебные сказки, вздыхал, кивал головой, иногда судорожно кашлял, хватаясь руками за грудь. Нервы Искена были так напряжены, что я испугался за его душевное состояние.

– Конечно, должного уровня для показа техники не было, – признался я, пожав плечами.

– У тебя хорошо получается, – сказал Искен, протянув мне полный шприц. – Давай, – подбодрил он. – Если удачно и быстро, то увидишь настоящий праздник, который запрещает Учитель.

– Ничего себе, – удивился я. – Что же это за праздник?

– Праздник еще тот, поверь мне, – невесело усмехнулся мастер. – Чем быстрее вмажешь меня, тем быстрее увидишь, – подгонял азиат, подставляя под иглу свое усохшее колено. – По-моему, это последнее место, в которое еще можно заливать яд, – задумчиво объявил он.

Заливание опия в колено – отвратительная процедура, но сделал я это потому, что Искен истязал себя часами. Он собирался что-то показать и поэтому уколол себе больше, чем обычно. Мастер, добившийся высокого уровня владения клинками, лежал на кане блажено улыбаясь от опия, который бежал по крови, выжигая последние вены. Поймав длинный приход, от которого во много

раз быстрее забилося издерганное сердце, азиат медленно встал с кана.

– Пойдем, лекарь, покажу, что такое праздник воинов, такого ты еще не видел.

Начиналась черная ледяная ночь. По предгорью шли долго. Забравшись на невысокий земляной вал, я глянул вниз и застыл от необычного зрелища. За ним начиналось естественное углубление, в центре которого была ровная площадка. Ветер не тревожил стоящих на ней людей. “Человек сорок,” – решил я. Ночью, далеко от поселка – это было необычное зрелище. Мы спустились в углубление. Люди с подчеркнутым уважением поклонились Искену.

– Ну-ка подыши, для более четкой видимости, – посоветовал азиат.

Я отошел в сторону и сделал упражнение, чернота отступила.

– Объясни, что это? – попросил я мастера.

– День рождения Патриарха, – покачал головой азиат.

– Ну это я знаю, – нетерпеливо ответил я.

– Собрались бойцы, – раздраженно начал мастер. – И в честь Учителя по древним традициям сейчас начнутся поединки.

– А кто против кого? – поинтересовался я.

– Глупость против тупости, – злобно вырвалось у азиата. – Ученики Фу Шина раз в год доказывают всем, что северо-тибетская Школа самая сильная. Представь, как чувствует себя сейчас Учитель, сидя в окружении гостей. В прошлом году Андрей не выдержал и разогнал этих чудо-богатырей. Знаешь такого?

– Да, – кивнул я. – Левый стул от Учителя. Знаю, повезло.

– Повезло, это точно, – согласился мастер клинка. – С ним ссорится не стоит.

– Смотри, начинается, – сердито сказал азиат, кивнув в сторону бойцов, которые кланялись перед началом боя.

Было видно, что они настроены очень серьезно, меня начала пробивать легкая дрожь. Бой был непродолжительный и очень жесткий. Один из спаррингующих упал на левое колено и был мгновенно сбит мощным ударом ноги в голову. Я участвовал в серьезных боях, видел кровь и растерзанные, еще не остывшие трупы, но подобная жестокость без серьезных причин была непривычна.

– Кто победил? – поинтересовался я у Искена, когда молодого мастера вынесли с площадки.

– Тот, который считает себя учеником Фу Шина, – ответил азиат. – Дракон только что победил змею, и мне кажется, что ей пришлось очень туго.

– Учитель знает? – спросил я и тут же понял, что сказал глупость. – Конечно, знает, – ответил я за Искена.

- И представь, каково ему? – зло буркнул азиат.
Вышла новая пара бойцов.
- И что, остановить их никак нельзя? – полюбопытствовал я.
- Попробуй останови, особенно этих двоих, – предложил мастер. – А тот, который слева – это десять лет чисто Тибетской Школы и пару лет с Фу Шином из рук в руки.
- Да, – выдавил я из себя. – Это очень серьезно.
- Не просто серьезно, еще и достаточно сильно, – объяснил азиат.
- А правый?
- Правый – корейская родовая Школа. Учитель – самый сильный кореец в долине. Школа “Чумогви Лунг” – кулак дракона. Вот так, лекарь, пойдя разгони.
- Уже иду, – хмыкнул я.
- То-то же, – покачал головой Искен. – Гробят друг друга так, что представить трудно.
- Искен, а ты никогда на этой площадке не дрался? – спросил я у азиата.
- В том то и дело, что дрался, – гордо ответил он – И всегда побеждал, но это все никуда не годится, – спохватился мастер. – Между прочим, твой любимый Григорий Андреевич в свое время такие чудеса здесь вытворял, что всем жарко было.
- Искен говорил что-то еще, но я уже был в центре площадки для боя. У меня перед глазами происходил бой редкого уровня. Сила бойцов заряжала меня какой-то магией, наверное, потому, что со стороны такое видел впервые. Бойцы уже еле стояли, двигались с трудом, еле поднимая руки, не говоря уже о ногах. Мне показалось, что у одного сломана правая рука. Парень с травмой все же обманул соперника, сделав имитацию удара нерабочей рукой, он удачно попал ему ногой в челюсть. Пропустивший удар рухнул на землю, как срезанный пулей.
- Слушай, Искен, насмерть часто бывает? – спросил я.
- Частенько, – ответил он.
- Не добивают?
- Ты что? – удивился азиат. – Никаких добивок. Кто бы стерпел? Такого не прощают.
- Извини, – спохватился я. – Слишком задумался.
- Ты лучше попробуй влиться в обстановку, прочувствовать ее.
- Да, стоит, – согласился я.
- Я расслабился и повернулся на север. Ковш сверкал, рассыпанный по лакированной черноте. Упражнение полного сосредоточения. Медленный, абсолютно полный вдох, тело постепенно напрягается, и, когда вдыхать уже некуда, каждая мышца напряжена

максимально. Потом, когда задержка дыхания вызывает неприятные ощущения, резко, без малейшего напряжения, выдыхаем и полностью расслабляемся. Наверное, все это похоже на лопнувший воздушный шар. И так, не спеша, раз десять. Потом необходимо спокойно подышать через рот, прислушиваясь к окружающему.

Я прислушался и оглянулся на площадку. На ней продолжались бои. Искен для объяснений был теперь не нужен, все было понятно самому. Этот поединок был особенный, потому что бойцы работали в основном ногами. Один из них явно принадлежал Тибету, другой был тхеквондистом, но самое интересное то, что тибетец решил победить одними ногами. А то, что в школе “Тхеквондо” основой являются ноги, знают даже далекие от поединков. Они бросали ноги друг в друга, как руки, из всех позиций.

“Интересно, что же в таком случае выделяет руками этот тибетец”, – удивился я. У двух бойцов явно были какие-то свои счеты, обычно это бывает из-за техники. Так спорят начинающие из разных Школ, но бывает, что даже у сильных мастеров это остается навсегда. Обычно до высшего мастерства они доходят очень редко из-за того, что не доживают или становятся калеками. В боевом искусстве главное вовремя остановиться, потому что азарт может захлестнуть с головой. Все наблюдающие были напряжены до предела, каждый молча волновался за свою Школу.

– Смотри, Серый, сейчас выиграет кореец, – негромко сказал Искен.

– Почему? – спросил я.

– Неужели не видно, что правая у нашего хуже? – сердито ответил азиат. – Вон смотри, разве это боковые? – Искен начал заводиться. – Если не запустит руки, ему хана, – уже злобно зашипел мастер. – Ну, работай, работай!..

Тибетец стремился победить соперника его же оружием, это являлось бы высоким показателем для Школы. И в этом оказался серьезный просчет – соперник удачно выбросил изнутри своей стойки левую ногу, прямо ему в висок. Бой закончился.

– Все, Серега, – жарко прошептал мне в ухо Искен. – Наша Школа не в лучшем варианте, хоть и выиграли, но последний поединок должен быть за той Школой, которая является ведущей.

– А что, больше боев не будет? – спросил я у азиата.

– Одного нашего не хватает, зато у них еще есть один китаец.

Мне сразу стало понятно – нужно идти.

– Объяви меня, – попросил я у Искена. Было видно, что он и не сомневался в моих действиях.

– Искен, – я умоляюще посмотрел на него. – У меня хоть шанс есть?

– У каждого есть шанс, – философски изрек он.

– Да пойми, зачем еще раз проигрывать и позорить школу.

– И как я тебе высчитаю твой шанс? – злобно прошипел на меня азиат. – А вдруг есть. Если не выйдешь на бой, думать будешь, мудрец.

“Вот это попался”, – мелькнула мысль.

– Ладно, успокойся, есть шанс, особенно после того, что Сашка рассказывала. Если полдолины пропахал, значит есть.

– Заявляй, – еле выдохнул я.

Искен направился к стоящей отдельно от всех главной тройке. Я начал делать упражнение на возбуждение. Через несколько мгновений снова подошел азиат.

– Тебя не знают, но я поручился, – тихо прошептал он. – Пошли.

“Да, – подумал я. – Чтобы прибили, еще нужно и поручиться, вот такие дела”.

Мы подошли к трем азиатам, стоящим в стороне. Они внимательно посмотрели на меня, я на них. Минуту мы стояли молча, глядя друг другу в глаза, потом я поклонился, они ответили. Стоящий посредине указал рукой на левую сторону площадки. Я снова поклонился и пошел на место, с которого начинается бой. Через минуту показался мой соперник. Целая минута – это многовато, уважением не баловали с самого начала. Азиат был гораздо младше и легче, меня это искренне радовало, у городского шалопаю появился хоть какой-то шанс. Но при ближайшем рассмотрении юный боец показался мне очень даже серьезным. На кулаках были видны сросшиеся костяшки, а взгляд даже не хочется вспоминать.

Мы выполнили этикет, и азиат ринулся в бой так лихо, будто хотел прихлопнуть меня с одного удара. Я вышел из прямой линии, но оставил там правую ногу, парень перецепился через нее и упал. Спешить не стоило, и я позволил ему подняться, о чем сразу же пожалел. Потому что получил тяжелый, почти незаметный удар. Чтобы прийти в себя, я повис на сопернике, после его броска пропущенный удар едва начал отходить.

Азиат попытался взять меня на болевой, эта ошибка была уже его. Ням учил, что делать с телом и суставами, противник долго крутил мою руку, а потом сам вскочил в стойку. Он понял, что дал мне отойти от удара, но было поздно. Теперь я пошел в атаку, ближний бой – это моя стихия. Ням учил меня в основном ему, потому что ближний бой встречается очень редко, так же, как и умение защищаться от него. Мы с Юнгом работали над энергией удара даже при плотном соприкосновении с грудью соперника.

Мне повезло, он получил два удара в затылок, когда снова пытался провести бросок, потому что на этот раз я специально во-

шел в ближний бой. Азиат сперва поплыл, а потом упал на правое колено. Я напряженно ждал, когда он начнет вставать, было совсем не до шуток. Парень начал вставать, и я запустил в его живот ногу. Отвратительное состояние, не настоящий бой, а убить могут – этой прелести я не понимал.

Бои закончились, и все принялись за выполнение полного этикета северо-тибетской Школы.

Предгорье плыло перед глазами, зрение после боя начало слабеть, ночь становилась ночью. Я попрощался с Искеном и поплелся отдыхать. Когда вышел на асфальтовую дорогу, почувствовал, что сильно избит, а сердце прыгает в разные стороны. А когда дошел до ларьков, небо надо мной вздрогнуло и погасло.

Пришел в себя от нестерпимой жары. Я лежал в огромном железном котле, из горячей воды выглядывала только голова, которую кто-то поддерживал, еще одна пара рук мяла позвоночные диски от затылка до лопаток.

– Надеюсь, вы готовите меня не к завтраку, – попытался пошутить я.

– Дочка, – послышался радостный женский голос. – Он пришел в себя.

Тут я заметил над головою ночь и почувствовал, что окружен женщинами. Котел стоял посреди большого огорода, из темноты выскочила радостная Саша, опустив руки в горячую воду начала сильно и умело давить мне пальцы ног.

– Видишь, родненький, все хорошо, – улыбалась она сквозь слезы, капающие в котел.

И тут я вспомнил о поединке, который выиграл, и сразу понял, если бы не горячая вода, снова б потерял сознание. Что было после поединка, вспомнить никак не мог. Возле котла появилась еще одна незнакомая, пожилая, но очень красивая женщина.

– Хорошо, – кивнула она головой. Это слово было произнесено с сильным уйгурским акцентом.

– Отлично, – согласился я и попытался встать. Но ничего из этого не вышло, зато понял, что все не так хорошо, как утверждали женщины.

– Молчи, – посоветовала пожилая женщина. – А то сдохнешь.

Я сразу замолчал, совсем не ободренный такой перспективой. Мою голову отпустили, не опасаясь больше, что могу захлебнуться. Четыре женщины, опустив руки в воду по плечи, начали, больно щипая, массировать мне все тело. Я застонал и зашевелился в котле, как недоваренный рак. Потом с ужасом ощутил, что совершенно голый.

– Достаточно, – остановила всех старшая женщина. Саша и еще одна из женщин быстро ушли, вернувшись с чем-то наподо-

бие носилок. Женщины одним движением вытащили меня из воды и положили на носилки. Я попытался сопротивляться, столь бесцеремонное отношение вывело из себя, а когда не смог даже шевельнуться, стиснул зубы и закрыл глаза. Через несколько минут холод стянул судорогой все сухожилия. Это было не какое-то обливание холодной водой или прорубь. Из горячего попал в ледяное, даже тяжело представить градусы такого перепада.

– Пощадите, – шепотом вырвалось у меня.

– Не напрягайся, – умоляла стоящая рядом Саша.

“Зачем же они меня пытаются?” – подумал я.

Когда уже перестал соображать и чувствовать тело, женщины подняли носилки и затащили меня в дом. Поставив их на стол посреди комнаты, они начали набрасывать на меня горячие простыни, как только одна остывала, ее сразу заменяли другой. Я согнул ноги и прикрывшись двумя руками.

– Ага, – улыбнувшись, сказала старшая. – Хорошо.

Я попытался встать, но она толкнула меня в грудь, потом, расправив руки и ноги, приказала лежать ровно.

– Кто будет дальше? – спросила женщина. – Ты? – она повернулась к Саше.

– Нет, – ответила девушка и опустила глаза.

– И так знаю, – заявила женщина – Хорошо, хоть не врешь. С ним? – она кивнула в мою сторону.

– С ним, – всхлипнула Саша.

– Значит, действительно любишь, – сердито хмыкнула женщина. – Ладно, об этом потом.

Она что-то крикнула, и в комнату вошла девочка лет четырнадцати. К моему ужасу девочка начала не спеша раздеваться. Полностью обнажившись, она забралась на стол и очень аккуратно легла на меня. Девочка была почти невесомая, с мягкой и теплой кожей. Она, затаившись, едва слышно дышала и через несколько минут из нее что-то начало вливаться в меня. Ощущались легкое покалывание и какой-то одуряющий аромат жизненной силы.

– Достаточно, – объявила старшая.

Девочка соскользнула мягко, как кошка. Перед тем, как выйти, женщина посоветовала Саше долечить меня.

– Объясни хоть что-нибудь, – одеваясь, с мольбой в голосе попросил я.

– Ты замерз? – спросила девушка.

– Нет, – ответил я.

– Тогда не одевайся, – заявила Саша.

– Или все объясняешь, или немедленно убираюсь, – захлебываясь от злости, заявил я.

Александра удивилась, что я ничего не понял, и все рассказала. Когда после моего ухода прошло минут двадцать, Искен почувствовал, что со мной произойдет беда. Он знал, откуда подглядывает за происходящим Саша, и приказал бежать на поиски. Девушка нашла меня без сознания.

– Эти женщины поверили, что ты воин сразу, тем более твоя наколка и день рождения Учителя, – втолковывала мне Саша.

– Это те, которые спасают раненых воинов уже много тысяч лет, – продолжала она.

– А где же их мужчины? – поинтересовался я.

– Они не имеют права даже быть в доме, если там раненый воин, чтобы не передать ему свою слабость. Запомни, истинными мужчинами среди женщин считаются только воины, которые могут умереть в любой момент. Ведь они умирают за жизнь и мудрость отцов. В конце лечения, а ты был уже почти мертв, идет самая сильная подпитка от девственницы. Вот так они и узнали, что я женщина.

– Прости, родная, – вырвалось у меня. – Что же теперь будет с тобой?

– Как-нибудь переживу, – целуя меня, улыбнулась Саша. – У тебя хорошая защита. Он тянулся за своими ударами, но лучше б ты их вообще не пропускал. Вот и получилась сердечная судорога и понадобилось много женской энергии, чтобы размягнуть мышцу. А я торчу здесь потому, что не хочу отдавать тебя никому.

– Как это? – не понял я.

– А так, тебе сейчас нужно сделать последнее.

– Что? – любопытствовал я.

– Любовь, – опустив глаза, ответила она.

ГЛАВА 19

Розовый куст умер, чтобы подняться следующей весной и снова удивить сумевших пережить холод в долине. Зима, набравшись силы, спустилась с гор, и зеленые листья, в одно мгновение, стали черными. Раны, мучавшие ребят, начали возвращаться.

Я решил не приходить от Учителя без нашего спасения, которое вряд ли заслужили. Еще к этому подвел тот печальный факт, что от продуктов остались одни воспоминания. Во дворе у Фу Ши-на было как всегда шумно и многолюдно. Даже женщины, по-прежнему перемещающиеся в быстром темпе, знали, куда я влез, и поэтому совершенно не понимали, как ко мне обращаться. На этот раз повезло, Учитель вышел из дому и столкнулся со мной.

– Привет, Серега, – совсем как Джисгуль поздоровался он.

Я поклонился.

– Учитель, – с дрожью в голосе пробормотал я. – Мне нужно поговорить с вами.

– Хорошо, – улыбнулся он. – Завтра с утра я еду на работу, можешь подойти в десять, поговорим.

Я снова поклонился и, несколько мгновений подождав дальнейших распоряжений, отправился в наш дом.

Возвратившиеся раны были ужасны, ребята стали их бояться – это то, что еще больше усложнило дальнейшую жизнь. Выпала дилемма – спасти людей или получать знание. Что делать, я попросту не знал, ребята гнили заживо. Тело обнажилось, выпуская из себя суставы, время сжималось в точку, которую оставляет после себя иголка. А завтра встреча с Учителем, что она даст? После долгих раздумий я понял, что с собой нужно взять жену, ведь всегда начинали вместе. Лежа на кровати в своей комнате, я ждал появления Татьяны. Вот и появилась, измученная больными и их надуманным азиатским акцентом.

– Таня, – как можно серьезнее сказал я, – завтра в десять мы идем на встречу с Учителем.

– Наконец-то, – тяжело выдохнула она и сразу заснула.

“Сейчас она единственная,” – понял я. И от этого стало обидно до слез. Действительно, есть наука под названием “Искусство сна”,

но она всегда не давалась мне. В эту ночь сон снова отказался от меня, и даже знания, которые подарил Учитель, не могли побороть страх перед встречей.

Утро приветствовало нас мертвым розовым кустом, который почернел и покосился, оперевшись на стену летней кухни. Небо, еще совершенно черное, с медленно уходящими звездами. В долине было шесть часов утра. Может, кому-то понять трудно, но Учителя знают все, их обмануть невозможно, поэтому я хотел одного: чтобы Фу Шин поверил в мою любовь к знанию. Больше мне не нужно было ничего. Если Учитель и ждет в десять, то что стоит подойти из уважения раньше. Наверное, я оправдываюсь, может, просто не смог больше ждать. Но в шесть утра мы с женой стояли на железобетонных плитах, брошенных через арык.

– Сереж, – спросила жена. – Может, не стоит так одеваться?

– Пар костей не ломит, – ответил умный я.

Мы стояли, с трепетом глядя на дом, который затаил в себе непостижимую для нас мудрость земли. Звезды постепенно исчезли, небо меняло цвет, становясь похожим на сталь небесного меча. Теплая одежда оказалась напялена не зря, и это меня радовало. Тянь-Шань не спеша выпустил солнце. И вот наконец-то из двери выбежала одна из самых молодых женщин, заспанная и озабоченная.

– Сергей, Танюха, вы чего это там стоите? – с удивлением прокричала она. – Идемте чай пить.

– Спасибо, – ответил я, помахав рукой. – Мы Учителя ждем.

Женщина с пониманием кивнула и быстрым темпом направилась на кухню. Судя по солнцу, было всего лишь около семи. Еще через время начали появляться остальные жители дома. Дверь с грохотом отворилась, и к нам подбежала заспанная Джисгуль.

– Серега, Танюха, папка конфеты привез, – объявила она, – пошли их есть.

– Уйди, козявка, – взмолился я. – Мы Учителя ждем.

– Ладно, сейчас принесу, – шепотом сказала девочка.

– Иди ешь свои конфеты, – зарычал я.

– Ладно, позже принесу, – пообещала Джисгуль и, показав язык, побежала на кухню.

Из дома вышла жена Учителя, глянув на нас, она улыбнулась, кивнула головой и не спеша направилась в сторону кухни. Наконец все поняли, чего мы хотим и перестали зазывать на чай. Время текло, оно смыло краски ледяного утра и подходило к яркому дню.

Моя голова медленно и уверенно нагревалась. Я начал ненавидеть себя за то, что не взял головного убора. Солнце стояло гораздо выше десяти часов. Еще через время из-за того, что пар не ломит костей, я стоял в русской бане. Высокие ботинки раскисли и хлю-

пали от стекающего в них по раскаленному телу пота. Я представил, как тяжело Татьяне, и от этого стало еще отвратительней. Время неумолимо выкатывало солнце из-за Тянь-Шаня, оно уже дрожало яркими лучами прямо над головой. Это был солнечный и радостный для людей зимний день, который, наверное, только мне и моей жене принес муки пылающего ада. Долина любила коварно шутить, она учила видеть на несколько шагов вперед.

“Ну что же сделал опять неправильно? – мучился я. – А что правильно?” Мысли заплетались в голове, полностью отказав в помощи. Медленно умирая от жары, задыхаясь от собственной глупости и беспомощности, я искал ответ сперва в ледяном небе Чуйской долины, потом в раскаленном. Ко мне не спеша шел Искен.

– Стоишь, лекарь? – с усмешкой, которую боялись в долине, спросил он.

– Умираю, – признался я. – Только ты уходи, с тобой особенно больно, – попросил я.

– Да что ты говоришь? – начал дурачиться он.

– Уйди, – снова попросил я.

– И ты меня прогоняешь? – покачал головой мастер.

– Уходи, – взмолился я, поклонившись ему.

– Анатольевич, кому кланяешься? – вдруг услышал я вопрос жены, которая почему-то назвала меня по отчеству.

Я мгновенно понял, что у меня начались галлюцинации, нельзя увидеть то, чего нет, но именно сейчас нужно было видеть то, что рядом, а не в другом мире.

– Привет, ребята, – послышался голос Ахмеда.

Я тряхнул головой и понял, что он действительно рядом.

– Кого ждем, кыгы? – ухмыльнувшись, спросил он.

– Папу твоего, – ехидно ответил я.

– Ну-ну, мерзните дальше, – посоветовал он и ушел.

– Сереженька, я умираю, – честно призналась Татьяна.

– Ну ты и сволочь, в такой момент, – окрысился я.

– Сам сволочь, – заявила она. – Я же еще не умерла, а ты выступаешь.

– Стоять, радость моя, – то ли приказал, то ли попросил я.

Намокшая одежда стала невыносимо тяжелой, а Учитель все не выходил. Появилась Джисгуль.

– Девочка, – попросил я, – уйди.

– Дурак, – заявила она, – вот конфеты. А папку ждать будешь долго.

Отойдя на несколько шагов, девочка заорала и ударила меня головой в живот, одновременно сунув в руку полную горсть конфет.

Шоколад на несколько секунд облегчил наши страдания.

– Сколько времени? – в отчаянии и без жестов спросил я.

– Двенадцать дня, – ответила девочка и убежала в дом.

Моя жена стояла как настоящая женщина. “Спасибо тебе, девочка”, – подумал я. Двенадцать часов в долине при добром зимнем дне – это плюс пятнадцать по Цельсию, после ночного минуса пятнадцати. Из дома вышел Фу Шин, увидев меня, он махнул рукой и подошел. Не было сил сделать даже поклон.

– Серега, приди завтра, – попросил он. – Сейчас столько проблем, что даже поговорить некогда.

Я поклонился, взял за руку дрожащую в мелком ознобе Татьяну, и мы пошли в свой дом. По дороге наткнулись на поляну Учителя, которая в начале учила меня понимать долину. Сняв половину одежды, мы сели под солнце. Проснулись от наступающего холода и снова побрели к дому. Мы вошли в дом, измученные ребята глядели на меня с надеждой.

– Разговор состоится завтра, – громко объявил я.

Ребята вздохнули и пошли варить еду из того, что осталось. Скрипучая кровать приняла нас с женой до утра.

В дверь забарабанили так, как будто горел дом, я выскочил из кровати и рванул дверь на себя.

– Ай! – заорала Джисгуль и хлопнулась на пол. – Ты чего, Серега? – перепугано спросила девочка.

– Не бойся, девочка, – сказал я, присев на корточки возле нее.

– Я-то не боюсь, – скривилась она. – Больно очень. И Джисгуль встала одновременно потирая затылок и мягкое место. – Папка сказал, что бы ты пришел вечером и больше не торчал, как придурок, под домом.

– Так и сказал? – радостно переспросил я.

– Ну, не так, – смутилась Джисгуль. – Но смеялся долго и говорил, что давно не попадал в старину.

“Молодец, Серый”, – сказал я самому себе и заплясал от радости. Девчонка радостно заверещала и начала отплясывать вместе со мной.

– Вы чего это, ребята? – раздался голос Татьяны.

Мы с Джисгуль, взявшись за руки, отплясывали никому не известный танец, не стесняясь жены и начавших выходить из другой комнаты ребят.

– Учитель ждет меня, Учитель ждет меня, – пел, танцуя я.

– Папаня ждет тебя, папаня ждет тебя, – подпевала Джисгуль.

Мы танцевали, пока не выдохлись, потом девочка убежала, а я сел на пол, подперев спиной стену, и начал думать о предстоящей встрече. Какая она будет, что принесет, не зря ли отданы силы, которые так не щедро раздает нам жизнь?

“Искен”, – мелькнула мысль. Я чувствовал, что не имею права идти к Фу Шину мимо него.

– Шесть часов простоял, да еще и с женой, – хохотал, как сумасшедший, азиат, хлопая себя по бедрам иссушенными руками. – Да ты же идиот, ты же красавец, – снова громогласно хохотал он не в силах остановиться. – Не знаю, откуда это у тебя, но все нормально. Ты сделал все правильно, поздравляю, – заявил мне Искен. – Слушай, а откуда это все у тебя? – вдруг насторожился азиат.

– От Учителя, – честно признался я.

– У тебя есть Учитель? – с удивлением спросил Искен.

– Да, мастер, – ответил я.

– Кто? – поперхнулся чаем азиат.

– Патриарх родовой Школы.

– Какой? – азиат сжал в двух руках пиалу.

– Корейской Школы “Ссаккиссо”.

– Тот самый? – азиат был поражен в самое сердце.

– Не знаю, наверное, тот, – пожал я плечами, но гордость за Няма начала распирает грудь.

– Дальний Восток? – продолжал пытаться меня азиат.

– Да, – признался я.

– А приветствие он Фу Шину передал? – настороженно спросил Искен.

– Передал, – подтвердил я.

Мастер клинков вывалился с кана на колени. Я бросился поднимать его.

– Не трогай! – крикнул он. – Я не видел Няма, и это не приносит радости.

– Искен, что с тобой? – удивился я.

Дверь открылась, и в комнату вошла Саша.

– Ада! – закричала девочка, бросившись к нему и злобно зыркнув на меня.

– Кланяйся, малышка, – приказал Искен дочери. – Перед нами ученик великого Няма.

Александра рухнула передо мной на колени.

– Ребята, вы с ума сошли? – испугался я.

– Кланяйся, девочка, – повторил мастер. – А ты не вой, не тебе кланяемся, а Создателю от Патриарха, – успокоил меня Искен.

Мы все лежали на полу, и это казалось полным идиотизмом.

В дверь постучали.

– Войдите, – вставая, сказал азиат.

Мы сидели на кане и пили свежий чай, который подавала Саша. По жесту я понял, что Искен меня объявил своим.

– Таге, – обратился к Искену один из четверки незнакомых людей. – Верблюда делать будем?

Верблюд – это человек, который перевозит наркотики, сам не зная об этом. В его вещи или одежду вкладывают опиум, и он в неведении проезжает несколько границ. Собаки на таможне бывают редко, мастера таможни почти не ошибаются, они видят и чувствуют неуверенное состояние того, кто везет. А тот, кто не знает, что везет, – неуловим, ведь он не боится, глаза не бегают и расслабленное состояние не притягивает специалистов по контрабанде.

Искен разогнал своих братьев по опиуму, они уходили удивленные, не понимая, что происходит. Оказывается, мой Учитель настоящий полубог. Но пройдет время, слезы Господа умеют ждать, а чего ждать Искену? Ему станет больно, и он будет искать братьев-наркоманов, людей, которые не могут жить без опиума. А они, конечно, придут сами, куда им без человека, который может защитить своим авторитетом, прошедшим испытание временем. Эта жизнь обрушилась на Искена за какие-то прошлые прегрешения, он знал, потому что был мастером, но сделать ничего не мог. Страшное наказание для человека, который добился высокого мастерства!

Искен сидел на кане и молчал, рядом затаилась ничего непонимающая Саша, она тихонько плакала – единственное облегчение для испуганной женщины.

– Сергей, – поднял на меня свои безумные глаза Искен. – Серега, – его взгляд засветился каким-то внутренним прожигающим огнем. – Ты много не поймешь, но все равно слушай Учителя, впитывай силу слова, исходящую от Фу Шина, чтобы потом через годы оценить сокровище, полученное в долине.

– Постараюсь, – пообещал я азиату и сразу удивился. Почему, не пойму, но спросить не решился. Я сидел на кане, до тех пор пока не начало темнеть небо. Меня никто не трогал, прожитая жизнь яркими вспышками появлялась перед глазами.

– Иди, – Искен слегка коснулся моего плеча.

Уже остались позади коммерческие ларьки, наш дом и дом старшего сына Учителя. Две железобетонные плиты лежали над высохшим зимним арыком. Мне показалось, что они раскаленные, я шел, пробиваясь через поток энергии, с подобным еще не сталкивался. На середине короткого моста стало нестерпимо жарко и появилось желание бежать как можно дальше. Мост с тонкими металлическими перилами наконец-то был пройден, но впереди – дом Учителя. Залитый цементом двор, вырезанные в нем черные замерзшие окна для бегущего вверх винограда и толстая деревянная дверь. Четыре ступеньки порога, которые нужно пройти, несмотря ни на что. Первая ступенька как ступенька, вто-

рая такая же, мне показалось, что я просто дурак, надумавший свою жизнь. С кем можно было столкнуться за дверью? Конечно, с лучшей подругой. Увидев меня, Джисгуль радостно заверещала.

– Серега, – заявила она. – А папаня тебя уже давно ждет.

– Ну, козявка, – не выдержал я. – Ты такая гадость, что просто нет сил.

– Значит слабак, – заявила девочка с абсолютным отсутствием какого бы то ни было акцента.

– А где папка? – спросил я и ужаснулся своей наглости. – Где Учитель? – снова спросил я, схватив девочку за тоненькие косички.

– Войнушку хочешь? – поинтересовалась Джисгуль.

– Солнышко, зайчик, птичка, – перепугался я. – Ну, пойми ты, маленькая гадость, я ничего не хочу, где отец?

– Кто-кто? – поинтересовалась девочка.

– Папа, – спокойно, ответил я.

– Он сейчас Сашку ругает, – объявила Джисгуль.

– За что? – захлебнулся я.

– Сам знаешь, – сделав позу льва, заявила Джисгуль. – За тебя.

Главный вход начинался с центрального зала для гостей, официальная, большая комната.

– Где папка? – злобно заскрипев зубами, спросил я.

– Серега, – Джисгуль засмеялась. – Иди, Серега, – она махнула рукой в сторону следующей двери.

– Пойду, козявка, – пообещал я и вцепился в медную ручку.

Огромный зал, куда от него деться. Фу Шина объявили на весь мир, а это значит – нужно место, где принимают почетных гостей.

За дверью я рухнул как подкошенный, толстый ковер не давал дышать.

– Встань, – голос раздался у меня изнутри.

Память о основных волнах, Няме и братьях по общине ударила без жалости.

– Если можешь, встань, – повторил Фу Шин.

Я поднялся и заявил Учителю, что он не первый, кто пытается меня учить. Фу Шин засмеялся громко и искренне, мне так показалось.

– Сядь, – приказал он, указав на огромное кресло.

Я сел, медленно приходя в себя.

– А зачем мне неученые? – улыбнувшись, поинтересовался Фу Шин.

Рядом со мной, в таком же кресле сидел все тот же китайский генерал. У него оказались грустные глаза и действительно приличный рост. Генерал был спокоен и красив, как положительный герой из фильмов о боевом искусстве.

Не выдержав напряжения, я опять вскочил.
– Сядь, – снова приказал Фу Шин.
Я сел по-школьному рядом с креслом.
– Зачем приехал? – спросил Фу Шин.
– Чтобы понять окружающее, – ответил я.
– Зачем оно тебе?
– Чтобы было легче тем, кого люблю!
– Кого ты любишь?
– Тех, кто ближе ко мне.
– Ты хочешь им сделать лучше?
– Да.
– А зачем?
– Для того, чтобы было легче тем, кто рядом с моими близкими.
– Так ты решил всех спасти? – с удивлением спросил Учитель.
– Мне почему-то тяжело жить, – глубоко вздохнув, признался я.
– Бывает и такое, – покачал головой мастер. – Бывает разное, но что хочешь ты? – глаза Учителя сконцентрировались, выплеснув в меня энергию из самой глубины сердца. – Если начало Пути заставило обратить внимание на ошибки прошлого, значит Школа приняла тебя. Но главное – не стать жертвой этих ошибок. Сказки о самопожертвовании – это любимая тема невежественных людей. Ошибки прошлого ранят в самое сердце, – не спеша повторил Учитель. – Это то, что очень часто уничтожает даже саму Школу, так же, как и ложная преданность – удел собак. В пути есть две основных опасности: первая – когда сумел оглянуться в прошлое, вторая – когда стал лекарем. Посчитав себя жертвой прошлого, немедленно становишься жертвой настоящего, и это продолжается без конца. Умеющий исцелять тела должен стремиться к умению исцелять души. Ставший на Путь заявляет о себе тем, что становится нужным людям. Нужным тем, кто испытывает физические страдания, но, избавив человека от болезни, ты заставляешь его обратить внимание на ошибки прошлого. Можно ли лечить тело, не умея лечить душу? Как вылечить тело, не искалечив при этом душу? Можно ли лечить человека, если болезнь послал ему Создатель? Может, Создатель уничтожает тело, чтобы им не пользовалась душа, отягощенная демонами? Представь, что излечившийся вновь с полными силами, которые ты вернул ему, лишает сил и здоровья других. Ты никогда не задумывался, что взял в свои руки обязанности Создателя? Может, поэтому современные больницы и врачи давно потеряли свою силу? Чем платят тебе излеченные, что требуешь за это ты от них? Денег? Сколько стоит для тебя человеческая жизнь? Славы и поклонения, какие они для тебя? Сколько и как ты берешь за свое полубожественное со-

стояние? Как ты обрываешь космическую зависимость с теми, которых оставляешь на дополнительное время на земле? Я знаю, как учил тебя твой Учитель, но я хочу знать – как ты понял его. Ты подошел к тому, что хранится с того момента, как появилось человечество, а теперь нужно войти в это хранилище. Ты проделал путь, сжигая мосты, и возврата не существует, так же, как не существует ошибок прошлого, которые породила обезумевшая в своем невежестве большая часть человечества.

Голос Фу Шина, сперва тихо звучащий у меня внутри, разрастался, я почувствовал, как сжимается и вибрирует мое сердце.

– Я хочу вам передать привет Патриарха корейской Школы, – одним махом выпалил я.

Лицо Фу Шина не изменилось.

– Передавай, – согласился он.

Я встал с пола сделав полный школьный ритуал. Потом встал Фу Шин и сделал поклон, рожденный вместе со знанием земли. Леденящий ужас набросил на меня свое колючее покрывало, я ощутил силу космоса и шарахнувшихся из дому демонов. Исчезли комната, Фу Шин и генерал. Вокруг меня возникло какое-то движение, острая боль пронзила позвоночник и ударила по вискам.

“Только бы не упасть”, – подумал я. Не знаю почему, но больше всего боялся упасть. “Не упади, не упади”, – умолял я сам себя. И вдруг на меня обрушился весь мир, вернее, все безумие, существующее в нем. Огромная толпа полупрозрачных существ безжалостно начала рвать меня на части, издавая при этом неопишутый вой.

И если бы в тот миг можно было отказаться от всего нажитого за эту жизнь – я так бы и сделал. Из меня брызнула кровь, заливая окружающую черноту, и вдруг я начал заново проживать уже прожитую жизнь. Оказывается, многое забыто и неправильно понято. Так вот, какие они, ошибки прошлого.

“Что сделать, чтобы отречься от Школы? – мелькнула мысль. – Что сделать, чтоб не потерять Школу?” – мелькнула еще одна мысль.

– Расслабься, ведь Ням учил тебя быть драконом, – казалось, что голос Фу Шина раздается из-за тысячи каких-то преград. – Вспоминай бесконечное движение, – продолжал издали поддерживать меня Учитель. – Разве волну можно остановить? – раздался голос Фу Шина – Останови волну – и ты сделаешь то, чего сделать невозможно. Она имеет троичный смысл движения, всмотришься в волну – и поймешь, что волна неостановима. Масса на ускорение растворяется по смыслу, ее остановить можно, но как остановить космическое движение в виде волны? Ведь она без нача-

ла, конца и сторон? Скажи, сколько сторон у волны, в какую сторону она не двигается? – гремел голос Учителя.

– Учитель! – заорал я. – Остановитесь, я мало знаю, я не готов!

Все исчезло мгновенно, рядом стояли Фу Шин и генерал.

– Ты готов отвечать на вопросы? – спросил Фу Шин.

– Спрашивайте, – ответил я и больше не стал падать на ковер потому, что приехал в долину не для этого.

– Ты знаешь, что мир состоит из женского и мужского, из Инь и Ян.

– Знаю, – мой голос дрожал.

– Дай определение – приказал Учитель.

“Вот и экзамен”, – понял я. И вдруг почему-то вспомнил, как мать будила меня. Она брала длинную палку и тыкала ей мне в бок, потому что однажды я ударил ее.

– Сережа, Сережа, – будила мама.

А я проснулся и ударил ее. Но после этого понял, что не безумный, а особенный, потому что безумным очень не хотелось быть. Мама испугалась, удивилась, а потом заплакала, заплакал и я. Это было перед экспедицией. Потом уехал. Потом Учитель Ня. Я понял, что в Чуйскую долину попал не зря. Разве знала мама, что ее сын – “сова” – это те люди, которые хотят спать утром и любят жить ночью.

Я не был готов отвечать Учителю, ну и что?

– Значение ян и инь? – снова спросил Фу Шин.

Да, в этом мире все состоит из этого и от этого никуда не денешься.

– Учитель, – я чувствовал себя полным идиотом. – Патриарх Ня приказал передать поклон.

– Вот ты и передаешь, – кивнул головой Фу Шин.

– Женщина, – начал я. – Обволакивает, вбирает в себя, в ней становится больше, она возвращает в себе так же, как и земля увеличивает семя до огромного дерева. Мужчина выталкивает, отдает это семя, в котором информация окружающего мира, семя на этом строится, но оно ничто без выталкивающей силы. И, несмотря на то, что я говорю о выталкивании ян, получается, что инь, увеличивая, выталкивает не меньше. Одно может делать то, что и другое, но каждое выполняет свое. Каждая сущность для чего-то своего, а значит, состоит из разного. Из разного выходит единое, если б единое было единым, оно так бы им и осталось. Сила окружающего в том, что Истина становится единой только тогда, когда соединяет, казалось бы, несоединимое, а соединив, становится той Истинной, которую узнает каждый.

Фу Шин весело засмеялся.

– Вот это закрутил, – Учитель даже хлопнул в ладоши. – Видишь, – на русском языке обратился к генералу Учитель, – даже твои шаолиньские мудрецы так не вывернут.

Китайский генерал насупившись молчал.

– Ну, что скажешь, дракон? – снова спросил мастер.

– Я больше вижу в движении, – на чистейшем русском задумчиво пробормотал генерал.

– Ну, движения чуть позже. Перечисли основной ян, – обратился ко мне Учитель.

– Продукты ян, – объявил я как со сцены.

Отчего Учитель еще больше рассмеялся.

– Ну, ян так ян, говори.

– Ян – это мужская сила.

– Говори, – приказал Учитель.

И я начал говорить и говорить о том, что знаю или считаю, что знаю. Благодаря этим знаниям я вылечил сотни людей, написал книгу для тысяч жаждущих. А сейчас испугался, как мальчишка. Оказывается, очень тяжело рассказывать о том, чем пользуешься почти всю жизнь, вдруг ошибка – и что тогда? А вдруг из-за нее ты мог помочь тем, которым отказал из боязни навредить. Это были сильные и незнакомые мысли.

ГЛАВА 20

Самый сильный ян, – продолжал я, – морская соль и зеленый чай.

– Почему?

– Морская соль затягивает раны, из-за высокого содержания йода, а он необходим – это знают все.

– Дальше.

– Зеленый чай, чай высушенный обычным способом, без обработки, из-за которой становится черным.

– Что еще?

– Можно все?

– Но только не со стороны твоего Учителя, а со стороны того, в чем живешь и лечишь, со стороны своего мира и народа, со стороны своей жизни. Только тот мастер, кто возвращается к своему месту жизни, к месту ошибок прошлого, к тому месту, которое ведет к личной бесконечности по имени совесть. Начинай мальчик, а я послушаю то, что привело тебя ко мне. Хватит бояться, хватит сомневаться, нужно начинать.

И я снова начал.

Следует категорически исключить из пищи – хлеб, картофель, мясо, сахар и все продукты, содержащие его. Соль употреблять только морскую. Также не употреблять сливочное масло и все молочные продукты. Все готовить только на растительном масле.

Есть можно каши – рис, овсяную, гречневую, пшеничную, пшеничную, – кроме перловой и манной и вермишели. Один стакан крупы варить в 5-7 стаканах воды. С кашами можно есть любые овощи в любом виде. В неделю можно съесть 4 яйца. Два раза в неделю можно рыбу, кроме консервов. Рыбу можно с любыми овощами либо как отдельный прием пищи. С кашами – нельзя!

Ягоды, фрукты – как отдельный прием пищи, ни с чем не смешивать, т. е. на завтрак – яблоки либо арбуз. Мед (натуральный) – тоже как отдельный прием пищи, ни с чем не смешивать.

Можно готовить любые овощные супы, постные борщи, рыбные котлеты, овощные рагу, голубцы, начиненные кашей.

Можно есть горох, фасоль, бобы, но не чаще одного раза в неделю. Как можно больше употреблять зелени. Исключить любую жидкость – пить только зеленый чай (на 1 литр воды – 2 столовые ложки чая), после еды не пить 2-3 часа.

Обязательно утром натощак выпивать 1 стакан зеленого чая со щепоткой морской соли (каждый день).

В редких случаях, для удовольствия, можно употреблять кисло-молочные продукты, но отдельным приемом пищи.

– Хорошо, Сергей, – улыбнулся Учитель. – Это похоже на то, чему учил тебя Ням. Что знаешь еще, только не общее, а главное?

– Ну, одно из главных – это чистка крови.

– И это знаешь? – удивился Учитель.

– Да, – гордо ответил я и начал о крови. О текучем движении, несущем в себе информацию окружающего. Кровь, в ней много лишнего. Она собирает все, но ее хозяин должен уметь отделять необходимое для того, что бы жил он – создание, подобное Создателю. Кровь за десять дней делает полный оборот. Мы должны поставить фильтр – препятствие, которое пропускает только то, что необходимо для созидания, разрушаться мы уже давно научились. Десять дней есть только один рис с элементарной гарантией чистоты. Кишечник – то место, где крови больше всего. Вся эта кровь пробегает сквозь рис. Кишечник забирает в себя грязь, а рис – ян выталкивает ее из тела в унитаз. Вот это и есть фильтр, который нам дала мать-природа. И не нужно распинаться на хирургических столах, подставляя себя под чужие фильтры, созданные человеческим невежеством.

И тут я снова, как актер со сцены, объявил:

– Чистка крови:

Любая крупа должна быть прокалена на сковородке. В течение десяти дней есть рис или пшеничную крупу, желательно, чтобы у вас была гарантия качества и чистоты этих двух круп. Крупу варить в пяти-семи частях воды с морской солью. В день можно съесть только одну столовую ложку подсолнечного масла. Можно добавлять свежий укроп и петрушку. И больше ничего.

Жидкость. В сутки выпивать шестьсот граммов зеленого чая, не больше (на пол-литра воды – три столовые ложки чая). Триста граммов нужно выпить со щепоткой морской соли, а триста – не соленого. Если это кому-то покажется трудным, значит вы не больны!

Учитель засмеялся.

– Почему? – поинтересовался он.

– Потому, что кровь очищается, – твердо ответил я.

– Что еще интересного скажешь? – спросил Фу Шин.

– Знаю даже сухую пятерку.

– Рассказывай.

Я глубоко вдохнул и начал:

– Пятисуточное голодание. Это называется “пять сухих”. Женщина, чтобы хирург не делал аборт, может сделать “пять сухих”. Пять дней можно смело не пить. Организм обезвоживается, но с человеком ничего страшного не происходит. Воспалительные процессы уходят. Уходят даже венерические заболевания. Суставы как будто смазываются изнутри и перестают хрустеть, но к воде нельзя прикасаться вообще, иначе священное очищение будет недействительным. Все ненужное, отрицательное гибнет в человеке и отторгается. На пятые сутки ничего постороннего и паразитирующего в организме практически не остается; организм жадно сохраняет жидкость, но только для СЕБЯ. Эта система для сильных людей, она приносит омоложение и восстановление.

Окончив, понял, что все было на одном выдохе.

– Достаточно, – Фу Шин махнул рукой, – дальше и так все ясно. А теперь четко и понятно, основные символы корейской Школы.

Я задумался на несколько минут, пришел в себя только тогда, когда Учитель протянул мне чистый лист бумаги и карандаш. Генерал подошел ближе и склонился надо мной. Подумав несколько секунд, я набросал на листе то, что прочел в гранитной книге, скрытой в лабиринте дракона.

1. Отличие человека от животного.	1. Философия.
2. Любовь.	2. Психология.
3. Совесть.	3. Медицина.
4. Добро и Зло.	4. Владение собой.
5. Счастье.	5. Оккультизм.
6. Истина.	6. Истина.

Думающего всегда будут тревожить главные вопросы жизни, хотя он может даже не подозревать, что именно эти вопросы и являются законами космоса.

Великий хаос. Человек должен изучить незыблемую азбуку Космоса, неколебимые его законы. Изучив их и научившись пользоваться ими, он только тогда начинает понимать, что никаких законов не существует. Но этого мало – просто знать, законы нужно изучить в совершенстве, чтобы получить свободу.

Наверное, каждый думающий человек хочет ясно понять, чем же он отличается от животного. А поняв это или считая, что понял, стремился понять, что такое любовь. Любовь человеческая. А любовь всегда приводит к совести, которая в свою очередь зада-

ет вопрос, что такое добро и зло. Потом счастье, которое уже рядом с истиной. Шесть основных вопросов жизни, шесть основных законов космоса.

1. Человек отличается от животного тем, что только он способен пожертвовать собой во имя чего-то, этим побеждая самое сильное на земле – инстинкт самосохранения.

2. Животное стремится к сохранению своего вида, человек – к сохранению разума. Часто жертвуя даже физическим здоровьем своего кровного рода, человек научился бояться не смерти, а ошибок прошлого.

Сила человека в сохранении разума. Человек человека любит за что-то, за те качества, которые он нажил в прошлых жизнях. Ошибки прошлого ранят в самое сердце. Человек стремится их не повторять и поэтому тянется в любви, к состоянию и чувствам, к искренности и разуму, силу тела оставляя на потом.

3. Человек стремится быть без совести. Совесть – это состояние между желаемым и содеянным. Если совести нет – значит он всегда делает то, что желает. И это также отличает его от животного.

4. Добро и зло, разрушение и созидание. Понимание этого рождается в законах Школы.

5. Счастье – триедино, как и Бог, который Истина. Счастье тела, интеллекта и духа. Счастье – это Учитель. Тело приносит радость, интеллект приводит к мысли, которая еще больше тянет к телесной радости. Счастье духа без Учителя невозможно, ибо тело все время хочет, а духу учат.

6. Истина рождается тогда, когда владеешь законами Космоса. Истина невидима теми, кто не владеет этими законами, а значит – непосвященными. Это и есть доказательство того, что секретов не существует. Просто они неподвластны ленивым и невежественным. Посвященные – это не какие-то таинственные монахи, а ищущие люди, со здоровым телом и духом, – воины света.

Истина рождается в нас. Зерно, брошенное Учителем.

1. Философия – стремление понять окружающее нас.

2. Психология – стремление понять, что движет поступками людей.

3. Медицина – стремление понять биологический механизм человека.

4. Владение собой – понимание собственного движения в движении окружающего. Движение в движении.

5. Оккультизм – понимание того, что выходит за рамки понимания общества. Потому что оно (общество) для облегчения собственного состояния создает упрощенные до бессмысленности рамки под названием – закон, стоящий на рыхлом фундаменте под названием – сила. Насколько было бы проще подойти к знаниям, но они всегда пугают тупых и невежественных. Это и заставляет нас убеждать себя и последующие поколения в ограниченности окружающего мира. Но часто фундамент не выдерживает и рушится, придавливая большее количество тех, кто его же и создал. После чего общество, по имени стадо, ибо нет ничего страшней мудрости толпы, создает новые, еще более абсурдные рамки. Не замечая, либо боясь заметить земных Учителей, которым, кстати, не нужны ни власть, ни слава. Так чего же их бояться? Любая революция несет за собой еще больший деспотизм, чем тот, который она ниспровергла. Так сказал Лао Цзы, и мне кажется, что с этим вряд ли кто будет спорить.

6. Истина не может быть разной, поэтому, наверное, не стоит повторяться.

– Неплохо, – согласно кивнул головой Фу Шин. – Думаю, что твой Учитель дал тебе и соединение.

– Соединение двух шестерок, – торжественно объявил я.

Отличий человека от животного существует множество. В данный момент было приведено одно из важнейших. Поэтому чем больше будет найдено этих отличий, тем больше будет восприниматься Школа. Отличие человека от животного необходимо пропустить через философию, психологию, медицину, владение собой, оккультизм и Истину. Так же необходимо через эти дисциплины провести любовь, совесть, добро и зло, счастье и Истину. Таким образом появляется философский фундамент Школы, пока еще без боевого искусства.

Я поклонился своим слушателям. Фу Шин с генералом также ответили поклоном.

– Меня интересует движение, – опять заявил генерал.

Я глянул на Учителя.

– Двигайся, – предложил он.

– Движение, – уже усмехнулся я. И понял – все получается.

– Покажи, – усмехнулся генерал.

– Но ведь сперва нужно сказать, – удивился я.

– Ну, так расскажи и покажи, – хмыкнул Фу Шин.

– Рассказывай, – оживился генерал.

– Еще раз шестерка, – объявил я.

Шестерка – символ боевого Дракона.

1. Земляной дракон. Свастика, бегущая по часовой стрелке, бегущая по солнцу, по жизни и бесконечности.

2. Водяной дракон. От силы вращения ее концы всегда загибаются против. В ней четыре головы дракона. Где же шестерка?

3. Воздушный дракон. В этом мире есть четыре основные стихии.

4. Огненный дракон – солнечный. Они порождают, соединяясь, вибрационные психозы, вулканы и смерчи, землетрясения и остальное разрушение. Но, соединившись в человеке, они порождают великого разрушителя, овладевшего символами стихий. Представьте того, который владеет техникой дракона-разрушителя. А каждый дракон имеет шесть боевых форм. Эти четыре формы порождают пятого дракона по имени Верховный Разрушитель. Все вместе рождает шестого Дракона – Истинного, того, который рождает жизнь. Истинный рождает жизнь, соединение может рожать разрушение, но если из четырех стихий выпадет хоть одна – на земле не останется жизни. Ни одно дерево не сможет расти. Поэтому соединение может разделяться, разрушение так же нужно, как и созидание. Но Истинным называется шестой, тот который созидает. Разве можно что-нибудь разрушить, если оно не создано? Создатель, стоящий впереди, стремится создать океан любви, оставив в памяти войны с безумием и невежеством.

5. Верховный разрушитель.

6. Истинный.

– Итого, драконов шесть, – так сказал мне Учитель Ням.

– Дальше, – хрипло потребовал генерал.

– Что? – не понял я.

– Дракон.

– А что дракон? Дракон – это падающий с дерева лист, на который влияют четыре стихии. Земля тянет к себе, лист бывает влажный от воды и падает тяжело, ветер его подхватывает, а солнце сушит и взрывает легкостью в полете. Дракон – это та сила, которая не сопротивляется и от этого непобедима. Школа Ссаккиссо – стихийная школа, – заявил я, уверенно глядя в глаза китайскому генералу. – Ведь не зря дракон в эмблеме Тибета, – гордо сказал я, сразу поняв, что переборщил в подхалимстве, но ни один из слушающих меня не усмехнулся.

– Движение! – снова потребовал генерал.

Я показал одну из сложных форм. Генерал сел в кресло и ушел в себя.

– Иди отдыхай, – приказал Фу Шин.

Вот оно и пришло, это время – время задавать вопросы, время, ради которого живешь жизнь. Я поклонился, как учил патриарх Няма.

– Спрашивай, – мне показалось, что Фу Шин просит, но эти слова шли у меня изнутри. Голос, идущий из тебя, – драгоценные мысли Учителя. Всего лишь спросить, но что? Что спрашивать? Разве можно спросить о самом главном? А разве нельзя? Что делать, что делать? Я начал впадать в панику, она медленно поднималась с ковра, лежащего на полу, окутывая меня с ног до головы. В голове начала просыпаться боль, все острее и ярче вспыхивая. Паника уверенно переходила в страх, потом – в сковывающий сердце ужас. Мне начало казаться, что я уже успел потерять главное в своей жизни.

“Спрашивай, – приказывал я себе. – Спрашивай!” “Все равно ошибешься”, – шептал демон, переодетый в ужас. Захотелось бежать как можно дальше к Няму или Андреевичу, но они были слишком далеко. Зато рядом надо мной, бросив свой прищуренный тигриный взгляд, возвышался Патриарх северо-тибетской Школы. Каждым нервом я ощущал давящую непостижимую силу верховной Школы.

“Будет ли еще ждать Фу Шин?” – обожгла безжалостная мысль. Он смотрел спокойным, но очень тяжелым взглядом. Еще через мгновение показалось, что эти глаза меня сейчас оторвут от пола и вышвырнут из дома.

“Спокойнее”, – раздался внутри меня голос то ли Няма, то ли Фу Шина. Я осмелел и сел в кресло, мгновенно опять куда-то провалившись. “Когда же все это кончится?” – подумал я.

Ослепляющая ярость вдруг захлестнула и провалила еще глубже. Чернота и какие-то жуткие полупрозрачные морды, но этим меня уже не испугаешь.

Вспомнился первый выход из тела, первый серьезный страх, который на долгое время оттянул выходы в астрал. Няма предупреждал, что низкие сущности будут мешать и пугать, но что так, я даже не предполагал. Фильмы ужасов показались детским лепетом.

Не бойтесь, говорят в умной литературе, и с вами ничего не случится. Конечно, если не боятся, все будет хорошо, но как не боятся – этому не учит никто, зато способов выхода из тела дают тысячи. Няма работал над моим страхом, а он все равно оказался невероятно силен. Так что же происходит с людьми, которые начинают читать умных книг и не имеют рядом Учителей?

Я изо всех сил напряг все мышцы, существующие в теле, и мгновенно расслабился – это, казалось, простое упражнение, выбросило меня снова в комнату на кресло.

– Пока будешь думать, – снова раздался во мне голос Учителя, – я кое-что тебе расскажу. Ты давно понял, что правда – это одна из основных сущностей Господа, и знаешь, что люди забыли об этом. Но запомни на все свои следующие жизни: правда – это великая светлая сила и страшное черное оружие, которым часто пользуются демоны. Путь уже привел тебя к тому месту, которое требует выбора, и выбирать будешь ты. Не слова лжи равны силе – ложь слаба и не скрывается. Слова правды равны силе разрушающего Небесного меча. Слова правды никто не сможет запретить говорить воину, и не потому, что воин силен, а потому, что истинный воин – древний смысл земли. Ты стоишь на месте силы, еще один шаг – и ты выберешь сторону. И я не в силе приказать какую. Даже Он не сделает этого, потому что Он уже все сделал для тебя. Попробую попросить тебя только об одном: не бей людей правдой, от нее умирают особенно мучительно. А теперь бери эту силу и пользуйся, как захочешь, ошибки прошлого больше не станут ранить твое сердце, ты победил их знанием. Школа давно приняла тебя, а ты еще этого не понял.

Я медленно сполз с кресла и уткнулся лицом в ковер возле ног Фу Шина.

– Да встань ты, – недовольным тоном проговорил Учитель.

Я сразу же вскочил и выполнил Школьный поклон.

– И запомни – это было главное, а концентрация удара, я имею в виду тот вопрос, который ты готовил, на него ответ простой. В твоей Школе – в основе волна, в тибетской – три шара, а разве в волне основное начало не три? Ведь на третьем всплеске идет разрушение препятствия. В этом мире все имеет две стороны и об этом не стоит забывать. Значит, три – это шесть, а шесть в твоей Школе – основное число. Даже вера, надежда и любовь – это не три, а шесть, все в этом мире имеет две стороны. Изучив и поняв эти законы, ты поймешь главное: их не существует, так же, как и не существует сторон и чисел, – Фу Шин надолго задумался. – А с ребятами, если есть силы – попробуй еще, – и, махнув рукой, он повернулся к генералу.

Поклонившись двум мастерам я пошел к выходу. Медленно направляясь через двор к мостику, я ощутил, что стал за один разговор с Учителем другим человеком. Никто ко мне не подходил, как будто меня не существовало в этом мире. Находившиеся во дворе исчезали кто в доме, кто за домом, а кто в самом приятном месте – на кухне. Одна маленькая Джисгуль пристально глядела из окна. Мне казалось, что она вот-вот заплачет, не в силах даже улыбнуться, я показал ей язык. Девочка исчезла. Только на середине брошенной через арку железобетонной плиты я вспомнил о ребятах – оборванных, голодных и гниющих.

– Вернись, – услышал я голос внутри себя. Когда я обернулся, Фу Шин уже стоял на крыльце. Подбежав, я упал на одно колено.

– В поселке и в городе много школ, говорите, что от меня и тренируйте, только не берите больше десяти сомов – это и будет вклад в новую для тебя Школу, – улыбнувшись, Учитель снова зашел в дом.

Наверное, никогда в моей измученной голове еще не было такого количества мыслей, они с грохотом бегали, стучали, не давая осредоточиться ни на мгновение. Казалось, со всего мира слетелись демоны только для того, чтобы потешиться надо мной. Но я верил, я чувствовал, что это их последний бал, он, наверное, будет продолжительный, только бы пережить. Что нужно уставшему, странствующему по жизни монаху, который мечтает только об одном: понять окружающее его?

Вот я и пришел в дом, который не понимал и боялся, в дом испытаний и отчаянья. Кто встретил меня в нем? Усталость жены, страх и непонимание ребят, молодость и глупость, которых я не разглядел с самого начала. Туман из густого, ледяного и непроглядного отчаянья, туман, состоящий из постоянного ощущения собственной вины, окружал меня плотной стеной целых полгода. Этот туман был со мной в горячем котле, когда женщины, спасая, вновь запускали сердце. Он окружал меня даже в объятьях дрожащей Саши, душил во снах, пугая жену, заставлял вскрикивать и плакать по ночам. Эти полгода дали мне тысячу лет, они то ломали душу, то срачивали ее. Эти полгода пытались уничтожить ненужного, непонимающего Школу. Эти полгода дали силы для книг, вырванных из души, в которой больше не осталось места для переломов. Эти шесть месяцев, даже не похожих на время, ставшие для меня тысячелетием, стерли ошибки прошлого, показав будущее.

В доме, кроме обычного гниения тел, начала появляться самая тяжелая болезнь. Я чувствовал, как она заполняет окружающее пространство. Из-под одеял отказался вылезать один из ребят, он лежал одетый и только поворачивался на бок для того, что бы поесть. Начиналась настоящая паника, страх перед неопределенностью вошел в полную силу. Мы с Татьяной долго совещались, но так и не придумали выхода, его просто не существовало. Мое объявление о том, что Учитель разрешил тренировать, не обрадовало никого, итак было понятно: Чуйскую долину не удивишь боевым искусством.

Я вынес решение: пять дней без воды и еды – это должно было остановить раны. Через несколько дней голодовки стало четко видно, что правильного питания мало кто придерживался.

После тяжелых пяти дней все мы аккуратно вышли легкой пищей и задумались над будущим. Многие из ребят были абсолютно не готовы ни к тренировкам, ни к жизни в долине. Это я понял, когда один из них начал разговаривать плачуще поющим голосом, а другой вдруг зарыдал и сквозь бормотание слышалось только одна фраза: “Хочу есть”. Невежество смешалось с безумием. “Что же делать? – терзался я. – Ведь выжить мы сможем только за счет тренировок, а кто будет заниматься этим?”

Проснувшись однажды утром, я увидел в доме только растерянную Татьяну.

– Танюша, а где все? – зевнув, спросил я. И сразу понял, что жена напугана и растеряна.

– Так где же? – насторожено повторил я свой вопрос. Татьяна, всхлипывая, молчала.

– Ты что, плохо слышишь? – сорвавшись, заорал я, саданув кулаком в стену.

– Ушли, – уже открыто плача, сказала жена.

– Куда? – поинтересовался я.

– Огороды вскапывать, – всхлипывая, ответила она.

– Ну, так чего ревешь? Что, тоже спятила? – удивился я ее слезам. – Вскопают разочек, накупим крупы, отъедемся и начнем тренировать. Тем более, за вскапывание огородов всегда и везде хорошо платят.

Татьяна, громко зарыдав, упала на кровать, закрыв голову руками.

– Да что же это такое? – заорал я, начав с силой трясти ее за плечи.

– Боюсь, боюсь, – сквозь рыдания бормотала она.

Так бояться она могла только моего гнева, а срывался я не так уж часто. Я начал трясти ее изо всех сил и сразу понял, что ничего не добьюсь. Татьяна рыдала, а я сидел рядом на полу, захлебываясь от бессилия и ощущения подкравшейся, но еще непонятной беды.

– Они, они, – вдруг забормотала жена, – копают за то, чтобы покормили.

Я испугался сам себя, стоявшая рядом табуретка разлетелась вдребезги. Пометавшись по комнате, я пробил стенку платяного шкафа и на какое-то время потерялся в ярости. В себя пришел лишь тогда, когда увидел Татьяну, оцепеневшую в обломках кровати. Случилась непоправимая беда, позор пришел в наш дом. Работать за еду могли только рабы, и это лучше, чем азиаты, вряд ли кто знал.

Еда – это то, к чему воины всего мира относятся очень осторожно и с большим уважением.

“Что будет? – с ужасом думал я. – Что будет, когда об этом узнает Фу Шин?” Мы потеряли достоинство, еще не обрета его. Я лег возле Татьяны в обломки кровати.

За окном стояла чернота. Я поднялся и вышел в коридор. В самой большой комнате лежали уставшие и сытые. Я говорил и говорил, объяснял и объяснял, но было видно, что голод уже создал рабов.

Ледяное белое утро.

– Они снова ушли, – дрожа от страха сказала Татьяна.

Мы с ней уже не ели два дня, но это не пугало, ведь жили Школой. Умывшись и одевшись получше, я направился к Ахмеду. Шел по улице, глотая ледяной туман, и раздумывал о том, как лучше все объяснить сыну Учителя. Это была наша первая большая ошибка, но, к сожалению, не последняя. Ахмед встретил приветливо и с уважением, сразу же сунув мне в руку деньги, ничего объяснять не пришлось. Разговаривать и отвечать на вопросы не хотелось. Азиат понимал и это.

– Если хочешь, заходи, – он мотнул головой в сторону своего дома.

– Не, я пойду.

– Давай.

Но когда я подошел к калитке, Ахмед снова обратился ко мне.

– Серега, – позвал он.

Я обернулся и увидел в его руках неизвестно откуда взявшуюся огромную папиросу. Курили молча.

Я медленно выплыл со двора и полетел над долиной.

– Серега, – где-то совсем рядом раздался сердитый голос Джисгуль.

Я оглянулся. За спиной, сложив руки на груди и выставив одну ногу вперед, стояла девочка. Она была одета в теплый, украшенный яркими вышивками халат и выглядела почти взрослой.

– Что, опять обкурились, как верблюды? – ехидно поинтересовалась она. – Иди, папка зовет.

Я задрожал от ужаса и, спотыкаясь, побрел к дому Фу Шина. Это была очень сильная папироса и, похоже, конец моих походов в Чуйской долине.

– А представляешь, если б правда позвал? – захохотала за спиной противная девчонка. – Ладно, не дуйся, пошли лучше к Сашке.

Я вспомнил, что давно не был у Искена. Глаза Саши последнее время пугали все больше и больше, в них разгоралась настоящая любовь.

– Иди и не разговаривай, врубись в тягу, – грамотно посоветовал мне ребенок. – А то вообще сдуреешь, как ишак.

Взявшись за руки, мы плыли с Джисгуль в белом тумане, не касаясь ногами мокрого снега. Трава, которую сотворил Создатель, на этот раз вызвала из космоса тревогу, сомнения и запоздалую совесть.

Глаза Саши – черные, со сверкающим огнем любви. Глаза жены – карие, блестящие болью и усталостью, с любовью, переходящей в безумие. Как пожалеть вас, добрых женщин этого мира? Как помочь вам, верящим в мою силу? Зачем вы верите в то, чего нет, зачем выбираете меня своей жертвой?

Моя судьба выбрала самое сложное испытание – испытание красотой, нежностью, доверчивостью, преданностью, прозрачностью женских тел, женской жадностью и женской ненавистью.

Учитель Няя говорил, что нельзя ранить нежных птиц – женщин, а если они сами с размаха грудью залетают в душу, что делать?

Как отказать женщине, встречающейся на пути и пробуждающейся от жалости при виде измученного воина? Кто может пожалеть лучше, чем такая птица? Кто может дать больше, чем такая птица? Кто даст ответ вместо осуждения?

Простите, не проклинаяте даже на мгновение, мои жадные и нежные белые птицы.

– Ну, как тяга, ничего? – поинтересовалась маленькая Джисгуль.

– Хух, – выдохнул я, – очень даже ничего.

– У нас плохого не курят, – строго сказала девочка. – Только ты, Серега, лучше не кури, плохо это.

– Да знаю, – согласился я. – Куда уже хуже.

Джисгуль с грохотом открыла калитку и в одно мгновение скрылась в доме.

– Ну, привет, лекарь, – с трудом подняв руку, поприветствовал меня Искен. – Знаю твои проблемы и поэтому давай не будем, – одной фразой стер мою неловкость мастер. – Иди лучше Сашке помоги чай готовить.

Я развернулся и побрел на кухню.

– Зачем ты так? – спрашивала девушка, прижавшись к моей груди – Зачем так долго не приходил?

Ее волосы и губы пахли виноградом, а матовые ладошки прижались к моей груди. Она вздыхала судорожно и как-то с надрывом. Я не ошибся, к девушке в душу забралась любовь, жалость к самому себе окутала с ног до головы.

– Что делать мне? – у кого-то спрашивала Саша.

– Мне больно без тебя, – бесконечно повторяла она, трясая меня за плечи.

Я молча побрел к Искену.

– Дай опия, – попросил я.

– На, за тебя почему-то не боюсь, – сказал Искен и, порывшись под ковром, швырнул мне черный шарик.

Я проглотил горький кусочек и упал рядом с мастером.

– Держись, лекарь, – усмехнулся Искен.

Испуганная девушка протянула мне пиалу с чаем.

Очнувшись вечером, махнув рукой Искену и, не дожидаясь Саши, пошел в свой дом. Извилистая, серебристая от снега дорога указывала путь в темноте. Все были в сборе.

– Отъедаемся два дня и начинаем тренировки, – спокойно объявил я и поплелся спать.

Опий честно выполнял свою задачу. Кто-то уже долго тряс меня за плечо, с трудом открыв глаза, я увидел Татьяну.

– Пошли в кухню, – сказала она. – Уже день и еда на столе.

Из кухни я сразу ушел обратно в комнату, есть со всеми не хватало сил, на многих было попросту противно смотреть. Жадность и страх – не слишком привлекательное зрелище.

Вот и наступило время, о котором совершенно не хочется писать. Но кто скажет, есть ли у меня на это право? Чуйскую долину действительно не удивитесь боевым искусством.

Вот и начались наши хождения по школам. Немного повезло в русских районах, и даже встретился наш фотограф с совершенно обалдевшими глазами. Он рассказал, что усердно копит деньги и хочет побыстрее уехать домой. Я понимал его. Русские в русских районах были какие-то не такие, но все же свои. Из этих районов потянулись к нам в дом больные, но еды не хватало, ребята ходили шатаясь, уже не скрывая слезы отчаянья.

Все доходы жителей долины шли с железной дороги, остальные, как понял я, в основном жили наркотиками и центральной трассой, бегущей вдоль Тянь Шаня. Самый настоящий коридор смерти.

Я уверен, ни один шаолиньский монах древности не посмел бы это оспорить. Представьте идущих голодных людей, шатающихся от усталости и безнадежности. Я, жена и самые стойкие из ребят. Пятнадцать километров вдоль трассы, а по бокам, с двух сторон, такие же голодные продают шашлыки, молоко, лепешки и коноплю на стаканы – как семечки. Но эти люди с сидящими рядом хилыми, чумазыми и тоже гниющими детьми были у себя дома.

И снова пятнадцать километров обратно, голодные, после тренировки, в ожидании только одного: того дня, когда выдадут деньги со странным названием – сомы. Они проедались в одно мгновение – и снова голод.

Как устал от этого чувства, преследующего меня все полгода. А как менее подготовленным ребятам?

Коридор заставил задуматься, и эти мысли легли тяжелым камнем на сердце. Все изменилось в моей жизни, ошибки прошлого

ушли из памяти, от них осталась только одна усталость. Я буду помнить волшебную долину, как самое прекрасное в жизни. Долинная боль и даденное долиной знание оставили в сердце гордость за древний Космос. Как мало жить в нем! Его нужно впитать каждой крошечной клеткой, из которых слеплено тело, потом принять душой и стать счастливым.

Долинная боль, тебя не перепутаешь ни с чем, потому, что тебя нужно прожить. Теперь я знаю: Фу Шин забрал мои ошибки, отдав взамен бесконечность. Каждый делал свое, бредя по коридору. Каждый выживал как мог, как было ему дадено.

– Дай сом, – я обернулся, за спиной стоял фотограф. – Ведь ты главный, дай сом.

Если б у меня был сом, конечно бы, дал. Это была последняя встреча с фотографом, он пострадал меньше всех. Ненавижу фотографов и фотографии, так же, как и математику с математиками. Он уходил грязный, оборванный и перепуганный. Долина умела пугать и принимать.

Среднеобразовательные школы. Я думал, что мое поколение плохо учили в стране Советов. А чему могла советская власть научить киргизов, дунган, уйгуров и корейцев любого поколения?

ГЛАВА 21

Страна Киргизия. Восток, он всегда славился крайностями: золотые блюда с катающимися алмазами, грязные, гниющие дети, преданные и распущенные женщины. Чуйская долина, мусульманские тейпы, воины и рабы, стонущий с мечети мулла. Луна, застрявшая в минаретах. Жестокость, прикрытая Кораном (покорностью), огромные сладкие дыни, лопающиеся в руках персики. Вот она – Средняя Азия.

Средние школы такие же, как и долина. Киргизский язык, изуродованный до смешного, дунганский и уйгурский, живущие только в огромных семьях. Шестеро детей в мусульманских семьях – это стыдно. Что за семья, если не десять, а лучше двенадцать.

Средняя Азия – непостижимая загадка, пережившая свою мудрость и здравый смысл.

Сколько сомов могли платить эти семьи? Мы понравились детям. Много ли надо сделать, чтобы тянулись к нам дети из таких огромных семей? Доброе слово, взгляд, на мгновение брошенный маленькой девочке или мальчику, доброе слово, пусть даже на непонятном языке, разве нужен доброму слову перевод?

Дети любили, а платить было нечем, и боль пронзала сердце, когда маленькие руки протягивали литровую банку с бараньим жиром. Она не стоила десяти сомов, и от этого в раскосых глазах загорался страх.

Но школа нагло требовала арендную плату за холодный и давно умерший спортзал. И мы опять голодали, проходя лабиринт смерти, задыхаясь от подгоревших палочек с крошечными кусочками мяса. Шашлыки умирающей советской Азии. Еще лепешки – поджаренные куски теста, которые продавали вдоль трассы, они иногда сводили с ума.

Но нам нужно было идти, пятнадцать километров туда и обратно, к таким же голодным детям из огромных семей, в которых они воровали еду, чтобы расплатиться с нами.

Обычный зимний день. Тренировка в обшарпанном, холодном зале была в разгаре. Самые любопытные усердно разучивали “пасть дракона”. Техника сдвоенными руками была моей люби-

мой, и я не боялся делиться ей. Не боялся – это значит показывал без ошибок. В спортзальную дверь три раза громко постучали, и она отворилась. В зал вошли двое мужчин. Я невозмутимо продолжал тренировку, подчеркивая этим дисциплину и собственную значимость. Один из вновь прибывших оказался невероятных размеров, из-за его широченной спины с любопытством выглядывал маленький человечек.

– Две минуты отдыха, – хлопнув в ладоши, объявил я. – Колюня, посмотри за молодежью, – приказал я одному из ребят и направился к вновь прибывшим. “Интересно, что этим дяденькам понадобится?” – с некоторой тревогой подумал я.

Стоящий впереди был бородатый и действительно огромный, его кулаки медленно сжимались и разжимались, напоминая ожившие пушечные ядра. Они были из русского района и поэтому уже почти родные. Кстати, стоявший сперва за спиной, а теперь рядом, оказался не таким уж и маленьким. От своих крохотных размеров мне стало даже как-то неловко.

– Ты Анатольевичем будешь? – как-то уж даже слишком по-русски спросил бородатый богатырь.

– Это точно, – подтвердил я.

– И ты в долине у китайца выиграл? – уже не скрывая своего удивления, спросил бородатый.

Отнекиваться смысла не было, тем более, что они действительно знали достаточно много.

– Ну, я.

– Вася, – с уважением представился великан и, протянув свою ручищу, заграбастал мою ладонь. – А это Леха, – он мотнул своей бородой в сторону стоящего рядом друга. – Я-то думал – ты наш, а ты вон какой, – с удивлением выдохнул он.

– Это какой? – тут уж пришла очередь удивляться мне.

– Да мелкий очень, – смущено объяснил Вася.

– Извините, ребята, какой получился, – я развел руками.

– Да не, – окончательно смутился Вася. – Мы думали, если наш, в смысле славянин, так китайца силой задавил.

– Ну нет, ребята, – засмеялся я. – Такого одной силой не задавишь.

– Видишь, а я тебе что говорил? – вмешался Леха.

– Хотя знаете что, ребята, – успокоил я их. – Сила – вещь великая, и если ее соединить с техникой, можно стать великим мастером боя.

– Сомнений нет, – крякнул от удовольствия Вася, его пудовые гири превратились в две лопаты и потерлись друг об друга. О Васиной силе в долине ходили легенды.

Это были прекрасные мужики, которые кормили свои семьи, мотаясь по железной дороге в Россию и обратно. Они объяснили, что в дороге часто бывают всякие неприятности – то товар пытаются забрать, то еще что-нибудь. В общем, к своей силе для пушного спокойствия они решили прибавить технику. Техники жалко не было, особенно если учесть их стремление к справедливости и защите слабых. Когда я поинтересовался, почему они не пытались учиться раньше, то Вася честно признался, что терпеть не может азиатов, потому что совсем их не понимает. Я с ним абсолютно согласился, – понять восточного человека очень не просто. Проговорив таким образом не меньше часа, я понял, что приобрел двух добрых друзей. Тогда еще даже не подозревал, что эти двое ребят буквально спасут всех нас. Через определенное время Вася начал проявлять признаки непонятного мне беспокойства.

– Слушай, Серега, – как-то особенно смущаясь, обратился он ко мне.

– Тут дело, понимаешь, какое, – Вася немного помолчал – Ты показал бы нам чего-нибудь, но только по-серьезному.

Вот это “по-серьезному” меня и смутило. Разные приключения были у меня в жизни, но когда такие здоровяки просили “по-серьезному” – это пугало всегда. Представьте, как можно показать серьезное большому и сильному человеку, чтобы он оценил? Для этого нужно приложиться, а это уже опасно.

– Я аккуратно нападать буду, – успокоил меня Василий. – Серега, ну, хотя бы просто ударь меня, – умоляюще попросил Вася.

– Куда? – поинтересовался я.

Богатырь снял свой тулуп и остался в пушистом свитере. Это был действительно уникальный самородок, сразу стало ясно, что природа за счет него обделила человек десять.

– Бей сюда, – и он ткнул себя в грудь пальцем, очень смахивающим на толстую сардельку.

Вася стоял, расправив плечи, и, как мне показалось, загородил весь белый свет.

“Вот это настоящий Илья Муромец”, – искренне восхитившись, подумал я. И не выдержав, решил немного покуражиться.

– Только в том случае, если оденешь тулуп, – поставил я условие.

Василий удивился, но послушался, и огромный тулуп снова оказался на нем.

– Застегивайся, – приказал я.

Он застегнулся.

– Я так даже не почувствую, – хмыкнул здоровяк.

Откуда ему было знать силу удара человека, который этому посвятил всю свою жизнь, да и бить приходилось в недвижимую мишень. Наверное, никогда в жизни Вася не был так близок к смерти, да еще и по собственной просьбе. Я поднял руку точно напротив солнечного сплетения, оно оказалось как раз между двумя пуговицами.

– Ты, Серега, хоть размахнись, – добродушно усмехаясь, посоветовал Вася.

– Ничего, и так сойдет, – пообещал я.

Более простой задачи у меня еще ни разу не было. Что стоит вырубить в солнечное сплетение расслабленно стоящего на месте человека, который рассчитывает только на свою огромность? Ему, наверное, туда еще ни разу не попадали, а ведь солнечное сплетение и голова у всех одинаково чувствительные.

“Да, – подумал я. – Вот это мужик, в солнечное не попадали, а до головы не допрыгивали”.

– Готов? – поинтересовался я у богатыря.

– Да ждать надоело, – даже не напрягаясь, ответил он.

Я бросил руку по прямой линии, моя голова была почти на одном уровне с Васиным солнечным сплетением. Здоровяк мощно выдохнул и, согнувшись, сел на корточки, по ходу так треснув меня своим каменным лбом по голове, что я чуть не потерял сознание. Именно этого я почему-то не рассчитал. Но этого никто не заметил, все с удивлением смотрели на согнувшегося гиганта, который через несколько секунд упал на бок.

– Класс, – с трудом выдавил он из себя так радостно и искренне, что все засмеялись.

“Вот так и рождаются легенды”, – подумал я.

Вася лежал еще минут пятнадцать, а когда встал, то заявил, что я самый уважаемый и дорогой его друг. Бывали и такие тренировки в Чуйской долине.

На этот раз коридор смерти я и мои ребята пролетели на автомобиле. Лепешки, пиво и шашлыки из братьев меньших растворялись за окнами почти мгновенно, не ранив сердце и нюх.

“Наконец-то мы кому-то стали нужны, – стучала в голове спасительная мысль – По крайней мере, моим ребятам уже не нужно будет выпрашивать еду”.

Наш позор не случился полноценным, а значит, стал загадочным. Чего это стоило? Сейчас попробую рассказать с самого начала, тем более, по этой проблеме у меня богатый опыт. Так получилось, что пробыв в корейской общине несколько лет, я приехал в свой город. Это был действительно мой город. Я рос в нем и вырос. Были трудности, но их пережил. Были разочарования, которые пережил тоже.

Этот город стал моим потому, что я, а не кто другой, привез в него медицину и частицу корейской родовой общины. Все это отдал мне Учитель Ням.

Спекулянты своими душами, спекулянты не существующими знаниями и мистикой, выросшей на невежестве, заполнили мой любимый с детства город. После общины эта встреча с лжесвободой почти раздавила меня, но я боролся за свой мир, который создавал всю жизнь. Боролся в своих спортзалах, которые менялись чуть ли не каждую неделю. Мы не нравились грозным бабушкам, они привыкли видеть понятное, а тут идеальная дисциплина, никакого шума и дружеские улыбки. В наше время – это непонятно и даже как-то не нужно.

В залах никто никого не притеснял, а слушали того, который учил. Разве могли эти бабушки, моющие грязными тряпками спортзалы, понять, почему мы умоляем их позволить мыть зал самим.

В те далекие годы безумия пробуждались знания, но рано возрадовалась моя душа – все перешло еще в более страшное – в невежество. Бабушки ненавидели нас за радостное состояние, за улыбки и уважение друг к другу. И улыбаясь бабушкам, не ссорясь с ними, мы принимали все условия, которые они диктовали, отчего бабушки зверели еще больше. А разве они могли не воевать, те, которые пережили железный занавес. Для них это была особенная война, последняя в жизни и непонятная, как всегда.

Страна приняла новое, которое наконец-то прорвалось и, как все новое, проявилось в тысячах вариантов вместо единственного.

В нашем мире истину всегда рвут на части, одни ее приспособливают для тела, другие для души или какой-то выгоды. Мы старались найти срединное состояние. Состояние без чрезмерной радости и чрезмерной печали. Слава Создателю, что люди еще ищут, и даже есть такие, которые находят.

Я не знаю, что писать дальше – ведь этого состояния еще не постиг, но поиск его мне нравится. В поисках океана любви я успел вылечить тысячи людей и воспитать добрых учеников. А может, главное в этой жизни не Истина, а сам поиск, который иногда дает мгновения ни с чем несравнимого счастья? Кто знает? И все же я верю в бесконечный океан любви.

Но бабушки нас люто ненавидели, а директора спортзалов брали непомерные арендные платы из-за нашей непонятности и, как им казалось, беззащитности. Бедные директора, если б они знали, что измываются над тем, который может пожаловаться тайному клану, а кланы заботятся о своих учениках. Но они в эти кланы не верили, а я не жаловался. Боевое искусство захлестнуло нашу стра-

ну, вернее, бой, высмотренный в гонконговских кинофильмах, которые начали перехлестывать через железный занавес.

Афганистан – одуревшие мальчики. Если выжили, то благодаря чуду, а погибли благодаря опию, гашишу и войне. Выжили, насмотрелись фильмов, и мир им показался другим. Изуродованные воины, страшное имя, воины без поиска Истины.

В те годы они уже возвратились и сразу начали появляться в моих залах. Те, которые выжили и не сошли с ума, были опасны, они разучились бояться, и им были неприятны неизвестно откуда появившиеся мастера боя. Мне иногда приходилось по несколько раз в неделю принимать в зале таких ребят. Бить сильно – можно убить, потеряв все – и зал, и учеников.

Спарринговать по каким-то правилам – значит проиграть. Афганцы нападали яростно, как в последний раз в жизни. Благодаря им, я научился сверхспокойствию, другого никогда б себе не простил. Афганцы многому научили меня, за что и кланяюсь им.

Вася и Леша поняли все. Они принесли нам одежду и обувь, но самое главное – примус, на котором хоть и долго, но варилась еда. Если б не это спасение – то что тогда?

Трудности, голод и холод свернули ребятам мозги, они забыли о школе, о дружбе, о совести, и только несколько человек держались из последних сил. Я мотался по всем залам, показывая чудеса, какие только мог, лишь бы не потерять учеников, которые в наших безумных мозгах начали ассоциироваться с горячими лепешками, продающимися по обочинам центральной чуйской трассы.

Благодаря новым знакомым больных стало больше, а денег не прибавилось. В русском поселке тоже царил пугающая нищета. Вася с Лешей помогали как могли, а ведь у них были семьи. Эти двое ребят изо всех сил пытались найти нам богатого больного. То ли богатых не было, то ли они не болели. Я по ночам мечтал вылечить богатого и потребовать целый мешок пшеницы: как бы это облегчило нашу голодную жизнь!

Больным отказать невозможно, и они частенько пользуются этим.

В последнее время Татьяна начала много плакать. Конечно, заплачешь, если из русского района должна прийти двенадцатилетняя девочка, которая уже несколько лет мучается от сильных болезненных приступов. Ей можно легко помочь, но нужного количества денег, чтобы купить травы не набирается даже тогда, когда мы отдаем свои последние. Травы стоят денег, пусть не больших, но ведь мы тоже относимся к нищим из долины Чу.

Богатый больной все еще не появился. А я уже боялся этого появления, потому что начал четко видеть демона, не покидающего

меня ни днем, ни ночью. Он был местным, из Чуйской долины, и поэтому необыкновенно наглым. Боялся потому, что понимал: если начнут за лечение давать деньги, могу не выдержать, и они уйдут на водку, опий или гашиш. Хотелось убежать, пусть даже в иллюзию, от окружающего невежества, страха и усталости.

Григорий Андреевич появился как всегда внезапно. В волшебной долине даже злую зиму солнце на пару часов превращало в яркое и теплое лето. Но расслабляться было нельзя. Однажды я шагнул в тень и сразу выскочил на солнце, показалось, что побывал в ледяном арыке.

Вот в такой чудесный день возле дома я тренировал двух своих новых учеников. Вася с Лешей из-за преклонного возраста стеснялись ходить в зал. Богатырь Василий разучивал удары руками, а мы с Лешей с ужасом смотрели на него, уже заранее жалея всех хулиганов на свете. Внезапно в моем затылке проснулся знакомый пульс – за спиной стоял опасный боец, я резко обернулся.

– Вот это красавец, – мастер восхищено улыбнулся.

Андреевич был одет в теплую джинсовую куртку, на голове сидела огромная, казалось, из целой лисы, рыжая шапка.

– Интересно, зачем же ему учиться бою? – снова улыбнувшись, с удивлением пробормотал он.

В искренности ученика Фу Шина сомнений не было. Андреевич даже не поставил на землю свои две огромные сумки, в любую из которых можно было без труда упаковать самого Василия. Я рухнул на одно колено выполняя Школьный этикет. Ребята сразу все поняли: отпихнув Лешу, Вася подхватил у Андреевича сумки и, охнув, сразу опустил их на землю.

– Пройдемся, – предложил мастер.

– Пройдемся, – согласился я.

Мы вышли со двора, оставив обалдевшего Васю, который впервые в жизни столкнулся с внутренней энергией. Он отогнал бегающего вокруг сумок Лешу, решив повторить подвиг Андреевича, – занести в дом сразу две сумки.

К Искену шли молча. Заговорить я не отваживался, Андреевич тоже молчал. Когда пришли я остался на кухне, что бы не мешать разговору мастеров. Они разговаривали часа два, потом мы снова с Андреевичем пошли в наш дом.

– Держись, Серый, – сказал возле дома мастер самые прекрасные слова в моей жизни.

Этим вечером у всех был праздник живота, даже горемыка-фотограф каким-то чудом появился в доме.

Утро началось с очереди в маленький, промерзший насквозь туалет, который одиноко стоял посреди сверкающего от ночного

снега огорода. Коварное Чуйское солнце принялось как всегда ненадолго разрыхлять снег и зачем-то бессмысленно греть ледяную землю, а ведь она к вечеру все равно превратится в скользкое зеркало, на котором невозможно стоять. Андреевич пошел к Фу Шину, Татьяна начала заниматься больными, которые пришли из русского района.

– Сережа, – восторженно прошептала ворвавшаяся в комнату жена. – По-моему, нам сегодня заплатят.

– Помощь нужна? – поинтересовался я.

– Да нет, отдыхай, – и Татьяна выскочила за дверь.

Я сидел на кровати и не мог понять, откуда и почему у меня внутри пробуждается животный страх, с которым невозможно бороться. Через какое-то время дрожь в теле начала неудержимо увеличиваться. Еще немного, и я уже был не в состоянии удержать стучащие зубы.

– Да что же это? – громко, с надрывом вырвалось из меня.

Я встал и вышел из комнаты. В доме никого не было, наверное, прошло много времени. Если никого, значит, ребята ушли на тренировку. В большой комнате стоял будильник, оказалось, что просидел на кровати три с половиной часа. Дрожь внезапно пропала, ничего еще не понимая, я выбежал из дому. Холод в долине набирал силу, земля и серое небо начали быстро застывать. Я бежал через огород, как сумасшедший, к старой, черной яблоне. Подбежав, упал, сильно ударившись головой о толстый, покрытый ледяной коркой ствол. За ним на спине, разбросав руки, как неживая, лежала Татьяна. Волосы намертво вмерзли в снег, который уже успел превратиться в твердый лед.

“Сколько же она пролежала? – испугался я. – Неужели поздно?” Обрывая примерзшие к земле седые женские волосы, я поднял Татьяну на руки и снова упал, наступив на что-то твердое. Под моей спиной раздался треск. Не выпуская жену из рук, я оттолкнулся ногой от черного ствола яблони и глянув в бок понял, что на спине не осталось живого места. Я упал на стеклянную бутылку из-под водки. С трудом встав, я потащил Татьяну в дом. В начале огорода, оперевшись на спящий во льду персик, глядя на нас стоял Андреевич. Татьяна казалась очень тяжелой, а может, силы ушли?

Я тащил ее в дом, через высокий порог, он оказался действительно высоким. На пороге ухитрился упасть еще два раза. Тяжелая, холодная и совсем неживая. Как ненавидал тогда эту неживую девочку! Бросил на кровать и ударил по лицу в отчаянии и бессилии. И сразу пришел в себя.

Вот тебе – эта правда, о которой говорил Фу Шин. Ням научил быть воином, а Северо-тибетский Патриарх учил быть челове-

ком, кунг-фу у него шло после. Фу Шин жил среди людей. До меня дошло, что два Учителя учили единому, а я обычный бездарный ученик. Так что же я дал тебе, девочка, тебе, самому близкому человеку?

Правду? Она прибила тебя и хочется верить, что не на смерть. Свою любовь, а чего она стоит с этой правдой?

Я не обманывал тебя, ну и что? Я не предавал тебя, ну и что? Ты лежишь замерзшая и неживая. Я, а не кто-то другой, вложил в твои руки топор дровосека, вот и занимаешься ты не своей работой.

Я укрыл Татьяну всеми одеялами, которые были, потом сбросил их и ударил ее снова, и снова укрыл.

Кто я? Правда – это сила небесного меча, разрубающего все пополам. Я стремился к правде, убивая то, к чему стремился. Я не скрывал от жены ничего. Я не мог и не хотел скрывать, я забыл, что она тоже живая.

Правда – разрубающий все небесный меч. Я не мог больше думать, я не мог даже дышать.

Кто спас на этот раз – не знаю. Мое тело вздрогнуло, обмякло и затихло возле Татьяны. Я смотрел на двух далеких и самых родных детей, они лежали прижавшись к друг другу трогательные и смешные. Да, эта жизнь на земле очень сложная, эта жизнь на земле похожа на бесконечную зубную боль.

Я парил над ними, родными и не совсем желанными, глупыми и смешными, почти героическими в своей безумной борьбе. И только через мгновение стало понятно, что я над Татьяной и над собой, что я гляжу на родное и на такое ненужное. Эти два измученных тела были понятны и неприятны, в них была только одна слабость. Я был над собой, а значит – это первый полноценный выход в астрал. Наконец-то получилось, радость и отчаянье, жалость и скорбь – все смешалось.

Вот оно – состояние покоя. Я имел все, и это сделало меня понимающим. Еще я знал, что сейчас войду в свое уставшее тело, но уже буду другим, может, именно это и поможет жить дальше, жить Школой. Я понял, что был наивен и что ошибки прошлого – это моя выдуманная глупость, которая пыталась украсть настоящее вместе с будущим. Раздался резкий хлопок, я снова вошел в свое издерганное тело. Сон впервые за долгое время накрыл спокойным покрывалом.

Мне показалось, что прошло мгновение, но усталость отошла. Татьяна была жива, она улыбалась во сне. В коридоре ждал Андреевич. Когда я вышел, он, улыбаясь, направился ко мне.

– Ну вы, Серый, и спите, – от души удивился мастер.

– А что, долго? – поинтересовался я.

– Что ты, совсем недолго, всего лишь двое суток, – усмехнувшись, ответил Григорий Андреевич. – Еще пришлось Сашку отгонять от твоей двери, представь себе, – дело нелегкое. Ты хоть еще помнишь такую? – с оттенком злобы спросил Мастер.

– Помню, мастер, – признался я.

Андреевич немного помолчав, вдруг очень больно схватил меня за плечо.

– Ну как, дальше думать будешь? – спросил он.

Что я дал тебе, девочка, кроме топора дровосека? Ты ни разу не говорила мне, что счастлива или что хочешь жить дальше. Но ты жила все это время, жила до этого дня. Я понял, что сделала ты, – просто решила уйти. Самая легкая смерть. Душа вышла из измученного тела, радуя демонов, и потом начала уходить навсегда, благодаря целой бутылке водки и остывающей крови.

А как же я? Я мог бы сказать, что ты не выдержала Школы, что ты оказалась слабой и никчемной. Мне б сразу все поверили, а что бы я сказал себе? И эта вечная мысль: ну почему же ты не помогаешь мне? И сразу же другая: а почему ты должна это делать? Кто взял тебя, кому ты отдала себя и для чего? Я знаю, ты всегда хотела забрать меня от всего мира. Милая, это невозможно, но женщины не умеют по-другому. А мы разучились быть мужчинами.

Я видел в тебе мать, я был до безумия слаб, но поверь, девочка, только по отношению к тебе. А может, женщина и должна быть такой? Так кем же должна быть хрупкая и нежная женщина? Сколько не думаю, в результате всегда возникает одна мысль: вдруг я не воин или, не дай Создатель, даже не мужчина?

Я отшатнулся от Андреевича и вышел из дому. В свитере, несмотря на его толщину, было все равно холодно. Коварное солнце уже давно спрятало свою зимнюю силу, которую отдавало на короткие часы. Холод приходил с быстрым ветром, они вдвоем скатывались с вершушек Тянь-Шаня, вмерзших намертво в застывшее серое небо.

Перед тонкими, неглубокими арыками, сплетающимися в небольшое озерцо, стояла Саша.

– Кого ты ждешь, черноглазая? – спросил я легко одетую и дрожащую девочку.

– Тебя, – прошептала девушка.

– Зачем?

– Наверное, так нужно, – мудро ответила она.

– И что будем делать? – еле прошептал я.

Саша крепко взяла меня за руку и повела за собой.

Откуда эта невероятная сила? Раскосая, красивая, гибкая и сильная. Придуманная то ли самим Космосом, то ли сходящими с ума от усталости воинами.

Мы шли так долго, что я полностью окоченел. Еще немного и Тянь-Шань будет совсем рядом, а мы идем и идем. Тело застывало и не слушалось. Огромная верблюжья шкура, брошенная прямо на снежные кристаллы. Саша отогнула край, и я увидел глубокую черную дыру.

– Узнаешь? – девчонка сильным движением подтолкнула меня к краю норы.

– Нет, – ответил я.

– Здесь жили твои ребята, когда работали на луке.

У Саши нашлась свеча и спички. В глубокой дыре было нехолодно, в центре – груды верблюжьих одеял.

– Сейчас буду прощаться с тобой, – твердым голосом объявила Александра.

Я не спорил с ней, ведь это – ее мир. Откуда было взять силы на споры с черными глазами, родившимися в священной Чуйской долине? На мой язык с ее теплых пальцев скользнул шарик горького опия. Тяжелая волна с запахом дыма, сухого винограда, старой дыни и молодого женского тела, смешанного с верблюжьей шерстью накрыла меня, утащив куда-то в таинственную горячую глубину, внезапно открывшуюся у самых ног древнего Тянь-Шаня. Саша просталась со мной. Прощание, горькое от опия и сладкое от тепла женского тела.

В землянке пусто и темно. Предгорье было залито ярким солнцем. Дом принял меня, как будто ничего не случилось. Я поздоровался с Татьяной, разговаривать не хотелось. Все пока еще были живы.

– А где Андреевич? – спросил я у жены.

– Там, – она махнула рукой в сторону огорода.

Мастер, широко раскинув руки делал упражнение. Рядом стояла мокрая от солнца черная яблоня.

Саша оказалась права: после нашей последней встречи время для меня остановилось. Больше чем на месяц мы с Андреевичем ушли в постижение Школы. Я спрашивал, спрашивал и спрашивал, а мастер терпеливо все объяснял. Пугающие и очаровывающие знания. Сделал неправильно упражнение – не случилось ничего. А ведь есть упражнения, сделал неправильно и оборвались сухожилия!!! Это рассказывал мне сам Фу Шин.

А Андреевич рассказал старую Тибетскую легенду. Много тысяч лет прошло, а эту легенду передают и по сей день. Учителя с почтением рассказывают ее ученикам.

Древние записи погибли, то ли какой-то обвал или еще что-то. Но старый тибетский патриарх по какой-то причине долго не умирал, и поэтому еще не пришло время передавать главное сокровище Школы. И вот потеряны знания, патриарх плохо помнил

их. В этой жизни держали его ссоры тщеславных учеников. И все же нашлись такие, которые согласились на несколько вариантов, вырванных из ослабевшей памяти Учителя. Сто учеников. Из всех вариантов правильным оказался один (разве могло быть по другому?) и только десять живых мастеров.

Мы с Андреевичем тренировались, разговаривали и снова тренировались. Я вздрагивал по ночам и просыпался счастливым. Меня уже совсем не интересовало, почему рядом нет ребят и где они. Больше месяца почти без сна, больше месяца ничего, кроме Школы.

Однажды утром я встретился в коридоре с Андреевичем, в глубине его глаз затаились незнакомые искры.

– А ну, пошли, – усмехнувшись и толкнув меня в грудь, сказал мастер.

Мы зашли в пустую комнату. Андреевич сделал несколько движений, сделал еще и вдруг исчез. Его не было всего лишь мгновение, но его не было! Движение снова – и снова пропал, появившись только через мгновение. Отныне Андреевич владел одним из высших качеств воина. Поклонившись Мастеру, я выполнил перед ним полный этикет признания и уважения. На моих глазах друг и Учитель с одной ступени шагнул на другую – это была выстраданная ступень верховного воина. Чуйская долина вспыхнула от новой, только что рожденной, светлой силы.

Мы поклонились друг другу, и аэродром узким проходом проглотил моего друга и Учителя. Андреевич оставил меня с самим собой, – значит, так было нужно. Прошел еще месяц, и еще. Время остановилось, и я понял – на этот раз долина ничего больше не отдаст. Ребята медленно умирали, нужно было что-то решать.

В дом забежала пушистая от снега Джисгуль.

– Папка зовет, – грустно сказала девочка, и я увидел в ее глазах уходящую от меня Азию. Я шел, прощаясь с долиной, подарившей мне жизнь и надежду. Я не хотел видеть никого, кроме Фу Шина.

– Пора ехать, Сергей, – улыбнулся Патриарх. – Приезжайте, я всегда буду ждать вас с Гришей. Приезжайте, – повторил он.

Я упал на одно колено, выполняя священный этикет.

– Приезжай, – снова повторил, стоя надо мной Фу Шин. – Может быть, расскажу что-нибудь еще.

– Приеду, – ответил я, не сдерживая слезы. – Потому, что видел в долине лето, осень и зиму, но не видел весну.

Фу Шин тихо рассмеялся.

– Учитель, можно я напишу книгу о том, что видел в долине?

– Пиши, – согласился Фу Шин. – Но помни, что все это видел только ты один, другие видели другое.

Я встал и поклонился.

... Дрожащий белый экран, окно в поезде. Белая, без горизонта пустыня. И только лишь иногда, низко нагнув головы, на половину утонувшие в снегу, длинногривые лошади. Они кажутся брошенными, но это не так. Только бы дотянуть к своему дому, только бы не умереть в ледяном поезде, только бы не сойти с ума от памяти.

5 января 1999 год.